

КРИМ • КЪЫРЫМ КРЫМ

1 [32] 2013

Литературно-художественный журнал

В номере

- Проза
 - Поэзия
 - Гость журнала
 - Литературоведение
 - Из воспоминаний
 - Критика
-

- Проза. Переклади
 - Поезія. Переклади
 - Літературознавство
 - Гість журналу
-

- Несир
 - Назм
 - Классик эдебиятымыздан
 - Терджимелер
 - Эдебиятшынаслыкъ
 - Бекир Чобан-заденинь
120 йыллыгына
-

КРИМ • КЪЫРЫМ

КРЫМ 1^[32] 2013

Литературно-художественный журнал

Симферополь

Крым

КРЫМ

КРЫМ

Главный редактор **Валерий Басыров**
Заместитель главного редактора **Вячеслав Килеса**

Редколлегия: **Аблязиз Велиев, Михаил Вишняк, Валерий Воронин,**
Даниил Кононенко, Дилявер Османов,
Виктор Стус, Риза Фазыл, Борис Финкельштейн

Дизайн обложки — *Александр Иванченко*

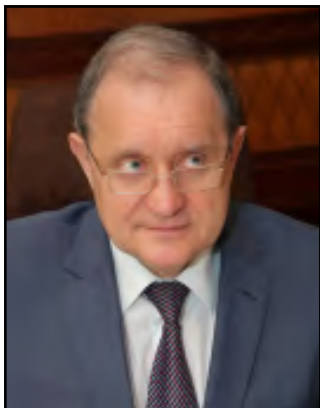
Формат 70x100 ¹/₁₆. Бумага Munken 90 ^г/_м².
Печать офсетная. Усл. п. л. 23,22

Издатель: КРО НСПУ

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации: серия КМ № 3171-1823 Р от 26 декабря 2012 г.

Отпечатано на полиграфическом оборудовании ЧП «Эльиньо»:
95006 г. Симферополь, бульвар Ленина, 5/7

**Приветственное слово
Председателя Совета министров
Автономной Республики Крым
Анатолия Могилева
для «Литературно-художественного журнала
Крым»**

Дорогие друзья,
уважаемые литераторы и читатели!

От имени Совета министров Автономной Республики Крым и от себя лично поздравляю вас с выходом возрожденного «Литературно-художественного журнала Крым».

Во все времена культура и духовность были неотъемлемой частью развития общества, воспитания толерантности, сохранения мира и стабильности. Значение культуры особенно велико для полиэтнического Крыма. Только в условиях межнационального согласия и консолидации общества мы можем успешно развивать

Крым как экономически самодостаточный, благополучный и процветающий регион.

Важнейшая задача — создание равных условий для развития языков, литературы и традиций всех народов, проживающих на территории полуострова. Поэтому возрождение литературного журнала «Крым», который выходит на русском, украинском и крымскотатарском языках, безусловно, важное событие для всего крымского общества.

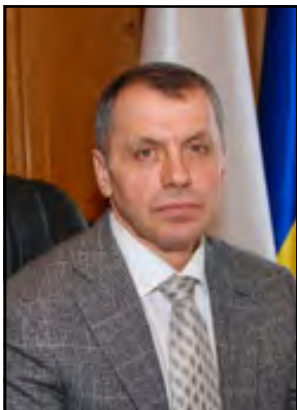
Я благодарен авторам, редакторам, членам и руководству Крымской республиканской организации Национального Союза писателей Украины. Ваш труд, инициативность, любовь к творчеству и родному краю позволили возродить «Литературно-художественный журнал Крым». Убежден, он объединит вокруг себя ценителей литературы всех национальностей, станет популярным и востребованным среди крымчан. В свою очередь, Совет министров будет и впредь оказывать помощь и содействие в развитии языков и литературы народов Крыма.

Желаю авторскому и редакторскому коллективам неиссякаемого творческого вдохновения, успехов во всех благих начинаниях, а читателям — интересных произведений на страницах «Литературно-художественного журнала Крым».

*Председатель Совета министров
Автономной Республики Крым
А. МОГИЛЕВ*

КРЫМ 1.2013

**Приветственное слово
Председателя Верховного Совета
Автономной Республики Крым
Владимира Константинова
для «Литературно-художественного журнала
Крым»**

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляю Вас с воссозданием альманаха «Крым», который с этого года будет выходить как литературно-художественный журнал. Это является значительным событием в культурной жизни нашей республики.

Первый номер журнала вышел в далеком 1948 году. За четырнадцать лет издания каждый из 32 его номеров становится настоящим событием для крымских писателей, поэтов, для всех наших земляков, которым было небезразлично литературное творчество. Символично, что новый журнал имеет сдвоенную нумерацию. Номер 1 это первый номер нового журнала, а номер 32 подчеркивает преемственность лучших традиций альманаха «Крым».

Абсолютно уверен, что новый литературно-художественный журнал наследует богатые литературные традиции своего предшественника, объединит вокруг себя не только представителей творческой интеллигенции, но самый широкий круг читателей, станет значимым фактором в воспитании и становлении молодых литераторов нашей многонациональной автономии, тем более, что он будет издаваться на трех языках.

Надеюсь, что «Литературно-художественный журнал Крым» в короткий срок станет авторитетным изданием, известным не только на крымской земле и в Украине, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of several fluid, connected strokes.

*Председатель
Верховного Совета
Автономной Республики Крым*

В. КОНСТАНТИНОВ

**Приветственное слово
Постоянного Представителя
Президента Украины в
Автономной Республике Крым
Виктора Плакиды**

для «Литературно-художественного журнала Крым»

Уважаемые друзья!

Примите искренние поздравления в связи с выходом первого номера, восстановленного «Литературно-художественного журнала Крым»!

Благословенная крымская земля славится своей многонациональной палитрой, самобытностью традиций населяющих ее народов, для которых развитие литературы на родном языке является неотъемлемой составляющей сохранения национальной идентичности и приумножения духовного наследия.

Трудно переоценить значимость выхода в свет издания, где публикуются произведения на русском, украинском и крымскотатарском языках. Безусловно, это — событие общественно-политической и социокультурной жизни автономии.

Выражаю искреннюю признательность авторскому коллективу и редакционной коллегии журнала, а также председателю Крымской Республиканской организации Национального Союза писателей Украины Борису Григорьевичу Финкельштейну за воплощение в жизнь идеи восстановления издания «Литературно-художественного журнала Крым», который будет служить идеалам гуманизма, добра и дружбы между народами.

От всей души желаю всем вам жизненной стойкости и силы, дальнейших творческих успехов, любви читателей, достижения намеченных целей и новых свершений в вашем благородном деле.

С уважением,

*Постоянный Представитель
Президента Украины в
Автономной Республике Крым*

В. ПЛАКИДА

Толерантность бытия

Уважаемые читатели и члены Редколлегии, в наше время слово толерантность прочно вошло в повседневный лексикон. Мы воспринимаем его смысл как терпимое отношение к чужому мнению. Многие пытаются манипулировать этим понятием. Но, как это ни парадоксально звучит, толерантность — это не только отношение, но и активная жизненная позиция. А значит, то что противоречит основным общечеловеческим ценностям не может восприниматься терпимо. Мы должны достигать гармонии в единстве и уникальности в разнообразии. Крайне важно для творчества не только

общение культур, но и культура общения. Именно это определяет уровень морального и демократического развития общества. Для полиэтнического Крыма, уникального региона нашей страны, это особенно значимо.

Я уверен, что «Литературно-художественный журнал Крым» станет заметным явлением в литературной, общественной и духовной жизни автономии. Много изменилось с тех пор, как прекратилось издание Альманаха Крым (1948–1962 г.г.), идеи которого мы собираемся продолжать в нашем журнале, но неизменным осталась высокая творческая планка крымской литературы, сопричастной к слову, на каком бы языке оно ни звучало, трогающей сердца, заставляющей переживать и думать. Желаю журналу увлеченных читателей и талантливых авторов. А нам литераторам необходимо помнить, что мораль должна быть и целью, и следствием настоящей художественной литературы. Уверен, что в недалеком будущем, писатели будут гордиться тем, что печатались в новом и одновременно возрожденном «Литературно-художественном журнале Крым».

С уважением,

A handwritten signature in dark ink, appearing to read 'Б. Г. Финкельштейн'.

*Б. Г. Финкельштейн,
председатель Крымской
Республиканской организации
Национального Союза писателей Украины*

Лидия ОГУРЦОВА
(г. Симферополь)

Поэт, прозаик, журналист, психолог. Член Национального союза писателей Украины, Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры АРК, главный редактор журнала «Литературный детский мир». Автор 20 книг. Лауреат литературных премий.

ФЛАГ

Флаг Крыма поднимается
Под гимн в родной стране,
Три цвета развеваются
На древке в вышине.

Синеет тонкой ленточкой,
Как моря полоса,
Как юбочка у девочки,
Как мамыны глаза.
Под нею нежным облаком
Чистейший белый цвет —
Весну напоминает мне,
Подснежников букет.
А ниже — будто солнышко,
Раскрасив небеса,
Зарею загорается
На флаге полоса.

Флаг Крыма поднимается
К небесной вышине,
И Солнце улыбается
Над ним тебе и мне.

* * *

Шоссе из солнечных лучей
И лес в голубоватой дымке,
И южный аромат ночей
Качается на глади зыбкой.
Играя парусом, волна
Кокеткой ветреной порхает.
И ты — один, и я — одна,
И ночь без милого вздыхает.

КОНСТИТУЦИЯ СТРАНЫ

У человека есть права:
Свободно мысль облечь в слова,
Есть право — Родину любить
И в церковь с бабушкой ходить.
Язык родной свой изучать,
На нем читать, на нем писать.
Есть право — в Раду выбирать,
На выборах голосовать.
В законе не одна глава,
Чтоб защитить людей права.
И кто бы ни был у дверей —
Татарин, русский, иль еврей,
Пред конституцией страны —
Все люди братья, все равны.
Гарантом права — президент
Был избран, дав на то обет.
Как символ верности храним
Мы в сердце флаг наш, герб и гимн.

КРЫМСКАЯ ОСЕНЬ

У осени свои причуды,
Своя увядшая краса.
И как заплаканное чудо
Блестит на веточках роса.
У осени свои печали,
Свой запах прелого листа.
И в утренней туманной дали,
Дымок забытого костра.
У осени свои тревоги,
В багрянец убраны леса,
В шуршащем золоте дороги
И в нежной дымке небеса.

КРЫМ 1.2013

Я — КРЫМЧАНИН!

Ночь наступила, и в теплой постели
 Три малыша спят в своей колыбели.
 Трем малышам мамы песенку пели,
 Три милых носика дружно сопели.
 «Спи, моя зіронько, в чарівнім сні,
 Море співає для тебе пісні»
 Баюшки-бай, баюшки-бай,
 Спи, мой хороший, скорей засыпай.
 «Ќъырлар ятты, байырлар юкъялды»*.
 Баюшки-бай, баюшки-бай,
 Спи, мой хороший, скорей засыпай.
 Кто же те дети, они англичане?
 Или в кроватках уснули датчане?
 Шведов, французов ли мамы качали?
 Нет, малыши эти наши — крымчане!
 Крымом родная земля их зовется,
 И в колыбельной о Крыме поется.
 Крым, как и Солнце, один в этом мире,
 Крым — это степи в шуршащем ковыле,
 Крым — это пики вершин в поднебесье,
 Крым — это море, поющее песни.
 Родина нам дана только одна,
 Пусть будет счастлив здесь каждый сполна!
 Разные мамы у детской постели
 Песни о Родине ласково пели.
 Под одеяльцем, в своей колыбели,
 Три милых носика дружно сопели.

* Горы уснули, вершины их спят,
 Глазки закрыты у наших ребят».
Перевод с крымскотатарского.

Гурзуф и Пушкин

Ночь опустила покрывало
 На суету хмельного дня,
 И одиночество мерцало
 Звездой небесного огня,
 И чудилось, что в старом доме
 Под скрип певучих половиц
 Скользит в божественной истоме
 Душа, сквозь мрамор чьих-то лиц.
 Волшебный край, край наслажденья
 К себе по-прежнему манил,
 И каждый год дух в день рожденья

На побережье приходил.
 В тот старый дом, в Юрзуф у моря,
 Где новую любовь узнал,
 Где счастлив был, где, с ветром споря,
 Стихи у берега читал.
 Юрзуф, Юрзуф — здесь Пушкин.
 Рядом
 Его мятежный страстный дух.
 И «сладкий шум» окинув взглядом
 Поэт приветствует Гурзуф!

Нузэт УМЕРОВ
(г. Симферополь)

ПРОЗА

9

Родился 13 ноября 1931 г. в г. Симферополе. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Автор многих сборников стихов и прозы для детей и взрослых.

Академик Крымской литературной академии.

БЕЙБАРС — СУЛТАН ЕГИПТА

Роман

Его звали Бейбарс Эль Малик Эд-Дагер. Он был султаном Мисра, султаном по прозвищу Абуль Фаттах — отец победы...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Салих Наджим ад-Дин Айюб — султан Сирии и Египта 1240–1249
Муаззам Туран-шах Айюб — султан Сирии и Египта 1249–1250
Шаджарат ад-Дурр (Фатима) — султан Египта 1250
Муизз Ойбек Туркмони — султан Египта 1250–1257
Мансур нур ад-Дин Али — султан Египта 1257–1259
Музаффар Сайф ад-Дин Котуз — султан Египта 1259–1260
Захир Руки ад-Дин Бейбарс — султан Египта 1260–1277
Насир Салах ад-Дин Йусуф — султан Сирии и Халеба 1250–1260
Ахмед-Аббас Абдул Мустансир — халиф Египта 1260–1295
Саид ад-Дин Берке-хан — султан Египта 1277–1279
Мансур Сайф ад-Дин Калаун — султан Египта 1279–1290
Хулагу (внук Чингисхана) — ильхан Синей орды
Берке (внук Чингисхана) — хан Золотой орды
Иннокентий IV — папа Римский
Людовик IX — король Франции
Робер д*Артуа — великий магистр тамплиеров Франции
Зейнур ад-Дин Булгари — секретарь Бейбарса
Гийом Шатильонский — рыцарь

КРЫМ 1.2013

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРЕСТОНОСЦЫ

*1248 год от Рождества Христова
646 год Хиджры*

ТАРСУС

Утром теплого безоблачного дня, пожалуй, никто, кроме дремлющего в тени таможенника, не обратил внимания на легкую стремительную джалбу*, выпорхнувшую из-за горизонта. Описав полукруг, она прильнула пухлой щекой к свайному причалу. Уже по тому, как джалба причалила, таможенник понял, что судёнышко без груза, что поживы тут не будет и потому не тронулся с места. Двое чернокожих матросов вытолкнули трап, и на берег Тарсуса сошел мужчина, одетый так, как обычно одеваются торговцы средней руки. Пока таможенник, смежив веки, рылся в памяти, где и когда он видел это смуглое, тронутое оспой лицо, мужчина исчез, растворился в теплом призрачном мареве.

Приезжий напрямик направился на рыбный рынок. Он неспеша шел мимо лотков, корзин, тележек, прилавков, наполненных щедрыми дарами моря. Чего тут только не было: сельдь, скумбрия, анчоусы, кефаль, корифен, тунцы, пеламида, ставрида, нанизанные на тонкие длинные прутья бычки, морская собака губана, крабы и лангусты, кальмары, белобрюхий тюлень, морская черепаха. И к этому щед-

рому богатству моря уже спускались из города женщины с корзинами, сумками, ведрами и коробками, направляясь каждая к своему рыбаку, своему торговцу, у которого можно было сделать покупку и в долг, и за звонкую монету.

Приезжий смешался с этим говорливым потоком, не обращая ни на кого внимания, пока не уловил чутким ухом голос за спиной: "Это тот самый Абдулла, отец прекрасной Фатимы... Говорят, солнце и луна блекнут перед её красотой. Если всевышний прольет на него еще толику своей безграничной щедрости, то быть этой пэри женой самого султана...". Приезжий оглянулся и выхватил цепким взглядом того, о ком шла речь. Он дёрнул усом, убирая с лица ухмылку, и подумал, что в сказанном должна быть доля истины, ведь не зря говорят: "Если Всевышний, узрев с высоты своё божественное творение, сказал "а", то что стоит ему сказать и "б". Так говорили в древнем Тарсусе, а потомки тех мудрых небожителей всегда верили в звезду своего города. Ведь дал же он миру целителя Лукмана, имя которого навечно осталось в сказаниях и легендах.

Но Тарсус есть Тарсус... Он, как и весь подлунный мир, разделен на две равные половины: ту, которая свято верит в народную молву, и ту, которая всегда сомневается в услышанном. Никто из мужчин Тарсуса, истинных ценителей жен-

* Ал-джалба — большая барка или гондола, сделанная из досок, соединённых верёвками из нитей кокосовой пальмы

ской красоты, не видел собственными глазами прекрасной Фатимы, а доверять женским языкам опасно и грешно... Что если родители девушки, в надежде получить богатые подарки, сами щедро одарили болтливых свах, и те разнесли молву по городу и его окрестностям? Впрочем, приезжий постарался отогнать беса, который нашептывал ему эту въедливую мысль. Впервые о Фатиме, дочери Абдуллы, он услышал в Александрии от своего знакомого персидского купца, ведущего торговые дела с Тарсусом. Он тогда же, не откладывая этого важного для себя дела, направился на оружейный рынок Александрии, где без труда нашел лавку с изделиями из Тарсуса. Он вошел в лавку и долгим внимательным взглядом истинного ценителя окинул полки, обтянутые дорогой тканью, где лежали ножи, кинжалы, сабли, мечи, выбрал самый дорогой клинок и спросил, чьей он работы. Хозяин лавки поднял на покупателя удивленные глаза: "Вам никогда не приходилось держать в руках изделия знаменитого мастера из Тарсуса Абдуллы?". Вот тогда Багой, так звали перса, решил, не медля, направиться в Тарсус.

* * *

Неизвестно, какое название носило бы поселение на берегу Средиземного моря, не возмутись фараон XIX династии Усер-маат-Ра-сотен-ен-Ра, которого для удобства более кратко так же величали Рамсесом Вторым, воинственными хеттами, то и дело вторгавшимися в пределы его державы. Фараону это надоело, он принес богу Ра положенные жертвы и выступил в поход. Его боевые колесницы гнали хеттов до тех пор, пока кони не выбились из сил. "Ка-

жется, я достиг видимого края земли", — подумал Рамсес, увидев бежавших навстречу ему поселян с дарами в руках. Люди пали ниц перед золотой колесницей фараона и возвели руки к солнцу. Они показывали на Рамсеса, на светило, готовое погрузиться в море, и кричали, грозя кулаками в сторону гор, куда бежали хетты. Никто из приближенных фараона языка местных жителей не знал, а те продолжали жестиковать и выкрикивать что-то нелестное в адрес своих бывших порабощенных.

"О, сын бога Ра, солнцеликий и вечный! — склонился в поклоне один из жрецов-воителей, сопровождавших фараона в великом походе, — мне кажется, они благодарят бога Ра и тебя, сына его, за избавление от хеттов и умоляют о, солнцеликий и вечный, включить их земли в состав твоей великой державы!"

Рамсес Второй, он же сын бога Ра, он же Усер-маат-Ра-сотен-ен-Ра, выхватил из рук слуги золотое копьё, начертал на земле круг и, трижды обернувшись, метнул его к краю земли. Когда копьё фараона завершило свой стремительный полет и вонзилось в землю, воины подняли щиты и трижды ударили копьями по бронзе — "тарс! тарс! тарс!". И тогда солнцеликий и вечный повелел: "Пусть там, где вонзился в землю золотой луч бога Ра, будет возведена каменная стена — тарс, которая защитит жителей селения от кровожадных хеттов". И еще повелел солнцеликий и вечный выделить для возведения каменного тарса серебра и рабов, а для охраны крепости оставить пришедшие в негодность колесницы, дабы их грозный вид напоминал хеттам, кому принадлежит отныне эта земля на краю видимого мира.

"Тарс!" — возвестил жителям поселения волю фараона жрец. "Тарс! Тарс! Тарс!" — радостно закивали они головами и в благодарность за милость, оказанную им самим сыном бога Ра, подвели к его колеснице самых красивых девушек селения. Это был первый случай, когда они по доброй воле дарили своих красавиц, ибо жрецы хеттов силой забирали малолетних девственниц и приносили их в жертву своим богам.

Что касается фараона Рамсеса Второго, то, вернувшись в Мемфис, он повелел зодчему, возводившему царскую пирамиду, высечь на одной из плит его божественное изречение: "...И, наказав высокомерных и жадных до чужого хеттов за покушение на священные земли наши, я, сын бога Ра, бог и фараон Усер-маат-Ра-сотен-ен-Ра, жестоко покарал их, прогнав на самый край земли до крепости Тарс".

Шли века, время убыстряло свой бег, менялся лик матери-земли, так как беспокойные дети Адама и Евы, отправившись в очередной поход, забывали вернуться на свою землю, а ту, что завоевали, застраивали новыми городами и селами, но плита со словами, высеченными на камне, сохранилась, напоминая многочисленным внукам и правнукам Адама и Евы волю сына бога Ра, солнцеликого и вечного Рамсеса Второго.

На востоке любят повторять: "Угодное Богу дело не должно оставаться единичным, оно должно повторяться два, три и еще много раз". Второй раз жители города Тарс дарили своих красавиц царю персов Дарию Первому Ахемениду, шедшему во главе непобедимого войска завоевывать богатые города эллинов. То, что число 3 священо и обладает волшебными свойствами, известно со дня сотво-

рения мира. Также нам ведомо, что Бог сотворил землю за шесть дней. Шесть — это два раза по три. Обе половины здесь равнозначны: хорошее начало предвещает благополучный конец. "Хороший конец, — говорят в народе, — всему делу венец".

Третий раз жители Тарса дарили девушек самому Александру Македонскому. Искандер Двурогий выдвоял персов с прекрасных берегов Средиземного моря. Главная дорога в те времена проходила вдоль берега, через ущелье, которое называется Киликийскими воротами. Киликийские ворота — это узкий каменный каньон шириной в несколько метров. Высота его отвесных стен достигает сотен метров. Как известно, в каньонах нередко дуют пронизывающие ветры, причём, дуют в обе стороны — туда и обратно. Именно по этой дороге преследовал персов Александр. Мудрый целитель Лукман в своё время предупреждал, что сквозняки, которые веют даже в полсилы, могут выдуть из человека всё его здоровье. Так и случилось. Едва Александр со своей армией дошел до Тарса, как его свалил тяжкий недуг — воспаление легких. Все воины македонской армии были в тревоге за его здоровье. За дело принялся личный лекарь семьи Македонских — Филип. В помощь ему правители города прислали самых красивых и самых искусных девушек — жриц храма богини Иштар. Мудрому Лукману принадлежат слова о том, что волшебные руки женщин лучше всякого лекарства исцеляют мужчин.

Александр поправился и вскоре при Иссах, это всего в одном дне пути от Тарса, произошло знаменитое сражение, в котором воины Александра одержали верх над ар-

мией Дария Ахеменида, в три раза превосходившей их по численности, что ещё раз подтвердило магическую силу числа 3.

Славу о красивых и искусных девушках Тарса воины Александра Македонского разнесли по всему свету. О тарских девушках были наслышаны и римляне. Когда по дороге, проложенной Александром к богатым землям Сурии и Мисра, устремились их легионы, то путь лежал через всё тот же Тарс, или, как его называли римляне, Тарсус, прибавив к слову Тарс латинское "ус". Видно, слово "тарс" всё время напоминало им частые удары тяжелых мечей о щиты, а звук, который вечно звучит в ушах, иногда здорово надоедает.

Римский полководец Антоний, завоевав Миср, был пленен красотой и величием египетской царицы Клеопатры. Он женился на ней и решил повезти её в Рим, дабы патрицианки Вечного города, считавшие себя самыми пленительными созданиями в мире, увидев Клеопатру, перестали зазнаваться. О том, что Антоний и Клеопатра проедут через их город, купцы Тарсуса узнали от купцов Александрии. За несколько дней на въезде были возведены величественные "Ворота Клеопатры".

На золотой колеснице въезжали в Тарсус Антоний и Клеопатра. По обеим сторонам дороги стояли девушки с прекрасными дамасскими розами в руках. Царственная чета несколько дней провела в городе. Во время праздничного пиршества Антоний отдал должное красоте и изяществу девушек Тарсуса и в тот момент, когда рядом не было Клеопатры, поднял кубок, провозгласил тост в их честь и добавил, что пусть мраморное изваяние красивейшей из них украсит место, где сейчас стоит он с кубком в руке.

Как свидетельствуют записи одного из римских историков, девушки Тарсуса сопровождали Клеопатру в Рим, и там во время триумфа в честь побед Антония они с розами в руках шли по обе стороны колесницы, в которой Антоний и Клеопатра стоя, приветствовали жителей Вечного города.

После Антония и Клеопатры по дороге, пролегшей от Рима до Тарсуса прошли легионы Тита Флавия Веспасиана. Они шли в Иудею, восставшую против владычества Рима. Здесь, в Тарсусе, собирал в кулак свои войска Веспасиан, будущий император Рима. Легионеры приводили в порядок оружие, одежду, обувь, устраивали показательные бои, ремонтировали поврежденные участки дороги, строили мосты. Один из таких мостов был сооружен в Тарсусе. Дорогу на окраине города, ту, что вела в Дамаск, в дождливые годы подмывало и уносило в море. По приказу Веспасиана легионеры с помощью горожан соорудили трехарочный мост, каменные устои которого не могли поколебать даже самые бурные потоки. Мост так и был назван "Мостом Веспасиана". Во время торжественных проводов горожане, памятуя об укоренившемся в Тарсусе обычае, подарили Веспасиану семь красивых девушек...

Последний раз о старом и добром обычае тарсусцы вспомнили в 1082 году, когда городом овладел огузский бей Сулейман-хан Куталмишоглу. В числе богатых даров, поднесенных бею, были и сорок девушек. Почему сорок? Местные купцы, водившие караваны до самого Хорезма, знали, что число "сорок" пользуется у огузов большой популярностью.

Это был последний такой дар в истории Тарсуса. Начались кресто-

вые войны, город стал переходить из рук в руки, и со временем обычай забылся, как забывается всё хорошее. Забылась и древняя персидская поговорка: "Когда молчит добрый Ормузд, за дело принимаются злой Архиман и его дэвы"...

КОГДА МОЛЧИТ ОРМУЗД

В самом конце рынка из-за ограды из разноцветных циновок легкий ветерок разносит по всему рынку волнующий ноздри запах жареной рыбы. Внутри, вдоль циновок — каменные айваны, покрытые изрядно потертыми коврами. Любители рыбной кухни сидят небольшими группами. Слышится арабская, греческая, франкийская, турецкая речь. Люди не спеша с аппетитом поглощают вареную, жареную в оливковом масле, запеченную в тесте, в глине, в толстых зеленых листьях лимы, нанизанную на пруты и зажаренную на ленивом пламени очага рыбу. На плоских глиняных блюдах свежeweмытые овощи, на которых блестят бусинки родниковой воды, в соусницах чесночная, луковая, перечная подливы, на плетеных подносах испеченные в золе круглые хлебцы, и над всем этим изобилием, вытянув тонкие шеи стоят кувшины, наполненные холодной водой, шербетом, вином.

Едва гость опустился на краешек свободного айвана, к нему поспешил мальчик с тазиком, кувшином и переброшенным через плечо полотенцем. Посетитель вымыл руки, ополоснул лицо, вытерся, и только тогда мальчишка спросил, какое блюдо господин изволит заказать?

— Скажи мне, сынок, хозяин ваш Гасан жив-здоров?

Мальчишка улыбнулся, опустил голову:

— Дедушка жив-здоров, Он, как и прежде, следит за поварами, чтобы они не пережарили рыбу...

Посетитель положил в ладошку мальчугана монетку, загнул ему пальцы:

— Иди и скажи деду, только тихо, что пришел его давний друг из Мисра.

Через некоторое время из-за перегородки, где стояли жаровни, котлы, мангалы, печи, в которых томились горшочки с супом из морской черепахи, показался грузный старик с подносом в руках. Широко улыбаясь сквозь крашенные усы он опустил перед гостем поднос:

— Твоя любимая рыба, Багой! Где ты столько лет пропадал? Я уже стал подумывать, а не проглотило ли тебя морское чудовище! Рад, что ты жив и старость обошла тебя стороной. Раз ты появился в моей харчевне, значит, нас ждёт интересное и опасное дело. Не так ли?

— У тебя легкая рука, друг мой Гасан, и никакие опасные путешествия нам не страшны. Рад, что дело твоё процветает, что ты такой же толстый и энергичный, как и десять лет назад...

— Пока ты снимал улов с других, не менее богатых рыбой мест, в нашей реке утекло столько воды, что многое позабылось. Женщины Тарсуса успели нарожать новых сыновей, а новые дети — это новые заботы, и старое забылось. Таков человек...

— Говоришь, новые народились?

— И немало. Даже частые войны этому делу не помеха...

— И есть среди них красивые?

— Если б не рождались красивые и стройные, ты, Багой, давно бы умер с голоду!

Гость отведал запеченной в тесте рыбы, отпил глоток вина и только потом, чуть наклонившись к

Гасану, сказал на греческом, тихо, чтобы не расслышали сидящие на соседней супе:

— Есть дело, мой друг, и очень серьёзное... Заказ оттуда, — показал он пальцем в сторону Мисра, — от евнуха очень знатного и богатого человека. В Дамии, в харчевне Борсука мне сказал один из тамошних купцов, что здесь, в саду у какого-то Абдуллы, расцвела роза небывалой красоты...

Гасан проглотил наживку, но дергать лески не торопился. Подумал, пожал плечами, вздохнул:

— Сам знаешь дурную привычку наших горожан — если есть дочь на выданье, весть о её красоте и достоинствах, словно пух, разлетается во все стороны. Тебе нужно навестить старую Мариам...

— Она ещё жива?!

— Что станется с этой старой каргой? Кто-кто, а она точно скажет, стоит ли свадьба стада баранов... — Гасан оглянулся, понизил голос до шепота, — Абдулла, о котором ты говоришь, не кто-нибудь, а шейх ахией-оружейников. У этих хвастунов связи с оружейниками Коньи, Дамаска, Бейрута, Александрии, Эль-Кахиры... А кто такие ахии, ты сам хорошо знаешь... Если твой выбор падет на эту птичку, нужно будет продумать каждый шаг от моей харчевни до ворот дома, где живет этот человек...

Багой налил в чашу вина, осторожно поддел ногтем залетевшую невесть откуда мошку и сказал сквозь зубы:

— Если мы, даст Бог, выполним заказ, то будем обеспечены до пришествия нового слуги дьявола... — Багой кивнул на крестоносца, заглянувшего в харчевню в поисках своего оруженосца.

Если вы считаете, что побывали в славном Тарсусе, но не попробовали целебной серебряной воды из колодца святого Павла, не посетили Бедестан, а в Бедестане просторную лавку оружейников, где на ковре, занимающем пространство от стены до стены, висят ножи, кинжалы величиной от пяди до локтя, мечи, сабли, ятаганы, рукояти и ножны которых украшены драгоценными камнями, дарующими победу над врагом, и камни эти впаяны в удивительные узоры, вырезанные по кости, по плоти твердого, как железо, ливанского кедра — значит вы не побывали в Тарсусе! Даже на лезвиях, выкованных из непревзойденной дамасской стали, Абдулла умудряется сделать надписи, способные на века сохранить имя владельца, запечатлеть выдержку из Корана, способную сообщать руке владельца крепость и твердость. Так вот, если вы не побывали в этой лавке, не обозрели собственными глазами эти сокровища или же побывали, но испугавшись завистливых взглядов, поостереглись извлечь из-за пояса кисет с золотыми динарами и не приобрели оружия, сотворенного волшебными руками Абдуллы — значит вы не были в Тарсусе!

Лавка оружейных мастеров в Бедестане — гордость жителей города. Гордится своей работой и Абдулла, но вершина гордости мастера, её персиковое соцветие и плод — это его подрастающая дочь. Ни одна душа в Тарсусе не ведаёт о том, что гордится он не красотой её, подобной лунному лику в третью ночь полнолуния, лицом, с двумя прозрачно-зелеными, напоминающими сливу в пору созревания глазами, иссиня-чёрными шелкови-

стыми бровями, под которыми, словно изогнутые крылья сокола, ресницы, оттеняющие мраморную белизну овального лица... В тайну его гордости не посвящены даже самые близкие друзья его...

Дом Абдуллы расположен на окраине города, сразу за старой римской дорогой. Еще дед Абдуллы купил заброшенную виллу с развалившимися от времени строениями, возвел новый дом, пристроил к нему мастерскую, разбил цветник, посадил сад, привел в порядок каменную ограду. Дед передал тайны своего ремесла сыну, сын — своему сыну Абдулле. В одном только Абдулле не повезло — сына не дал ему Бог. Две жены у него, пятерых дочерей родили ему жены, но жизнь Бог даровал только одной. "Значит, провинился я перед Господом в чем-то, раз не дал он мне наследника", — сокрушался мастер и уже перебирал в уме родственников, особенно молодых, у кого можно было бы, пользуясь старшинством, взять первенца на воспитание и передать ему секреты мастерства.

Однажды Абдулла застал дочь в мастерской. Малышка с куском уголька в руке увлеченно разрисовывала стены. Чего тут только не было: причудливые деревья, цветы, птицы, звери, гигантские насекомые, бабочки, даже человечек с резцом в руке. В поисках дочери в комнату вошла младшая жена Зулейха. Увидев дочь всю в угольной краске, мать ахнула, вознамерилась отшлепать её, но Абдулла приложил палец к губам... Фатима, довольная проделанной работой, смотрела на родителей глазами, полными радости, в ожидании заслуженной похвалы. Абдулла вспомнил себя мальчишкой, как он, впервые взяв в руки мелок, точно также разрисовал стены отцовской мастерс-

кой. Но он тогда испугался — отец был строг — Абдулла ждал совсем не похвалы. Отец же, глянув на рисунки, улыбнулся, провел по его голове тяжелой шершавой ладонью и сказал всего одно слово: "Машалла огълума!" Абдулла еще раз глянул на разрисованные стены. Разве не повторил этот человечек с резцом в руке его первый детский опыт, воспроизведя эти травы, цветы, деревья? Он подхватил дочь на руки:

— Ах ты, моя маленькая мастерица! Кто тебя этому научил?

— Не знаю, — всхлипнула дочь, размазывая по лицу краску, — мне захотелось, чтобы у тебя стало так же красиво, как у нас в саду...

Так вот в кого вложил Всевышний зернышко таланта! Значит, Бог услышал его молитвы, но сделал всё по-своему. Разве может он, Абдулла, противиться воле Божьей?!

В десять лет Фатима уже была помощницей отца. Она уверенно держала в руке мелки, кисти, резцы. Хватка у нее была твердая, не детская. Она уверенно выводила сложнейшие узоры, переносила их на дерево, на кость, но больше всего любила вырезать. Оставшиеся кусочки складывала в мешочек, потом, когда отец уходил, извлекала их по одному, долго, внимательно рассматривала и бралась за резец. Однажды Абдулла тайком от дочери взял несколько поделок и показал их торговцу сувенирами. Торговец поднял на Абдуллу удивленные глаза:

— Никогда не подумал бы, что Абдулла-усто находит время на такие чудесные игрушки! Что значит настоящий мастер... К чему ни прикоснется его рука, всё обретает божественную красоту. Я заплачу вам за эти игрушки столько, сколько вы скажете...

— Я дарю их вам! — смущенный Абдулла резко повернулся и зашагал прочь.

То, что у Абдуллы подрастает дочь-мастерица, не знал никто. А то, что на выданье красавица-дочь, этого утаить от любопытных женских глаз он не смог. Виною тому была турецкая баня.

МАРИАМ

На рассвете, когда Тарсус погружен в сладкую предутреннюю дремоту, старая Мариам уже не спит. От жесткой циновки ноют кости, немеют руки, ступни ног, но выбираться из-под шерстяного покрывала не хочется. Пока бутылка, спрятанная под седьмой черепицей, была полна звонких монет, Мариам не задумывалась о завтрашнем дне, но всё подорожало, деньги упали в цене, и голодная старость, как костлявое приведение посещало её во сне всё чаще и чаще. Ей даже боязно было достать из-под черепицы глиняную бутылку и удостовериться в том, что роковая черта близка, что от предназначенного не уйти, что в один прекрасный день она вытянется на своем старом потёртом коврике, брошенном на циновку, закроется с головой покрывалом и будет ждать...

Она всё-таки поднялась, переждала, когда звон в ушах утихнет, и с трудом переставляя опухшие ноги, принесла в дом бутылку, зажгла светильник и высыпала содержимое на ладонь. Семь монет осталось... семь. Если отложить на похороны, а ей совсем не хотелось лежать в одной яме с попрошайками, ворами и брошенными женщинами, останется совсем мало. До Навруза дотянет, а потом? Когда-то она считалась самой искусной,

самой удачливой свахой в Тарсусе. Сколько молодых было связано в тугой семейный узелок её умением и настойчивостью. Многие из них живут в достатке и согласии, Бог послал им и детей, и внуков... Но ни один из них не придёт к её порогу и не постучится в скрипучую дверь... О Господи, Господи! Где твоя справедливость?

Она погасила светильник,глянула в прорезь окна, где, как негасимое око Господа, виднелась яркая звездочка. Мариам подавила в себе возмущение и, не размыкая сухих озябших губ, прочитала молитву. Едва она произнесла привычное "аминь" и опустила ладони, послышался осторожный стук. Она насторожилась. Может ей это почудилось? Стук повторился. Мариам торопливо спрятала монеты под циновку и поспешила к двери:

— Какой шейтан указал вам дорогу к моему порогу? Кто вы такие? Если грабители, то найдете здесь мешок со старыми костями, если добрые люди и пришли узнать, жива ли я, смело входите.

Вошли двое в тёмных накидках. Гасана она узнала сразу. Он положил на стол узелок с жареной рыбой, хлебом, овощами, фляжку с вином:

— Как видишь, я догадался, что ты проела все свои старые запасы. Глотни вина, подкрепись и выслушай, зачем мы к тебе пришли.

Откинул капюшон и второй гость. Теперь, когда в узкую прорезь окна просочилась полоска рассвета, она пригляделась и узнала перса, рябого Багоя. Мариам сразу ожила. Если этот ночной демон появился в их городе, значит, запахло приличным заработком. Так она подумала и, внимательно выслушав гостя, сказала:

— Если вы хотите, чтобы удача

улыбнулась нам, как и в прошлый раз, спешить негоже. Гасан прав, нужно убедиться, что товар созрел и выглядит, как полная луна. Риск большой, но, я думаю, он себя оправдает. Если дело сорвётся, и мы попадём в руки ахиев, нас живьем зашьют в мешки и вышвырнут в море на глазах жителей Тарсуса. Еще не все забыли...

— Что ты предлагаешь? — перебил её рябой.

— Дайте денег и не торопите меня. Я должна купить себе личную одежду, чтобы не стыдно было показаться на людях. Нужно побывать в бане, увидеть эту пэри собственными глазами. Вот тогда мы с вами и решим, достойна ли она золотого ложа...

Когда мужчины вернулись в дом Гасана, Багой сбросил с себя пропитанную влагой морского тумана накидку и покачал головой:

— Ну и нюх у этой старой карги, на сто шагов вперед чувствует запах золота... Если "сватовство" пройдет удачно, её нужно будет убрать. Она опасна. Будут искать — на нее выйдут обязательно...

— Я тоже об этом подумал, — согласился с гостем Гасан.

* * *

Незадолго до праздника, в пред-рассветный час Мариам услышала условный стук и поспешила к двери. Она впустила гостей в дом, завесила прорезь окна и зажгла светильник. На вопрос Багой она вскинула руки:

— Она прекрасна! Только Всевышний мог сотворить такое чудо! Одним ребром Адама, пожалуй, тут не обошлось... — пошутила Мариам, — Всё у нее на месте: ноги, бедра, грудь. Удивительно краси-

ва... — Мариам задумалась, словно перенеслась на миг в другой конец города. — Она глянула мне в глаза, и я почувствовала, как что-то свыше входит в меня и заполняет грудь, у меня дыхание перехватило, я испугалась даже — а вдруг она догадается... Не зря кто-то сказал, что эта пэри достойна украсить ложе самого султана...

— Как ты считаешь, удастся нам похитить её?

Мариам тряхнула головой, словно хотела избавиться от наваждения и, прижав руку к груди, глянула озабоченно на Багой:

— Я давно об этом думаю... За несколько дней до Навруза они всей семьей собираются в баню. Сама слышала, как мать девочки предупреждала баньщицу.

— Значит брать будем по пути домой. А женщин...

Багой заметил, как Мариам окинула Гасана с головы до ног презрительным взглядом:

— Ты привык в своей харчевне отрывать рыбе голову и тебе всё равно... — она повернулась к Багою. — Помните, какую ошибку допустили мы в прошлый раз?

Гасан обиженно запыхтел. Ему совсем не хотелось вспоминать свой промах десятилетней давности:

— Нашла, что вспоминать! Люди давно уже забыли об этом.

— Это у вас, у мужчин, короткая память, а матери помнят о своих детях до последнего вздоха...

Гасан готов был возразить Мариам, но вмешался Багой.

— Ладно, забудем об этом, — он провел в воздухе ладонью, словно хотел отсечь былое. — Что ты предлагаешь?

— Дом Абдуллы находится недалеко от заброшенного ромейского кладбища, рядом с кладбищем дорога, ведущая на дровяной ры-

нок. Значит, нужна будет повозка с дровами... Дорога вплотную подходит к дому... — она притронулась к руке Багоя, словно хотела, чтобы он не только слышал, но и почувствовал ход ее мыслей. — К дому твоего человека, который когда-то нам очень помог. Он сейчас пропадает на рынке рабов, скупает чернокожих девушек-рабынь для домашней прислуги и поставляет их в богатые дома...

Багой внимательно слушал старую сваху, не переставая удивляться её сообразительности. Он хватал на лету каждый отдельный момент её хитроумного плана. Главное — она продумала всё от начала до конца. Ему оставалось точно выполнить предложенный план. Багой похвалил Мариам и положил перед ней кисет с динарами:

— Это тебе награда за работу. Ты постаралась на совесть. За остальное ты получишь отдельно.

Пока люди Багоя готовили всё необходимое для похищения, изучали тропинки, идущие от дома Абдуллы, произошло событие, которое сыграло на руку заговорщикам. К шейху ахией из соседнего города Мерсин пожаловали сваты. Пожаловали неожиданно, без предварительного сговора. Приехали с богатыми подарками, уверенные в том, что блеск драгоценных камней и золота подтолкнет Абдуллу к союзу со столь знатным семейством.

Подарков Абдулла не принял, но отказывать сватам не стал. Попросил отложить сговор на следующий год, объяснив это недавней болезнью дочери. Через несколько дней после сватовства по Тарсусу поползли слухи, что оскорбленный отказом жених поклялся выкрасть девушку. Мариам не пожалела денег на гостинцы, побывала в гостях у

своих прежних товарок и в разговоре, так, между прочим, сообщила им "свежую новость", посмеявшись при этом над незадачливым женихом...

БАНИ ТАРСУСА

Тарсус, как любой уважающий себя город, славится не только таможней, караван-сараями, древними храмами, мечетями, рынками и маристаном, основанным по преданию самим Лукманом. Город славится и своими банями. Великому целителю принадлежат слова: "Человек, который не содержит своё бренное тело в чистоте — и есть его злейший враг".

Баня, как и рынок, самое приятное для человека место. В баню люди нередко приходят на целый день. Тут можно не только помыться, смыть вместе с солью сухую кожу, отжившую свой короткий век, тут можно встретиться с друзьями, провести время за приятной беседой, обсудить свежие новости, обговорить торговые дела и заключить выгодную сделку. Не зря говорят: "На свадьбе спешат к курне, в бане — к курне". Появившись набедренной повязкой, переносишься в мир, где все люди равны, кем бы ты ни был: эмиром, судьёй, купцом, ремесленником, водоносом. Только здесь люди — шумное банное братство. Ляжешь на каменный топчан-курну, банщик откроет кран с горячей водой, обдаст тебя влажным паром, старательно намылит, наденет холщевые перчатки, примется за твоё размякшее тело, как пекарь за горку мягкого податливого теста. Ты лежишь, охаешь, вздыхаешь, а по телу разливается волна сладкого блаженства, словно ты не в бане, а в раю...

Ну а самое волнительное — это когда выходишь из бани. В турецкой бане платить принято при выходе. Не зря жива поговорка: "В баню легче войти, чем выйти".

Такова мужская баня, ну а о женской бане и говорить нечего! Где еще можно встретиться с подругами, со знакомыми, живущими на другом конце города, себя показать и на других посмотреть! Не зря в баню женщины собираются как на свадьбу: подбирают наряды, украшения, красят хной волосы, сурмят брови. Только здесь, в бане, они могут снять всё это и ощутить ту непринужденную легкость, которую чувствовала в раю их прародительница Ева.

Существует особая категория женщин, для которых баня — источник дохода. Это — свахи. Именно здесь, в бане они высматривают хорошеньких невест, богатых вдовушек, могут передать засидевшимся в девушках красоткам устное послание от тех, кто не торопится связать себя семейными узами...

У каждой бани Тарсуса свой возраст: самая старая — римские термы, оставшиеся со времен императора Веспасиана. Но время властно над творениями рук человеческих — термы со временем пришли в негодность, стены осыпались, мраморные ванны и медные трубы исчезли, как исчезает кем-то нечаянно оброненная серебряная монета. От терм остался лишь огромный остов, напоминающий о былом величии. Там, где ширина кладки источилась до одного кирпича, мальчишки пробили отверстие величиной с пятку, чтобы наблюдать за караванами, проходящими по дороге на другой стороне.

Есть еще и просто старая баня. О ней даже сложена легенда: король змей Шахмеран, прослышав о

красоте дочери правителя Тарсуса, влюбился в нее и жаждал убедиться, что не зря терпит сердечные муки, лишившись сна и покоя. Он не раз пытался проникнуть во дворец, но не смог обнаружить в толстых каменных стенах ни единой щели. Тогда Шахмеран, дождавшись, когда царевна в окружении служанок отправилась в баню, взобрался на купол, сорвал несколько прозрачных плиток и свесился вниз. После того, как служанки раздели царевну и Шахмеран узрел её естественную красоту, он ослеп, потерял сознание и свалился вниз. Одна из служанок выхватила кинжал и отсекла ему голову. Обезглавленное туловище долго извивалось в судорогах, окропляя белоснежные стены струйками крови. Баньщики долго и тщетно тёрли их, пытаясь смыть следы невольного злодеяния. Алые пятна на время исчезали, но стоило стенам бани нагреться, как они проступали снова и снова... Говорят, царевна с тех пор занемогла. Шахмеран приходил к ней ночами во сне, рассказывал о своей любви и просил прощения. Царевна повелела привести во дворец старую гадалку и рассказала ей о Шахмеране, и вот что посоветовала ей эта мудрая женщина: "О, царевна, ты единственная, кто не раз видел прекрасного Шахмерана, потому ты должна выткать ковёр с его изображением и повесить на стене своей опочивальни". Царевна послушалась совета. Пять долгих лет ткала царевна ковёр с изображением короля змей и, когда выткала и повесила его на стене, поняла, что любит его. Она так и не вышла замуж... Хранила ему верность до конца дней своих.

За несколько дней до Навруза семья Абдуллы — обе жены, дочь — и женщины из соседних домов отправились в баню. В этот же день Абдулла встречал важного гостя из Кыбрыза. Ему заранее сообщили, что должен прибыть купец с большим заказом от самого короля Кыбрыза Луизьяна, поэтому Абдулла собрал в просторном доме, принадлежащем ахиям, цеховых старост и поручил им хорошо подготовиться к встрече. По принятому у ахиев обычаю Абдулла и его помощники должны были усладить приезжего турецкой баней.

Вечером, после обильной трапезы, проводив купца в богато убранную гостевую комнату, Абдулла возвращался домой в отличном настроении. Еще бы — в бане была оговорена сделка, самая крупная за последний год! Предстояло загрузить оружием целое судно. После трапезы гость вручил ему несколько векселей, сумма которых была так велика, что, пожалуй, ни один из городских менял не смог бы ее выдать.

Ворота были заперты. Абдулла удивился. Обычно, если он задерживался, ворота были приоткрыты, и его встречал слуга с факелом в руке. На стук никто не ответил. Где же они? Сразу после бани женщины должны были вернуться домой. А где слуга? Абдулла перебрался через забор, и сердце его дрогнуло — ни одно окно не светилось. Он вошел в дом, достал из кармана кресало, зажег светильник — всё стоит на своих местах. Абдулла по очереди окликнул жен и дочь, но никто не ответил. Он вошел в комнату дочери, уронил светильник и схватился за сердце: у стены лежали два мешка, из которых торчали

ноги женщин, а между ними — слуга с кинжалом в груди...

Тарсус кипел от негодования. Ремесленники города выделили в помощь оружейникам молодых юношей, которые в течение праздничных дней вели наблюдение за погрузкой каждого судна, провожали в дорогу каждый караван, выходящий из-под стен караван-сарая, спрашивали имя каждой выходящей за пределы города девушки. Абдулла побывал в Мерсине, встретился с теми, кто приезжал сватать Фатиму, поговорил с юношей и убедился, что слух о похищении был пущен в Тарсусе не случайно. Гасан посоветовал Абдулле обратиться к свахам. Это у них узнали ахия, что новость о похищении невесты первой сообщила им Мариам. Абдулла бросился к дому старой свахи — дверь была распахнута, дом был пуст. Приподняли цыновку — там лежала потертая медная монета...

Неделю шла погрузка оружия на купеческий парусник. Ахия сами старательно увязывали щиты, копья, мечи, латы, кольчуги, кинжалы. Купец ни разу не сказал, что он хочет проверить качество оружия, а когда Абдулла предложил ему сделать это, купец удивленно вскинул мохнатые брови:

— Хотя я не так давно занимаюсь торговлей оружием, я побывал во многих городах и нигде не слышал кривого слова в адрес оружейников Тарсуса, будь то простое оружие или оружие для самых знатных рыцарей...

Купец нечаянно проговорился, кому предназначено оружие, но Абдулла не расслышал последних слов, на его бледном осунувшемся лице скользнула тень улыбки:

— Я всегда говорю молодым: "Если к оружию, сделанному вашими руками прилипнет хоть одно

черное пятно, отмыть его вам не хватит жизни".

Пока судно готовилось к отправке, в доме ахиев собрались оружейники, старосты других цехов, чтобы отметить богатую сделку и проводить купца в путь. Это тоже было давней традицией ремесленников Тарсуса. Ни один купец, совершивший богатую сделку, не уезжал отсюда без подарка. Сам Абдулла преподнес гостю один из своих замечательных кинжалов, и, как всегда, блеснул своим поварским искусством Гасан, украсив обед самыми тонкими рыбными блюдами.

Пока гость, подняв чарон с вином, говорил лестные слова в адрес города Тарсуса и его гостеприимных жителей, и в особенности ремесленников, слава которых, как теплый попутный ветер, облетела всё побережье, в порту никто не обратил внимания на четырех темнокожих рабынь, приведенных к трапу судна, тем более что они значились в перечне товаров, увозимых в Кыбрыз, а когда таможенник поднялся на борт, капитан вложил в протянутую ладонь не серебро, а золото... Вскоре к причалу подошли и сам купец, и гость, и его провожатые. Гость обнял на прощание Абдулла и поднялся на борт. Матросы убрали трап, распустили парус, и тяжело груженная джалба медленно, словно нехотя, отошла от свайного причала. Когда причал освободился от ремесленников, таможенник попробовал на зуб золотую монету и еще раз глянул на исчезающую за горизонтом джалбу — он давно не получал такого щедрого подарка... Таможенник спрятал золотой в пояс и тут вспомнил, что капитан джалбы и тот рябой, что сошел в Тарсусе с борта судна, один и тот же человек, но тогда джалба была под другим флагом, а рябой был в одежде купца...

РАСПЛАТА

Когда город скрылся за горизонтом, моряки раскрутили парус во всю его высоту, и нос корабля повернулся в сторону Мисра. "Капитан" вошел в каюту, где за столом сидели чернокожие рабыни. Мариам уже успела смыть с лица краску и теперь, довольная тем, что они так легко вырвались из Тарсуса, не спускала глаз с девочек. Двое из них с аппетитом поедали запасенную на берегу еду, а третья сидела, низко опустив голову и спрятав руки под столом. Рябой кивнул Мариам, и та увела девочек за перегородку, уложила спать, вернулась и уселась против Рябого:

— Багой, зачем ты потащил меня с собой? Что я буду делать на старости лет в Эль-Кахире? У меня там нет ни одного близкого человека.

— Тебе нельзя было оставаться в Тарсусе, они уже побывали в твоей норе — видно, твои старые подружки успели сказать Абдулле, кто первым сообщил им новость...

Мариам послушав палец, стерла с запястья черное пятнышко и сказала с тоской в голосе:

— Значит, я уже не доживу до того дня, когда можно будет вернуться домой...

— Не расстраивайся, у меня в Эль-Кахире просторный дом, будешь жить в нём и присматривать за моими женами.

За перегородкой послышался стон. Багой повернул голову, прислушался. Стон повторился. Он глянул на Мариам.

— Это Фатима. Я в первый же день припугнула её. Сказала, что если она раскроет рот, сгорит их дом. Сгорит вместе с отцом и матерью. У нее характер...

— Ты умница, — похвалил Багой старуху. Он хорошо знал, на

женщину ничто так не действует, как лесть. — У тебя за спиной хурджун, достань фляжку с вином. Мы с тобой сделали большое дело. Если Абдулла когда-нибудь узнает, чьё ложе будет согревать его дочь, у него волосы встанут дыбом. — Багой ухмыльнулся, довольный, сорвал с фляжки сургучную печать. — Такого вина ты сроду не пила! — Сначала он наполнил свою кружку, потом кружку Мариам. — За удачу, за исполнение наших желаний. — Он первым осушил до дна свою кружку и теперь с улыбкой следил за тем, как это делает Мариам. Она опустила пустую кружку на стол, блаженно потянулась и вдруг резко дернулась, пытаясь втиснуть в сведенную судорогой грудь глоток живительного воздуха. Глаза у нее округлились, рот перекосило, она захрипела, схватилась за горло и медленно сползла вниз. Багой негромко свистнул, и в каюту вошел купец:

— Готова? Отправить к рыбам?

— Нет, скажи матросам, пусть сначала зашьют в мешок. Она мечтала о таком погребении.

Услышав всплеск за бортом, Багой потянулся за кружкой, из которой пила Мариам и швырнул её следом. Оставшееся во фляжке вино распили вдвоём с купцом. Спал Багой беспокойно. Ему приснилось, что он стоит у борта, из воды выскакивает дельфин с лицом Мариам и, схватив его за руку, увлекает на дно... Багой проснулся весь в испарине, открыл глаза и увидел над собой купца с колотушкой в руке, Багой не успел даже поднять руки, деревянный молоток опустился ему на голову, и он потерял сознание. Очнулся в воде и не сразу понял, что с ним произошло. Руки были привязаны к телу и глубинная холодная вода медленно

заполняла плотный полотняный мешок...

Уже в Дамiette купцу сообщили что, убит Гасан. Он повздорил с рыбаками из-за цены на рыбу, стал кричать, обзывать их. Кто-то не сдержался и воткнул Гасану нож в спину. Трех чернокожих рабынь купец вывел на пристань. Тут их уже поджидали мамлюки с эмиром во главе. Невдалеке стояла крытая повозка. Двое из рабынь сразу сообразили, что от них требуют мамлюки и направились к повозке, третья, сделав пару шагов, устало опустилась на землю. Бейбарс понял, что девочка не в силах идти дальше. Он вспомнил своих сестер... Подошел к ней, поднял её на руки и понес. Она доверчиво опустила голову ему на плечо. Он бросил на нее мимолётный взгляд и обомлел: из двух прозрачно-зеленых изумрудов выкатывались горошины слез и, стекая по щекам, оставляли за собой две бледные полоски... Бейбарс невольно прижал её к груди, донёс, бережно опустил на мягкую подстилку и, не соображая, почему, тихо сказал ей на родном языке: "Не плачь, не надо, всё будет хорошо". Девочка подняла пушистые ресницы, глянула на него виновато и, едва раскрыв пухлые губы, произнесла шепотом по-турецки: "Сагъ ол". "Как тебя зовут?" — спросил он. "Фатима...", — ответила она.

В Эль-Кахире Бейбарс сопровождал повозку до Цитадели. Там он передал свой черный груз в руки младшего евнуха. Прислужницы гарема повели девочек вовнутрь. По пути девочка обернулась, окинула Бейбарса внимательным взглядом, словно старалась запомнить того, кто в неволе первым пожалел её, и поспешила на окрик служанки.

Главный евнух приказал отмыть

одну из трех рабынь. Служанки долго и старательно отпаривали её в бане, смывая слой за слоем черную краску, которую так старательно нанесла на нее старая Мариам. Отмыли... и удивились: перед ними из розовой пены предстала прекрасная пэри.

Султану Салиху Наджми ад-дину Айюбу евнух показал двенадцать девушек. Взгляд султана задержался на той, что стояла в середине. И не на фигурке девочки застыл его взор. Евнух запретил рабыням поднимать на султана глаза. И только одна ослушалась и, не стыдясь наготы своей, подняла на владыку два прозрачно-зелёных изумруда... Султан вдруг почувствовал, как пристальный взгляд сковал его и не отпускал до тех пор, пока она не опустила глаза. Султан выбрал её. Остальных повелел раздать эмирам мамлюков. "Как её зовут?" — спросил султан. "Фатима" — ответил евнух. Султан приказал накинуть на нее покрывало и промолвил чуть слышно: "Мы назовём её Шаджарат ад-Дур"...

"Жемчужное деревце" — так называл Фатиму сам султан Мисра Наджми ад-дин Айюб. О том, откуда она родом, он не спросил... Так сбылось предсказание, что дочь Абдуллы из Тарсуса станет наложницей султана. Самой любимой наложницей...

ПОЕДИНОК

Три дня простояли две могучие армии, готовые по первому удару боевых барабанов ринуться друг на друга, стояли, как стоят два грозных рыцаря, ожидая знака к единоборству. Кто первым бросит перчатку? Король франков Людовик IX или султан Мисра Салих ад-Дин Айюб?

Султан всю ночь проворочался в походной постели, пытаясь заглушить боль в сердце. Эта боль, словно укол клинка, предательски сделанный, то стихала на миг, то, медленно нарастая, проникала всё глубже и глубже, перехватывая дыхание. Шадиар спала рядом, за легкой занавеской. Он не стал её будить, не стал звать слугу, задержав дыхание, неслышно поднялся, завернулся в теплый халат и вышел из шатра. Чуть поодаль стояли мамлюки охранной сотни и голова эмира Бейбарса возвышалась над ними, как кувшин с тёплым молоком, накрытый толстой меховой шапкой. Султан улыбнулся своему сравнению, представив голову эмира не в железном колпаке, а в высокой меховой шапке. Улыбнулся и почувствовал — назойливая боль начала медленно таять, позволив ему вздохнуть полной грудью.

Армия ждала... и он ждал. Ждал, прислушиваясь сквозь привычный шум в ушах, сквозь шорох и дыхание нарождающегося утра, ждал, всё ещё надеясь услышать топот копыт дамасского тумена во главе с Туран-шахом. Может, боль в сердце — это знак того, что напрасно ждет? Он старался отогнать эту мысль, но время текло всё быстрее, а сына не было... Может, в преддверии неизбежной битвы, последней в его жизни, важнее, чем победа, было желание укрепиться в вере, что он был неправ по отношению к Туран-шаху? Что это его сын, и что чувство сыновьего долга поторопит его... Будет ждать до вечера. Если до вечера не увидит Туран-шаха, не услышит его голоса, велит ударить в барабан, молчавший уже много лет. Как ему хотелось, чтобы все увидели в эту минуту рядом с ним сына, наследника его дел, потомка великого Салах ад-Дина.

Еще один долгий день простояло войско в томительном ожидании, держа на поводу нетерпеливых коней. Мотали головами верблюды, пытаясь пометить липкой слюной седоков, хлопали огромными ушами боевые слоны, устало переставляя тяжелые ноги. Солнце село... Значит, он, Салих Айюб, был прав... После вечерней трапезы он зашел за полог и опустился на мягкие шкуры. Шаджарат положила ему под голову подушку, укрыла ноги верблюжьим одеялом. Султан опустил веки и тяжело вздохнул. У молодой женщины дрогнуло сердце. Она подняла тяжелую ладонь султана и зажала её между своими ладошками, ладонь была холодная, как вода в дворцовом фонтане.

— Посиди со мной, радость моя.

Шаджарат устроилась поудобней, положила ладошку ему на лоб и почувствовала, как под ней растекаются капли холодного пота.

— Вам плохо, мой господин? Может, позвать лекаря?

— Ты мой лекарь, ты моя последняя отрада... Я чувствую... Аллах призывает меня к себе... Не надо, не плачь... ты подарила мне несколько лет счастья, желание жить... но так, видно, записано в вечной книге судеб...

Шаджарат стерла с его лица холодный пот, нагнулась, поцеловала лоб, глаза, ладони:

— Мой падишах, что будет со мной, с вашим сыном Халилем? Не покидайте нас.

Чувство неотвратимой потери стиснуло её сердце.

— Я оставляю тебе верных слуг... Ойбек, Октай, Котуз, Бейбарс... Не отпускай их от себя... не ссорься с ними. В воинском деле самый дальновидный и решительный — Бейбарс. Если на этот раз не удастся одолеть этих и если я...

— султан часто задышал, но немного успокоившись, потянул её к себе, — наклонись ко мне.

Она прижалась к нему и он, припав дрожащими губами к её горячему уху, прошептал:

— Береги нашего сына. Он должен быть султаном, такова моя воля... О моей... моей... — он хотел сказать смерти, но не сказал, — о моём уходе они... — очертил пальцем полукруг, — они знать не должны... — откинувшись на подушку, облегченно вздохнул и замолк.

Она закрыла ему глаза и еще раз прикоснулась к ним губами. Шепотом прочитала молитву и, выйдя за полог, хлопнула в ладоши. Неловко вошел слуга, прижав руку к груди:

— Что прикажет госпожа?

— Пойди скажи Муиззу Ойбеку, Октаю, Котузу и Бейбарсу... скажи... скажи, что султан хочет их видеть.

Первым вошел Бейбарс. Глянув на пустой походный трон султана, рядом с которым стояла Шаджарат, вздрогнул:

— Что случилось, султанием?

Она прижала палец к губам и показала на полог за спиной. Она пыталась сдержаться, не показать минутной слабости, согнать с лица болезненную полудетскую улыбку. Он увидел слёзы на её шелковистых ресницах и всё понял...

Один за другим вошли в шатер Октай, Муизз Ойбек, Котуз. Шаджарат молча откинула полог, и они увидели застывшее в последнем движении лицо султана, скрещенные на груди руки. Муизз, как самый старший, прочитал негромко молитву и так же тихо сказал:

— Прими, светлая султанша, слова нашего сердечного сочувствия. Мы твои верные слуги, и для нас теперь твое слово, твой приказ

— закон. — Он взял с подставки Коран и поцеловал его.

— Клянемся тебе...

Все по очереди принимали Коран и целовали его, касаясь лбами кожного переплёта. Коран вернулся к Муиззу. Он бережно положил его на место и поднял глаза на Шаджарат:

— Мир праху его, его душе... Он был султаном, достойным имени своего великого деда Салах ад-Дина. Мы должны беспрекословно выполнить его последние указания... — взгляд раиса мамлюков замер на губах Шаджарат.

— Султан велел... они сказали... он повелел, чтобы никто не узнал о его смерти.

— Да будет так. Его мудрость и после его ухода будет повелевать нами. Какие распоряжения его светлый ум сделал по поводу наследника?

Она ожидала этого вопроса, готовилась к нему и ни единым движением, ни единым неосторожным жестом не выдала себя. Четыре пары глаз не мигая, в упор глядели на нее. В её распоряжении было всего мгновение, и в это замершее на миг движение времени она, словно выпрашивая у султана прощение за то, что нарушает его последнюю волю, твердым голосом сказала:

— Наследником он назвал Туран-шаха. Пусть исполнится его последняя воля. Да будет так. Аминь! — В это последнее, отведенное ей свыше мгновение она поняла, назови она наследником Халиля, они подумают, что она приняла на душу грех.

Вызвали муфтия и его посветили в тайну, которая не должна была выйти за пределы шатра. Муфтий прочитал молитвы, Шаджарат натерла султана благовониями, тело

окутали белым полотном и обвязали. Был приготовлен еще один точно такой же тюк, чтобы груз на спине верблюда не заставил никого обернуться.

На рассвете, после утренней молитвы, в сторону Эль-Кахиры уходил небольшой караван в сопровождении сорока мамлюков — личной охраны султана во время игры в конное поло. Возглавлял мамлюков Фарис Октай Джамдар — хранитель золотой клюшки.

* * *

Наступил пятый день противостояния. Все эти дни в шатре короля Людовика IX шли споры — начать ли атаку самим или дожидаться первого шага со стороны египтян. В этом споре даже брат короля, неукротимый воин, Великий магистр Ордена Тамплиеров Франции, его светлость граф Робер Артуа, не один день взирающий с холма на стройный ряд боевых слонов с кованными башнями на спинах, на арабскую верблюжью конницу, где верхом на стремительных одногорбых верблюдах восседали воины с длинными копьями в руках, на ряды лучников с высокими степными луками, стрелы которых пробивали самую крепкую броню и, наконец, на тяжелую конницу мамлюков, стремительная атака которых была уже знакома крестоносцам. На этот раз даже он не торопился, но когда из Дамьетты прибыли, наконец, еще триста рыцарей и пять тысяч тяжело вооружённых воинов, спор решили прекратить и возложить решение вопроса на самого Господа Бога...

На середину поля, разделявшего франков и египтян, выехал рыцарь в сопровождении герольда.

Рыцарь с головы до ног был закован в серебристую броню, высокий шлем венчала связка перьев. Его могучий, приседавший на тяжелый круп, рыцарский конь был покрыт толстой попоной, украшенной грозно вздыбленными леопардами – символом герцогского достоинства. Рыцарь поднял коня на дыбы, и герольд, приложив к губам рог, громко затрубил. Это был вызов на поединок.

Совещание в султанском шатре было коротким. Все согласились с желанием Бейбарса сразиться со знатым рыцарем. Бейбарсу давно хотелось испытать свои силы и воинское умение в таком единоборстве. Не зря у мамлюков на острове было установлено подвижное чучело крестоносца, на котором они учились владеть оружием.

Бейбарс выехал навстречу рыцарю, вооружившись копьем, щитом и мечом – сабля в рыцарском поединке не годилась. Могучий, иссиня-черный, с белой звездочкой во лбу конь легко нес облаченное в броню, слившееся с седлом, тело хозяина. Бейбарс не стал надевать на себя железных подлокотников, наколенников, перчаток с пластинами. В его широкой ладони, давления которой не выдерживала подкова, даже рыцарский меч не казался таким уж большим и тяжелым.

Противники неспеша съехались, рыцарь поднял забрало, опустил копье, они стукнулись щитами – символом честного боя – и разъехались.

Два коня, словно две глыбы, выброшенные балистами, неудержимо неслись навстречу друг другу. Со стороны было видно, что более массивный конь рыцаря с тяжелыми копытами, куцым хвостом, уступает в быстроте длинному, поджаро-

му скакуну Бейбарса. В самый последний момент Бейбарс выставил копье, пригнулся, сливаясь со своим скакуном в единое целое. Десятки тысяч глоток враз выдохнули, когда два болида налетели друг на друга. Удар с обеих сторон был настолько силен, что не только седоки, но и кони рухнули на землю.

Бейбарс поднялся первым, вслед за ним поднялся и конь. Рыцарь, закованный в более тяжелую броню, никак не мог выдернуть ногу из-под своего тяжеловеса. Бейбарс вложил в ножны меч и, подхватив рыцаря под мышки, вытащил его. Ха! — раздался с двух сторон возглас одобрения. Взяв в руки мечи, противники двинулись друг на друга. Схватка продолжалась долго, чувствовалось, что воины достойны один другого. Более подвижный Бейбарс двигался вокруг стоящего на одном месте противника, который, почувствовав силу ударов соперника, не нападал, а защищался. Но и это не спасло рыцаря: Бейбарс отбросил в сторону щит, взялся за рукоять меча обеими руками, и, сделав ложный шаг в сторону, заставил рыцаря переставить ногу. В тот же момент он нанес удар такой силы, что оружие соперника раскололось на две части, и меч Бейбарса опустился на плечо, сминая железные наплечники. Рыцарь упал, выронив из рук обломок. Бейбарс подошел, поднял забрало – рыцарь был жив. "Как тебя зовут? — спросил он по-тюркски. Бейбарс отпрянул, повёл головой и, нагнувшись, назвал. — Ты победил, я запомню твоё имя". Бейбарс повернулся, подобрал свой щит и, прихрамывая, пошел к своим. Конь, потряхивая гривой, шагал следом.

Франки, ожидавшие, что противник, сняв с пояса кинжал, прикон-

чит рыцаря, одобрительно загудели вслед Бейбарсу, достойно оценив королевский поступок мамлюка. Раненого рыцаря унесли с поля. Битва не состоялась. На следующее утро армии мирно разошлись. Франки вернулись в Мансуру, Шаджарат ад Дур с войсками в Эль-Кахиру. Франки так и не узнали о смерти султана. Только через месяц до них дошел слух о его кончине.

ПОХОРОНЫ

Все, кто выходил из мечети Амра ибн аль-Аса после пятничного намаза, видели, как из ворот Цитадели выехали мамлюки, плотным кольцом окружив султана, восседающего на своем любимом белоснежном коне. В тот же день по городу распространился слух, что султан Айюб отправился к халифу Мустансиру в Багдад. Слух этот не вызвал сомнения ни в войсках, возвратившихся из-под Майсуры, ни в самой Эль-Кахире.

Султана похоронили в крепости Джазира, там, где были похоронены его отец и мать. Табыт с телом поставили в центре крепостной мечети. Главный муфтий со своими помощниками прочитали положенные молитвы, выстроив перед носилками, покрытыми черным покрывалом, немногочисленных свидетелей, которые должны были ответить на обращенные к ним вопросы муфтия: был ли покойный верным сыном Аллаха, не нанес ли он кому-либо из присутствующих обиды, вёл ли он праведную жизнь? "...ильхамду, ллияхи, рабиль, алеймин..." — бархатный голос муфтия четко выводил умиротворяющие строки фатихи, и слова молитвы, наполняя теплом высоко

поднятые ладони, медленно стекли с лиц молящихся, — Аминь!

Фатиха многократно прозвучала под сводами мечети, и по знаку муфтия мамлюки, подняв тяжелый табыт, в сопровождении присутствующих направились к выходу.

Шаджарат стояла в притворе. Дверь была раскрыта, чтобы ей было видно и слышно происходящее. В черном платье, черной накидке она казалась ребенком, погруженным в горестное раздумье, и слезы на щеках выдавали искренность постигшего её горя. С этой мечетью была связана её судьба, её возвышение: здесь перед муфтием стояла она рядом с султаном, и он громко произнес простые слова, вознесшие её на вершину бытия. Произнес всего несколько слов: "Я беру эту женщину в жены...". Казалось, это было совсем недавно.

В ту зиму, перед рождением сына, султан тяжело болел. После игры в поло, возбужденный и разгоряченный победой, он залпом выпил кубок холодного шербета и, желая показать, что он еще молод и крепок, проскакал против ветра до самой Цитадели. А на следующее утро сильный жар и лихорадка свалили его. Неделю он метался в жару, повторяя в забытии её имя. Евнухи, уверенные, что силы султана на исходе, что час его истек, привели её и посадили у изголовья.

Она взяла в руки его остывающую ладонь, стерла со лба холодные капли пота и, наклонившись к уху, стала шепотом повторять молитвы вперемежку со словами, идущими от сердца. Она растирала ему лицо, руки, плечи в томительном ожидании, когда же он откроет глаза? Она должна увидеть его зрачки и наполнить их своей, идущей к ней извне энергией. Она

почувствовала движение жизненных сил в его теле, стала его расталкивать, и он пришел в себя. Открыв глаза, удивился, увидев её рядом с собой. Шаджарат заставила себя улыбнуться сквозь слезы, ведь он так любил её улыбку и не раз, застав её грустной, мягко брал за подбородок и не то просил, не то приказывал: "Я не вижу улыбки на вашем лице, радость моя..."

— Кажется, Всевышний выразил пожелание, чтобы я предстал перед ним и понес ответ за всё свои деяния... — голос султана был слаб, он задыхался, и каждое слово вырывалось с хрипом.

— Вы не имеете права так говорить, мой султан. Мне Всевышний внушил совсем другое. Вы будете жить на радость мне и вашим подданным. — Она взяла его потеплевшую ладонь и прижала к животу, чувствуя, как ребёнок ворочается внутри. — У вас, мой султан, будет сын, и он должен лицезреть своего отца, слышать его голос, почувствовать тепло и силу его ладоней. Я буду молиться до конца дней моих... Вы должны поверить в свои силы, чтобы и там, на небе, почувствовали вашу волю, ваше желание...

Он так и уснул, не отнимая руки от её теплого живота. Ему приснилась мать, прижимающая его, плачущего мальчишку, к груди, а когда проснулся, то впервые за две недели сказал, что хочет есть.

Потом было рождение сына. Он сам выбрал ему имя — Халил. Был праздник обрезания, Халил лежал в золотой колыбели, и она сидела на троне рядом с ним, принимая подарки от вельмож, визирей, эмиров. Тогда она впервые увидела Бейбарса. Султан взял его в Цитадель и сделал эмиром личной охраны. Она была поражена, какой он боль-

шой, могучий, на голову выше стоящих рядом. У нее дрогнуло сердце, она почувствовала прикосновение его рук и в ушах тихим, едва различимым звоном прозвучали слова: "Как тебя зовут?"

Он шел к колыбели, и его глаза, словно магнит, притягивали её к себе. Ей стоило немалого труда усидеть на месте. Она испугалась. Испугалась, что стук её сердца услышат присутствующие в зале и задержала дыхание. Что это такое? Подобного с ней никогда еще не было...

На другой день после похорон они собрались здесь же, во дворце крепости. Когда муфтий, визири и эмиры мамлюков вошли в зал, Шаджарат уже сидела в невысоком резном кресле. Именно в этом кресле любил сидеть султан, когда он приезжал в крепость. Шаджарат поднялась, как подобало хозяйке, и поприветствовала вошедших. На огромном ковре вдоль стен были разложены подушки, и каждый занял привычное место. Прозвучала молитва. Бейбарс внимательно посмотрел на Шаджарат. Какая-то едва уловимая перемена произошла в её облике, в её лице... Глаза! В них пропал тот внутренний свет, который делал её улыбку такой искренней, обаятельной... Она заговорила. Даже голос стал жестче! Она обвела всех взглядом, словно хотела увериться в том, что они поддерживают её:

— Я уже поставила вас в известность о последней воле султана. Думаю, нам надлежит исполнить её... — голос Шаджарат дрогнул, голова опустилась, словно она пыталась скрыть от присутствующих истину...

Муизз Ойбек Туркмени, самый старший из эмиров, почувствовал нотку неуверенности в её голосе.

Он хорошо знал характер непризнанного наследника, его высокомерие, надменность. Почему она так держится за него? Не заставил же султан её поклясться на Коране. Она лучше всех знает, почему султан отправил Туран-шаха в Сирию. Султан беспокоился о ней самой, о её сыне. Назови она имя Халиля, Муизз был уверен, и муфтий, и эмиры поддержали бы её. Может, она боится что не её, а кого-то из эмиров могут назвать опекуном малолетнего царевича? Муизз бросил взгляд на Октая, Котуза, Бейбарса. Ему показалось, что и они думают о том же.

Молчание затянулось. Тягостную тишину прервал муфтий:

— Предсмертное желание султана для нас закон. Конечно, мы можем нарушить утвержденный еще самым великим Салах ад-Дином порядок наследственности. Но кто возьмет на себя такую смелость? И что скажут об этом подданные султана: мамлюки, воины халка, главы племен, купечество, ремесленники и, наконец, духовенство? Нарушив закон однажды, не ввергнем ли мы нашу страну в пучину перемен? Сам Аллах возложил на нас с вами высокую ответственность за судьбу страны, за наш родной дом.

Авторитет муфтия был высок, и перечить ему не решился никто. Все согласились, что Туран-шах должен занять место отца. Весть об их решении должен отвезти в Бейрут эмир Бейбарс. Тысяча мамлюков будет сопровождать его в пути и оберегать драгоценную жинь молодого султана. Определили и срок, когда султан должен войти в Эль-Кахиру — на сороковой день кончины Салиха Айюба. В этот день народ узнает о его смерти и о вступлении на престол нового султана. И это было правильно.

Покидая зал, Муизз спохватился: "...а кто первым предложил отправить в Дамаск Бейбарса? Муфтий, Котуз или сама Шаджарат? Конечно, Шаджарат!" Где-то совсем близко под сердцем шевельнулось чувство ревности.

ТРЕВОГА

Он ехал впереди своей тысячи, ощущая за спиной её размеренную поступь. Порой однообразие дороги утомляло больше, чем сама долгая езда, и глаза невольно обегали лежащий впереди простор, выхватывая привычные мелочи: желтую цепочку навоза, по которой ты мог определить, прошел здесь верблюжий караван или конный отряд. Чуть в стороне от дороги лежал очищенный птицами до белизны скелет верблюда... И невольно пришла шальная мысль — не потому ли Шаджарат, муфтий, эмиры послали именно его, чтобы конь Туран-шаха на долгом пути от Дамаска до Эль-Кахиры споткнулся, сломал ногу и ненавистный всем будущий властитель в сороковой день кончины отца последовал за ним? Бейбарс зажмурил утомленные от яркого солнца глаза, резко тряхнул головой и отпустил поводья. Конь, ощутив свободу, рванулся вперед, а за ним и вся тысяча, вздымая пыль и нагоняя страх на встречных погонщиков арб и повозок, которые торопливо съезжали с накатанной дороги, боясь оказаться под копытами мамлюкских коней.

Мысль пришла и не покидала его, словно репейник, зацепившийся за полу халата. Он вспомнил о другом: два войска, словно две стены, стояли друг против друга. Крепостносцы не ожидали организованного отпора и, вероятно, с удивле-

нием оглядывали войска, возглавляемые самим султаном Египта. Три дня уговаривали мамлюкские эмиры султана позволить им ринуться в бой и испытать прочность своих копий, мечей и стрел на броне гяуров. Султан терпеливо чего-то ждал. Все догадывались, что ждет он, когда от топота копыт содрогнется земля под ногами тумена Туран-шаха, и тогда объединенное войско с трех сторон ринется на рыцарей. Ждал и не дождался. Не выдержало сердце сыновнего предательства... Как Туран-шах посмотрит в глаза Бейбарсу, человеку, который знал содержание султанского фермана, заранее посланного в Дамаск?

Сердце лежит по одну сторону мысли, но есть и другая сторона... Не забыть ему и напутствия Шаджарат: "Я верю, что в пути с вами ничего не случится. Пусть Аллах бережет вас в пути. Я буду молить всевышнего...". Чего она испугалась? Презрения халифа? Ненависти Айюбидов, каждый из которых спит и видит себя на троне Мисра? Ах, Шаджарат, Шаджарат...

Шаджарат... Он впервые увидел эту женщину в день праздника обрезания Халиля. Торжество проходило в самом большом зале Цитадели. Бейбарс стоял в самом конце зала и полусвет, падающий из-за спины сквозь резные решетки, не позволял рассмотреть лицо султанши, сидящей на троне рядом с золотой колыбелью. Он стоял, сжимая в руках подарок — деревянного коня, сделанного руками искусного мастера. Слезился от волнения глаз, обожженный брызнувшей каплей извести с купеческого корабля. Кто-то подтолкнул его, и он, держа на весу подарок, направился к трону...

Время будто замедлило своё раз-

меренное движение. Чем ближе он подходил, тем явственней вырисовывался её облик. Неужели эта прекрасная женщина и есть та самая черномазая девчонка? Он словно заново ощутил припавшее к нему теплое плечо, прерывистое дыхание, увидел, как текут по лицу слезы, оставляя за собой две белые полосы... Фатима... Почему этот детский голос, это имя сохранились в его памяти? Он шел и чувствовал волну тепла, сдерживающую его движение. Она смотрела на него, не мигая. Она узнала его, он почувствовал это... Взгляды их встретились... холодок, коснувшийся сердца, заставил его опустить голову и положить к колыбели подарок. Он возвращался, но не пропадало ощущение того, что взгляд её пронизывает затылок и мутит память. Он даже споткнулся. Успокоило то, что все взгляды уже были направлены к трону, и только один человек успел заметить его оплошность... Туран-шах. Но что он знал, этот надменный, не по годам остроглазый мальчишка?

Конь под ним успокоился и пошел ровным шагом. А за ним и мамлюки. Сколько прошло с тех пор, как он видел Туран-шаха? Больше года? Странная штука — судьба человека. Ведь именно из-за царевича он и был переведен с острова в Цитадель, в охрану султана. Здесь он стал эмиром-джавадаром, хранителем клюшки игры в поло. Золотой султанской клюшки... Вошел в круг близких к султану людей, стал инспектором военного дивана, расположенного тут же в Цитадели. Проверял воинскую подготовку мамлюков и воинов халка в округах Мисра, держал связь с ремесленниками, заказывал шлемы, копыя, щиты, сабли и сам же проверял их количество и особенно

качество. Лишь однажды ремесленники попытались продать ему доспехи, сделанные из дешевого металла. Он попросил привести мастера, изготовившего партию, заставил его облачиться в это железо и, вынув из ножен саблю, так обработал хитреца, что товарищи унесли истекающего кровью, обвешанного обломками бедолагу на руках.

Почти две недели пути... барханы, берег моря и редкие парусники вдали, стремящиеся не терять из виду главный ориентир. Холмы, покрытые чахлой растительностью, и напоенная влагой земля с четкими квадратами финиковых рощ, хлопковых полей, ровными рядами виноградника. И снова море и чайки, с криком ныряющие вглубь и вылетающие из воды, зажав в клювах серебро удачного улова...

Море отрывало его от дум и возвращало взволнованной душе невышенный покой. Казалось, он должен был ненавидеть эту светло-голубую бескрайность за дни и месяцы, прикованные к тяжелым веслам, пиратство с его кровавыми схватками, в которых в полон не брали, а тех, кто раненый попадал в руки, выбрасывали в море... От того времени осталась память на всю жизнь — бугры от железных браслетов на запястье.

По вечерам они останавливались в самых крупных караван-сараях, заранее посылая вперед нарочных. Когда тысяча приближалась к месту ночлега, на подъезде были видны огромные котлы, где уже варились целые туши быков, и мамлюки с жадностью вдыхали запах свежего мяса, гороха и жгучего красного перца. Но первым делом были кони. После короткой передышки их поили, чистили: смывали с крутых крупов соленую пыль, кормили и лишь потом, после предзакат-

ной молитвы, проворные слуги расстилали на земле старые потертые ковры и расставляли, для каждой десятки, плетеные подносы с хлебцами, медные блюда с вареной рыбой, овечьим сыром, кружки с кислым молоком, корыта с неразделанным мясом и глиняные чаши с горячей похлебкой. Спали под открытым небом. Сразу после утренней молитвы короткая трапеза — и снова в путь. Казначей заранее рассчитывался с хозяином караван-сарая, писал ему расписку с точным указанием всех услуг и ставил печать эмира. Такая бумага ценилась на вес золота: сборщики налогов беспрекословно уменьшали сумму налогов, не забывая о скидке, указанной в фермане самого султана.

Чем ближе они подступали к Бейруту, тем тревожней становилось на душе у Бейбарса. Как поведёт себя Туран-шах, получив известие? Представил себе, как он, прочитав ферман, подписанный не отцом, а султаншей, вскинет голову, и надменная улыбка тронет его тонкие губы, приоткрывая острый оскал зубов.

Странная штука — судьба человека! Туран-шаху был обязан Бейбарс своим переводом в Цитадель. Мягкий по натуре человек был султан Салих Айюб. А может, это старость сделала его таким? Не в состоянии был он железной рукой поддерживать порядок в стране, вот и осмелели те, кто оказался не у дел, кого удивляло, как легко и быстро богатеют другие. Разбойничьи шайки стали орудовать не только на караванных путях, в отдаленных городах и селениях, а и в самой Эль-Кахире участились случаи ночных ограблений на улицах, нападения на дома именитых граждан, похищения людей ради выкупа, убийства.

В ту ночь Бейбарс с десятком мамлюков объезжал улицы. Их привлёк шум в одной из харчевен на окраине города. В харчевне шел настоящий бой! Дрались группы праздной молодежи и ремесленников. Бейбарс увидел, как юноша, выхватив кинжал, бросился на рослого седовласого мужчину. Тот поднял стул и обрушил его на голову нападавшего, потом подхватил и швырнул его под ноги своим товарищам. Мамлюки с трудом разняли дерущихся. Склонившись над распростертым на полу юношей, Бейбарс узнал в нём царевича. Он подхватил безжизненное тело, и через несколько минут конь Бейбарса вздыбился у ворот маристана.

— Кто там? — в ответ на бесцеремонный стук послышался хриплый голос сторожа.

— Именем султана, откройте!

Бейбарс слышал удаляющиеся шаги сторожа, потом торопливые обратно. Звякнул засов калитки, и сразу несколько человек вышли за ворота.

— Что случилось? — спросил невысокий худой старик, поднимая над головой факел.

Бейбарс отвёл его в сторону и зашептал на ухо. Старик передал факел сторожу, кивнул стоящим рядом:

— Заносите!

У царевича оказалась вывихнута рука, проломлена голова, на теле зияло несколько ножевых ран и кровоподтёки — следы от ударов сапог. Целый час колдовали над ним лекари маристана, ощупывая каждое ребро, зашивая раны, накладывая повязки, приводя юношу в чувство. Шах-заде открыл глаза и сразу же стал кричать, угрожая смертью каждому, кто к нему прикоснется. Потом попросил пить. Ему дали какое-то снадобье, и он утих.

Мамлюки на носилках принесли царевича в Цитадель и передали в руки охраны. На другой день Бейбарс уже стоял перед султаном, посвящая его в тайну происшествия: ремесленники отмечали чудесное спасение от пиратов своего товарища, вернувшегося из Кыбриза. Группа юношей ворвалась в харчевню и, угрожая оружием, потребовала очистить помещение.

Через неделю ал-Фарис Октай Джамдар приехал на остров и забрал Бейбарса в Цитадель. Вторым раз Бейбарс столкнулся с царевичем после праздника обрезания. В тот самый день, когда султан официально объявил Шаджарат ад-Дур женой и сделал её первой женщиной в стране Миср. Пьяный шах-заде ворвался в комнату, где сидели писцы военного дивана. Он сжимал в руке кинжал, и наполненные безумной яростью глаза его шарили по углам в выборе жертвы. Бейбарс вошел в комнату вслед за царевичем, писцы должны были подготовить ему подорожную в Верхний Миср. Туран-шах обернулся на шум открываемой двери и бросился на вошедшего. Бейбарс перехватил запястье, ударил пьяного царевича по шее и подхватил падающее тело. Замершие от страха писцы, молча, не мигая, глядели на своего спасителя. Бейбарс приложил палец к губам и вышел с грузом в руках. Он уложил Туран-шаха в его комнате, обложил подушками и ушел, заперев за собой дверь. Наутро царевич пришел в себя. Он сидел на ковре, обхватив голову и медленно раскачиваясь из стороны в сторону. Кивнул вошедшему Бейбарсу и тихо, виноватым голосом, спросил:

— Я вчера ничего лишнего не натворил?

— Нет, Шах-заде, вы только

очень сильно размахивали кинжалом. — Бейбарс достал с полки оружие и протянул его царевичу. Тот положил кинжал рядом, отстегнул ножны, украшенные золотом и драгоценными камнями, со злостью сунул лезвие в них и протянул Бейбарсу:

— Возьми, я дарю его тебе. Мне кажется, на нем тяготеет заклятие... Каждый раз, когда он попадает в руки, мне хочется кого-нибудь проткнуть.

Когда Бейбарс вернулся из поездки, царевича уже не было в Цитадели. Султан отправил его правителем в Дамаск.

ТУРАН-ШАХ

У ворот султанского дворца гонец сполз с коня, постоял несколько минут, пока не почувствовал под ногами привычную твердь, и глубоко вздохнув, постучался в ворота. Он шел к султану. Весть, которую он нес, могла быть и плохой, и хорошей. Окажется плохой — молодой султан вправе вбить ему в глотку сказанное, чтоб об этом никто больше не услышал; окажется хорошей — может щедро одарить. Почему-то гонец был уверен, что весть, доставленная им с такой спешкой, вряд ли обрадует Туран-шаха. Гонец так думает и, в надежде на лучшее, преклоняет перед троном колено:

— Султан, тысяча мамлюков движется на Дамаск. Завтра они будут здесь...

Туран-шах вскочил, шагнул к нему, двумя руками ухватился за ворот куртки и резко тряхнул:

— Кто?!

— Эмир Бейбарс!

Султан обреченно упал в объятья трона. Сидел молча, уронив пле-

чи и глядя поверх гонца, словно там, на стене, должна была вспыхнуть огненная строка приговора. "Тысяча — это не тумен... Бейбарс... Если это конец, то не Бейбарс должен быть исполнителем... Может, отец решил обмануть... Почему он не поверил мне? Значит, за всем этим стоит Шаджарат...".

Бейбарс... Туран-шах вспомнил, как он, мальчишка, доведенный до отчаянья, бросился с галеры в Нил. Страшно было в первое мгновение, когда воздух комом застрял в горле, заставив стиснуть зубы и плотно сомкнуть губы. Мягкий солнечный свет ворвался сквозь сомкнутые веки, и всё лучшее, что было в его короткой мальчишеской жизни, яркими рисунками пробежало перед взором. Потом всё свернулось в длинную трубу, в конце которой забрезжил свет. Он ринулся к этому свету, но кто-то преградил путь, и все погрузилось во мрак.

Он пришел в себя, когда в ноздри ворвался поток воздуха, смешанный со жгучими каплями влаги. Зашелся в кашле, а когда отдышался и открыл глаза, увидел Бейбарса. Они плыли к галере, и та, словно чайка, торопливо вскидывая весла-крылья, неслась им навстречу. Бейбарс подтолкнул его к низкому борту, цепкие руки подхватили и бережно уложили царевича на доски палубы. Он попытался подняться, но Бейбарс не дал, прижал тяжелой ладонью к жесткому ложу:

— Не спеши, Шах-заде, полежи немножко. Ты родился под счастливой звездой. Я мог и не найти тебя в этой мутной воде. Вернемся на остров — будешь учиться плавать. Отцу ничего не говори. Он прикажет выколоть нам глаза за то, что не углядели...

"Значит Бейбарс... Отец сам не

мог решиться на такое, это она заставила его, опасаясь, что он, Туран-шах, будет претендовать на трон Мисра. Постаралась отправить его подальше... Может, написать ей, что он доволен своим нынешним положением, готов поклясться на Коране и присягнуть её сыну Халилу... Вот если бы отец сам объявил его, Туран-шаха, единственным наследником... Но не его мать, наложницу из Мараканда, а её, Шаджарат, он сделал султаншей... Правда, это было уже после смерти матери. Тогда отец был султаном здесь, в Дамаске, и если бы не смерть султана Мисра дяди Камилы... Потом этот ферман...".

Туран-шах даже собирался отправиться в Эль-Кахиру и объяснить отцу, почему так получилось, почему он не смог выполнить его волю... За месяц до получения фермана он отправил в Миср налоги, собранные за весь год, а потом пришел этот приказ явиться во главе тумена в Эль-Кахиру. Но для того, чтобы собрать тумен воинов халка, подготовить их, одеть, вооружить, нужно не меньше года. Отец это должен был знать. Тумен — не сотня, даже не тысяча, а он здесь, в Дамаске, всего полгода. Он сумел собрать и достойно экипировать всего три тысячи воинов, даже готов был уже выступить с этим войском, когда пришло известие, что битва не состоялась, и что войско возвращается в Эль-Кахиру...

Туран-шах почувствовал себя, как когда-то в детстве, несправедливо наказанным и улыбнулся кривой улыбкой, которая делала его лицо злым и надменным. Глянул на гонца. Тот, сгорбившись, уронив голову на грудь, находился всё в той же позе — опершись на колени...

— Встань, Карим. Иди отдохни.

Вечером решим, что нам делать. — Туран-шах поднялся и, удивленный неподвижностью гонца, положил ладонь ему на плечо. — Всё будет хорошо, эмир... — султан слегка подтолкнул гонца. Тот завалился набок и упал на спину, подняв к потолку остекленевшие глаза. Туран-шах отшатнулся. Он воспринял это как предупреждение о надвигающейся опасности.

К утру все проходы к тронному залу были заняты воинами личной тысячи султана. В окружающих зал комнатах засели лучшие стрелки с арбалетами в руках. И визирь, и муфтий, и эмиры поддерживали решение молодого султана не впускать мамлюков в город. Весть о том, что рыцари захватили Дамиетту и готовятся к походу на Мансуру, уже домчалась и до Дамаска.

Открытыми оставались только одни ворота. Туран-шах и эмиры поднялись на городскую стену и обратили взоры на юг, куда уходил широкий караванный тракт. Далеко, у самой линии горизонта, появилось туманное облачко. Оно росло, раздвигая крылья по сторонам и, подгоняемое ветром, стремительно приближалось к городу. Султан махнул рукой, створки тяжелых ворот медленно, со скрипом сомкнулись.

Серая пыльная лавина замедлила бег, свернула с дороги на зеленую ложбину и, заполнив её, замерла. Ошибся гонец. Зоркий глаз эмира охранной сотни Туран-шаха Идриса не мог ошибиться:

— Мой султан, там не одна, а две тысячи. Одна, одежда которой потемнее, — это мамлюки Бейбарса, а вот вторая... вторая — это Халебская тысяча, тысяча султана Насира, вашего дяди...

И словно в подтверждение слов эмира на дорогу выехали два всад-

ника в сопровождении сорока мамлюков. В одном из них Туран-шах узнал Бейбарса.

— Кто это рядом с Бейбарсом? — спросил султан, не отрывая глаз от дороги.

"Почему Бейбарс оставил воинов и не повёл их за собой в город?" — подумал он. Услыхав, что рядом с эмиром султан Халеба Насир, Туран-шах бросил Идрису:

— Прикажи открыть ворота!

Створки ворот распахнулись, и Туран-шах выехал навстречу гостям. Бейбарс и Насир сошли с коней и первыми поклонились Туран-шаху. Султан Насир, как внук Салах ад-Дина, как старший в роду после отца Туран-шаха Салах ад-Дина Айюба, сделал шаг вперед:

— Я приветствую тебя, султан Мисра. Отныне ты — главный в нашем роду. Такова воля твоего отца!

Бейбарс протянул удивленному Туран-шаху ферман с печатью отца. Султан глянул в глаза Бейбарсу, надеясь прочесть в них ответ на тот глоток неверия, который застрял у него в горле. Но взгляд эмира, едва заметная не то улыбка, не то ухмылка, промелькнувшая на его лице, ни о чём не говорили. Туран-шах развернул ферман, прочитал его и, увидев внизу подпись "Султанша Мисра Шаджарат ад-Дур", снова поднял на Бейбарса глаза. Тот в ответ на вопрос сомкнул веки и едва заметно кивнул.

ДАМАСК

Туран-шах вспомнил свой приезд в Дамаск. В его жизни это останется навсегда как самый яркий и самый радостный праздник. Дамаск был город, где он родился, где его отец был султаном, город, который он помнил смутно, как не-

что сказочное, словно всё это было совсем в другой жизни. Он въезжал в город во главе тысячи нукеров. Въезжал именно через эти ворота, главные ворота города Баб-Шарки — Восточные ворота. Его тогда поразили высокие неприступные стены, сложенные из огромных каменных блоков. Массивные боевые башни узкими прорезями глаз грозно смотрели с высоты своего величия, будто предупреждая о том, что и днем, и ночью глядят на дорогу недремлющим оком вечно-го стража.

На подступах к городу нового султана встречала отборная сотня во главе с эмиром города, эмиром Цитадели, главами купеческих и ремесленных гильдий. Едва они приблизились к воротам, как грянули трубы, ударили барабаны, запели флейты, и огромные, из прочного, как камень, ливанского кедра ворота, гостеприимно распахнулись, массивная железная решётка уплыла вверх в объятия надвратных башен, открывая молодому султану въезд в город.

Эмир города вручил Туран-шаху Золотой ключ от ворот Цитадели и в своей торжественной речи напомнил, что тот родился здесь, в Дамаске, и что, вероятно, сам Салах ад-Дин, дух которого витает над городом, вознес молитву к стопам Всевышнего с просьбой даровать султанское величие его правнуку. Приняв символ верховной власти, Туран-шах, теперь уже на правах султана, проехал по главным улицам города. Горожане, как один, вышли встречать молодого правителя с розами в руках. Снежно-белые, ярко-красные, сиреневые, желтые, оранжевые — словно сама радуга, во всем своем многоцветии, сошла с небес и расстелилась под копыта его коня.

Огромные бутоны знаменитой дамасской розы, как факелы, ограждали путь правнука великого Салах ад-Дина от дыхания злых и завистливых дэвов, ибо розы эти обладали волшебной силой заклятия. Легенды сохранили память о том, что они украшали знаменитые висячие сады Семирамиды в Вавилоне. Персидские цари Ахемениды посылали в Дамаск за розами караваны быстроногих верблюдов и платили за эту красоту золотом. Розы разводили халифы из династии Аббасидов. Сам халиф Муттавакиль любил повторять: "Я — халиф султанов, а роза — повелительница всех цветов в подлунном мире, и мы достойны друг друга". Говорят, великий Салах ад-Дин, освободив Иерусалим от крестоносцев, велел доставить туда на пятистах верблюдах воду, настоящую на лепестках "красавиц Дамаска". Этой водой окропили улицы Иерусалима. Говорят, сам Авиценна разработал рецепт изготовления розовой воды...

Они медленным шагом проезжали мимо цитадели Ал-Калча, построенной его прадедом. Она тянулась от ворот Баб-Шарка до ворот Баб-Тума — святого Фомы, как называли эти ворота местные христиане. Старейшина ремесленников города, могучий седобородый кузнец, прижал руку к сердцу:

— Дорогой султан! Если мне не изменяет память, вы родились в стенах этого святого для нас места и совершили первые шаги по этой земле...

Они приблизились к реке, и она обдала их своим свежим дыханием. Река Аль-Барада, несущая свои воды с гор, словно хрустальный клинок, рассекает город на две половины. На дальних подступах в реку вливаются ледяные воды ис-

точника Айн аль-Фиджи, убыстряя её течение и делая еще холоднее и прозрачнее.

Они проехали по каменному мосту, направляясь к величественному храму — мечети Омеядов, построенной более полутысячи лет назад халифом Валидом бен Абдель-Маликом. Туран-шах вспомнил легенду, рассказанную ему воспитателем: халиф пригласил в Дамаск самых именитых архитекторов мира. Здесь трудились тысячи искусных ремесленников, каменотёсов, художников, золотых дел мастеров. Мечеть была возведена на руинах языческого храма Юпитера Дамасского. У входа в храм идущих на молитву встречает крылатый сфинкс, делающий первый пружинистый шаг разбега на пути в солнечную высь.

Не доезжая до мечети, они сошли с коней и склонили головы перед вышедшим навстречу великим муфтием. Туран-шах, как тогда в детстве, припал к руке старца, почитая его сан, прожитые годы, высокую мудрость. Старец поклонился в ответ, и сухие губы его тронула мягкая улыбка:

— Я безмерно счастлив, сын мой... Всевышний даровал мне свою безграничную милость — я мальчишкой лицезрел твоего царственного деда, великого Салах ад-Дина. Более чем полувек спустя я лицезрю тебя, его правнука, несущего на своем лице печать его величия, отваги и мудрости. Разреши мне, как тогда во дни твоего светлого детства, снова проводить тебя через врата божьего дома. Да будет твоё правление в городе, который был и остается одним из главных столпов веры нашей, таким же державным и славным, как во времена правления великого Салах ад-Дина.

Они вошли в высокие резные ворота мечети, сотворили молитву, трижды повторив божественные слова фатихи, которые возносились к величественному куполу и там, в вышине, обретая крылья, возвращались назад и вливались в тихие голоса молящихся, усиливая их звучание. Впервые под сводами мечети была вознесена хутба, где в слова молитвы вплеталось имя султана Дамаска Туран-шаха Айюба.

Услышав своё имя, он поднял глаза: всё тот же квадрат в середине мечети, украшенный четырьмя величественными колоннами. В детстве он пытался обнять каждую из них... Арки, соединяющие колонны, были выложены мозаикой. Он помнил каждую из этих картин: река Барада, селение среди финиковых пальм, Мекка, игрушечный Дамаск... Какими громадными, уходящими ввысь, к самому Богу, казались они тогда... этот квадрат, эти колонны, эти картины из кусочков разноцветных стёкол. Из глубины души, из самых её затаённых уголков выплывало всё то, что там, в Эль-Кахире, было раздавлено и смешано с грязью бытия, утоплено в сладком дыме кальяна...

На другой день утром эмир города привёл к султану главу купеческой гильдии Абдул-Азиз малика. Султан пригласил их к утренней трапезе. Глядя на сухое, почерневшее от жаркого солнца лицо, мясистый нос, голубые глаза, глядевшие, как два лазурных стеклышка из мозаичной картины в мечети, Туран-шах подумал, что ранний визит купца связан с оживленной торговлей, проходящей через Дамаск.

— Мой султан, да продлит Аллах дни вашего царствования в нашем городе во имя его процветания и простит меня за то, что я

хочу нарушить первый день вашего пребывания... — Уловив нетерпеливый жест султана, купец перешел к делу. — Сегодня на рассвете из Бейрута пришел караван. Погонщик привез сообщение от нашего человека в Кыбризе. Сотни кораблей крестоносцев отплыли от берегов Кыбрыза и взяли курс на Дамьетту. Тридцать боевых кораблей уже вошли в гавань Бейрута. Как сказали нам наши христианские друзья, которые вели переговоры с рыцарями о загрузке кораблей продовольствием и фуражем, если рыцарям удастся захватить Дамьетту, то следующим будет Мансура, а там и Эль-Кахира... В планах крестового воинства и наш город. Судя по всему, их лазутчики уже побывали у нас... Рыцари осведомлены о состоянии крепости, о количестве защитников. Этот человек передал, что поход на Дамаск будет зависеть от переговоров с монголами.

— А каково положение в самом Бейруте? Они не пытались его захватить?

— Нет. Правда, рыцари и их матросы свободно расхаживают по городу. Случаев захвата домов и грабежей не было. Они не заинтересованы в нарушении торговой конвенции с городом. Если они захватят город и нарушат торговлю, то очень скоро Кыбрыз останется без продовольствия. Они тоже стали умнее, они уже дважды захватывали Бейрут...

Султан покачал головой, и кривая улыбка исказила его лицо. Купец почувствовал злую иронию в голосе:

— Значит, мы сами их и кормим, и помогаем им...

Купец вздохнул, развел руками:

— Жизнь показала, мой султан, что лучше торговать, чем размахи-

вать мечом. Доходы от этой торговли позволяют поддерживать в нормальном состоянии крепостные стены, а они у нас давно уже не ремонтировались и кое-где не мешало бы привести их в надлежащее состояние. — Султан заметил, как голубые изразцы метнулись на мгновение в сторону эмира города. — Не мешало бы увеличить охрану, улучшить вооружение. Ведь не зря говорят: "Не будешь регулярно натягивать тетиву лука, ствол высохнет..." Если вы посчитаете нужным, наша гильдия и гильдия ремесленников готовы помочь...

— Есть ли у вас свои люди в Бейруте, которые в случае опасности смогут вовремя предупредить нас?

— Есть, мой султан. Я пошлю срочное сообщение с первым же караваном, пошлю денег, чтобы там всегда были наготове быстрые кони.

Туран-шаху хотелось спросить у купца о человеке в Кыбрызе, но он вовремя догадался, что может поставить купца в неловкое положение и спрашивать не стал. Купец не заискивал, не льстил, не говорил лишнего. И глаза у него, должно быть, зоркие, если он счел нужным предупредить султана о лазутчиках. Такой попусту пугать не станет.

Уже на другой день султан в сопровождении эмиров объехал крепость, побывал на башнях, проверил состояние ворот. Их было восемь, и половина требовала ремонта. Те, немногочисленные воины халка, которые охраняли крепость и дежурили на стенах, выглядели далеко не так грозно, как мамлюки Эль-Кахиры. "Да, глаза у купца на месте... — подумал Туран-шах, — такому человеку и казну города можно доверить смело".

Три дома, три дворца построил его великий дед — здесь, в Дамаске, в Халебе и в Эль-Кахира. Но называл их не дворцами. Да они и не были ими. Это, скорее, дома-крепости, где размещалось жильё, личная охрана, гарем, хозяйственные службы, диваны, писцы и служащие, подвалы, в которых хранилось оружие, казна, архивы, запасы продуктов. Все три твердыни — и здесь, и в Халебее, и в Эль-Кахира — выражали твердость его характера, презрение к роскоши, пышности, безделью. Здесь у него под руками все главные ветви власти: диван войска, диван торговли, диван земельных ресурсов, налоговая служба. Он в любую минуту мог получить точные данные о состоянии казны, о поливных землях и садах, об ожидаемом урожае, о кознях своих врагов, а их у него было немало как за пределами страны, так и внутри её. Всё это выражалось одним словом — Цитадель. Цитадель власти, Цитадель силы, Цитадель могущества.

Три похожие твердыни, три разных мира в разных концах его царства. Мягкая улыбка умиротворения озарила лицо Туран-шаха, когда перед ним распахнулись ворота, и он торжественно въехал в мир своего детства. Вступая в этот потерянный рай, почувствовал, как сползает с его плеч тяжесть неустроенной безалаберной жизни в Цитадели Эль-Кахиры, как шаг за шагом подступает новая жизнь, жизнь настоящая, где он, Туран-шах, волен казнить и миловать, волен наградить и лишить нечестно нажитого богатства — волен принимать любые решения. Здесь он обретает гордыню султана и может быть самим собой, а не принцем, брошенным на произвол судьбы.

Там он был старшим сыном, но не был наследником, был первенцем, о существовании которого отец вспоминал так редко. Его старческому сердцу всех ближе была Шаджарат, мамлюки, к которым он благоволил и щедро одаривал. Может, он считал Туран-шаха неспособным на большие дела? Способным только на кутежи, драки и безрассудные поступки? Туран-шах вдруг поймал себя на мысли, что он благодарен Шаджарат за то, что она сумела внушить отцу мысль испытать его на самостоятельность, дать ему власть султана в восемнадцать лет...

Он вступал в Цитадель как потомок великого Салах ад-Дина, как продолжатель его дела. Он вступал в древний и величественный Дамаск.

Он отпустил всех слуг и, оставшись один, отправился бродить по залам и закоулкам. Благо, в честь его приезда повсюду были зажжены светильники. Побывал в зале приемов, посидел в массивном троне, спиной ощущая тепло пятнистой шкуры хищника, добытого на охоте самим прадедом. Потом прошелся по пустующим комнатам гарема. Тут до сих пор витали запахи розовых масел и всё так же, как и в дни детства, тихо и радостно журчал маленький фонтан, но уже не было пёстрых рыбок. Он погрузил в воду ладонь — вода была такая же холодная, как в детстве...

Побывал в покоях матери, где по её рассказам художники нанесли на стену частичку далёкого Турана. Побывал в комнате воспитателя. На полках, тесно прижавшись друг к другу, стояли на своих местах книги, на полках пониже — глиняные статуэтки древних богов и богинь, сказочных зверей и птиц. Висели на стене щиты, луки и колчаны, полные стрел с причудливым оперением. Туран-шах опустился на корточ-

ки перед столиком, за которым он когда-то сидел и листал букварь, написанный для него воспитателем.

Туран-шах бережно закрыл книгу и еще раз прошелся внимательным взглядом по полкам, по кожаными переплетам, украшенным золотыми орнаментами. Должна быть еще одна книга... Какая? Что было связано с этой книгой? В те редкие случаи, когда мать сама приводила Туран-шаха в эту комнату, учитель усаживал его на спину крылатого коня, и пока шах-заде раскачивался на нем, пытаясь оторваться от земли, учитель показывал ту книгу матери, листал страницы, что-то читал негромко вслух. А когда мать уходила, он прижимал книгу к груди и долго глядел ей вслед... Что это была за книга?

Он ее нашел. На самой верхней полке, среди схожих корешков, на её корешке, в одном из завитков орнамента, разглядел маленькую звездочку. Туран-шах расположился на ковре и стал осторожно листать страницы китайской бумаги, сохранившей белизну, эластичность и запах... Где-то на середине фолианта попался двойной лист. Он был толще, чем другие, и уголки листов были слеplены. Острым кончиком кинжала он развел уголки и развернул бумагу. На него глядела прекрасная молодая женщина, и её карие миндалевидные глаза были наполнены улыбчивой грустью. У него сжалось сердце. Только теперь, когда он внимательно вгляделся в лицо мальчишки, сидевшего у её ног, щекой прижавшись к золотой кайме халата, он догадался, что мальчишка — это он сам, а женщина... На глазах невольно проступили слезы. Это была работа воспитателя, это была его рука, его кисти и краски, которые лежали в окованном железом сундучке.

Туран-шах поставил поближе светильник, еще раз внимательно вглядываясь в почти забытые черты, осторожно провел кончиками пальцев и, не веря озарившей его догадке, покачал головой. Он поймал себя на мысли, что между его матерью, этой молодой женщиной на бумаге, и художником существовала какая-то тайна, принадлежавшая только им двоим...

Только ли им двоим? Они умерли неожиданно, сначала она, а в день поминок и он. Туран-шах смутно помнил слухи о яде. Это была паутинка сплетен, лепившаяся по темным уголкам дворца. Тогда, в детстве, он не мог понять смысла услышанного... Он машинально перелистал несколько следующих страниц — еще один двойной лист, но на этот раз обычной толщины. Нащупал рукоять кинжала и развел углы. Это были стихи:

Заболел я любовью, —
недуг исцелить нелегко.
Злая доля близка, а свиданье
с тобой — далеко.
О, разлука без встречи, о,
боль и желанье, и дрожь...
Я к тебе не иду — и меня ты
к себе не зовешь.
Я — как птица: ребёнок
поймал меня, держит в руках,
Он играет, не зная, что
смертный томит меня страх...

А ниже еще два куплета:

Мне запрещено к любимой
обращать свой взгляд,
Но душе пылать любовью
разве запретят?
Как тяжек наш с тобой
неумолимый рок:
Рабыня — для него,
а для меня ты — бог!

Что он, мальчишка, запомнил о том смутном времени? Очень скоро отца призвали в Эль-Кахиру, он стал султаном Мисра. Они переехали в другую Цитадель... И еще он слышал, что на корабль, на котором евнухи перевозили гарем отца, напали пираты, и корабль затонул.

ДОРОГА

Пока Туран-шах с визирем и хранителем казны готовили для султана Насира, который с уходом Туран-шаха вступал в права султана Сурии, документы, сам султан Насир и Бейбарс в сопровождении эмира крепости отправились после утренней трапезы на осмотр города и его хозяйства. Это Бейбарс предложил султану Насиру проехать еще раз по городу, ему хотелось, памятуя народную мудрость "Каков хозяин — таков и дом его", убедиться, что год, проведенный Туран-шахом в Бейруте, не прошел для него даром, что те перемены, произошедшие в характере и поведении будущего султана Мисра, вселяют надежду на будущее.

Еще свежи были в памяти Бейбарса "подвиги" юного шахзаде. Когда Бейбарс, вернувшись из инспекторской поездки, узнал, что от царевича избавились, отправив в Сирию, в Дамаск, он только удивился и пожал плечами. Как говорят арабы, "Если ты хочешь стать настоящим хозяином верблюда, нужно помнить цену, которую ты заплатил за него". Шахзаде, к которому отец не испытывал ничего, кроме скрытого презрения, и которого не готовил в наследники, как прибывший к чужой стае волченок, доедал жалкие остатки охотничьей трапезы и всегда держался в стороне... Он так и не завоевал

признания родственников, уважения местной знати, авторитета у мамлюков. Что он мог дать такому городу, как Дамаск?

Бейбарса удивила чистота, царившая в городе. Казалось, что здесь и улицы шире, и дома верхних этажей пропускают больше солнца и света. Здесь было меньше лавок и лавчонок, преграждающих дорогу к реке, откуда шло ощутимое дыхание прохлады и свежести. Улицы были обильно политы и подметены, и вслед за конным эскортом мамлюков не тянулся привычный шлейф пыли. Они ехали вдоль городской стены. Все восемь ворот были в хорошем состоянии. У стен рядом с воротами были аккуратно сложены массивные блоки. Если бы крестоносцы вздумали ломиться в город, то, протаранив ворота, они наткнулись бы на каменную стену.

Бейбарс побывал в надвратных башнях и ощутил их мощь и высоту. За зубчатым частоколом — метательные машины, огромные медные котлы со специальными горловыми лотками, позволяющими веером разливать кипящее масло на головы врагов. Султан Насир с уважением смотрел на стремительно-го гостя, за которым он едва поспевал, забыв об этикете. Бейбарс ощупывал машины, осматривал топки котлов, запасы смолы и стрел, рогатины для сталкивания штурмовых лестниц. Проверял состояние подъездных путей и лестниц, ведущих на стены, качество оружия у охраны. Наконец, он остановился, облегченно вздохнул, приложил руку к сердцу, словно извинялся перед султаном Насиром:

— Да-а-а... Видно советники у шахзаде были с головой. Не ожидал я от него... Если бы всё это мог увидеть султан Салих, он бы не поверил своим глазам. Кому-то уда-

лось расколдовать и вернуть к жизни Туран-шаха.

— Главными его советниками и помощниками в этом деле были купцы и ремесленники. Нам удалось узнать о готовящихся переговорах между рыцарями и монголами. Говорят, сам папа Римский благословляет рыцарей на это. Потому Шахзаде и не смог вовремя прийти вам на помощь.

Потом, когда они тронули коней и ехали, буквально касаясь стремени, султан Насир тихо добавил:

— На Кыбрызе близко к окружению короля есть человек... Он нас и предупредил. Я не знаю, кто он, кем послан. Знаю одно: мы должны прислушиваться к его сигналам.

— Этот человек предупреждал и султана Салиха. Мы готовы были к встрече, но султан не решился... У нас в запасе еще несколько месяцев. Если у молодого султана хватит ума и умения найти пути к сердцу султанши и верным ей мамлюкам, мы изгоним крестоносцев с нашей земли.

Султан Насир ненадолго задумался. Он был уверен, что молодая султанша в любом случае назовет наследником своего сына, но она не сделала этого. Почему? И мамлюки, и духовенство только приветствовали бы такое решение. Она оказалась умнее и дальновиднее, чем он думал. И даже то, что она именно ему, султану Насыру, доверила править Сурией... Он сам был немало удивлен, получив из рук Бейбарса ферман с её подписью.

— Я верю в мудрость султанши Шаджарат. Но будет ли по плечу Туран-шаху этот груз? Ему бы еще года два-три... Здесь он на виду, и само имя нашего великого предка, гробница, которую он видит чуть ли ни каждый день, всё это заставило его взять себя в руки, почув-

ствовать себя султаном, а не чьей-то игрушкой, учиться руководить людьми, находить с ними общий язык. Думаю, эмир, то, что ты сегодня увидел, убедило тебя — он становится настоящим мужчиной, достойным имени Аюбидов...

Порой в голосе султана Насира Бейбарс чувствовал желание убедить его не только в главном... Бейбарс понял, что султан хорошо осведомлён о жизни шахзаде в Эль-Кахире и тоже тревожится, все ли корни этой жизни оборваны. Он ни словом не обмолвился о своей роли во всём, что увидел посланник султанши. Именно это толкнуло Бейбарса на вопрос:

— Дорогой султан Насир, я хорошо знаю и помню о жизни шахзаде в Эль-Кахире... и ваши опасения имеют под собой почву. Я помню, как мальчишкой, не выдержав испытания, он бросился в мутные воды Нила. Характера ему не занимать. Я не имею права винить покойного султана Салиха, пусть земля ему будет пухом.

Конь султана Насира, напуганный взлетевшей из-под копыт пичужки, резко остановился и дернул удила. Чалма султана съехала на затылок, но он успел ухватиться за нее, успокоил коня, поправил выбившиеся из-под чалмы седые пряди и, когда кони оказались снова рядом, бок о бок, не стал изворачиваться, ответил на вопрос прямо:

— Когда-то эта история взволновала весь Дамаск. Как говорят, "слухам и каменная стена не помеха". Весь город узнал, что мать и воспитатель наследника отравлены, что даже корабль с гаремом и евнухами ушел на дно моря и унес с собой неразгаданную тайну. Купец, который купил невольницу из Турана, подарил её муфтию, деду вос-

питателя. Девушку увидел главный евнух и предложил купить её для гарема султана. Муфтий подарил её. У султана долго не было детей, родился сын... Воспитателем Шахзаде стал внук муфтия — один из самых образованных людей Дамаска. Потом пошли слухи, скорее всего, из стен гарема, о связи между матерью мальчика и воспитателем. Нашлись злопыхатели, доказывающие, что Шахзаде — сын внука муфтия.... Видно, кое-кому из Цитадели очень хотелось убрать муфтия, хранителя главной святыни Сурии. Судя по всему, до ушей Салиха дошли эти слухи, и он им поверил.

Султан Насир замолчал. Они свернули на дорогу, ведущую в Цитадель. Султан искоса глянул на Бейбарса. Он явно ждал окончательного ответа на свой вопрос. Султан покачал головой, словно доказывая что-то самому себе.

— Шахзаде очень похож на Салах ад-Дина... Я деда хорошо помню. Лицо, рост, манера разговаривать. Я окончательно убедился в том, что это наш род, наш корень, когда приехал поздравить Тураншаха, а если необходимо, и поддерживать. Я же видел его мальчишкой, а тут передо мной стоял мужчина. Меня он, конечно, не помнил. Когда я сказал, что прихожусь ему дядей, первое, что он сделал: прижал руку... и не к груди, как это делают многие, а почти к плечу и, чуть откинув голову, глянул на меня косым изучающим взглядом, точно так делал наш дед, когда впервые встречался с человеком. Этому научиться нельзя, это кровь... Я не выдержал, рассмеялся. Он был очень удивлен, спросил, почему я смеюсь? Я тоже приложил руку к плечу, глянул на него искоса и ответил: "Я смеюсь тому, что ты, Ту-

ран-шах, не зная того, в точности повторил привычку своего прадеда. Ты сейчас напомнил мне его. Его величие было не только в его делах. Его величие было еще в том, что он умел разбираться в людях, которыми себя окружал. Он умел доверять и спрашивать". Думаю, мне удалось внушить это молодому султану. Дамаск принял его. А это было главное.

Вечером они обсуждали состояние городских стен, запасы стрел, камней, смолы, масла. Бейбарс похвалил Туран-шаха:

— Вы всё очень правильно сделали, султан. Время сейчас смутное, и мы не знаем, какие новые шаги могут предпринять крестоносцы. Они обосновались в Дамiette и Мансуре и накапливают силы. Знают, что в ближайшее время мы их не потревожим, и могут решиться попробовать свои силы и тут. Все решат переговоры с монголами.

Бейбарс подсказал эмиру крепости, где он заметил недостатки в работе. Эмир внимательно выслушал и глянул на султана Насира. Тот согласно кивнул. Эмир откланялся и ушел. Вслед за ним пришел глава купеческой гильдии. Было заметно, что он чем-то взволнован.

Султан Насир глянул на купца:

— Мы вас слушаем, уважаемый.

— Только что пришел караван из Бейрута. Наш человек из Кыбрыза передал, что на днях в Бейрут придут те, кто назначен королем на переговоры с монголами. Возможно, и этот человек будет с ними.

Бейбарс и султан Насир переглянулись. Туран-шах ждал, что скажут старшие. После некоторого раздумья Бейбарс опустил ладони на колени и выпрямился:

— Мне необходимо самому побывать в Бейруте. — И обратился

к купцу. — Ваш человек может сегодня же отправиться с нами в путь? Мне нужны будут ваши связи в Бейруте. Это очень важно...

Ни султан Насыр, ни Туран-шах не стали его отговаривать. Город еще спал, погруженный в живительную прохладу Барады, когда неслышно раскрылись створки ворот Цитадели и, не нарушая ночного покоя, ведя коней на поводу, из ворот вышли пятеро. Едва они появились перед воротами Баб-Шарка, открылся узкий проход, и все пятеро, выйдя на дорогу, ведущую в Бейрут, оседлали коней и поспешили навстречу рассвету.

БЕЙРУТ

К Бейруту они подъезжали на рассвете следующего дня. Дорога тянулась вдоль берега. На изгибе сквозь молочную пелену предутреннего тумана стал виден залив, и казалось, что это не корабли заполнили гавань, а огромное стадо буйволов выставило навстречу рождающемуся рассвету тучные спины. Коня шли медленно, устало переставляя ноги, клочья пены, срываясь с удил, падали на землю и растворялись в пыли. Свернули на окраину города. Изможденные лошади замерли у высоких резных ворот караван-сарая. Саид, возглавлявший группу, не слезая с коня, постучал в ворота концом камчи. Ворота медленно распахнулись, пропуская всадников вовнутрь.

Несколько часов сна вернули Бейбарса к жизни. Он вскочил, протер глаза, удивленно рассматривая незнакомое помещение. Раздался осторожный стук. Вошел слуга с подносом в руке, оставил на століке исходящую ароматом рыбную похлебку, свежий хлебец, овощи и

ушел, не проронив ни слова. Бейбарс умылся, прочитал молитву и принялся за еду. Едва он завершил трапезу, снова вошел слуга. Он принес одежду, забрал поднос и также молча вышел. Бейбарс переоделся. Теперь он выглядел полным достоинства членом солидной купеческой гильдии: чалма, дорогой кинжал за поясом и, немаловажная деталь купеческого одеяния, новенькие туфли с загнутыми носами.

Вдвоем с Саидом отправились в порт. Саид теперь следовал чуть сзади, как и положено "слуге", соблюдая между собой и господином определённую дистанцию. Сначала они побывали на рынке — у входа обменяли вексель, который служил паролем. Меняла, выкладывая на прилавок стопку монет, сообщил "слуге", что "гонцы" прибывают сегодня.

Они сидели в одной из прибрежных харчевен, пили полукислый шербет и наблюдали за прозрачным горизонтом. Когда из лазурной дымки стали проступать очертания судов, обрели четкость паруса, украшенные черными крестами, Саид, ворча, рассчитался за шербет, оставивший во рту непонятный привкус, и отправился за "господином" на пристань.

Бейбарс отметил порядок, царивший у причалов. Отдельными группами стояли нефы, перевозившие тяжелогрузных рыцарских коней. По сходням сновали конюхи с охапками свежего сена, а навстречу им из-за высоких бортов несло сочное ржание застоявшихся скакунов. Между купеческими нефами, убрав на бортовые ложбины тяжелые весла, застыли боевые галеры. Там же, в ряду, — длинные быстроходные триеры. Он, кажется, узнал одну из галер! Ошибиться не мог: она была пиратская! На самой макуш-

ке мачты трепетал алый язычок косынки. В тот день, когда пираты захватили её у генуэзцев, Рыжий Лис снял с шеи алую косынку и привязал её к верхушке мачты. Он шутил, что этот кусочек пурпурной ткани принадлежал его девушке, угнанной в рабство генуэзцами.

Бейбарс подумал о пиратах. Он уже знал, что большинство пиратских кораблей нанято французами, а это верный заработок без риска и потерь. Хорошо бы встретить кого-нибудь из старых друзей. От них можно многое узнать...

Двенадцать нефов и пять боевых галер пришвартовались к свободному участку пристани. Бейбарс внимательно всматривался в лица рыцарей, спускавшихся по сходням галер. Он ожидал, что посланцы короля обязательно будут в их числе. Саид дернул его за рукав:

— Вон он! Третья нефа с краю.

— Ты о ком? — не поворачивая головы, спросил Бейбарс.

— Самый высокий — брат короля!

Трое, одетые торговцами, двое монахов и слуги выходили на берег: брат короля, как назвал его Саид, за ним коренастый, светловолосый молодой мужчина, явно чувствующий себя "не в своей одежде". "Рыцарь" — решил про себя Бейбарс. Третий, он тут же прилепил ему кличку "индус" — загорелый, с чуть приподнятым, раздвоенным костистым подбородком. Этот повыше "рыцаря". Шагает и глядит не под ноги, на трап, как это делают идущие впереди, а поверх голов на пристань, словно высматривает кого-то. Вся группа направилась к зданию амбара на краю причала, где командовали французы. Бейбарс до последнего мгновения следил за этим третьим. Где

он его мог видеть? В Аль-Кахире? Нет, не там... В Дамiette? Может быть, в Александрии? Нет. Память на лица у него цепкая. В Александрии этого человека он не встречал. Может быть, на одном из купеческих кораблей, взятых ими на абордаж? Нет... С таким встретишься в схватке лицом к лицу – не забудешь...

Вечером, вернувшись в караван-сарай, Саид услышал, что франкские "купцы" остановились тут же. Это была удача! Узнал и про караван – он пойдёт через Дамаск. Саид тут же прикинул в уме, сколько франков может заплатить король за своего именованного брата. Был уверен – Бейбарс потому и торопился в Бейрут, чтобы не дать посланцам короля встретиться с монголами. Он мысленно предположил, где именно на пути в Дамаск можно будет перехватить "караван", поделился этим с эмиром.

— А дальше?

— Назначим выкуп. Думаю, король денег не пожалеет...

— И во сколько ты собираешься оценить голову его брата?

На вопрос Бейбарса Саид развёл руками.

Следующий день был воскресным, и как только молодой "рыцарь" в сопровождении "индуса" вышел из ворот караван-сарая, Бейбарс с Саидом, чуть переждав, двинулись следом, смешавшись с идущими на рынок. В просторной лавке торговца оружием "послы" задержались. Почувствовав стоящих покупателей, купец разложил перед ними кинжалы самых разных размеров. "Рыцарь" выбрал из коллекции один, извлек из ножен и стал любоваться синеватыми отливками лезвия, красотой резной рукояти.

— Это работа знаменитого мас-

тера из Тарсуса Абдуллы. У вас зоркий глаз и прекрасный вкус, — польстил "рыцарю" купец.

"Рыцарь" протянул кинжал "индусу", и тут взгляд Бейбарса упал на сросшиеся пальцы... Сердце дрогнуло, словно желая подсказать ему что-то необычайно важное. Они с Саидом вышли из лавки, не дожидаясь торга и только поздно вечером, укладываясь спать, Бейбарс положил ладонь на грудь и, ощутив тепло матерчатого треугольника с молитвой, подскочил! Его осенило! Лежащий рядом Саид вздрогнул:

— Что случилось, господин?!

— По-моему меня укусила какая-то божья тварь...

— Зажечь свечильник?

— Не надо, я уже поймал её за хвост.

Ничего не понявший Саид зевнул, повернулся на другой бок и захрапел.

* * *

Сон не шел. Вспышка памяти прорвала завесу будничных забот и то далёкое, почти забытое, всплыло на поверхность: Солхат...

Он увидел себя на покато́й спине горы Агармыш. С неё, как на ладони, был виден пятиугольный караван-сарай его отца, купца Саида. Отсюда, словно две желтые тесемки, тянулись дороги Чин ёлу и Хинд ёлу — частичка великого Шелкового пути, по которому шли караваны с грузом. И, прежде чем попасть в Кафу или Керчь, они здесь отдыхали, кормили и поили животных, делились новостями, а по утру снова отправлялись в путь.

Он любил, забравшись повыше, смотреть, как из-за зеленого крыла Агармыша выскакивают на ши-

рокую дорогу всадники, охраняющие караван, и уже после них появляются тяжело нагруженные верблюды. Они вышагивают степенно, мерно покачиваясь, позванивая медными колокольчиками. Сколько раз он пытался пересчитать их, но каждый раз сбивался со счета, а когда последний верблюд скрывался за воротами, он сбегал с горы и стрелой мчался домой.

Когда издалека приходил большой караван, в честь благополучного прибытия устраивали богатый пир: резали баранов, разводили огонь под самым большим котлом, доставали из хранилища кумыс, махсуму, фрукты, вино, приносили груды лепешек. После сытного ужина караванщики наперебой рассказывали о нелегком переходе, о песчаных бурях, схватках с разбойниками, о дивах, принимающих облик разных животных, о сказочных птицах, которые взмахом крыла заслоняют солнце. Он прятался за широкой спиной отца и старался представить себе этих птиц. Потом разговор переходил на дела торговые: купцы жаловались на таможенные сборы, на потери в пути, интересовались ценами, сообща решали куда, на какой рынок выгоднее отвезти товары. Но он их уже не слышал, он продолжал сражаться с разбойниками, с джиннами, принимавшими облики сказочных птиц и трехголовых дивов.

Там, в той жизни, он впервые увидел Зейнура... Это случилось незадолго до набега монголов на Солхат. В тот день прибыл очередной караван. Он был невелик, всего около трех десятков верблюдов, но встречать его отец вышел сам. Всадник, ехавший впереди, увидев отца, слез с коня, они обнялись и, разговаривая на ходу, направились к воротам. Мансур не стал гадать,

что в тяжелых тюках. Одно то, что отец сам вышел встречать купца, и то, что погонщики все как один вооружены, уже говорило, что это не кожи, не ткани, а какой-то очень дорогой груз.

Вместе с караваном пришел и бродячий дервиш. Видно, он присоединился к каравану в пути. Пока разгружали верблюдов и перетаскивали тяжелые тюки в амбар, воздух наполнился ароматом жареного мяса. Хозяин каравана, его отец, погонщики сели вокруг блюда с мясом и только дервиш остался в стороне. Он уселся под стеной и, опустив голову на колени, дремал. Мансур, как всегда, устроился за спиной отца и внимательно слушал разговор взрослых. В их голосах звучала тревога, озабоченность. Несколько раз купец произнес слово "монголы" и о чем-то сообщал отцу полупшепотом, словно кто-то мог их подслушать. Воспользовавшись тем, что отец вместе с купцом и погонщиками отправились в амбар, Мансур взял лепешку, положил на нее несколько кусков мяса, накрыл другой лепешкой и направился к дервишу.

Мансур неслышно подошел и опустился перед ним на корточки. Почувствовав запах мяса, дервиш поднял голову и открыл глаза. Лицо у него было загорелое, из-под усов выступал крупный костистый подбородок. Он удивился, увидев рядом мальчишку, но прежде чем взять из его рук лепешки, улыбнулся и тихо сказал:

— Меня зовут Зейнур, а как зовут тебя?

— А меня зовут Мансур.

Дервиш поел, прочел молитву, провел по лицу ладонями и Мансур успел заметить, что два последних пальца правой руки сросшиеся. Дервиш спросил, чей Мансур

сын, какого он роду-племени. Разговаривал с ним так же серьезно, как это всегда делал отец. Потом спросил, кем он хочет стать, когда вырастет? "Воином!" — выпалил Мансур. Вырвалось это неожиданно, ведь его всегда приучали к мысли, что он будет маликом — купцом.

Дервиш порылся в хурджуне*, достал кисет, вытащил из него не монету, как ожидал Мансур, а молитвенный треугольничек, сшитый из ковровой ткани. На треугольнике серебряными нитками было вышито изречение из Корана. Он протянул треугольничек Мансуру:

— Возьми, придет день, и ты станешь воином... Великим воином. Эта молитва защитит тебя от стрелы, от сабли, от яда.

На другой день бабушка, увидев в руках внука молитву, подробно расспросила, откуда у него этот треугольничек. Выслушав ответ, достала из кармана фартука кожаный шнурок, пришила к треугольнику и надела внуку его на шею:

— Никогда не снимай эту молитву, береги её, как собственный глаз...

* * *

На следующее утро Саид уже знал, что подготовкой каравана занимается "индус", что уже сделан заказ на верблюдов, есть и проводник. И еще сообщили, что "рыцарь" в сопровождении слуги ускакал в сторону гавани. Бейбарс стоял за массивной деревянной колонной и наблюдал за "индусом". В распахнутые ворота караван-сарая ввели под уздцы коней с тюками. Судя

по всему, это были подарки короля франков хану монголов. Тюки бережно сняли, "индус" дал указание слугам и направился в сторону жилого помещения. Бейбарс нагнал его рядом со своей кельей и тронул за плечо:

— Если мне не изменяет память детства, ты — Зейнур?

Плечо дрогнуло, "индус" резко обернулся и глянул удивленно:

— Что еще подсказала тебе память детства?

— Ты можешь уделить мне немного времени? Я приглашаю тебя в свою келью.

Бейбарс толкнул дверь кельи и первым вошел внутрь. Гость шагнул следом. Бейбарс раздвинул ворот камзола и извлек треугольничек:

— Эту молитву за год до набега монголов на Солхат подарил мне ты. Меня зовут Мансур. Вспомни: Солхат, караван с оружием, мальчишку с лепешкой и мясом в руке. Я — эмир мамлюков, из личной охраны султана Мисра.

— Но султан умер...

— Через десять дней султаном будет объявлен Туран-шах. — Бейбарс почувствовал, что гость колеблется. — Ты должен был видеть мой поединок с вашим рыцарем. Вы из Кыбриза. Тот высокий — брат короля. Вы направляетесь на переговоры с ханом монголов... От меня зависит, состоится эта встреча или нет.

Сухие губы "индуса" дрогнули:

— Это тебе сообщил меняла у входа на рынок?

Бейбарс утвердительно кивнул.

— Значит, нас с вами связывают одни и те же люди. Что касается переговоров, то они должны состояться.

— А если они договорятся?

— Нет. Я уверен в этом. Рыцари самоуверенны. Их около пяти тысяч... Им нужен Миср. Через не-

* Хурджун — переметная сума — два мешка в одну связь для перекидки через плечо или через седло.

сколько дней будет взята Мансура. — "Индуc" глянул в глаза Бейбарсу. — Рыцари не собираются делать подарка монголам. Да и сам папа Римский не согласится на иные условия...

— Значит, и монголам нужен Миср?

— Иерусалим — это хороший повод. Не зря папа наложил интердикт на императора германцев. Договор с Фридрихом мог быть продлен еще на десять лет... Монголы, как минимум, потребуют власти над Мисром. Они тоже готовятся. Это не секрет, но франки надеются, что им удастся договориться. Я еду переводчиком. Постараюсь, сделаю всё от меня зависящее, чтобы сговор не состоялся.

— Как мы узнаем о результатах?

— Эти же люди сообщат вам. Кому именно передать?

— Мне, в Эль-Кахиру. Бейбарсу. И еще. Тебе известно, когда начнется главное наступление?

— По плану должны захватить Мансуру, перебросить из Кыбрыза оставшихся... Если план не изменится, ждите начала сухого сезона. Я сообщу.

Бейбарс положил руку на плечи Зейнура:

— Удачи тебе. Я сегодня же пошлю человека в Дамаск. Путь до границы с монголами будет свободен.

Зейнур окинул Бейбарса внимательным взглядом и, словно желая до конца убедиться, что ошибки не произошло, спросил негромко:

— Так что я тебе предсказал, когда вручал молитву?

Бейбарс рассмеялся:

— Это я запомнил на всю жизнь. Сказал: "Ты станешь великим воином"!

— Я рад, что моё пророчество сбывается!

Бейбарс проводил Саида в Дамаск с сообщением Туран-шаху, а сам решил задержаться на пару дней. "Пиратов возглавляет Рыжий Лис... Тогда, в последнем бою с галерами императора Никеи, Бейбарс спас ему жизнь, дал возможность избежать плена. За рыжую голову Лиса было обещано столько золота, сколько стоила боевая галера..."

Улочка на окраине... Сейчас он свернет с дороги и... Свернул, но улочки не было. Улочка исчезла! За годы, унесенные, словно пыль бытия, та старая ремесленная окраина стала частью города. Добротные дома, лавки, харчевни, мастерские. Он хорошо помнил дом Хакима-скупщика. Он не раз приходил сюда с особо ценными вещами и сам удивлялся, что этот скряга и плут рассчитывался с ним, молодым пиратом, сполна. "Этот ходячий мешок с золотом больше всего на свете боится твоего глаза с бельмом! — шутил Рыжий Лис, принимая из рук Мансура пиратскую выручку. — Я напугал старого ворчуна, сказал, что твоё бельмо обладает волшебным свойством: стоит тебя обмануть, оно на другой день становится красным. И если оно покраснеет... Он меня понял. Так что каждый раз, когда ты получаешь от него деньги, смотри на кисет этим глазом".

Рядом со скупщиком жило несколько пиратских семей, но пойдди, узнай теперь... Бейбарс оставил мальчишку:

— Если ты покажешь мне дом менялы Хакима, я дам тебе вот эту монету. — На ладони Бейбарса лежал серебряный дихрем — целое богатство!

Мальчишка снизу оценивающе посмотрел на купца. Он почему-то

не внушал ему доверия. Мальчишка зажмурил глаза и протянул руку:

— Давай монету! — Получив вознаграждение, мальчишка спрятал серебро за щеку и, сделав шаг назад, присвистнул. — Старый Хаким давно уже умер! В том доме живут его сыновья. Хочешь, я отведу тебя?

Старший сын скупщика оказался дома. Он внимательно всматривался в лицо гостя и, увидев пятно на глазу — след ожога от гашеной извести, обрадовался:

— Я вас помню! Вы приходили к отцу, правда, одежда на вас была другая.

— Кто из старых клиентов отца, которых ты помнишь, еще жив?

— Из тех, кого вы знали, здесь осталась только семья барабанщика Камиля. На углу нашей улицы большой белый дом, там живут его сыновья и внуки. У них торговые лавки на пристани...

"Если их торговля связана с пристанью, то они должны знать о Рыжем", — думал Бейбарс, подходя к дому, огороженному высоким каменным забором. На воротах висела колотушка, и Бейбарс, сам того не замечая, отстучал условный знак "я свой". Калитку открыл старик. Он не торопился впустить гостя в дом, его что-то насторожило. Он прижал к груди пятерню, спрятанную в рукавицу:

— Если вы ищете барабанщика Камиля, то его давно нет в живых.

— Я знаю. Он погиб у меня на глазах... Вырваться посчастливилось немногим, тех, кого захватили живыми, распродали на рынках Александрии и Дамьетты...

— Торговец, что ты хочешь от меня? — прищуренный взгляд старика и тон, каким задан был вопрос, не сулил ничего хорошего. Но Бейбарс понял, что в руках у этого

старика ниточка, которая может привести к Рыжему.

— Мне нужно встретиться с Рыжим Лисом. Я знаю, что он остался жив и при деле. Я хорошо заплачу.

Старик на мгновение задумался, и Бейбарс понял, что допустил ошибку: когда-то сам Михаил Палеолог, император Никеи, пообещал награду за поимку главаря пиратов — уж очень большой урон наносил тот купцам империи. Но старик уже отступил, пропуская гостя в дом. Поднимаясь на второй этаж, Бейбарс зацепил чалмой за перекладину, чалма упала, он наклонился и в это мгновение последовал удар.

Очнулся он в подвале, в массивном кресле, ноги и руки были прихвачены к креслу широкими ремнями. В подвале были старик и еще двое, судя по всему, его сыновья. На широком столе лежал кисет Бейбарса, рядом золотые монеты, кинжал, перстень-печатка, чалма. Сняли с него только кафтан. Старик сидел напротив, возле него — кувшин и глиняная кружка. Видно было, что они ждали, когда "гость" придет в себя. Бейбарс открыл глаза и невольно потянулся к шишке на голове. Его мутило. По лицу стекали холодные струйки воды. Он даже поймал языком одну из них.

— Дай ему воды!

Один из сыновей взял кружку и поднес её к губам пленника. Бейбарс сделал несколько глотков и окончательно пришел в себя. Старик с презрением отодвинул от себя золотые монеты:

— Этим ты хотел рассчитаться с нами за голову Рыжего? Молчишь... Помолчи, помолчи... Времени у нас с тобой много. И твоё молчание, и всё, что ты скажешь, навсегда останутся здесь, в этих стенах.

Бейбарс усмехнулся и глянул на старика так, что тот поёжился:

— Хотите получить за меня выкуп?

Старик с гримасой презрения глянул на золотые монеты:

— Ты не настолько богат, чтобы расплатиться с нами. А мы не настолько бедны, как тебе могло показаться.

— Если вы получили за старого Камиля всё, что ему причиталось, то он неплохо вас обеспечил. Да и ты, старик, сам, как я гляжу, скребки потерял не в обычной потасовке... Если ты участвовал в последней драке у замка Иера, то должен помнить, что в плен нас старались не брать. Тебе, видно, повезло, как и Рыжему Лису.

— Хочешь сказать, что и ты там был? Может быть... Но только на чьей стороне? Ты прав, в плен старались не брать, но ты-то живой. И если ты там был и дрался до последнего, то выходит — передо мной святой дух, а духи, скажу тебе, порой бывают очень опасны.

Бейбарс не понял намёка старика насчёт "духов", но окончательно убедился, что связь с Рыжим у старика есть. Понял и решил идти напролом:

— Не крути, старик, ты не жернов, я не пшеница. Знаю, что Рыжий здесь. Я видел красную косынку на мачте его галеры.

— А если видел, почему не пошел прямую?

— Не надо считать франков за дураков. Что бы со мной ни случилось, мои люди выйдут на связь с ним, и ему станет известно, что я был в доме барабанщика и постучался в твои двери. Заруби на носу, старик, если со мной что-то случится, то ты лишишься второй клешни, а в придачу с ней и головы. О сыновьях и внуках твоих я уже молчу.

Удар попал в цель. Старик вздрогнул, выпрямился и совсем другим тоном спросил:

— Что же я должен сказать Рыжему Лису? Что приходил купец и хотел нас купить?

Бейбарс почувствовал в голосе старика издевку, но тона не снизил:

— Ты сегодня, сейчас же, пошлешь к Рыжему сына. Пусть скажет, что встречи с ним ждет Меченый.

— Что-то я ничего прежде не слышал о таком...

— Значит, ты просто не участвовал в крупных делах, а зализывал оторванную лапу в пещере на берегу.

Старик с силой опустил здоровую ладонь на стол:

— Хватит. Я исполню твою просьбу. А вот какое решение примет Рыжий Лис, это уже его дело.

В ПЛЕНУ

Он остался один в полутемном подвале. Сквозь узкое окошко у потолка пробивалась солнечная полоска и медленно двигалась от одного угла подвала к другому. Бейбарс внимательно оглядел стены, пересчитал бревна на потолке, перевёл взгляд на массивную дверь с железным запором. Из такого мешка не убежишь. Но он почему-то был уверен, что убежать не придется. Большая зеленая муха залетела в окошко, прошла по столу, нырнула в кувшин с водой и не вынырнула... Заныли руки, притянутые ремнями к подлокотникам. Бейбарс прижался к спинке кресла, зажмурил глаза. Вспомнились первые дни на купеческой галере. Их было пятеро на одно весло. Его усадили у начала рукояти, у само-

го борта. Ему приходилось привыкать ко всему: удару барабана, призывающему опустить весло на воду, ритму гребли, удару бича надсмотрщика. Привыкать к тому, что на ногах браслеты, через которые протянута цепь, браслеты на руках... Самые опытные гребцы сидели в конце рукояти. Им и еда перепадала самая лучшая, самые большие куски рыбы и мяса.

Особенно трудно было в первые дни — он до крови натёр ладони. Рыжеволосый сосед, который умудрялся шутить по поводу каждого неудачного движения новичка, извлёк из-под сидения тряпицу, размазал по ней жирную зеленую грязь и привязал к его кровотокающей ладони. Боль утихла. Прорезь в борту позволяла Бейбарсу видеть море, слышать шум взбудораженной воды. Каждый раз, когда вёсла разом погружались в море, до него долетали соленые брызги, и он слизывал их с губ. Рыжий спросил, как его зовут, откуда родом? Бейбарс, скорее всего, догадался, услышав слово "имя", сказанное покипчакски, и ответил — Мансур. Тот одобритительно кивнул и показал на свой язык. Мансур заговорил на греческом, и оказалось, что он знает и этот язык. "Времени у нас будет много, — сказал Рыжий, взглянув на мрачного соседа слева, — вспомнишь. Родной язык забывать нельзя. Забывший родной язык становится рабом".

Мансура продали вместе с другими мужчинами на Константинопольском невольничьем рынке. Купил грек, капитан галеры. На обширном рынке для гребцов был отведено особое место — загон с навесом. Здесь молодые, сильные гребцы ценились не дешевле юных девственников. Грек, как истинный купец, прошелся по рядам, ощупы-

вал ноги, руки, заглядывал в рот, заставлял держать свою тяжелую трость за середину, а сам гнул и разгибал её. Грек умел выбирать и умел торговаться... Когда очередь дошла до Мансура, он первым делом взял его за запястья и, не нащупав жестких бугров, обычного следа железных браслетов, глянул на торговца:

— По-моему, этот попал сюда случайно. Он у тебя из другой породы.

Торговец рассмеялся:

— Зато силы в нем, как в испанском буйволе. Трем воинам головы проломил, когда брали его! Посадишь у начала рукояти — за неделю научится.

Грек еще раз внимательно оглядел пленного, возвышавшегося над другими на целую голову, и подумал, что из этого раба получится отличный воин. А хороший воин на галере стоит двух гребцов.

— Ну, если он одолел трех, я, так и быть, возьму его. Посажу, как ты сказал, у начала рукояти! Сколько ты надеешься получить за эту гору мяса?

— Недорого, всего восемьсот монет.

Мансур впервые в жизни видел такую большую галеру: два ряда весел, накрытых широкой верхней палубой, в центре высокая в два обхвата мачта и свёрнутый парус поперек палубы, а по краям, вдоль бортов, самострелы, огромные арбалеты, способные пробить насквозь слона... Галера напоминала, скорее, грозное боевое судно. Такая, пожалуй, пиратам будет не по зубам.

Вечером на стоянке матрос обнес гребцов едой. Кормили два раза в день. Ужин состоял из свежих хлебцев и куска вареного мяса — его на галеру доставили торговцы с

берега. Рыжий принялся за еду, Мансур не успел: он увидел, как двое гребцов, освобожденных от цепей, идут вдоль борта и забирают у новичков мясо. Подошли к ним, стали рядом. Рыжий что-то сердито сказал тому, что стоял напротив, тот замахнулся, но ударить не успел: Мансур поднялся и нанес головой такой удар в грудь, что обидчик, перелетев через ряд, грохнулся на застывших в удивлении гребцов. Второй любитель чужого ужина, сведя ладони в топорик, готов был проучить новичка, но тяжелый удар в челюсть отбросил его к борту. В полной тишине раздался хохот Рыжего. Он протянул Мансуру его хлебец с мясом и сказал негромко: "Когда мы вырвемся отсюда, я возьму тебя в помощники".

За драку Мансур заработал от надсмотрщика удар бича.

Через месяц, когда Мансур уже понимал речь Рыжего, тот рассказал ему, что у него была своя галера, правда, не такая большая как эта, что он промышлял у берегов Бургаса, что там их и настигли галеры генуэзцев. "Ничего, мы потерпим, — добавил он на ухо Мансуру, — я успел предупредить наших... Как выйдем в Черное море..." Ждать пришлось больше года. Видно, урон, нанесенный пиратам генуэзцами, был намного серьезней, чем казалось Рыжему.

Мансур уже стал сомневаться в планах соседа, но однажды на вечерней стоянке в громких выкриках торговцев снелю тот что-то услышал и надавил на колено Мансура: "Это наш, это сигнал. Ждать осталось немного". К этому времени они уже сидели у конца рукояти весла. Мансур сидел первым, прямо у него под ногами торчал штырь, от которого начиналась цепь, идущая по ряду. "Ты смо-

жешь его выдернуть?" — спросил Рыжий, заметив, что сосед внимательно изучает место крепления. "Штырь вряд ли, — ответил Мансур, — он загнут с обратной стороны бруса, а вот цепь... Цепь, я думаю, порвать можно. Она старая, видно, хозяин давно её не менял".

В то утро случилось то, чего они так долго ждали: тяжелогруженная галера миновала Боспор и вышла в Черное море. Даже в ясный солнечный день море было беспокойно. Шли под парусом вдоль берега. В какой-то момент набежали тучи, небо нахмурилось, тяжелые капли ударили по тугому парусу и хлынул дождь. Парус обвис, галеру прижало к берегу, и в это самое время раздался такой вопль, словно разверзся зев преисподней. Было слышно, как по верхней палубе над головами гребцов затопали ноги воинов охраны, как со стуком вонзались в деревянные борта крючья пиратов, слышались выкрики и стоны. На крик капитана надсмотрщики тоже бросились на верхнюю палубу, забыв запереть за собой крышку люка.

Мансур и Рыжий первыми разорвали свою цепь. Глядя на них, за покрытое ржавчиной железо принялись и другие. Гребцы вырвались наверх и бросились на обороняющихся воинов. Мансур с Рыжим прорвались к борту, сорвали два щита и стали теснить воинов, давая возможность пиратам забраться на борт. Одна за другой спешили к галере лодки с пиратами. Победа далась им дорогой ценой — вся верхняя палуба была устлана трупами: охрана, пираты, гребцы лежали один на другом. И трудно было понять, кто кого одолел. Галеру отогнали в бухту, вынесли на берег павших, расковали оставшихся гребцов, выгрузили товар. Ры-

жий бросился обнимать предводителя пиратов. "Молодец, — похлопал Рыжего по груди предводитель, — если бы не ваша помощь, нам вряд ли удалось бы одолеть их. Я верил, что ты освободишься от цепей и ударишь им в спину!" Рыжий подозвал Мансура, вооруженного обломком весла: "Вот тот буйвол, в руках у которого не всякая цепь — железо!" Глядя на окровавленного гиганта, на увесистый обломок весла в его руке, предводитель покачал головой: "Под ударом такой палицы никакая броня не устоит. Этого воина лучше иметь другом, чем врагом".

Галеру отремонтировали, привели в порядок весла, орудия на верхней палубе, паруса. Набрали команду, разделили на воинов и гребцов. "Воинов" одели в доспехи, обучили стрелять из самострелов, камнеметателей, арбалетов. Пополнили запасы камней, извести, греческого огня, горючей пакли, стрел. Командиром галеры избрали Рыжего, командовать "воинами" и абордажными группами поручили Мансуру. Вскоре галера вышла в море под своим прежним флагом.

Почти год охотились они на одиночные торговые суда генуэзцев. Но в последнее время генуэзцы стали организовывать флотилии, которые сопровождали боевые галеры. Да и сами грузовые нефы стали вооружать, как боевые корабли. Пираты тоже не остались в долгу у купцов и решили объединить силы. Боспорские пираты предупредили черноморцев, что генуэзцы специально оснастили две боевые триеры для пиратских рейдов. Триеры нападали на торговые суда Пизы, Венеции, Константинополя, захватывали и грабили прибрежные торговые поселения, топили корабли пиратов. По всему побережью от Кафы

до Никеи был пущен слух о "кровавых пиратах".

Рыжего и Мансура позвали на сходку капитанов пиратских галер. Решали вопрос, как проучить генуэзцев, отбивающих у пиратов их "законную" добычу, грабящих рыбацьи поселения и угоняющих в рабство жителей. Кто-то предложил заключить с генуэзцами договор о ненападении, но его обсмеяли: генуэзцы и так уже захватили в свои руки всю торговлю с Пантикапеей и Кафой. Было решено проучить "самозванных пиратов". Поручили это дело Рыжему Лису, в подкрепление дали ему одну из лучших своих галер.

На обратном пути Рыжий и Мансур сидели за кувшином вина в тесной каюте джалбы. Рыжий был озабочен предстоящей операцией. Он видел триеры генуэзцев, знал, как хорошо они оснащены и уже прикидывал, скольких недосчитают пираты в случае стычки. Мансур стукнул дном массивной кружки по столу:

— Что задумался, капитан? Не надо так долго глядеть на пустое дно!

Рыжий наполнил кружку и сделал глоток:

— Вот я пью и думаю, а вернешься ли ты с ребятами после первого абордажа? Они хорошо вооружены, у них палубы выше...

— А мы не станем брать их на абордаж, — сказал Мансур, задумчиво глядя на лежащий перед ним кусок овечьего сыра, напоминающий триеру.

— Как это не будешь? — удивился Рыжий. — Думаешь, они из страха перед моими огненными кудрями сложат оружие?

— Это ты хорошо сказал, "огненными". Над этим стоит подумать. И вообще, зачем брать их в плен?

Чтобы потом торговать ими на рынке Константинополя? Ходить и объявлять по рынку, что Рыжий Лис продает генуэзских торгашей по десять аспра за штуку?!

— Перестань хитрить, выкладывай, как ты собираешься их захватить?

— А я и не собираюсь их захватывать. Мне рабы не нужны.

— Перестань издеваться. Не то я запущу в тебя этой кружкой!

Почти до утра обсуждали они предстоящую операцию, осушив при этом все винные запасы джалбы.

Мансур тщательно готовил обе команды к необычному бою с триерами. Использовал каждый свободный аршин палубы, установив еще один ряд "черпалок", как в шутку называли пираты легкие метательные машины. Мансур укрепил возле берега старую нефу, и дни напролет тренировал стрелков и гребцов. Весь поселок собирался вечерами на берегу поглазеть, как галеры плавают мимо нефы туда и обратно, не разворачиваясь, забрасывая её камнями, пучками горячей соломы, горшками с жидкой грязью, пылью, зажигательными стрелами. И так, пока нефа не сгорела дотла. В один из таких дней струйка черного дыма со стороны Кафы просигналила долгожданное известие: идут триеры!

Мансур спрятал свои галеры за зеленым островком и, когда триеры прошли мимо, он бросился их догонять, распустив паруса, пользуясь попутным ветром и свежими силами гребцов. Генуэзцы упустили момент. Сначала они приняли галеры за свои, а когда догадались о враждебном намерении догоняющих, приготовились к отражению возможного штурма, выставив, как копья, длинные и прочные весла. Барабаны забили тревогу, стрелки

стали у метательных машин, воины, вооружившись арбалетами, выстроились вдоль борта.

Мансур точно просчитал расстояние между кораблями. Он учел и то, что заряды метательных машин триер вблизи просто перелетят через галеры. Поравнявшись с триерами, галеры резко затормозили, приняв на щиты залп арбалетов, сбросили щиты в воду, и на неприятеля обрушился град горшков с маслом, горючей смолой, пучки горящей пакли, зажигательные стрелы. Ударившись о борта, горшки разлетались, и в тот же миг вспыхивал огонь. "Черпалки" забросали стрелков греческим огнем. Сверху на головы им сыпалась известковая пыль, обжигая глаза, затрудняя дыхание. На всех палубах началась паника.

Воспользовавшись замешательством врага, галеры ушли вперед и, не разворачиваясь, задним ходом, снова оказались против триер, но уже с другой стороны. И всё повторилось с начала! Только теперь генуэзцы увидели, что не один привычный ряд, а сразу два ряда орудий метают в их сторону свои смертоносные заряды. Через несколько минут обе триеры пылали на ветру, как два огромных факела. Слышались крики, стоны, мольба. С бортов в воду прыгали горящие, как головешки, воины и тут же шли ко дну под тяжестью лат. Пираты с берега с удивлением смотрели, как остатки горящих триер медленно погружаются в пучину. На поверхности воды остались обуглившиеся доски, щиты, обгоревшие трупы.

Стоящий рядом с Мансуром Рыжий, не в силах оторвать глаз от воды, сказал чуть слышно:

— Генуэзцы подумают, что их триеры утащили под воду морские чудовища.

РЫЖИЙ ЛИС

Рыжий не вошел, Рыжий ворвался в подвал, заполнив его собой, своим зычным голосом. Первым делом он перерезал ремни, вытащил Бейбарса из кресла, потрянул пару раз и, снова усадив его в кресло, хватил по столу кулаком:

— Жив, сын акулы! Жив! Слава всевышнему и нашему морскому дьяволу! Спасибо тебе, Бахрам, не удержи ты его таким способом, я бы продолжал думать, что моего лучшего друга сожрали черви на дне морском! Давай, тащи сюда все твои припасы, будем пировать. — И немного успокоившись, прошелся удивленным взглядом по наряду Бейбарса, — Что с тобой случилось, Мансур, я не верю собственным глазам... Ты что, торгашом заделался?!

— Это так... для любопытных глаз.

— И кто же ты теперь?

Бейбарс хотел было отделаться шуткой, но не стал мучить:

— Эмир мамлюков.

Рыжий бросил на стоящего у стола Бахрама полный гордости за друга взгляд:

— О! Значит, мы теперь не только на воде, но и на земле кое-что значим! — И, стерев с лица переполнявшие его эмоции, спросил, кивнув в сторону моря. — Как ты думаешь, чем кончится это наводнение? Хватит у вас сил выстоять?

Глаза пирата смотрели на него в упор, и вздумай Бейбарс солгать, Рыжий воспринял бы всё не так...

— Это теперь наша родина, Аспарух, наша земля. Нам её доверил сам Аллах, и если мы не выполним завета Салах ад-Дина, он перевернется в своей гробнице... Нам не простят этого даже там, — Бейбарс поднял глаза вверх.

— Но найдется ли среди вас такой? — Рыжий тяжело вздохнул и покачал головой. — Эх, мне кажется, не успел родиться на земле Мисра еще один Саладин. Страшная идет сила. Тот, кто сумеет её одолеть, останется в памяти людей как второй Салладин, — сказал он и повторил мучавший его не одну ночь вопрос. — Есть среди вас такой?

— Всё в руках Аллаха...

— Мы тоже с тобой так думали, когда были прикованы к веслу... Но к воле Всевышнего добавили свою жизнь, и свершилось чудо. — Слово вырвав себя из памяти давних дней, он поднял голову и снова задал все тот же вопрос: — Кто у вас теперь главный?

Бейбарс понял, что Рыжий, как и "индус", в курсе событий:

— Скоро султаном Мисра будет объявлен Туран-шах... — И добавил, не лукавя, — но главным будет не он.

— Кто-то из ваших?

— Нет... Я думаю, что главным будет... — Бейбарс глотнул вина, пытаясь протолкнуть застрявший в горле сухой ком, поморщился. — Главным будет... — С губ невольно сорвалось, — ... будет Фатима.

Рыжий со стуком опустил на стол кружку с вином:

— Какая еще Фатима?!

— Законная султанша Мисра Шаджарат ад-Дур.

— И вы, мужчины, допустите, чтобы вами командовала женщина?!

— Знаешь, Аспарух, она не просто женщина! — Он пытался объяснить другу необъяснимое. — Она видит на семь локтей дальше, чем мы, мужчины.

— Но Бог почему-то не дал ей...

— Не бери грех на душу.

— Посмотрим, хватит ли ей ума поручить это дело тебе. Я считаю,

я уверен, ты должен знать всю правду о них! — Рыжий с трудом сдерживал в себе накопившуюся горечь, своё внутреннее несогласие с тем положением, в котором он оказался, дав согласие служить королю франков. — Их много... Около пяти тысяч этих гранитолобых буйволов... И еще около пятидесяти тысяч слуг. Как только они соберутся в кулак — двинутся на Миср! Какая сила устоит перед ними?

Бейбарс глотнул вина и пожевал колечко лука. Горечь разлилась по всему рту. Сжал губы и глотнул еще кислого напитка, пытаясь избавиться от не уходящей горечи:

— Да-а-а... Сила немалая... Но у императора германцев сил было не меньше.

— Но тогда было много желающих покомандовать, а сейчас голова одна — король! Они сами об этом говорят. Такую силу столкнуть в море будет нелегко.

Бейбарс зацепился за слово "море", вспомнил гниющие в Александрии и в Дамiette останки некогда могучего флота Салах ад-Дина. А что с ним стало? Теперь, когда хотят окликнуть нищего, кричат: "Эй, матрос!" Бейбарс подумал, что бы он мог сделать в этой ситуации, поручи ему Фатима командование. Да... Но она вряд ли сможет перешагнуть через головы Ойбека, Октая, Котуза. О Тураншахе он почему-то не вспомнил. Рыжий по-своему воспринял молчание друга:

— Как только мы доставим в Дамiette короля, первым делом они постараются захватить Мансуру. Вы готовы её защитить?

— Пока нет.

— Вот видишь... А после дождей, как земля подсохнет, они двинутся всем стадом и попробуй ты их удерживать... этих прожорливых буйволов.

Бейбарс рассмеялся:

— Что же ты так плохо отзываешься о своих нынешних хозяевах?

— Будь у меня еще сотня кораблей и один такой адмирал, как ты, я бы утопил их на полпути!

Бейбарс глянул на дремавшего Бахрама, опустившего на кулак седую голову. Рыжий перехватил его взгляд и усмехнулся:

— Мне порой кажется, что я такой же старый и беспомощный, как Бахрам...

— Как ты думаешь, Аспарух, в чем их сила?

— Они страшны, когда идут валом. Тут их не остановить... Когда у молодых буйволов чешутся рога, они назад не оглядываются. — И, подумав немного, добавил: — Но пастих, если с головой, когда ему нужно выбрать самых жирных, дает стаду разойтись. Их надо уметь растащить и арканить по частям. Тут они каждый сам по себе. Им кажется, что груда железа, которую они на себя нацепили, делает их бессмертными. Вспомни, как ты поймал на крючок генуэзцев! Их тогда сгорело не меньше тысячи, а мы с тобой потеряли человек двадцать. Каждый раз, когда я попадаю в тяжелую ситуацию, вспоминаю тебя: а как бы ты поступил в подобном случае? И начинаю шевелить мозгами.

Бейбарс рассмеялся, глядя на веснушки, разбежавшиеся по лбу Аспаруха:

— Это хорошо, когда есть чем пошевелить. Наверное, поэтому к твоей кличке "Рыжий" прилепили еще и "Лис".

— Порой я злился на тебя за твою дотошность, но потом понял: в большом деле мелочей не бывает.

— Сколько всего кораблей у короля?

— Большегрузных неф и галер

около четырехсот. Это, не считая мелких судов, тех около двух тысяч. Тут и Византийский флот, флот Пизы, Генуи, Константинополя, Никеи... Наши корабли.

— А сколько королевских?

Рыжий Лис ненадолго задумался, даже по пальцам посчитал:

— Чуть больше пятидесяти...

— У него со всеми вами договор?

— Не только договор. Он почти полностью оплатил услугу... Видно, папа дал ему возможность запустить лапу в кошель со святыми дарами. — Рыжий усмехнулся. — Если он вздумает вернуться отсюда с пустыми руками, папа объявит его еретиком и сожжёт на костре!

Рыжий заметил, что Мансур думает о чем-то своём. И вопрос его прозвучал как-то странно:

— Значит, обратную дорогу он оплатил не полностью?

— Зачем ему платить! Он уверен, что назад его повезут в золотом гробу, как фараона.

— Значит, вы привозите их — и по домам?

— Ты так спрашиваешь, словно боишься, что назад везти их придется тебе и за свои собственные деньги!

Бейбарс пожал плечами, будто хотел сказать "все может быть", но сказал другое, вернее, спросил:

— Ты один командуешь вашими кораблями?

— Так решил совет. Все капитаны подчиняются мне.

— И сколько под твоим началом?

— Не меньше, чем у короля! Ты не хитри, скажи прямо, ты что-то затеваешь на будущее?

— Если ты понадобишься нам со всем своим флотом, как я тебя найду?

Рыжий постучал ногтем по столу:

— Здесь. У Бахрама. Пришлешь половину красной косынки.

— Сколько времени тебе понадобится на сборы?

— Вот это мужской разговор! Давай выпьем за это. Дай Бог, чтобы так случилось.

Они сидели до рассвета. Под конец вспомнили, как провели самого императора Михаила Палеолога, эскадра которого караулила их у выхода из Босфора. Тогда они бросили свою галеру, перебрались на только что захваченную нефу и под флагом Пизы медленно, не спеша прошли под самым носом самоуверенного адмирала. Смеялись так, что проснулся Бахрам и стал глядеть на них так, словно увидел впервые.

— Представляю, как он кусал концы своих пышных усов, когда ему донесли об этом, — сказал Рыжий Лис.

Это было время их молодости. Об одном они не стали вспоминать: о последней схватке. Знай они тогда, что генуэзские купцы еще раз побывали с богатыми дарами у императора Никеи и уговорили его организовать совместный поход против пиратов... Знай, что старый адмирал во главе эскадры ждёт их у выхода из Понта...

Хитрость, которую пираты проделали с купеческим кораблем Пизы, на этот раз не спасла их. Понадеялись на паруса нефы, на свое оружие. Даже на верхушках мачт сидели стрелки с арбалетами в руках. Едва вышли из пролива, подняли главный парус. Еще немного и попутный ветер надует паруса и лови их в открытом море! Тогда редко кто из капитанов мог решиться вывести свой корабль на безбрежные просторы Эвксинского Понта! Редко кто мог повести корабль по звездам, как это делал Рыжий Лис. Угадываемый в морской дымке привычный контур бе-

рега всегда служил для большинства капитанов и шкиперов надежным ориентиром. Рыжий Лис знал, что даже старый адмирал не решится броситься за ним в погоню в открытое море.

Но не успели пираты рвануть вперед, как на их пути выстроилась целая эскадра! Нефу окружили, и на белые паруса корабля налетел целый рой зажигательных стрел. Полотно занялось пламенем. Нефа проскользила по воде еще немного и встала. Но и тогда враг не поспешил на abordаж. Адмирал предложил пиратам сдаться, помнил, что нефа доверху набита дорогими товарами. Он пообещал им жизнь.

— Эй вы, воры! Сдавайтесь! Вы будете жить с черным клеймом на лбу и серебряным браслетом на руке, прикованным к рукояти весла нашей галеры! Не хотите? Знайте, вы, гнусные выродки морского дьявола, — ни один из вас не уйдёт отсюда живым!

Пираты молчали. И тогда с галер, отгородивших нефу от берега, на корабль хлынул град камней, стрел, горшков с известью. На нефу бросились со всех сторон, зная, что горстка пиратов продержится недолго. Мансур с Рыжим стояли на носу, с трудом отбиваясь от нападавших. Один из камней, посланных с галеры, врезался в железный шлем Рыжего, и тот, схватившись за голову, сполз к ногам Мансура. Мансур запомнил разодранный криком рот воина, который успел подняться на борт. Тяжелое копье, брошенное Мансуром в безысходном порыве, пронзило тяжелый нагрудник и сбросило воина с перил. Крик этот еще не растаял в воздухе, а Мансур в обнимку с Рыжим уже летели в воду вслед за копьем.

Вынырнули они под дном вра-

жеской галеры. Рыжий судорожно глотнул воздуха и открыл глаза:

— Где мы?

Мансур дотянулся до стойки руля, подтянул к себе Рыжего, снял с него помятую каску:

— Тихо. Плыть в состоянии?

Рыжий глянул на покрытое зеленой слизью дно галеры:

— Ноги... я их не чувствую... Плыви один. Останешься жив, нашим расскажешь.

Мансур ухватился одной рукой за пояс Рыжего, дождался, когда атакующие, одолев пиратов, хлынули на нефу, приказал:

— Набери воздуху, когда кончится, дашь знать.

Вынырнули в стороне от галеры. Мансур лег на спину, обхватил Рыжего ногами и стал грести к берегу, где виднелись домики рыбацкого поселения. На берегу Рыжий, наконец, пришел в себя, но на ногах стоять еще не мог. Дождавшись сумерек, Мансур постучался в двери крайнего домика. Вышел хозяин и, разглядев ночного гостя, пропустил его в дом. Потом вместе занесли Рыжего. Мансур отвязал от пояса кисет и вложил его в руки хозяина:

— Спрячь Лиса. Его ударило камнем по голове. Каску смяло, а голова цела. Когда встанет на ноги, сообщи нашим, они придут за ним.

— А ты куда? — спросил хозяин, глядя на Мансура, едва стоящего на ногах.

— Еще и сам не знаю...

— Будь осторожен, вдоль берега ходит стража.

Он шел, спотыкаясь и зарываясь ногами в песок, шел, временами поднимая глаза на звезды, висящие над головой. Шел в сторону Константинополя. Почему в ту, а не в другую сторону? Он и сам не знал. Его вдруг охватило полное равнодушие к тому, что с ним про-

изошло, и только одна навязчивая мысль, как усталые удары сердца, отбивала чётко: пиратство осталось за запретной чертой. Пиратство кончилось, и он больше к нему не вернется. А что дальше? Куда и к кому идти?

До рассвета брел вдоль берега, пока не наткнулся на полуистлевшую рыбацью лодку. Забрался под нее и мгновенно уснул. Приснился ему Солхат, отцовский караван-сарай, встреча с родителями. Он обнимал их, целовал, они звали его в дом, но он не пошел. Уходя, обернулся — дома не было... Он проснулся. Проснулся от шума детских голосов. Сбросив с себя гнилые доски, поднял голову: над ним теснились стражники, из-за спин которых выглядывали любопытные мальчишки.

За мальчишками вплотную к берегу подошла купеческая галера. Это уже по пути в Александрию он узнал, что мальчишек везут на продажу мамлюкам.

ПЕРСТ СУДЬБЫ

И опять он вышагивал по невольничьему рынку Александрии. Теперь уже во главе стайки мальчишек. Два загона оказались рядом. Продавец гребцов, увидев через ограду, зацепившуюся в уголке памяти фигуру, подошел и, внимательно оглядев великовозрастного пленника, окликнул его:

— Эй, ты, длинный! Ты что, еще

раз угодил сюда? Да ты, везучий, к нам редко кто попадает дважды. Ну-ка, подойди!

Мансур оглянулся, но с места трогаться не стал. Купец подтолкнул его в спину:

— Что застыл? Иди раз зовут. Может, ты ему понравился, и он хочет тебя купить.

Мансур подошел. Торговец ухмыльнулся:

— Ты что, им возраст свой называл неправильно? Я тебя сразу узнал, к нам такие дылды попадают редко. За два года ты первый. Значит, тебя будут продавать и в третий раз. Есть такая примета.

Мансур не выдержал, рассмеялся. Продавец гребцов разговаривал с ним, как со старым знакомым и ему вдруг самому стало смешно.

— Чего ты гогочешь?

— Меня продают уже в третий раз...

— Разрази меня гром, если на этот раз ты не попадешь в достойные руки!

В загон вошли мамлюки. Тот, что был впереди, в красных сапогах, просторных штанах, кожаной куртке-безрукавке, из-под которой виднелась рубашка, ремень с массивной серебряной бляхой, сбоку сабля в красивых ножнах — видно, был главным. Его сопровождали трое мамлюков и казначей с увесистым мешочком в руках. Они прошли мимо разговаривавших, не обратив на них внимания.

(Продолжение следует)

Лариса АФАНАСЬЕВА
(г. Белогорск)

61

Я
ИЗ
СОЦ

Родилась и живет в г. Белогорске. Закончила филологический факультет Симферопольского госуниверситета. Член Национального Союза писателей Украины.

АПРЕЛЬСКИЙ СНЕГ

Апрельский снег — какая глупость,
Когда так хочется тепла,
Но хлопья в буйстве неотступном
Зима швыряет нам со зла.
Апрельский снег. Какая дерзость —
На зелень яркую упасть,
Чтобы продуманно-небрежно
Соединить печаль и страсть.
Апрельский снег. Какая нежность
За легкой колкостью его.
Как слезы ангелов — о грешных,
Как душ тоскующих родство.

КРЕЩЕНСКИЙ СОНЕТ

Я под звезды поставила воду,
А спустился крещенский туман.
Нет законов для крымской природы:
Что ни день, что ни час — то обман.
То веселье декабрьской теплыни,
То метель, то дожди в Новый год.
Высокосный ушел. А в низине
Подо льдом одуванчик цветет.
Ярко-желтое юное чудо
Дышит в келье прозрачной своей.
Как ты в зиму попал? И откуда
Эта стойкость средь зябких полей?
За подарок спасибо, природа.
Я под звезды поставила воду.

КРЫМ 1.2013

Прощай, последнее тепло!
 Ты смыто нудными дождями.
 Приклеил ветер на стекло
 Трехпалый лист кленовый. В раме
 Уныло-пасмурного дня
 Пленяет зрелой желтизною
 И просит трепетно меня:
 — Впусти в пристанище земное
 Души мятущейся твоей,
 Я солнцем лягу на ладони,
 Согрею среди хмурых дней,
 Когда зима снега уронит
 На плечи голые полей.

Вновь обкрадывает город
 Осень — нищая вдова.
 Ей попутчик — черный ворон,
 В дырах ветхая сума.
 В ней последние червонцы
 Лип и ветреных берез,
 Звезды клена ярче солнца
 И дурман последних роз.
 В тяжком утреннем тумане
 Каркнет ворон-чародей,
 И опять меня обманет
 Ожиданьем лучших дней
 Осень — рыжая воровка,
 То в отрепьях побирушка,
 То нарядная плутовка.

ЗАРИСОВКИ

Люблю прогулки в городе своем,
 Когда стучится в окна тихий дождик,
 Когда неспешно под одним зонтом
 Гуляют муза и художник.

* * *

Кончается ноябрь,
 И несть числа
 Туманам и дождям, и жадный холод
 Вновь пожирает бесприютный город,
 И мокнет отгоревшая листва.

* * *

Зимой все так грустно заколочено,
 И Летний сад совсем уже не летний.
 На голой ветке бьется озабоченно
 В предчувствии пути листок последний.

* * *

Есть сто тысяч причин рассердиться,
 Есть одна или две — рассмеяться.
 Улыбнись — и поймешь: не годится
 Сотням тысяч причин покоряться!

Виталий АНОСОВ
(г. Белогорск)

63

ПОВЕСТИ

Родился 6 февраля 1936 года в деревне Михалево Костромской области. С 1963 года жил в г. Белогорске.

Публиковался в ряде районных и областных газет, сборниках «Вдохновение», альманахе «Надежда».

Автор поэтического сборника «На перекрестках дорог», вышедшего через 10 дней после его смерти.

Умер 23 сентября 1996 года.

НОЧЬ. КАРАСУБАЗАР 186... ГОДА

*...И за тенью является тень
А. Грин*

Вот торговая площадь,
В стылом небе над ней
Ветер звезды полощет
И огни фонарей.
Стук колес экипажей
В переулках глухих,
За дувалом на страже
Старый тополь притих.
Притаилась сторожка
По углам тишина,
И в колодцы матрешкой
Загляделась луна.
Редкий окрик гортанный.
В этой стылой ночи.
За долиной в тумане
Лишь хохочут сычи.
Осторожные тени
Через площадь скользят,
Осторожно ступени
Под ногами скрипят.
Промельк в матовом свете,
В смертной схватке судьба,
Обожженного плетью
И неволей раба...
Крепко спала охрана
Под ветвями чинар,
От руки роксолана
Умирал янычар.

БОМЖ

На ветру холодного забвенья,
Прислонясь к дверному косяку,
Человек с гримасой отвращенья
Потирал озябшую щеку.
За спиной, как будто в преисподней,
Захмелев, гудели мужики.
Человек, уставший не сегодня,
Выгребал из шапки медяки.
На лице, как пемза, ноздреватом
Не розаны — синяки цвели.
Возле ног валялись виновато
Сломанные кем-то костыли.
И в глазах такая стыла мука,
Словно рвали тело на куски
Беспощадно лагерные суки,
Обнажая острые клыки.
Содрогалось и кричало тело
На крутом похмельном вираже:
“Мужики!”... Да им какое дело,
Надоел всем до смерти уже.
Повелось так, видимо, от веку
Презирать, кто немощен и слаб.
И ползет на четырех калека
Средь здоровых мужиков и баб.
Там, в пивной, глазами белея,
В жутком море мата и тоски,
Он пропьет, ничуть не сожалея,
Собранные за день медяки.

КРЫМ 1.2013

БАБУШКА МОКРУША

Сколько минуло годочков,
 Но запала в душу
 В аккуратных лапоточках
 Бабушка Мокруша.
 На болоте часто пешей
 Шастала за клюквой,
 Говорят, что зналась с лешим
 И питалась брюквой.
 Хлеба вдосталь не едала,
 Маялась без крика,
 Ткала, сеяла, пахала
 Да и то не в лыко.
 А грибов солила — бочки,
 Их молва хвалила,
 На гвоздочке в туесочке
 Свой секрет хранила.
 Колдовала воз денечки
 Целый день с ухватом.
 В Рождество — Иисусу свечку,
 Пряники ребятам.
 По дождю в леса ходила,
 Вякала — не трушу,
 От того в селе прослыла
 Бабушкой Мокрушей.
 Прожила, скажи на милость,
 Сто один годочек...
 Вся-то жизнь ее вместилась
 В двадцать восемь строчек.

* * *

Душа пуста, как зимний сад.
 Плоды оборваны, и ветки
 Тревожно по ветру свистят,
 Как птицы, запертые в клетке.
 Все роздано. О чем жалеть!
 Не нужно только торопиться
 Последний дюйм преодолеть
 И к тихой пристани прибиться.
 О, Родина немеркнущего дня,
 Дарящая и веру и надежду,
 Позволь сменить дорожную одежду
 И приобщиться к таинству огня
 Костра Любви. И большего не надо.
 Для пахаря, пришедшего с полей,
 Искры своей любви не пожалей,
 Она ему желанная награда.

ДОЛЬМЕН

Скрывали заросли самшита,
 Как память древней суеты,
 Четыре каменных плиты
 Из голубого диорита.
 Касаюсь прошлого слегка.
 Что удивительней на свете,
 Чем тяжкий груз тысячелетий
 Вдруг ощутить в своих руках.
 Пустой и мрачный саркофаг,
 Не сохранивший даже тлена,
 Напоминает: все забвенно,
 И до забвенья только шаг.
 Страстей в сумятице сердец
 Умолкли гулкие литавры.
 А что умели эти тавры:
 Растить детей, пасти овец,
 И кочевать по склонам гор,
 Таких же диких и опасных.
 Но жизнь на родине прекрасна,
 Каков бы ни был приговор.
 И чуден песенный напев,
 Казалось, вовсе не жестоких.
 Зачем в пучине вод глубоких
 Топили юношей и дев?
 Совсем не прост у тавров быт,
 Таивший гибели начало.
 Их время рано отзвучало
 И тайну до сих пор хранит.
 Глядит из прошлого дольмен,
 А в нем витает призрак тавра,
 А рядом жизнь и пахнет лавром,
 Как будто все без перемен.

* * *

Я знаю, ты страдаешь люто
 От одиночества и грез.
 Но эти горькие минуты,
 Как очищающий мороз,
 Рождают новое дыханье
 По той причине по простой,
 Что все проходит в мирозданьи,
 И мимолетное страданье
 Умрет, как выстрел холостой.

Борис ФИНКЕЛЬШТЕЙН
(г. Симферополь)

65

ПРОЗА

*Родился 20 августа 1946 г.
Председатель Крымской республиканской организации Национального Союза писателей Украины.
Автор пяти книг.
Лауреат литературных премий.*

СНЫ РАССКАЗ

Было тепло, приморский город сиял огнями, и в гавань входил белый пароход — апрельский вечер 1998 года. Гостиница стояла высоко над морем и с просторного балкона ресторана порт был виден во всех деталях. Он вышел покурить после ужина и был один. Черное, словно бархатное, небо, яркие звезды — юг, одним словом. Командировка заканчивалась, деловые встречи проведены, все договоренности еще следовало продумать и осознать. Что ж, жизнь, борьба и прошедшие три дня, это только подтвердили.

Но думать в одиночестве было хорошо. Он посмотрел вниз — темно-зеленая, еще не выцветшая под жарким солнцем растительность, густо покрывала весь склон до самых строений. Полная луна освещала всё это великолепие; тени от кипарисов были черными и длинными. Искусственного освещения на балконе не было, но лунного света хватало.

Распахнулась наружу стеклянная дверь ресторана и кто-то вы-

шел на веранду. Он поднял голову — женщина, похоже молодая и красивая. Следом — мужчина, сказал ей что-то резкое, и вернулся обратно в ярко освещенное помещение ресторана. Она не ответила, даже не повернула к нему голову, затем медленно подошла к каменному ограждению балкона.

«Подойти, — подумал он. — Подойти и заговорить. Впрочем, следует ли? Она здесь не одна. Да и все равно завтра уезжать. Бесцельные хлопоты». Однако любопытство победило и он неторопливо приблизился. «Могу я вам чем-нибудь помочь?» Вопрос прозвучал мягко и негромко. «Вряд ли, — ответила она, выдержав паузу, продолжила. — Впрочем, если вы действительно этого хотите, то проводите меня до набережной».

Он огляделся. Веранда находилась на уровне третьего этажа, но можно было уйти не через гостиницу, а по внешней широкой каменной лестнице с двумя пролетами, выходящей прямо в парк.

КРЫМ 1.2013

«Вас ничего не держит в ресторане?» — спросил он.

«Нет, я хочу уйти как можно скорее».

Они спустились вниз — и медленно пошли по аллее в сторону моря.

Он пригляделся — нет не девушка, красивая зрелая женщина лет тридцати пяти. Очень ухоженная. Что ж, он в свои «под пятьдесят» тоже еще «орел».

Разговор сначала не складывался, но потом стало легче.

«Этот ваш знакомый...», — спросил он.

«Знакомый? — она удивленно подняла бровь. — Это муж. Не будем больше о нём».

«Проблемы, — подумал он. — Вечные проблемы». Но вслух сказал только: «Мне это знакомо. Правда с другой стороны «баррикады», но очень хорошо знакомо».

Понемногу они разговорились. Легко общаться если ничего не знаешь о собеседнике. Никаких стереотипов, всё с чистого листа. Он рассказал о себе — несколько упрощенную версию своей, богатой событиями, жизни. Она больше слушала.

«Меня зовут Виктор, — сказал он. — Виктор — это победитель. А вас?»

«Майя, — ответила она. — И сегодня день моего рождения».

«Майя — это иллюзия, — сказал он. — То есть это реальность, но существующая лишь во внутреннем пространстве материи. Она иллюзорна, поскольку подлежит бесконечным изменениям. И в них главный смысл и основное свойство Майи».

«Откуда вы это знаете? — поинтересовалась она. — Не такая уж я иллюзия. Пятьдесят четыре вполне реальных килограмма».

«Да так, — ответил он. — В институте был период увлечения индийской философией. Однако вот уже и набережная. Проводить вас домой?»

«Нет, — ответила она. — Я бы еще погуляла в парке».

Они повернули и пошли параллельной аллеей примерно в обратную сторону. Иногда им встречались парочки — кто в обнимку, а кто врозь. Несколько раз и в кустах что-то заметно шелестело.

«Да, — сказал он. — Как говорил один мой знакомый, у вас здесь летом каждый кустик дышит».

Она посмотрела на спутника с заметным интересом и что-то шевельнулось у него внутри.

Вообще-то предыдущие несколько лет серьезных проблем с женским полом не располагали к романтическому настроению. «Но вот, оказывается не всё потеряно», — подумал он, а вслух сказал: «А какие проблемы у вас, Майя?»

«Да есть проблемы, Виктор, — неопределенно ответила она и добавила. — Проводите меня, пожалуйста, домой».

Он украдкой взглянул на часы: «Уже два часа гуляем». Но уходить не хотелось. Чувства его обострились, он стал многое замечать в ней и всё ему нравилось. «Не уеду, — вдруг решительно подумал он. — Задержусь на пару дней; дам себе маленький отпуск. Всё равно впереди два выходных — суббота и воскресенье».

Прощаясь, она быстро поцеловала его в щеку и повернулась, чтобы уйти. Однако он почувствовал невысказанный вопрос и сказал: «Майя, давайте встретимся завтра, и еще раз отпразднуем ваш день рождения».

Она пристально посмотрела ему в глаза и помедлив ответила: «Хо-

рошо, в семь вечера, там, где мы вышли на набережную».

Майя зашла в подъезд, поднялась на второй этаж и открыла дверь квартиры своим ключом. Муж еще не вернулся и внутри было темно. «Наверное, он не вернется до утра, — подумала она. — Захочет после ссоры показать, кто в доме хозяин». Последнее время они раздражали друг друга самым фактом своего существования и время от времени «срывались» по пустякам. «Почему так? — подумала она. — Где понимание, нежность? Да и были ли они. Кажется были, впрочем я могу ошибаться. Всё так перепуталось в последнее время».

Она зажгла свет и прошла в спальню. Взрослые сын и дочь жили отдельно, она была в большой и пустынной квартире совершенно одна.

«Уже сорок три, — подумала она. — Так много. Хотя объективно выгляжу моложе». Майя посмотрела в большое напольное зеркало, которое стояло напротив кровати, потом вздохнула, переделалась и направилась в ванную — пора готовиться ко сну.

Возвращаясь в комнату, она захватила с собой книгу, лежащую в гостиной на столе — Леон Фейхтвангер «Испанская баллада» — легла в кровать и прочитала несколько страниц. Через несколько минут книга выпала из рук, глаза закрылись, дыхание стало тихим и ровным.

Потом она открыла глаза. Мир изменился.

Она стояла на высоком утесе, внизу кипело и пенилось зелёное море. Длинные волны уходили далеко в обе стороны ровными слегка изломанными линиями. Она откуда-то знала, там справа Гибралтар или Геркулесовы Столбы, как их

называли древние. Туда два дня пути....

Со всех сторон, насколько хватало взора, тянулись холмы, переходящие в невысокие горы, поросшие буйной растительностью с узкими листьями, странного серебристого цвета.

«Принцесса, нас ждут», — услышала она голос и обернулась. Мрачный воин в кольчуге, шлеме и с маленьким круглым щитом за спиной держал под уздцы двух лошадей — крупного гнедого жеребца и маленькую пегую лошадку. «Моя», — подумала она. Слова звучали странно, но были понятны.

Чуть поодаль стояли еще три всадника с короткими копьями и широкими саблями. У всех вокруг шлемов были обернуты белые тюрбаны.

«Принцесса, нужно торопиться, — опять заговорил прежний воин. — Ваш отец рассердится». Тут Майя обратила внимание на собственный наряд. Она была полностью завернута в тонкую шелковую очень просторную одежду, сине-оранжевой расцветки. Но лицо закрыто не было, и свежий ветер приятно охлаждал щеки.

Майя подошла к лошади и воин, почтительно став на одно колено, посадил её в седло.

Всё это почему-то не удивляло её. Майя знала — до замка еще день пути и в окрестностях бродят шайки мародеров. Непрерывные войны между христианскими королевствами и Гранадским эмиратом разорили и вытолкнули на большую дорогу массу бродяг, наёмников и авантюристов. «Таковы законы войны, но со мной надежная охрана», — подумала она.

Небольшой отряд между тем пересек ближайший перевал и спустился в неглубокую ложину, зарос-

шую кустарником и невысокими деревьями. Узкая тропа шла вдоль лощины и терялась в зарослях. Вдруг что-то свистнуло в воздухе и ближайший всадник бросил удила и схватился за горло. Между пальцами у него торчало узкое оперение стрелы. В следующий момент её лошадь зацепилась за протянутую поперек тропы веревку и Майя, вылетев из седла, больно ударилась о жесткую землю и потеряла сознание.

Очнувшись она от звука нескольких грубых голосов, живо обсуждавших её дальнейшую судьбу. «Я понимаю её прямо сейчас», — говорил один из них, плотный невысокий оборванный человек, обросший густой черной бородой. — А потом уже будем говорить о выкупе с эмиром».

«Не кипятись, а то вместо выкупа лишишься головы», — осаживал его другой, рыжий детина с длинными грязными волосами.

Майя с трудом повернула голову. Она была связана по рукам и ногам. Два воина из её охраны лежали неподалеку и один чуть поодаль метрах в десяти. Их лошади были стреножены и привязаны к дереву. «Где четвертый», — подумала она. Разбойников было человек десять. Оборванцы, но вооружены хорошо.

Всё это почему-то ее не удивляло. Реальность как бы расслоилась. Она хорошо помнила и приморский город, и ссору с давно уже нелюбимым мужем, и это знакомство с Виктором. Она до сих пор чувствовала как остро ей вдруг его захотелось в момент разлуки. Как странно, всего-то два часа знакомства. Хотя — такой интересный, умный, образованный мужчина.

«Можно еще наверстать», — подумала она. — Сегодня у нас свидание».

Всё это каким-то образом уживалось с настоящим положением вещей. Здесь она существенно моложе и кажется еще девушка — одна из дочерей правящего эмира. А там...

Зазвонил будильник, мир раскололся, полвосьмого утра. Добро пожаловать в предпоследний год двадцатого столетия. «А там какой был?», — мелькнула последняя ускользающая мысль из средневековья. — Кажется 881 год Хиджры, что-то около 1476 года от Р.Х. Ну да, год, когда мой отец эмир Абульхасан заключил перемирие с Кастилией. Какой еще Кастилией? — она наконец проснулась окончательно, — Пора на работу».

В этой жизни она мать семейства и очень даже серьезный специалист — врач высшей категории. Майя работала заведующей отделением в городской больнице.

Виктор возвращался в гостиницу через затихающий город. «Хорошо, — подумал он. — Ожидание — это самое приятное, когда ждешь чуда». Он свернул с освещенной набережной и пошел вверх по темному парку. Вот, еще один поворот аллеи и он почти на месте. Из кустов вышли трое и загородили ему путь. «Похоже, малолетки, — пригляделся он. — Но трое». Он посмотрел назад. Там стояли еще двое. «Дяденька, дай закурить», — услышал он стандартную фразу. Обстановка накалялась, но он сохранял самообладание — в молодости ему приходилось бывать в разных ситуациях.

Виктор огляделся вокруг. Никого и ничего, кроме деревянной садовой скамейки. Он проходил мимо нее сегодня утром. Там еще один край доски был вырван вместе гвоздями. «Удастся ли разом оторвать другой край? — подумал он. — Вот

и оружие. Не жди удара, бей первым», — вспомнил он свои подростковые принципы, отскочил к скамейке, одним махом оторвал доску и развернувшись с замахом ударил ей по передней группе. Затем еще раз по средней фигуре. Всё произошло так быстро, что никто не успел среагировать. Раздался сдавленный крик, путь был свободен.

«Мы еще встретимся», — кричали ему вслед лихие переростки, но ему уже было всё равно.

Виктор поднялся к себе в номер, разделся и лег в кровать. Веки отяжелели, звуки стали доноситься как бы издалека. Он привстал на кровати и издалека посмотрел на зеркало платяного шкафа. Ему показалось, что там возникло какое-то движение.

Мир погас и снова зажёгся.

Он смотрел в узкую бойницу башни родового замка. Впереди были бескрайние холмы и горы Сьерры-Невады.

На нем была короткая кольчуга, кираса, кожаные штаны и сапоги для верховой езды с бахромой по верхнему краю. За широкий кожаный пояс был заткнут кинжал, сбоку на перевязи висел прямой меч, к стене прислонен треугольный щит с гербом — два льва и замок на червленом поле. Сзади сопел начальник личной охраны. «Господин, — сказал он, — хорошая погода. Как раз для охоты. И перемирие с мусульманами уже объявлено — можно большой отряд не брать».

Виктор еще раз взглянул в прорез бойницы. Да, погода хорошая. Происходящее его почему-то совершенно не смущало. Он прекрасно понимал язык, который был ему незнаком в той, другой жизни. Здесь он был графом Алонсо, командиром отряда воинов, хозяином

нескольких селений и родового замка, и был гораздо моложе.

«Поехали, — сказал он. — Собирай людей». Начальник охраны перевесился через парапет и махнул рукой. Снизу гнусаво запели охотничьи рога, раздался лай собак.

В то же время каким-то странным образом он помнил, что у него вечером свидание с Майей. Красивая женщина, очень яркая, черноволосая и черноглазая, настоящая испанка.

«А я сейчас где?» — подумал он. Как раз в Испании. Эта мысль позабавила его, но... пора было ехать. Виктор спустился во двор и подошел к своему жеребцу. Слуга присел на четвереньки, он ступил ему на спину и запрыгнул в седло.

Загремела цепь подъемного моста и небольшой отряд в восемь человек проскакал через давно сухой ров и дальше, в окрестные горы.

Раздался длинный гудок парохода и Виктор проснулся. За окном был прекрасный апрельский день. Большой белый пароход медленно выходил из акватории порта. Вот уже миновал мол, еще раз громко загудел. «Прощается, — подумал Виктор и вспомнил. — Да, я же продлил гостиницу на два выходных дня. У меня сегодня свидание с Майей».

Виктор быстро умылся, побрился и спустился в ресторан позавтракать. Там у шведского стола уже толпилась почтеннейшая публика. Среди них выделялась баскетбольным ростом дружная команда девиц-гастролеров, сшибавших вчера вечером клиентов на быстрое и дорогое удовольствие. Их начальница — постарше — хлопотала рядом.

А вот этот пузатый мужик вчера был «мордой в салате». Сегодня такой помятый, как будто на нем канкан танцевали. Впрочем, может

быть так и было. Бог ему судья. День Виктор провел в бассейне, отдохнул, позагорал, потом пообедал большим куском камбалы в пляжном ресторанчике.

К шести он был готов. Вдруг его охватило странное нетерпение, предчувствие чего-то нового. Он знал, он ощущал — это будет сегодня, это обязательно произойдет. К семи он подошел к месту встречи и уже издали заметил Майю. Виктор пригляделся. Всё-таки вчера мы гуляли потемну и навеселе. Жалко было бы разочароваться. Каждый мужчина знает, что женщина становится все красивее и красивее с каждой последующей рюмкой.

Но нет, она была еще лучше, еще притягательней, чем вчера. Майя подошла, он заглянул в ее бездонные черные глаза и там увидел ответ.

Они сели в кафе на берегу моря и попытались поговорить.

«В дачном кресле, ночью,
на балконе...

Океана колыбельный шум...

Будь доверчив, кроток и спокоен,
Отдохни от дум,

— начал он и продолжил. —
Ветер приходящий, уходящий,
Веющий безбрежностью морской...
Есть ли тот, кто этой дачи спящей
Сторожит покой?»

«Есть ли тот,
кто должной мерой мерит
Наши знанья, судьбы и года?
Если сердце хочет, если верит,
Значит — да»,

— ответила она.

«То, что есть в тебе, ведь существует.
Вот ты дремлешь, и в глаза твои
Так любовно мягкий ветер дует —
Как же нет Любви?» *

— завершил он.

* Иван Бунин 09. 07. 1918 г.

Слово было сказано. Он взял её за руку и они пошли к нему в номер, исходя желанием. И наконец дошли.

Два вполне взрослых человека; они вполне представляли, что им нужно друг от друга. Но это было прекрасно как никогда раньше, и больше не хотелось ничего. Хотелось только повторить и они повторили.

Так оба и заснули, тесно обнявшись на продавленной гостиничной кровати, а в окно им светила луна и пели птицы.

Мир для нее опять изменился.

Она лежала на животе носом в землю и ближайшая травинка казалась ей просто огромной. Спор между разбойниками затих как-то сам собой, и они передвинулись в тень за ее спиной. Она попыталась посмотреть назад, чуть не свернув себе шею. Коренастый подошел поближе, выругался и стал стягивать штаны. Её охватила паника. Вроде как это был сон, но как знать... В этот момент длинноволосый детина, мягко ступая, подошел к нему сзади, быстро вытащил кинжал и воткнул собеседнику между лопаток. «Не порть товар, — пробурчал он. — Что эмиру, что купцу — все следует продать в целости. Иначе много не дадут». Еще одно тело прибавилось на поляне. Шайка промолчала и села перекусить. Майя попыталась подвигать руками и ногами, но всё бесполезно — связали крепко.

В этот момент раздался топот копыт и в лощину ворвались всадники в яркой сине-красной одежде. Передний — рослый воин с гербом на щите, с ходу зарубил двоих бандитов, остальные словно зайцы побежали в разные стороны и скрылись в лесу.

Всадник спрыгнул с коня, разрезал веревки и церемонно поклонился. «Принцесса, — сказал он. — Вы

свободны и завтра я отправлю вас к отцу». Майя с трудом встала и, опершись на руку спасителя, кое-как взобралась на лошадь, которую подвел последний, оставшийся в живых, воин из её охраны.

«Виктор, — подумала она. — Неужели это Виктор? Похож, но значительно моложе». Что-то удерживало ее от вопроса, какое-то предчувствие. Вопрос мог разрушить странное равновесие жизненных событий. Она это ощущала, но не могла объяснить. Просто так было, и всё.

Кавалькада тронулась в путь и к вечеру достигла замка.

Виктор тоже видел сон.

Конь под ним шел размашистой рысью и ветки деревьев норовили попасть по лицу. Следовало быть внимательным, чтобы не остаться без глаз. Егеря скакали сзади рядом со сворой собак. Неожиданно из-за поворота дороги показался всадник — мусульманский воин — и стал поперек дороги.

Отряд подтянулся, Виктор положил руку на эфес меча. Хотя и перемирие, но всё же...

Всадник соскочил с коня и стал громко просить о помощи. Из его слов следовало, что принцесса, дочь эмира захвачена разбойниками и её жизни и чести угрожает опасность.

«Где это?» — спросил Виктор. «Полчаса отсюда», — ответил воин. Далее была скачка, короткий бой, кровь и освобождение пленницы.

Вечером они сидели у огромного пылающего очага в главном зале замка.

Слуги подавали жареную оленину, вино, фрукты.

Виктор, а может быть граф Алонсо, смотрел на прекрасную черноокую девушку. Чувства переполняли его, но он как-то сдерживался. Внезапно она посмотрела ему прямо в глаза.

«Виктор, — сказала она с трудом раздвигая припухшие ярко красные

губы. — Виктор — это ты? Как это может быть? Почему?».

Они проснулись вдруг и одновременно, когда было еще совсем рано. Солнце только встало, резко кричали чайки и воздух был необыкновенно свеж и чист.

Майя и Виктор сбегали на пляж, поплавали в очень холодном, колющем и бодрящем море, позавтракали и поднялись обратно в номер.

Их неудержимо, необъяснимо влекло друг к другу. Потом говорили, потом опять... «Что дома?» — спросил он. «Ничего, — беззаботно ответила она. — У меня было ночное дежурство». «Правда?»

«Правда, но подруга меня подменила».

Они опять прилегли, прижались друг к другу и через некоторое время задремали.

«Принцесса, — сказал Алонсо. — Мы отбили три приступа. Может быть, ты всё-таки хочешь вернуться домой?» «Нет, — ответила она. — Теперь уже не хочу. Будем сражаться и умрем вместе». «Хорошо, пусть будет так, — сказал рыцарь. — Я пойду, скоро они опять полезут на стены». Повернулся и, лязгая почерневшим от копоти боевым железом, ушел к воинам — биться.

Уже две недели войска эмира штурмовали замок, но защитники стояли крепко.

«Господин, — перед ним возник начальник охраны. — Они уходят». Это было действительно так. Осаждавшие ушли — продолжение осады грозило новой великой войной между двумя мирами прекрасной Испании. Они остались одни.

Виктор открыл глаза. «Пора обещать», — сказал он. «А затем ты меня проводишь», — продолжила Майя. «Когда ты придешь в следующий раз?», — спросил он. «Может завтра, а может никогда, — засмеялась

она. — Приступ ведь мы уже отбили». Он посмотрел на нее внимательно. «Как, и ты тоже? Ты тоже была там? В той, другой жизни?»

«Кто его знает, где настоящая жизнь, — ответила Майя. — Может быть мы сейчас спим, а бодрствовали там». «Наша жизнь не может быть сном», — твердо сказал Виктор. «Почему? Разве там не светит солнце, не погибают люди, не пылают страсти?»

«Погоди, — остановил он ее. — Ты это серьезно?»

«Вполне, — ответила она. — Вполне и даже больше».

Через пару часов она была дома, присела на большое мягкое кресло, взяла прежнюю книгу и закрыла глаза. Знакомые образы возникли из небытия.

«Принцесса, — говорил Алонсо. — Мои чувства к вам полностью заслонили весь остальной мир. Я прошу вашей руки и рассчитываю на сердце в придачу. Но нам придется венчаться по христианскому обряду. Я пригласил епископа».

«Ничего, — отвечала она. — Я думаю, что перегородки, которые люди строят между собой, до неба не доходят».

Обряд венчания был пышным, насколько позволяла боевая обстановка. «В радости и в горе, — говорил епископ. — Пока не разлучит вас смерть».

Потом был пир со всеми излишествами того беспокойного времени. Древние бочки выкатывались из подвалов и не было никого, кто бы не отведал безмерно рубинового вина за здоровье молодых.

К полуночи их отвели в покои. Кровать под балдахином, ковер перед кроватью.

Она ступила на ковер босыми ногами, повернулась и обняла его.

И мгновенно распалась связь времен. По одну сторону пятисотлетнего барьера остались граф Алонсо и прекрасная принцесса, по другую Майя и Виктор.

У каждого теперь была своя судьба.

Так это у них начиналось и продолжается сейчас, спустя пятнадцать лет. Я знаком с ними все эти годы и их рассказы о странных событиях первой встречи совпадают в мельчайших деталях.

Они люди не свободные в этой жизни. Многое, почти всё мешает им быть вместе, но они как-то справляются.

Любовь, знаете ли... Правда, снов о средневековой Испании они больше не видят.

И вот откроем мы старинную хронику и прочтем:

«Как раз в канун праздника принцесса, дочь эмира Гранады Абдульхасана была захвачена разбойниками в окрестностях Альмерии. И освободил ее граф Алонсо, который охотился в тех местах в то время.

И послал граф послов к эмиру с предложением вступить с принцессой в законный брак, освященный пресвятой нашей матерью церковью. И послал эмир войско, нарушив перемирие, но не смогло оно взять замка и, постояв некоторое время в его окрестностях, ушло.

И сочетался граф Алонсо с принцессой, дочерью эмира законным браком, и жили они в любви и согласии долго и счастливо и умерли в один день, лета 1512 от Р.Х.»

Что же касается снов наших героев, то каждый может понимать их по своему. Знаете, есть известная притча про китайского философа Чжуанцзы, которому приснилось, что он бабочка, которой снится, что она китайский философ.

Поэтому не ищите черную кошку в темной комнате, особенно, если подозреваете, что её там нет.*

* Перефразированное изречение Конфуция

Елена КРИШТОФ
(г. Симферополь)

73

ПРОЗА

Родилась 16 июня 1925 года в Алуште. Первая повесть, во многом автобиографичная, «Школа в степи», появилась в 1956 г. в альманахе «Крым».

Перу Криштоф принадлежит много интересных и поучительных книг.

1 августа 2001 года, ожидая выхода новой книги она скоропостижно скончалась у себя дома — на руках соседей и друзей.

ЛИЛОВЫЙ ЦВЕТОК

Рассказ

Лёнька первым увидел цветок и побежал к нему. У взрослых ноги были длиннее, они легко могли обогнать Лёньку. Но не обогнали. И он упал, грудью защищая свою находку. А потом все увидели: дальше поляна, и на ней много больших лиловых цветов.

Все, конечно, захотели побежать туда, но дед поднял руку и сказал:

— Спокойно. Всем успокоиться, дальше ни с места. Возвращайтесь ко мне. Только осторожно.

Все стали осторожно возвращаться. Может быть, думали: в земле где-нибудь притаился провал или змея. Или кто-нибудь закопал мину. Когда последний взрослый прошел мимо Лёньки, мальчик приподнялся и убедился: всё в порядке. Цветок цел и невредим.

Между тем дед рассказывал, что этот необыкновенный цветок называется безвременник. Встречается теперь он уже редко и поэтому занесен в какую-то книгу. Рвать его ни в коем случае нельзя.

Несколько человек, однако, уже успели сорвать и теперь вертели в пальцах: что дальше? Сорванные цветки потеряли всю свою наряд-

ность, как шарики, из которых выпустили воздух. Всем хотелось как можно скорее избавиться от сморщившихся лепестков. Но тут дед сказал:

— Может быть, кто-нибудь освободит пол-литровую банку? Мы возьмем с собой несколько цветов для гербария.

За водой к ручью дед бегал сам. Лёнька так и не решился отойти далеко от своего цветка.

Потом все собрались на солнечном склоне, и всем было хорошо.

Банку с цветком передавали друг дружке, рассматривали внимательно и почему-то вздыхали.

Вдруг одна женщина вспомнила:

— Это не ваш ли мальчик, Галина Яковлевна, прошлым летом отличился с жабой?

— Наш.

— Представьте себе: прелестный вечер в Канакской балке, там теперь несколько пансионатов “дымчат”. Роскошный, по нашим временам, бар, и вдруг вваливается это дитя природы, с жабой, прижатой к груди, — быстро-быстро говорила женщина в красной юбке.

— С жабой? — удивились слушающие. — Зачем? Где он ее подобрал?

На эти вопросы лучше других мог ответить сам Лёнька:

— Она была совсем живая, у неё здесь всё время двигалось, — мальчик показал себе на горло, а потом провёл рукой по груди. — И глаза у нее были открыты. Она дышала.

Но женщина, которая назвала Лёньку “дитя природы”, хотела рассказать всё сама, и гораздо подробнее.

— Представьте, сидим мы с Галочкой — вы не обидитесь, что я вас так фамильярно?...

Тут надо объяснить, что дед у Лёньки был хоть и молодой, но — дед. А женщину, которая приходилась Лёньке родной и любимой бабушкой, все, в том числе и он сам, называли Галочкой. Может быть, за молодость и красоту. А может, потому, что она сама не очень верила в свой возраст. И часто ей казалось: Лёнька ей не внук, а сын. Поздний ребенок, младшенький.

— ... Сидим мы с Галочкой спиной к двери, на луну смотрим, — продолжала та, в красной юбке. — Вдруг крик: “Хулиганство какое! Чей мальчик? Сейчас же выброси эту гадость!” Поворачиваемся, видим: Леонид в обнимку со своей подругой. Подхватили, конечно, и жабу, и кавалера. Под кустом дрока они с ней расстались.

— Руки ему вымыли? Бородавки потом не прикинулись? — полетели над поляной вопросы, о которых Лёнька точно знал: они глупые. Никаких бородавок от жаб не бывает.

...Он прекрасно помнил, как, увидев жабу в темноте, подвинулся к ней. Он был один в пустоте

и безмолвии парка, и она была одна. А вот зачем он притащил жабу в бар, залитый музыкой и светом, этого он объяснить не мог. Не то хотел показать всем такую красавицу, не то хотел избавить жабу от одиночества, познакомить её со своими...

Сейчас на солнечной полянке все сидели вокруг цветка, необходимо смеялись над случаем с жабой. Так что даже нельзя было догадаться: взрослые свалили дурака, подняв панику, или он, Лёнька, как все маленькие, не сообразил, что это простая жаба. Никакая Василиса Прекрасная или Премудрая из нее не вылупится. Так что со свадьбой придется подождать. А он и не торопился.

Он сидел, прижавшись к бабушке, и слушал, что говорил дед. Солнышко пригревало. Лёнька покачнулся, голова упала бабушке на колени. Он попросил: “Подвинься, пожалуйста. Тут дальше горка, я скачусь”.

Бабушка переложила его мягкое тёплое тельце, и он лежал ничком, прислушиваясь к запаху пробуждающейся земли. Первые ростки сами собой, как ему показалось, ещё не пахли. Они пахли прошлым годом, старыми листьями, которые, дед объяснял, в конце концов превращаются в землю.

...Дед сказал последние свои слова и пошёл к ручью. А слова были такие: “От нас зависит”. Но, вполне возможно, он сказал: “От нас зависят”. От нас зависят, например, воробьи и куры. А также зверушки, которых он с дедом каждый выходной ходит кормить в зоопарк. И, может быть, и жаба, с которой ему так и не дали подружиться, тоже от него зависела. И даже прекрасный лиловый цветок?

...Собирать гербарий — было задание для их группы в детском саду. Наталья Ивановна, которую он любил намного меньше, чем Лидию Петровну, посмотрела на его лист с недоумением:

— Это что? Рисунок?

Он набрал воздуха в грудь, чтоб начать объяснять, как они ходили на волшебную поляну, принесли цветок и потом до самого сна пытались осторожно уложить его на мягенькую бумагу. А вчера переложили на эту белую, твердую, на которой дед рисует свои карты, потому что он геолог.

Но пока он переступал ногами, выбирая первое слово, Наталья Ивановна и сама поняла, что перед нею цветок, распластаный на листе ватмана и важно уложенный в прозрачную коробку.

Был он, впрочем, совершенно неказист, а у Натальи Ивановны не было воображения. Но если рассуждать с другой стороны: она ведь не видела волшебной поляны. И цветка, пока он был живой.

Лёнька пытался рассказать об этом, то поднимаясь на цыпочки, то раскидывая руки. В его воображении цветок вовсе не был так велик. Просто мальчик хотел передать впечатление от красоты лилового цветка на короткой ножке и всей поляны, и гор над нею, и моря вдали.

Однако Наталье Ивановне было некогда.

— С тобой, Леонид всё, — сказала она, вынимая лист ватмана из коробки. — Скажи родителям: зачёт сдан. Кто у нас следующий?

СТО ШАГОВ

Анатолию Бондаренко

Сто шагов, один забор и... море
В жёлтой чаше тёплого песка,
Исчезало в нём любое горе,
Растворялись горечь и тоска.

Бросив надоевшую учёбу,
Спрятав ранцы с книгами в кустах,
Мы ныряли в ласковую воду
В стареньких сатиновых трусах.

Баловало море нас, качало,
Подостлав ленивую волну,
И тонули детские печали,
Камнем уходя на глубину.

Наполнял нам бриз грудные клетки,
Море ж, наводя прямой контакт,
Оставляло на песке монетки —
Гривенник на счастье и пятак.

Если стану вдруг с собою в ссоре,
То возьму на родину билет...
Сто шагов, один забор и... море,
Лучшего лекарства в мире нет.

Сергей ОВЧАРЕНКО
(г. Евпатория)

Член Национального Союза писателей Украины, член Союза писателей России, лауреат премии имени С. Э. Дувана (2003 г.), лауреат премии АР Крым, лауреат Всероссийской премии имени Николая Гумилёва (2009 г.). Автор семи сборников стихов.

ГАЗИРОВКА

Нынче по велению моды
«Пепси-колу» пьём и «Джюс»,
Мне же помнится «Крем-соды»
Тот, неповторимый вкус.

Разукрашены тележки
В бело-розовый зефир,
И на них для сладкоежки
Приготовлен славный пир.

Вы по улице идёте,
Говорят со всех сторон
Очень вежливые тёти:
— Вам «Ситро»? Или «Крюшон»?

А карманы у мальчишки —
Настоящий «бардачок»,
Там отыщется нелишний —
Страшно нужный пятак.

За водой бежишь галопом —
Очень жаркий летом Крым! —
— Вам простой?

— Нет, мне с сиропом!
И, пожалуйста, с двойным!

Пузырьки щекочут нёбо,
Пена тает на губе...
Продаётся рядом сдоба,
Пастила и «Крем-брюле».

Вот он — сладкий миг удачи,
Газировка — самый смак...
И не жалко, что потрачен
Для «пристеночка» пятак.

Малыш бежал, сверкая голым пузом,
Крича с восторгом: — Эй, скорей сюда!
К Космодемьянской привезли арбузы!
Поможем, пацаны, сгрузить? Айда!

Отложены наганы и ракетки...
На время объявив в «войнушке» мир,
Ватагу вёл, надев для форса кепку,
Серьёзный восьмилетний бригадир.

Одно мгновение для осмотра груза,
Два слова и... с торговкой по рукам...
«Вам это будет стоить два арбуза!
И битые, конечно, тоже нам!»

Укладывались точно в пирамиды,
Взлетая вверх зелёные шары...
Гордился б нами сам Антон Кандидов —
Большой знаток разгрузки и игры.

А торг уж шёл: «Давайте с вами вместе
Вам самый спелый подберём, мадам!
Незрелых нет! Чтоб не сойти мне с места!
Всего-то пять копеек — килограмм!»

Мы ж под надзором строгой тёти Шуры,
Связав узлом спортивные штаны,
Снимали гордо с опустевшей фуры
Отобранные раньше кавуны.

Вонзая зубы в купленные сайки,
Что притаранил шустрый карапуз,
Рубала на траве ребячья стайка
Свой честно заработанный арбуз.

Вели вверху синицы перебранку,
Кто раньше станет семечки клевать...
Был парাপет как скатерть-самобранка,
Трава газона — мягкая кровать.

Отмыв сок сладкий под струёй фонтана,
Довольные и сытые вполне,
Мы возвращались к прерванной так рано
Арбузным перемирием «войне».

Долго я себе готовил встречу
С миром давней юности моей,
В ожиданье истины предтечи,
В поисках истоков и корней.

Как пацан на первое свиданье,
Под собой не чуя ног, спешил
Оживить свои воспоминанья —
Те, что очень редко ворошил.

Торопился снова в мир привычный,
Дальше от проблем, сует и дразг,

Слушать по утрам молочниц зычных,
А по вечерам — трамваев лязг.

Н, увы, назад закрыты двери,
И в замке обломан ключ судьбой.
Остаётся дальше жить и верить,
Помнить всё и быть самим собой.

И ещё останется химерой,
Вышедший из полуночных снов,
Образ моей Родины размером
С улицу в тринадцать номеров.

ПИСЬМО СЫНУ

К хворостяному тыну
Прислонив автомат,
Не рожденному сыну
Пишет письма солдат.

Карандашные строчки
На листках без полей
Шлют приветы, сыночка
Называя Сергей.

Хоть урывками спим мы,
Как и все на войне,
Я тебя, мой родимый,
Часто вижу во сне.

Белобрысым, в веснушках,
Ты ведь наша родня...
И торчащие ушки —
Точь-в-точь как у меня.

Эй, не плачь! Ты же — воин!
Понимаю, малец!
В это время лихое
Рядом нужен отец.

Чтоб тепло и защита,
Чтоб забота и дом...

Нынче главное — битва,
Остальное — потом.

Я вернусь к тебе, парень,
Со щитом и в седле,
Я судьбе благодарен,
Что ты есть на земле.

Мы с тобою сначала
Поплывём до буйков,
Натаскаем с причала
Голубых окуньков.

Из песка сладим замки,
Погоняем в футбол...
Из окна твоя мамка
Позовёт нас за стол.

Мы бы славно с ней спели
Своему малышу...
Снова фрицы насели,
Отобьюсь — допишу...

Но оборвана строчка
И письмо не дойдёт...
Серый лист многоточьем
Прочертил пулемёт.

Всего лишь в шаге от парадных улиц,
Где свет и модный плиточный покров,
Гудит своей привычной жизнью улей
Не тронутых реформами дворов.

Забытые и богом, и властями,
Стеная от извечной тесноты,
Они живут надеждой и страстями
В толкучке ежедневной суеты.

Пристройки, сараюшки, коммуналки...
Да, господи! Чего там только нет!..
Нет зависти, и в долг рубля не жалко,
И на беду откликнется сосед.

Поверьте мне, нет в мире лучше средства
От стрессов, от болезней и хандры...
Здесь каждый раз мне возвращают детство
Знакомые приморские дворы.

Скрипит на рельсах старенький трамвайчик,
Любимый мной, как близкая родня,
И машет из его окошка мальчик,
Похожий на тогдашнего меня.

И пусть всё больше там и тут у моря,
Показывая миру, кто ловчей,
Торчат, как у дороги мухоморы,
Особнячки и дачки богачей.

Пусть думают, что лихо развернулись,
Внутри их — рай и даже коммунизм...
Но только в шаге от парадных улиц
Бурлит в дворах взаправдашняя жизнь.

ЖУРАВЛИНОЕ СЧАСТЬЕ ВОЙНЫ

Сквозь дымы и пожарища адские
Всё летят по просторам страны
Треугольные письма солдатские —
Журавлиное счастье войны.

Где ж вы были? Заждались вас матери
В веренице бессонных ночей,
Уж давно накрахмалены скатерти
Для приёма желанных гостей.

Дед в залатанных стареньких валенках,
День-деньской, опершись на дрючок,
В ожиданье сидит на завалинке,
Глядя в даль, не идёт ли внучок.

Ой, вы, белые письма-журавлики!
Вы в каких затерялись краях?
Неужели Ванюшки да Павлики
Все легли на кровавых полях?

Принесите хоть малую весточку,
В ней три слова: «Я, мама, живой!»
Нет известий, и сына невестушка
Овдовела, не побыв женой.

Но хранятся в углу за иконою,
Над лампадкой нет места светлей,
Вместе с мужниной похоронною
Фотографии двух сыновей.

Охрани же сынов, Богородица,
Дай им силу родимой земли,
Сделай так, чтоб, как исстари водится,
Возвратились домой журавли.

Фильму

«До свидания, мальчики!»

Очень важные понятия:
И морфемы, и бином,
Но какие тут занятия —
Ведь снимается кино!

Пусть лежит закрытой книжка,
Будет чист в тетрадке лист...
Там играет роль мальчишка!
— Как мальчишка?
— Так! Мальчишка!
А уже, считай, артист!

Прибегал соседский Вовка,
По секрету рассказал,
Что участвовал в массовке...
Отлупили, чтоб не врал!

Правда, съёмки шли открыто,
И поэтому наш двор
Видел яркий свет софитов,
Слышал громкий крик: — Мотор!

Помнит стол в кафе у грека
Где, как утверждал Колян,
Кушал с пивом чебуреки
Сам товарищ Копелян.

Мы потом дорогу к дому,
Нашу школу, море, пляж
Долго звали по-другому,
Словом звучным — антураж.

Сколько лет пройдет, не знаю:
Четверть века или треть?
Но однажды на трамвае
Мы поедем фильм смотреть.

Отсидев начало важно,
Ну, толкать соседа в бок:
— Погляди, у «Бо Риважа»,
Ах, какие были пляжи!
— А какой был «Поплавок»?

— Нет, смотри,
в панамке — Вовка,
Тот, что нынче генерал!
— Точно снялся он в массовке,
Получается, не врал!

Оживают на экране
Вновь приметы давних лет,
Прячем мы платки в кармане
До того, как вспыхнет свет.

Ну а после выйдем к морю...
Там, где раньше был песок,
С ветром и водою спорит
Лишь бетонный поясок.

Волны бьют в бетон уныло,
В «Бо Риваже» — темень, но...
Но мы помним, как всё было,
А забудем, есть кино!

* * *

И. Сельвинскому

Летним утром в воскресенье,
Громко, будто б на весь мир,
В репродуктор объявление
Шпарит заспанный кассир.

Торопите своих близких!
Через пять минут — вояж!
Теплоход «Илья Сельвинский»
Отойдёт на Новый пляж!

Все пришедшие сегодня
Дружно в очередь встают
И, пройдя по шатким сходням,
Заполняют бак и ют.

Дети сладкую пьют воду,
Дуют пиво молодцы...
Вот звучит сигнал отхода:
— На «Илье», отдать концы!

Но всё также у причала
Пришвартован теплоход,
Нет движения начала
Ни назад и ни вперед.

Быть ли всё- таки подвижке? —
Виснет в воздухе вопрос...
Увлечённо что-то в книжке
Пишет вахтенный матрос.

А в машинном отделенье,
Несмотря на тусклый свет,
Мотористом вдохновенно
Сочиняется сонет.

И молчит радиоточка,
И не крутится штурвал...
Зарифмованные строчки
Вносит капитан в журнал.

Пассажир в негодование
В палубу стучит ногой:
Это что за опоздание!
Отчего такой простой!

Дело, знаете, в названье! —
Капитан даёт рапорт. —
Обратили вы вниманье,
Поднимаясь к нам на борт?

А название обяжет:
Боцман, кок ты или «дед»,
Только в нашем экипаже
Каждый — чуточку поэт!

В нашем деле очень нужен
Поэтический кураж!
Как придет, «Сельвинский» тут же
Курс возьмёт на Новый пляж!

* * *

Мой тихий сквер, я вновь пришел к тебе
Передохнуть от суетного бега...
Еще природе далеко до снега —
Гуляет бабье лето в октябре.

Своей охранной грамотою лист
Роняет мне под ноги старый ясень...
Мой в будущее путь предельно ясен,
Я снова юн и помыслами чист.

Не нужно торопиться по делам —
В границах сквера жизнь течет без спешки...
Здесь память, как старьевщика тележка,
В которой место есть любым вещам.

В ней книги без начала и конца
И образы уже ушедших близких,
Любовные свиданья и записки
И фронтовые карточки отца.

Всё это, понимаю лишь теперь,
И бабушкин привет из Кисловодска,
И запрещенный рукописный Бродский —
Зарубки в списке жизненных потерь.

И шепчут мне деревья: — Не забудь
Всех тех, кому обязан в жизни многим!..
Ну, что? Немного отдохнули ноги?
Тебе пора обратно! В добрый путь!

Ольга ГОЛУБЕВА
(г. Симферополь)

Член Национального Союза писателей Украины, член Международного Сообщества писательских союзов (г. Москва), лауреат Всеукраинской премии «Золотая фортуна». Автор слов Гимна АР Крым на музыку Алемдара Караманова.

* * *

Красота твоя, чуточку странная,
Мне в глаза, как будто, не бросилась...
Называется — Богомданная,
Произносится — Феодосия.

Ты запомнилась неустанною,
Независимой и выносливой,
Как живется тебе, Богомданная,
Как мечтается, Феодосия,

Твоим пляжам и тихим гаваням,
Парусам, не знающим осени...
Грину нравилась Богомданная,
Айвазовскому — Феодосия...

Я желаю тебе, Богомданная,
Чтобы боги тебя не бросили,
Будь любимой и желанной,
Феодосия, Феодосия!

* * *

Симферопольский блюз
Знаю я наизусть —
Светлых улиц аккорды
просты и легки,
Симферопольский блюз —
Блеск неоновых бус,
И в гранитном браслете
запастье реки.

Симферопольский блюз,
Я к тебе прикоснусь,
И пройдет незаметно
случайная грусть,
Симферопольский блюз,
Я уйду и вернусь,
Ты звучишь в моем сердце,
Симферопольский блюз...

* * *

Ты помнишь, был один денек,
Провинциальный городок,
И привокзальное кафе
в столь ранний час,
Мы забрели на огонек,
Нашли укромный уголок,
Казалось, в мире никого нет,
кроме нас...

Струился яблоч аромат,
Зеленый вился виноград,
Ну, просто рай,
наверно, рай...
Едва проснувшийся, молчал
В несмелых утренних лучах
Бахчисарай,
Бахчисарай...

А где-то рядом был фонтан,
Который Пушкин воспевал,
И минаретов
золотые кружева,
Но нас, как будто, привязал
Пустынный маленький вокзал,
Кафе восточное
и пряная листва...

Теперь мне снится по ночам,
В несмелых утренних лучах,
Ну, просто рай,
Бахчисарай...

* * *

Я люблю эту землю до слез,
А любовь неподвластна уму...
Столько мне пережить довелось
В этом благословенном Крыму,

Столько кануло ярких минут,
Словно звездочки в теплую тьму,
Но услышат меня и поймут
В этом богом хранимом Крыму.

Вижу танец стремительных лоз,
Грациозные горы в дыму,
Но не все удалось и сбылось
В этом мною воспетом Крыму,

И пронзает всю душу насквозь —
Крым, о Крыме, из Крыма, в Крыму...
Я люблю эту землю всерьез,
А любовь не подвластна уму!

Анатолий МАСАЛОВ
(г. Алупка)

85

ПОЭЗИЯ

Член Национального Союза писателей Украины, лауреат премии АР Крым, лауреат премии им. А. П. Чехова.

* * *

Максимилиану Волошину

Он изучил движения созвездий,
Чтобы проникнуть в прорези небес,
И теплятся лампы Семизвездья,
И чудо происходит из чудес.
Он, словно грек в поношенном хитоне,
Мыслитель, ясновидец и поэт
Цветаевой читает на балконе
Стихи, которых в подлинниках нет...
И Таиах застыла на пороге,
Лучится взгляд — не высказать всего...
О есть, о есть еще земные боги,
Но этот бог не слышит ничего...
Он, весь ушедший в таинство мистерий,
И, соблюдая некий ритуал,
Закрыв плотней распахнутые двери
И в черновик три строчки дописал...

* * *

Александру Грину

Все тот же дом. Окраина. Предмесье.
Цветет чабрец, колышется ковыль.
Других дорог другие перекрестья
И наших дней сегодняшняя быль.
Здесь пахнет лох неистово и пряно,
И оживают давние слова,
И паруса плывут из Зурбагана,
И не стареет добрая молва...
И ближе даль и протяженность линий,
И Время застывает, как слюда...
Здесь поневоле думаешь о Грине,
И вся тщета проходит без следа.
Заходишь в дом. Становишься мудрее.
Висит портрет и несколько гвоздик,
И перед ним стоишь благоговая,
Как перед Богом тихий ученик...

КРЫМ 1.2013

Вячеслав КИЛЕСА
(г. Симферополь)

Родился 25 ноября 1949 года в городе Белогорске Крымской обл.

Член Национального Союза писателей Украины, Союза писателей России, Международного Союза писателей СНГ. Автор девяти изданных книг.

В АВГУСТЕ 1984 ГОДА

Рассказ

В три часа ночи позвонили из дежурной части РОВД, передали сигнал тревоги, и старшему участковому майору милиции Полунину пришлось, спешно надев мундир, торопиться по ночным улицам в райотдел. Жена успела приготовить чашку кофе, отчасти разогнавшего сон, но самочувствие это не улучшило: Полунин знал, чем придется заниматься через несколько часов, — и не радовался этому занятию. Выселение лиц татарской национальности, незаконно выехавших с предписанного места жительства в Узбекистане и приобретших собственность в Крыму, происходило редко, но осадок в душе оставляло надолго. Полунин, как и многие работники милиции, не понимал, чем помешали государству переселенцы, но служебная дисциплина обязывала держимордствовать, да и парни из КГБ тщательно контролировали эти процессы, поэтому в райотдел Полунин прибыл в отвратительном настроении. Обменявшись рукопожатиями с работниками дежурной части,

прошел в ленинскую комнату, место общих собраний и сбора по тревоге личного состава райотдела. Как Полунин и предполагал, народу в громадной ленкомнате было немного: двое девчат из инспекции по делам несовершеннолетних и три сержанта из отдела охраны общественного порядка. Выселять предстояло одну семью из дальнего села и, зайдя в ленкомнату, заместитель начальника РОВД подполковник Устинов и начальник местного отделения КГБ Громов объяснили каждому его задачу.

В село прибыли около пяти утра, когда солнце еще только собиралось отправиться в путешествие по небосводу. Все выселения происходили на рассвете: полуодетые, вырванные из постели люди обычно не сопротивлялись, к тому же не успевала собраться толпа сочувствующих и любопытствующих соседей.

Низенький, покосившийся от старости дом выселяемого татарина Рустема Юсупова стоял посередине небольшого, огороженного глинобитной стеной двора. Пере-

махнув через забор, сельский участковый Башкиров открыл изнутри ворота. Сопровождаемые лаем рвавшейся с цепи собаки, милиционеры во главе с Устиновым и Громовым быстро направилась к дому.

Вероятно, лай собаки разбудил Юсупова; распахнув входную дверь, он несколько секунд растерянно вглядывался в приближающуюся к нему толпу, потом, что-то поняв, попытался закрыть дверь, но не успел: Башкиров в ловком прыжке вставил в дверной проем свою ногу.

— Юсупов! — закричал Устинов. — Постой!

Поняв, что дверь закрыть не удастся, Юсупов с криком: «Айше! Рашид! Урие! Выселяют! Бегите к чулану!» схватил стоявшие в коридоре вилы и ринулся в глубину дома.

— Не глупите, Юсупов! — закричал ему вслед Громов. — Мы — представители власти!

Включив в полутемном коридоре электросвет, Башкиров, Громов, Устинов и присоединившийся к ним представитель райисполкома Петренко поспешили за Юсуповым; Полунин вместе с остальными работниками милиции остался во дворе. Он знал, что сейчас происходит в доме: Петренко прочитает татарской семье решение райисполкома о выселении и потребует его безусловного исполнения; если выселяемые откажутся подчиниться, позовут сержантов и сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних, чтобы они с применением силы отвели членов семьи в стоявший неподалеку колхозный автобус. Потом выселяемых отвезут в Симферопольские приемники-распределители — для взрослых и несовершеннолетних, чтобы оттуда переправить с сопровождающими в Узбекистан. Туда же будут от-

правлены багажом уложенные в контейнер вещи; дом по оценочной стоимости БТИ продадут, а вырученные деньги передадут в Узбекистане Юсуповым.

Но что-то в этом налаженном распорядке сорвалось; минут через пятнадцать Петренко и Громов с растерянными лицами выскочили из дома и Громов, подойдя к Полунину, поспешно сказал:

— Идите в дом: Устинов зовет.

Пройдя коридором в большую комнату, Полунин, ориентируясь на шум голосов, свернул в левую дверь и наткнулся на Башкирова; тот стоял, ошеломленно мотая головой, и повторял:

— Чуть глаза не выколол! Вот черт!

Юсупов, оцетиновшись вилами, словно штыком, стоял в узеньком тупичке, загораживая собой столпившихся за ним членов семьи: худенькую женщину, успевшую надеть ситцевое платье, и так и оставшихся в майке и трусиках мальчика лет девяти и девочки чуть постарше.

«Возраст — как у моих детей — резануло по мыслям Полунина — а маечки и трусики новые, недавно из магазина — жена на прошлой неделе такие же моей детворе покупала».

— Иван Михайлович! — позвал Устинов и кивнул головой на Юсупова. — Поговорите с ним. Вы, в конце концов, участковыми командуете! Чуть Башкирова не убил. Не стрелять же, в самом деле!

Да, в ситуациях, связанных с политикой, скандалы не нужны, это Полунин понимал прекрасно, как и то, почему сбежали из дома Громов и Петренко, а Устинов, хотя и дружил с Полуниным и даже крестил его сына, сейчас пытается переложить ответственность на

Полунинские плечи.. Наград здесь не добудешь, а без погон остаться можно.

Подойдя поближе, Полунин ощутил идущий от татарской семьи терпкий запах страха и ненависти. Коренастый, широкоплечий, одетый в длинные, вылинявшие трусы, Юсупов стоял, цепко держась за вилы и настороженно следя глазами за милиционерами; по бугристым мышцам его обнаженного туловища тек пот.

— Это решение советской власти, Рустем Алиевич! — мягко сказал Полунин. — Вы ничего не добьетесь, оказывая сопротивление. А если кого-то раните, то сядете в тюрьму и семья окажется без кормильца.

— Я не сдамся, — яростно ответил Юсупов. — Пусть лучше мой труп здесь останется. Все-таки в Крыму умру.

— Но вы не можете стоять так сутками. Подумайте о детях!

— О них и думаю. Это их родина! И здесь нас не так мало: через несколько часов, когда узнают, все соберутся.

Юсупов был прав: непонятно как, но татары быстро узнавали о выселениях и съезжались от мала до велика, и тогда втихую эту акцию провести не удавалось. Хорошо еще, что в Крыму не были ангажированы иностранные корреспонденты.

— Рустем Алиевич, мы ведь можем применить слезоточивый газ. Давайте решать все по мирному.

Применить спецсредство никто бы не разрешил, но Юсупов об этом не знал: поразмышляв с минуту, он сказал:

— Мы поедем в Симферополь, если вы отдадите мне решение райисполкома о нашем выселении.

Полунин посмотрел на стоявшего молча Устинова: тот задумался и сказал:

— Надо посоветоваться!

И, кивнув головой Полунину, направился к выходу.

Выселяя вернувшихся в Крым татар, руководство СССР отрицала это на официальном уровне, объясняя западной прессе подобную информацию клеветой и происками врагов. Без решения исполнительной власти о выселении обойтись было нельзя, — только на этом основании действия правоохранительных органов оказывались законными, — но документы об этом шли под грифом «секретно» и считались служебной тайной.

— Вы что, с ума сошли! — возмущился Громов, услышав предложение Устинова передать государственный документ Юсупову. — Да если это решение окажется за границей и будет опубликовано, то тюрьма нам обеспечена.

— Далее Симферополя этот документ не попадет: в приемнике-распределителе Юсупова и остальных татар обобщем и решение заберем. А если успеют его уничтожить, то соберем остатки и составим акт, что Юсупов выхватил бумагу из рук Петренко и разорвал на кусочки.

— Черт знает что! — проворчал Громов, задумываясь. — А другого выхода нет?

— Только если прострелить Юсупову руки, — или дать ему возможность убить кого-либо из сотрудников. Представляете, какой шум подымется?!

— В общем, так! — решил Громов. — Возьмите решение райисполкома и ищите выход из ситуации сами: это дело все-таки вам поручено. А я и Петренко в машине посидим.

— Сволочи! — подождав, пока Громов и Петренко отойдут подальше, пробормотал Устинов. — При-

выкли чужими руками жар загребать!

И, повернувшись к Полунину, сказал:

— Вот что, Иван Михайлович: вот тебе решение райисполкома и бери ответственность на себя. Если что случится, я прикрою. А пока к Громову и Петренко пойду, производственное совещание устраивать. Проявляй инициативу: другого выхода нет. Только о том, что я предложил, никому ни слова. Ясно!?

— Да, Сергей Яковлевич! — вздохнул Полунин.

Взяв одной рукой решение райисполкома о выселении, Юсупов тщательно осмотрел печать и подписи и, убедившись в их подлинности, отставил в сторону вилы и кивнул семье:

— Собирайтесь! Документы, деньги: чтоб ничего не забыли.

Женщина и девочка быстро побежали по комнатам, а мальчик еще постоял, с ненавистью разглядывая Полунина и словно стараясь на всю жизнь запомнить, затем поспешил вслед за отцом. Приказав Башкирову и одному из сержантов присматривать за Юсуповым и документом в его руках, Полунин вышел во двор и велел грузчикам загружать мебель и вещи в контейнер. Увидев привычную суматоху, Устинов вылез из машины, оставив там Громова и Петренко, и включился в процесс руководства. Полунина он ни о чем не спросил и постарался не заметить, как Юсупов, засовывая в карман рубашки документ о выселении, идет с семьей к автобусу. По требованию Юсупова, мальчик в сопровождении сержанта отвел собаку соседям; опустевший дом заперли и передали ключ председателю сельсовета. Через полчаса операция закончилась и ее участники разъехались: Усти-

нов, Громов и Петренко в райотдел, а Полунин, сержанты и инспектора инспекции по делам несовершеннолетних, сопровождая Юсуповых, отправились на автобусе в Симферополь.

Выбравшееся из-за горизонта солнце рассыпалось брызгами света по долинам и взгорьям, благословляя просыпающуюся жизнь на новый день. Подставив лицо мягким солнечным ладоням, Полунин рассматривал мелькающий за автобусными окнами пейзаж и думал о том, что выселение, к счастью, закончилось без скандала, а когда заберут у Юсупова документ, можно поставить на этой истории крест и обязательно намекнуть Устинову о денежной премии.

Татарская семья сидела отдельно: мать с детьми на заднем сиденье, а отец поближе к выходу, неподалеку от сержантов и девчат из инспекции. Иногда он вставал и, перебирая руками спинки сидений — автобус при движении сильно покачивало, — подходил к матери и что-то говорил на татарском языке. Дремавших работников милиции это беспокоило: приподняв головы, они настороженно следили за Юсуповым, успокаиваясь только тогда, когда он возвращался на место.

В Симферополе вначале заехали в приемник-распределитель для несовершеннолетних: держа за руки детей, девушки из инспекции быстро провели их к дежурному. Полунин пошел вместе с ними. По его указанию детей тщательно обыскали: вдруг Юсупов им решение передал! Убедившись, что до этой хитрости Юсупов не додумался, Полунин вернулся в автобус и велел ехать дальше.

Юсуповы — отец и мать — сидели на задних сиденьях, и мол-

чали. Полунин хотел сказать им, что о детях беспокоится не нужно, все будет нормально, но, обжегшись о ненавидящий взгляд матери, вздохнул и, повернувшись к водителю, велел ехать дальше.

В приемнике-распределителе их ждали; дежурный быстро открыл входную дверь и сержанты отконвоировали татар в комнату для задержанных. Когда дежурный потребовал у татар выложить все имеющиеся с собой вещи на стол, Полунин ожидал скандала, но, к его удивлению, Юсупов и его жена беспрекословно начали выкладывать из карманов документы, деньги, носовые платки, расчески и прочую мелочь. Решения райисполкома среди выложенных на стол предметов не было.

— Обыщите их! — приказал Полунин с холодеющим сердцем.

Юсуповых развели по разным комнатам: пока сержанты занимались Юсуповым, вызванные дежурным женщины обыскали его жену.

— Ничего не обнаружено! — доложили они по очереди Полунину.

Ситуация складывалась непонятная и угрожающая.

— Еще раз обыщите! — нервно сказал Полунин. — Разденьте их, перещупайте одежду! А вы, Остапчук, осмотрите автобус: может, он куда-нибудь там документ сунул.

Когда подчиненные вновь доложили о том, что документ не найден, Полунин почувствовал, как закололо в сердце.

— Рустем Алиевич! — стараясь говорить спокойно, обратился он к Юсупову. — Где решение райисполкома?

— Какое решение? — насмешливо переспросил Юсупов.

— О вашем выселении. Я вам его в руки давал.

— Не знаю ничего. Может, и было, но потерялось.

Полунин посмотрел на торже-

ствующее лицо Юсупова и понял, что мольба не поможет: документ кому-то передан или спрятан так, что найти невозможно. Государство сделало его и Юсупова беспощадными врагами, стоящими друг против друга насмерть. Он, Полунин, вместе с другими представителями власти растоптал утром по велению государства частную жизнь семьи Юсуповых; сейчас Юсупов с помощью того же государства бросает под откос судьбу Полунина.

— Ладно, пора возвращаться, — отвернувшись от Юсупова, произнес Полунин и велел дежурному:

— Подготовьте для меня копию описи забранных у них предметов.

Когда ехали в автобусе, Полунин то и дело ловил на себе сочувственные взгляды коллег: все понимали, в какую неприятную ситуацию он попал, и не удивились, когда на перекрестке Полунин приказал водителю свернуть в сторону знакомого села. Найдя председателя сельского совета, открыли Юсуповский дом, где тщательно и безрезультатно осмотрели все пригодные для тайников места.

Приехав в райотдел, Полунин отпустил всех отдыхать, а сам поднялся на второй этаж к Устинову.

— Что случилось? — увидев растроенное лицо Полунина, встревожено спросил Устинов.

— Решение райисполкома пропало, Сергей Яковлевич!

— Рассказывай! — потребовал Устинов и, выслушав рассказ Полунина, витиевато выругался:

— Наделал ты делов, Иван Михайлович! Дернул же тебя черт решение отдать!

— Вы же знаете... — начал Полунин, но Устинов, перебив его, потребовал:

— Пиши объяснительную записку на имя начальника милиции.

Вечером он придет из управления, я все ему доложу. Тебе положен отдых: напишешь и пойдешь домой, а я буду отбиваться! Думаю, все обойдется!

Несколько успокоенный заявлением подполковника, Полунин написал объяснительную, отдал ее Устинову и отправился домой. Жена была на работе; прикрикнув на радующуюся летним каникулам детворе, Полунин попытался заснуть, но вместо сна толкались мысли о перипетиях выселения, о пропавшем документе, о грядущих неприятностях. Промаявшись без толку в кровати, уселся перед телевизором, поиграл с детьми, исповедаясь перед пришедшей с работы женой, которой за долгие годы супружества привык доверять во всем, а утром отправился в райотдел.

— Вас полковник Черных ждет, — крикнул дежурный, едва Полунин переступил порог.

— Вызывали, Петр Сергеевич?! — зайдя в кабинет к начальнику милиции, угрюмо спросил Полунин.

— Да, майор — с громадной головой и широкими плечами развалившийся в кресле начальник милиции был похож на разбуженного в берлоге медведя. — Я тут с Грозовым вечером пообщался и у нас интересная мысль появилась: тебя случайно не ЦРУ к нам забросило?

— Не понял, товарищ полковник! — Полунина бросило в жар.

— А что тут понимать?! Ты передал врагу через татарина-выселенца секретный государственный документ: что на это скажешь?

— Но ведь — Полунин вытер со лба пот. — Не было другого выхода, все подтвердят. И я не один такое решение принял, спросите Устинова.

— Ошибаешься, майор! — встав с кресла, Черных оперся руками о стол и грозно посмотрел на Полунина. — В папке собраны объяснительные от участвовавших в операции, в том числе от Устинова и Громова: они только вчера вечером узнали, что решение райисполкома о выселении ты самовольно передал Юсупову. Что скажешь?

— Это неправда! — Полунин понял, что в сложившейся ситуации им решили пожертвовать. — А можно Устинова вызвать, он обещал...

— Устинов взял вчера положенный ему по закону отпуск и отбыл к родителям в Житомир, так что на него тебе свалить ничего не удастся, — начальник милиции грозно опустил в кресло. — Но, поскольку я тебя не первый год знаю, то, так и быть, даю срок до завтра. Если не вернешь документ, возбуждаем уголовное дело. Можешь идти, только пистолет мне отдай, а то еще застрелишься, чтоб от ответственности уйти!

Вытащив из кобуры пистолет, Полунин положил его на стол и молча вышел из кабинета. Спустился по ступенькам вниз и, отмахнувшись от вопросов дежурного, покинул райотдел. Придя домой, взял в холодильнике бутылку водки, налил стакан и, не закусывая, отправил его содержимое в рот. Почувствовав, как отпустило сдавившее его напряжение, сел за стол и стал думать.

За помощью обращаться некуда, это понятно. Там, где замешана политика, нормальные человеческие отношения отсутствуют. Поэтому нужно или готовиться к тюрьме, или отыскать проклятую бумажку.

Закрыв глаза, Полунин поставился во всех подробностях припом-

нить, как шел Юсупов к автобусу, засовывая решение райисполкома в карман. Подменить документ другой бумагой он не мог: Полунин успел заметить мелькнувшую печать и подпись председателя райисполкома. А что случилось с бумагой дальше? Кому-то передана? Члены семьи обысканы, а за сотрудников милиции Полунин ручался. Окна в автобусе были закрыты, никто бумагу выбросить не мог. Автобус осмотрели дважды: сержант Остапчук, позже — лично Полунин.

Почувствовав, как его бросило в жар, Иван Михайлович наполнил стакан водкой... и отставил стакан в сторону: пьяным уж точно ни до чего не додумаешься! Взял опись предметов, изъятых в приемнике-распределителе у Юсуповых. Документы, кошелек, деньги, носовой платок, расческа... А вот это интересно: у гражданки Айше Юсуповой изъят перочинный нож. Как-то непривычно, чтобы женщины с ножами ходили, пусть и перочинными. Разве что...

Вскочив на ноги, Полунин позвонил приятелю, купившему недавно «Жигули», и через полчаса мчался по знакомому маршруту. В селе быстро отыскал колхозный гараж и, убедившись, что автобус, отвозивший их в Симферополь, на месте, занялся тщательным изучением сиденья, облюбованного во время поездки Юсуповым. Сделанный у самого основания сиденья разрез нашел не сразу — и подивился хитрости Юсупова, сумевшего незаметно для всех вырезать тайник для документа и ловко передать ножик жене.

Спрятав найденный документ в карман, Полунин вернулся к машине. Он шел, опустив голову, и пытался понять, почему отсутствует у него чувство радости, — ведь через час ему вернут пистолет и жизнь вернется в нормальное русло, — и позже, по дороге в райотдел, он продолжал мучиться досадой и сомнением, так и не догадавшись, что не бывает счастливых окончаний у печальных историй.

Людмила ПИВЕНЬ
(г. Севастополь)

Прозаик. Дипломированный журналист. Автор четырех книг прозы. Произведения публиковались в центральных журналах Украины и России.

Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого. Гран-при международного литературного фестиваля «Крымская альгамбра». Член Национального Союза писателей Украины.

ПРОЗА

93

МЕСТО, ГДЕ ОБЪЕЗЖАЮТ ЛОШАДЕЙ

РАССКАЗ

— Если хочешь в спорт, соревнования тебе тут не светят, — сразу предупредил Максим Витальку.

Виталька приехал из самого города только потому, что услышал, будто в этом селе есть лошади. Лошади и вправду были — стояли каждая в своей клетушке, тянули морды в конюшенный проход через окошки в решётках. Рыжие, гнедые, вороные...

Сразу-то, едва ступив в конюшню, Виталька словно ослеп. После яркого весеннего дня ему тут показалось угольно темно, только светлел впереди прямоугольник распахнутых дальних ворот, и на его фоне чётко рисовался силуэт худого человека. Там, где стоял человек, что-то грохотало. Виталька осторожно пошёл к этому человеку и пока шёл, пока дышал запахом конюшни — сложной смесью запахов конского пота, кожаной амуниции, навоза, соломы, запаренного овса — стал различать по обе стороны от себя за решётками высоких и прекрасных лошадей.

Человек стоял посреди прохода и курил, а решетка рядом с ним вздрагивала, потому что верёвка, привязанная к ней хитрым узлом, то ослабевала, то натягивалась до отказа со звуком басовой струны.

Виталька едва поздоровался, на человека он уже не смотрел. За решёткой в бело-стенном солнечном деннике рвалась в стороны тонкая вороная лошадь, а верёвка привязана была к жёлтым ремням, охватившим лошадиную голову.

Совсем рядом видел Виталька почти квадратные раздутые ноздри, чёрные, с ярко-красным внутри, видел огромные, полные ужаса глаза. Стучали копыта, скользили копыта, копыта скребли по стене... Лошадь пыталась подняться на дыбы, едва не падала, дергалась то вправо, то влево, до хруста натягивала верёвку, извивалась всем телом, осаживая назад. На мгновение она могла замереть, а потом снова и снова пыталась вырваться, порвать верёвку, сломать решетку или шею, сделать что

КРЫМ 1.2013

угодно, только освободиться — любой ценой.

Спокойно курил человек, вспыхивающий оранжевый огонёк освещал худое лицо, нос с горбинкой, чёлку, падающую на глаза...

Виталька только воздух в грудь набрал, чтобы спросить, а человек сказал:

— Ты из города? Если хочешь в спорт, соревнования здесь не светят...

Виталька услышал эти слова, но не понял их, он смотрел на бьющую лошадь:

— За что её?

Человек неторопливо объяснил, что никакое это не наказание, просто есть такая работа, называется «обтяжка». Годовалого жеребёнка, который гулял до этого в табунке ровесников, ставят в отдельный денник — каждая отдельная секция, в которой лошадь стоит, называется денником, понятно? Потом на жеребёнка надевают недоуздок — и, ясное дело, он совсем не радуется посторонним ремням на своей голове. Затем его привязывают — накоротко, чтобы в длинной верёвке не запутался. И то, что он так сопротивляется, пытается вырваться — это хорошо. Так надо. Каждый жеребёнок должен понять, что верёвка сильнее лошади, а человек — и подавно.

Человека звали Максимом, он был зоотехником и тренером на ферме, где выращивали для конного спорта украинских верховых. Сам он тоже вырос на этой ферме, здесь учился ездить верхом и прыгать через препятствия. Тогда жеребятами были деды и бабки нынешних маток-кобыл.

В пятнадцать лет он мечтал стать великим спортсменом, в двадцать мечтал вырастить лошадь мирового класса. Сейчас Максиму

было тридцать два и он давно уже не мечтал.

— Соревнования здесь тебе не светят. Ясно? — заявил он Витальке в первый же день и ждал в ответ разочарования. Не дождался. А где-то через неделю сообразил, что этот смешной мальчишка каждый день целый час едет на электричке и целых семь километров идёт пешком вовсе не для того, чтобы побеждать и получать медали, а просто-напросто для того, чтобы чистить и приручать жеребят, чтобы трястись в седле учебной рысью по манежу, чтобы отшагивать двухлеток после работы...

Совсем он был не таким, каким помнил Максим себя в тринадцать лет. До того не таким, что порой Максиму страшно хотелось врезать ему хорошенько. Но — нельзя было врезать.

Почему?

Очень просто.

Мальчишка быстро, не успела стень отцвести, научился ездить верхом. Так быстро учатся только дети. И страха он не знал — дети часто не знают страха боли и смерти. А в конюшне стояло шесть непроданных двухлеток, и кому-то надо было их работать, чтобы не застаивались, не теряли форму. И ещё — за весной приходит лето, а за летом случается осень. Придётся заезжать полуторников. А среди молодняка всегда найдётся пара-тройка особенно зловредных паршивцев. И гораздо приятней, когда не ты, а мальчишка летит в солому после ловкого удара копытом, когда он растирает синяки от укусов, когда не ты, а он встречается с жёсткой сухой землёй после того, как гнедой, которого только ещё приучают терпеть на спине человека, шарахается в сторону и выдаёт серию жёстких «козлов»...

Виталька быстро учился, он во все глаза следил за Максимом, что бы тот не делал — уздечку ли зашивал, гонял на корде лошадей или напрыгивал их под седлом. Следил и запоминал. Только следил без восхищения, оценивая — а это всегда хорошо замечает тот, за кем следят. Дело в том, что ни за что на свете не хотел Виталька сделаться таким, как Максим — Максим лошадей бил.

— Ты пойми, Виталь, — объяснял он ещё в самом начале их знакомства, — без этого — никуда. Куснул тебя — по морде! Хлыстом лучше, а то руку можно разбить. Брыкнуть попробует — в пузо ему! Пару раз получит, забудет на чело века ноги поднимать... И не думай, что они тебя после этого ненавидеть начнут... Да ничего подобного! Сильней бьёшь — лучше будут ласкаться. Ну, как люди... Нельзя не бить.

Виталька тогда в ответ промолчал. Его отец всегда говорил, что не дело младшим учить старших и не дело любителям учить профессионалов. К тому же на вид Максим был прав. Ни одна лошадь его не кусала и не отбивала по нему ногой. Наоборот, кони лизали ему штаны и сапоги, ерошили волосы губами так, как они, ласкаясь, перебирают друг другу на пастбище гривы. Но только всё равно Виталька не мог допустить, чтобы слова Максима были правдой. Правда такой быть не должна.

И он делал кое-что по-своему, а получилось, что этим задел Максима сильнее, чем если б назвал дураком. Виталька сам приручил, обтянул, научил хоть за человеком в поводу и бегать по кругу на корде одного из годовалых жеребят. И ни разу не ударил при этом. И даже не обругал.

Рыжий длинноногий жеребчик с треугольной звёздочкой на лбу и высоким белым носком на левой задней ноге ходил за мальчишкой как собачонка. Виталька свободно выпускал его из денника, выпускал без уздечки и недоуздки, потому что жеребёнок послушно прибегал на зов. Его в документах именovali Северином, а Виталька называл Малышом.

Максим делал вид, что этого не замечает. Только один из конюхов, старый дед по прозвищу Карацупа, всё равно утешил молодого начальника:

— Да играется пацан... Ничего, надоест...

А тем временем городской неуклюжий мальчик и рыжий высокий жеребёнок привыкали друг к другу всё сильнее. Уже вскоре возникло между ними то чувство, которое нельзя назвать любовью человека к лошади или — лошади к человеку. Просто когда они были врозь, каждому из них чего-то не хватало и от этого делалось тоскливо и неудобно жить, а как только они встречались — всё в мире становилось на свои места...

В конце весны всех годовиков уже обучили бегать на корде, в начале лета стали напрыгивать, к концу лета учебные препятствия делались выше...

Как и положено, за летом наступила осень. Время, когда у маток отбивают родившихся весной жеребят. Время, когда начинают приучать к седлу полутораговых. И ещё, к сожалению, осень — то самое время, когда начинается школа.

Снова приходилось Витальке всё утро и ещё полдня тратить на уроках. Снова приходилось ждать последнего звонка, чтобы мчаться на вокзал, чтобы успеть на электрич-

ку. И всю дорогу в набитом людьми, качающемся вагоне, и потом, шагая по узкой асфальтовой дороге между перепаханных осенних полей, ждать... Ждать, когда, наконец, вдохнёшь родной запах конюшни, когда услышишь залиvis-тое ржание в ответ на вкрадчивое:

— Малыш-ш-ш-ш...

На конюшне время пролетит до обидного быстро, не успеешь отработать трёх лошадей, как уже стемнеет... Что ж, тогда — снова на станцию, снова вагон электрички, уже почти пустой, холодный и полутёмный. В нём надо будет отыскать лампочку поярче, устроиться под нею на жёсткой деревянной скамье, и решать примеры по алгебре, или учить какую-нибудь физику... А дома быстро съесть всё, что дадут, упасть в кровать — и провалиться в сон. В сон, в котором будешь продолжать чистить, седлать, рысить, делать галопы, отшагивать.

Максим тихо радовался, что городской продолжает приходить и сейчас, когда два десятка брыкучих полуторников надо приучить терпеть на себе всадника, слушаться повода и шенкелей — сельских-то пацанов на конюшню силой не затынешь.

Виталька ходил весь в синяках, у него постоянно что-нибудь болело, но зато он сам, без помощи Максима заездил двух жеребчиков и одну кобылку. И мечтал, что Малыша начнёт учить попозже, когда опыта наберётся.

Но так не вышло. В один из осенних прозрачных дней увидел Виталька от самой станции длинный автофургон возле фермы.

Осень — это время, когда продают полуторников.

Он побежал.

Рюкзак прыгал по спине, ост-

рыми корешками учебников подгонял бежать быстрее.

Конечно, дыхание скоро сбилось, конечно, пришлось перейти на неровный торопливый шаг, но всё же Виталька успел.

Успел вовремя, как раз тогда, когда по дощатому настилу Максим пытался завести в машину имущество совхоза по кличке «Северин». Жеребчик идти не хотел, упирался, осаживал, пытался встать на дыбы...

Максим издалека заметил на прямой дороге знакомую фигурку в просторной куртке, узких джинсах и больших ботинках. И заорал:

— Э! Виталь! Давай сюда — можешь!

Виталька... Виталька так растерялся, что его послушался.

Младшие должны слушаться старших.

Любители не учат профессионалов.

А лошади принадлежат совхозу. И должны знать эти лошади, что человек сильнее всех.

В руках Витальки Малыш миглом успокоился и послушно зашёл в коневозку. Виталька сам привязал его к толстому поперечному брусу.

Жеребята в кузове фургона стояли очень тесно, почти вплотную, разделенные дощатыми перегородками. Сосед Малыша, гнедой Наполеон, вспотел от страха и мелко дрожал. Витальке стало трудно дышать и глаза защипало. Он похлопал Малыша по шее, угостил яблоком, и мысленно поклялся узнать, куда его увезут, заработать денег и выкупить...

— Вылезай давай! Чего застрял! — Максим, выгибаясь назад, тащил ещё одну перегородку — для Малыша.

И Виталька послушался, медлен-

но пошёл из тёмного кузова на свет, чувствуя, что разрывается надвое и одна половинка его остаётся внутри коневозки.

Он сел на низкую лавку возле распахнутых ворот и смотрел, как по щербатому асфальту мимо него переступают тонкие сильные ноги — рыжие, гнедые, вороные, — шаркают грязные кирзовые сапоги...

Жеребят всё вели, всё стучали и стучали аккуратные копыта... Потом, видно, погрузку закончили — долго стояла тишина, только стрекотал вдалеке на молочной ферме трактор и одинокая собака лаяла в селе.

Но вдруг завёлся мотор — Виталька вскинул глаза и увидел, как тронулся «КАМАЗ», покатился вперёд, умело развернулся, выехал на дорогу.

Максим, устало ступая, подошёл и сел рядом с Виталькой.

Фургон-коневозка на прямой дороге становился всё меньше, пока не потерялся у горизонта.

Максим чиркнул спичкой, закурил.

— Куда их купили? — сумрачно спросил Виталька.

— В Харьков, — Максим затаился сигаретой и выпустил большое облако дыма, — Классно... От пятнадцати избавились. Я думал, два раза придётся машину гонять, а за один раз управились... Всех вместили... Правда, пихали как селёдок в бочку...

— А куда — в Харьков?

— Ты что?! — весело удивился Максим. — В гости собрался?!

Виталька промолчал. Максим похлопал его по плечу — словно поощрил понятливого жеребёнка:

— Да брось ты! Детство это у тебя в... играет! Думаешь что — привезут твоего рыжего в Харьков, там и будет стоять? Ага, как же!

Уйдёт дальше — в Россию, а, может, за бугор... Вот так. Да не кисни ты, вон Занзибар остался, Магнитка... Я ж не дурак — самых классных вперёд продавать. Вообще говоря, твой Северин прыгал же так себе, средненько... А лучших я оставил... Нет, хочешь — выбери себе любого из отъёмышей. Там бегают в базу один такой — просто супер! От Гротеска и Малюты. И кличку сам ему придумаешь... Работай!

Виталька молчал. Максим посмотрел на него внимательней и посоветовал:

— Да ты не переживай. К каждой лошади привязываться — сердца не хватит.

Виталька вскочил, подхватил с земли новенький тёмно-синий рюкзак с учебниками, закинул его на спину и пошёл в ворота, не прощаявшись.

Максим подумал, что мальчишка обиделся. Но это было не так. Просто Виталька не хотел, чтоб видели, как он плачет.

* * *

Снова он приезжал каждый день из города, и всё было как всегда — переодеться, чистить, седлать, гонять на корде, работать под седлом... Всё было как всегда, просто иногда Витальке казалось, что в конюшне, полной лошадей — пусто. Или это внутри у него — пусто. И утешал он себя мыслями, что зато у Малыша будет всё хорошо, попадёт он в английскую или немецкую конюшню, где будут его хорошо кормить и пылинки сдувать с рыжей шкурки...

Неделю спустя, когда Виталька пришёл на конюшню, Максим сказал ему:

— Привет! А твоему рыжему не повезло...

У Витальки стало холодно в жилоте.

— Подкололся. Жить надоело, — усмехнулся Максим и двинулся куда-то по делам, но Виталька его догнал и даже за руку схватил. пришлось объяснять:

— Понимаешь, этот придурок начал в пути биться, сломал перегородку и обломком доски распорол себе брюхо... Г-глупое животное... Приехали в Харьков — а он уже холодненький... Кишки на ноги намотал... Э, Виталь! Да слышишь, ему повезло! Считай — отмучился — и больше никаких неприятностей!

Виталькино лицо застыло скорбной маской. Смотреть на него было ужасно смешно, Максим едва сдерживал улыбку, пока утешал:

— Ты же мужик... Держись... Ну сдох — и сдох. Лошадь вообще меньше человека живёт, он бы любому раньше тебя умер. Ты вот на это настройся. Я раньше тоже знаешь, как из-за каждого переживал!

Виталька сказал:

— Я — всё. Я больше не приду.

— К-куда ж ты денешься... Придешь. Это ж тебе не шахматы — бросил — и всё. Не бокс. Не футбол. Это — как любовь... Лошади тебе потом сниться будут. Будет казаться, что за окном копыта стучат. Не выдержишь, вернешься.

Виталька резко повернулся и бросился на улицу.

Он шёл по узкой дороге, ступая

так осторожно, словно боялся сделать ей больно. Слева были распаханые поля, и справа... Впереди, почти у горизонта, белел кубик железнодорожной станции в окружении золотых наконечников копий — полуоблетевших пирамидальных тополей.

Небо было осенним, прозрачным, высоким, с тонкими прожилками розовых облаков у горизонта, там, куда уходила дорога.

Виталька был в этом мире один между землёй и небом.

* * *

Когда с того дня прошло три недели, Максим забрал себе Виталькины кирзовые сапоги. Они были чуть маловаты, но зато не протекали, а как раз начались осенние дожди.

Хоть и говорил Максим, что на земле есть вещи сильнее человеческой воли, Виталька на конюшню больше не пришёл никогда.

А лошади ему, действительно, снились. Почти каждую ночь. Рыжие, гнедые, вороные... Он с ними бегал наперегонки, по широкой долине прохладной речки, по короткой сочной траве, под ласковым тёплым солнцем.

Только был в этих снах Виталька не мальчиком тринадцати лет.

Он был жеребёнком украинской породы, рыжим жеребчиком с треугольной звёздочкой во лбу и высоким белым носком на левой задней ноге.

Ольга ЗОЛОТОКРЫЛЬЦЕВА,
(г. Севастополь)

Поэт. По основной профессии винодел. Автор трех книг стихов. Произведения печатались в многочисленных сборниках, альманахах, ежегодниках как в Украине, так и за рубежом.

Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого, литературной премии «Золотая строфа». Автор более тридцати песенных текстов.

Член Национального Союза писателей Украины.

ПОЭЗИЯ

99

КИММЕРИЙСКИЕ МОТИВЫ

Подобен храму Коктебельский дом,
Богемный замок с множеством окошек.
Преодолев пространственный кордон,
Гостей встречает рыцарь Макс Волошин.
Крутая лестница со скрипом половиц
Уходит вверх к террасным поворотам,
Где тают голоса давно ушедших лиц,
Запечатленных на старинных фото.
Как и тогда, царит, воспетая в стихах
Поэтом, возмечтавшем о Египте,
Легенда грез его, богиня Таиах,
Та, что взяла в невестки Нефертити.
Гордясь величием всевластного венца,
Она взирает мудро и капризно
И в странной прелести надменного лица
Луч солнца ловит сходство с Моной Лизой.
И все ж не Мону в чувственном порыве,
А глаз возлюбленной таинственный миндаль
В ней видел стихотворец Киммерии,
Неся огонь души на жертвенный алтарь.
И некто свыше, сущность замыслов тая,
Создав в природе маски ликов рьяно,
Скалистым абрисом на мысе Кок-кая
Увековечил Максимилиана.

КРЫМ 1.2013

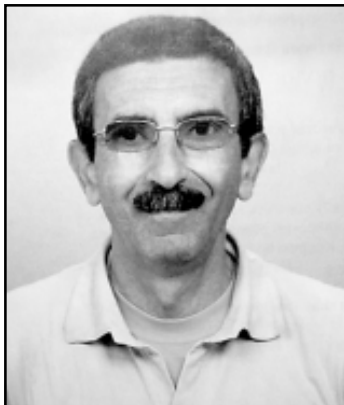
* * *

Когда лечу судьбе наперекор
В надежде тайной ею быть прощенной,
То постоянно чувствую укор
За эту роскошь жить неукрошенной,
За эту блажь, а может, благодать,
Не поклоняться идолам в экстазе
И от обид безмолвно замирать,
Уйдя в пространство творческих фантазий.
Искать непроторенные пути
К познанию счастья, веры, совершенства,
Чтоб женственность умножить во плоти
Гармонией духовного блаженства.
Но в хмурый день на жизненном краю,
Осмыслив прегрешенья многократно,
Внезапно удивиться сентябрю
И благодарно повернуть обратно.

* * *

Безмерна скорбь великого Творца,
Он осеняет горький мир перстами,
Где, став предтечей скорого конца,
Стихии ненасытные восстали.
То стонет зной, то стынет снегопад,
И циркуль смерча замыкает контур,
То вдруг волна, нарушив мир услад,
Несет погибель модному курорту.
И пламени живые языки,
Приумноженьем бед себя потешив,
Карают без разбора за грехи
И виноватых и совсем безгрешных.
Эпохам революций и обид,
Истории не помнящим уроки,
Вослед приходит аномальный грипп,
И празднуют победу лжепророки.
Им ликовать хотелось бы и впредь,
Но не Всевышним созданные клоны,
Уже вступили на земную твердь,
Приблизив тем парад Армагеддона.

Виктор ИНГЕРОВ
(г. Севастополь)

Поэт. Морской офицер. Капитан 2 ранга. Автор трех книг стихов. Член Национального Союза писателей Украины, Союза писателей России, лауреат премии имени Л. Н. Толстого. Публиковался в многочисленных сборниках, антологиях, журналах, альманахах в близком и дальнем зарубежье. Автор и ведущий телепередач «Необязательные встречи». Лауреат литературной премии Л. Н. Толстого.

Умер 25. 04. 2005 года на 64-м году жизни в городе Севастополе.

ПОЭЗИЯ

101

ДОРОГА ДОМОЙ

По воспоминаниям современников, П. С. Нахимов видел в Синопской победе повод к началу Крымской войны. Виноград, искал смерти на бастионах Севастополя. В чем преуспел. Похоронен в усыпальнице Владимирского собора.

Синоп горел и таял за кормой,
Ловили паруса каленый ветер,
Путь к дому и стремителен, и светел,
Когда с победой флот идет домой.

Когда с победой, значит, со щитом,
Их дома ждут чины, награды, слава,
Но не о том раздумья Адмирала,
Повержен враг, но мысли не о том.

Победа с горьким привкусом вины
Его волнует, мучает и гложет,
Она, быть может, славу преумножит,
Но станет явным поводом войны.

И потому, предчувствием томим,
Нахимов различил в огнях Синопа
В пожарах осажденный Севастополь,
Курган Малахов, холмики могил...

А корабли домой с победой шли,
Им в паруса ноябрьский ветер метил,
На горизонте, как он чист и светел,
Уже фитиль рассвета подожгли.

КРЫМ 1.2013

Но встреча ощущалась, как укор,
Подзорная труба тяжелой стала —
Форт Николая... Дом за полквартала...
Но виделся Владимирский собор.

* * *

Все больше в общем, меньше о деталях.
Все реже о боях, все чаще о войне.
С годами память ценится вдвойне,
Звонящим солнцем вспыхнув на медалях.

Но, словно эхо прошлого, во мне
Живет вопрос, и боль не утихает:
Быть может, потому друзей нам не хватает,
что сверстники отцов погибли на войне?

* * *

Бездумно время коротаем,
Ведем неспешный разговор,
Чужие истины глодаем
И не спешим ввязаться в спор.

Как будто вечно жить на свете,
На время глядя свысока,
На этой пристальной планете
Куда-то мчащей нас. Пока.

И черно-белых кинохроник
Читать бесценные листы,
Чтоб отыскать случайный промельк
Тех, чьи места уже пусты.

А мы, уроку не внимая,
Торопим дни календаря,
Когда в январь спешим из мая
Или в апрель из сентября...

Нина БУРМИСТРОВА
(г. Ялта)

103

ПИСЬМО

*Поэт.
Член Национального Союза писателей Украины.*

МАРТ В КРЫМУ

Ах, какие гудят ветры,
Заблудившись в ветвях кедров!
И мороз пострашней напалма,
И грустят по теплу пальмы...
Но однажды, откуда невесть,
Сливы встанут в наряде невест.
Море будет опять синим...
Как Антей, станет дуб сильным,
Ведь земля ему пьедесталом,

С озерами воды талой.
И от хмеля весны осмелев,
Повзрываются почки дерев.
И зеленый туман нежный
Ляжет скоро на лес вешний,
Чтобы шумно и многолико
Жизнь под кронами вновь возникла.
Март, хозяйничая окрест,
Рукопишет свой палимпсест.

* * *

Отраднo быть пленницей ночи,
Одной у магнита стола,
Когда суетой не морочат
Забутые напрочь дела.

Поэзия — это чеканный,
На реверсе прожитых лет,
И чем-то волнующе странный
Неведомой Музы портрет.

Пикантней горячего грога
Вкус горького слова-сырца.
Поэзия — это дорога,
Которой не видно конца...

Поэзия — поиск и случай,
Небесного Промысла акт.
Когда в обрамление созвучий
За вымыслом прячется факт.

Поэзия — посох калики,
Бредущего с тощей сумой,
И отдых у старой калитки,
Несмело зовущей домой.

Тропoю высокого слова
В заветные дали уйти,
Блуждать, потерявшись, и снова
Надежды звезду обрести.
И в этой ночи беспредельной,
Где кружится звездная рать,
Угадывать путь свой отдельный,
И знать его.
И не знать...

Людские разлуки и встречи
Вращают планетную ось.
Поэзия — это предтеча
Того, что еще не сбылось.

КРЫМ 1.2013

Скорее, скорее из каменных джунглей,
Где душно душе от забот и тревог,
Где даже деревья от смога пожухли, —
На вольницу вдаль уводящих дорог.

Я еду, неважно, куда и откуда,
И этот Икарус на время — мой дом.
Впечатан в сиденье, спокоен, как Будда,
Водитель как будто играет рулем.

Цветет на обочинах дрок беспечальный,
Качаясь и радостью жизни лучась,
Спасаясь от сплина и грусти прощальной, —
Живи, как растение, здесь и сейчас!

Отбрось шелуху многодневной рутины,
Забудь обо всем и гадай наперед,
Какую, достойную кисти, картину
Откроет нам очередной поворот.

Мы автотуристы, и всяк, кто разумен.
Садись налегке в наш веселый экспресс —
Увидеть, как нежность понтийской лазури
Сливается с синью июньских небес!

Я вижу солнце,
хоть глаза закрыты,
Лучи проникли на глазное дно.
На веках глаз,
как на листе палитры,
Лежит, светясь,
янтарное пятно.
Тепло лучей все глубже проникает,
Пронизывает всю меня насквозь.
В той тишине, где мысли замолкают,
Я слышу, как скрипит земная ось...
Исчезло время, замерло пространство...
Нет ничего,
есть только чистый Свет!
В глубинах этого безмолвного шаманства
Моей души рождается ответ.
Поверят ли ученые педанты...
Вселенная! Как пеленгом, лови
Летающие невидимые кванты
Моей всепобеждающей любви!..

Лариса ФИСЕЙСКАЯ
(г. Симферополь)

Родилась 3 декабря 1923 года в селе Орталан (Земляничное) Кара-субазарского (Белогорского) района Крымской АССР. Проживала в г. Белогорске, Риге, Симферополе. Печата-лась в периодических изданиях.

Ее песня «Южная столица» ста-ла победителем конкурса «Я вос-певаю крымскую столицу» (2008). Сборники стихов заняли достойное место на полках библиотек.

Умерла в 2008 году.

ПОЭЗИЯ

105

БЕЛОГОРСК

Я в старом городе родном
Брожу по улицам неброским.
Давно разрушен отчий дом,
Слышны мне детства отголоски.
Столетних улиц кривизна
Под красной черепицей кровли,
Глухих заборов белизна,
Поодаль: церковь с колокольней.
Здесь переулков тупики
Почти совсем не изменились.
Сухие вязы у реки,
Встречая старость, прослезились.
Все, как и прежде. Лишь дома
Поменьше почему-то стали.

Соседей нет, что по утрам
Меня приветливо встречали.
На Клубной улице моей
Чужие дети и старушки.
О, сколько незабвенных дней
Осталось здесь! Ушли подружки:
Они теперь в миру ином.
Их поименно вспоминаю
Когда я в городе моем
По тихим улицам гуляю.
Я в старом городе моем,
Мне здесь и радостно, и грустно.
С воспоминанием вдвоем
Брожу по переулкам узким.

В ЗЕМЛЯНИЧНОМ (ОРТАЛАНЕ)

Все тот же дом и та же речка,
Но только сад уже не тот,
И нет любимого крылечка,
Амбара старого, ворот.
Но горы, лес — они такие,
Как сотню, двести лет назад.
С ними не справились стихии.
Поет бессмертный водопад.
А земляничка от смущенья,
Зардевшись, спряталась под лист.
В ручье увидев отраженье,
Застыл от удивленья лис.

Детишки с тем же громким смехом
В лесную чащу забрели.
Ауканье протяжным эхом
Им отзывается вдали.
Все та же пыльная дорога,
Но только мы уже не те.
Не нас тропиночка к порогу
Ведет в житейской суете.
Но почему-то память детства
Покою сердцу не дает.
Воспоминанием согреться
В дорогу дальнюю зовет.

КРЫМ 1.2013

Поэта временный приют
Дом Ришелье на побережье,
Там, где магнолии цветут
И волны плещут безмятежно.
Где Александр был без ума
От южных женщин и природы,
Его пленяла ночи тьма
И не стеснял никто свободы.
Гурзуф у моря под горой,
Где, под присмотром Аю-Дага,
Вечерней летнею порой
Шумливой ребятни ватага
Бросалась в волны с головой,
Окрестность визгом оглашали,
И Адалары над водой
Почтение к себе внушали.
Едва взошедшая Луна
Смотрела сверху равнодушно,

Загадочность морского дна
В смятенье приводила души.
Был неподдельным интерес
Здесь к романтическим легендам.
Манил к себе прохладой лес
В тень экзотических деревьев.
У дома грустный кипарис
В воспоминанья погрузился.
Лиана с пальмой обнялись,
Платан в поэзию влюбился.
Поэт стихи свои читал
И, побережьем вдохновленный,
Ему шедевры посвящал,
В него без памяти влюбленный.

Уехал Пушкин, но Гурзуф
Той встречи с ним не забывает.
Великого поэта дух
Над полуостровом витает.

Леонтий ФАТЕЕВ

(п. Зуя Белогорского района)

107

Я
ли
зо
п

Родился 13 мая 1934 года в поселке Зуя Карасубазарского (сейчас — Белогорского) района. Работать начал с 11 лет.

Закончил Крымский мединститут.

Автор двух поэтических сборников.

Член Национального Союза писателей Украины.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Когда невольно затоскую
И до беды недалеко,
Я упаду в траву густую,
Раскинув руки широко.
Свой скорый суд мои печали
Спешат вершить наверняка,
А в синеве небесной дали
Летят, как птицы, облака.
Лица коснется теплый ветер,
Легонько кудри теребя,

Как хорошо на белом свете
Жить, сострадая и любя!
Мои натруженные руки
Пусть немного отдохнут,
А в сердце трепетные звуки
Под взглядом Родины живут.
Лежу недвижно, отдыхая,
Трава шумит вокруг меня.
Мне силы снова возвращает
Моя любимая земля.

ЗУИ СЕРЕБРЯНЫЕ ВОДЫ

Там, где время даль за далью
Покрыто розовой печалью
И где далекие века
Бредут, как путники в пустыне,
Течет красавица-река,
Ее всегда я помню имя...
Шумят потоками снега,
Сливаясь в сладостные струи,
В шелках зеленых берега

В глаза мне весело взглянули.
Зуи серебряные воды,
Неся тенистую прохладу,
Бегут, как молодые годы,
Зуя — души моей отрада!
Меж скал угрюмых бытия
Река торит свой путь далекий,
И был там небосвод высокий
Желанной крышей для меня.

КРЫМСКИЕ СТЕПИ

Отбросив невольничьи цепи,
К волнам, что шумят впереди,
Торопятся крымские степи,
Цветы прижимая к груди.
Неужто они позабыли,
В дорогу собравшись чуть свет,
И древние скифские были,
И ленинский важный декрет,
Печальный набег киммерийцев,
И славный Малахов курган,

И реки с хрустальной водицей,
И ханский дворец, и фонтан?
Неужто они все забросят
И сядут толпой в корабли,
Убежища тайно попросят
У самого края земли?
Но степи, как дети, от моря
В испуге вернулись назад,
Где в дымке виднеются горы
И дремлет волошинский сад...

КРЫМ 1.2013

Анна ЗЕНЧЕНКО
(г. Евпатория)

*Поэт, прозаик, журналист.
Член Национального Союза писате-
лей Украины.*

*Автор трех поэтических сбор-
ников.*

*Лауреат премии Автономной
Республики Крым.*

БЕСКРЫЛЫЙ АНГЕЛ ЛЮБВИ

*«Мело, мело по всей земле во все пределы...
Свеча горела на столе, свеча горела...»
(Б. Пастернак).*

Еще осталась пара слов,
Но ты ушел, не воротился.
Ажурный занавес снегов
Вслед за тобою опустился.

И замело по всей земле,
И намело во все пределы,
И на заснеженном столе
Свеча бесследно отгорела.

Нет, за тобой я не бегу,
Не задыхаюсь от бессилья,
Лишь подбираю на снегу
Тобой оставленные крылья.

Ты вдруг не вспомнишь обо мне.
И от предела до предела
Снега ложатся в тишине
И заметают память белым.

* * *

Мне грустно: я немного опоздала
На пару, может быть, десятков лет...
Стою у освещенного вокзала,
На скорый поезд комкая билет.

Промчался мимо он, без остановки,
Лишь взвизгнули на стыках тормоза...
А небо, словно в серой упаковке,
И душно: собирается гроза.

Гудок прощальный стих во мраке ночи,
Печально разрывая тишину...
Судьбу вершили пара черных строчек —
Два рельса, слившись в линию одну.

Край неба вспорот синеватым блеском,
Трепещет белоснежным мотыльком
На чьих-то темных окнах занавеска,
И ветер пахнет морем и дождем.

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

109

ПОЭЗИЯ

Голубые снега —
Голубые печали...
Сквозь квадрат белых штор
Чуть мерцающий свет.
Ледяное вино
В запотевшем бокале,
И слова ни о чем...
Да и слов больше нет...

Голубые снега
В мою душу ложатся...
Синих бусин полна
Виноградная кисть...
Твоя нежность легка
И готова сорваться,
Как с обломанной ветки
Увядающий лист.

Полупьяный артист
Томно мучает скрипку...
В белоснежную скатерть
Алый выплеск вина...

Предсказуемый смысл
В белозубой улыбке
И разбитый хрусталь
Не испытый до дна!

Уходя, уходи!..
Ни к чему оправданья.
На вокзалах в былое
Не купишь билет.
В переполненных залах
Моих ожиданий
Нам с тобой на двоих
Мест по-прежнему нет.

Я надвину на брови
Кокетливо шляпку,
Спрячу горечь обид
Под густую вуаль...
Отведешь с моих губ
Непослушную прядку...
Поцелуй на прощанье,
И минутное — жаль!..

ПРОВОДЫ ДНЯ

Перетекает в прозрачное завтра
И остается туманным вчера.
В сумерках светлых карминная астра
Колко и геометрично остра.

В плавном полете флажки белых крыльев —
Бабочки празднуют проводы дня.
Есть в угасании нежность бессилья,
Есть в каждой искре возможность огня.

ЗИМА

Ажурных звезд густые гроздья
Накрыли в сумерках дома,
И в белый город званой гостьей
Вошла задумчиво зима.

Горят, потрескивая, свечи,
Вишневый сполох в хрустале...

Не обещает скорой встречи
Пасьянса веер на столе.

Девятка пик — бубновой даме
Любовь, и слезы, и тоска...
Зимы заснеженную память
Тасует легкая рука.

КРЫМ 1.2013

Андрей АГАРКОВ
(г. Севастополь)

Поэт. Морской офицер. Капитан 1 ранга. Автор четырех поэтических сборников. Произведения печатались в журналах и альманахах Украины и России. Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого.

Член Национального Союза писателей Украины.

* * *

Оттенки кадмия и охры
Дарит осенняя листва,
Где ожерельем бисер мокрый
Батут паучий скрыл. Едва
Паренье рваного тумана
Осело, в балке заплутав,
Дух разнотравья острый, пряный
Ожег гортань. И пусть устал,
Но — к облакам ведет дорога,
Где солнца струнные лучи
Пронзают плоть земного слога
И в нем вселенная звучит!

* * *

Наверное, строка, достигшая небес,
Едва ли принесёт с земли и боль и слёзы...
И в каждом есть свой Бог, и в каждом есть свой бес,
Но Бог в нас — навсегда, а бес — лишь несерьёзно,
Он - то уколёт в бок, а то — испортит глаз,
Когда, не торопясь, идёшь с тропы к вершине
И можжевела связь, хоть ты — не скалолаз,
Заденет сердце так, что троп ты не покинешь,
Когда парится пот в разрывах облаков
И маленький цветок, в снегах, важней букета,
И лишь на два шага непостижимей Бог,
Который есть в тебе, но ты забыл при этом.

* * *

Актриса парка городского
 Кружит над зеркалами луж.
 И листопадом бег раскован —
 Почти канкан от Мулен-Руж.
 Звенят початые бутылки.
 У баков мусорки — аншлаг!
 Рванув заколку на затылке,
 Небес примерит звездный флаг,
 И, разорвав его на части,
 Надрывной песней завопит...
 И осветит земное счастье
 Луны негаснувший софит.

* * *

День короче. Ночь длиннее.
 Холодней вода.
 За дождями все виднее
 Желтый лист в садах.
 За глухой травой, неслышен,
 У костра — один
 Я смотрю, как угли дышат,
 Да клубится дым.
 Зябкий ветер дым уносит.
 Перезвон цикад.
 И не лето. И не осень.
 Шум листвы. Закат.

* * *

В декабре стынет осень тоскливо
 На ветрами продутых ветвях,
 Где осколки листвы ждут порыва,
 Изменяя свой цвет второпях.
 И дрожат незакрытые окна,
 Хлесткость пыли познав, как дожди,
 И земля от желанья намокнуть
 Множит трещины между щетин
 Ломких трав, устремлённых к Весне...
 Полуночная темень бесснежья.
 И нелепо возникший во сне,
 Остро пахнувший лесом подснежник.

Анатолий МИРЗОЯН
(г. Ялта)

Родился в 1946 году в Киевской области в семье фронтовика.

Член Национального Союза писателей Украины, член Союза крымских армянских писателей.

Награждён памятной медалью им. И. К. Айвазовского.

Издal три книги стихов. Пишет песни. Записан компакт-диск песен А. Мирзояна. Песня «Ялта» Ялтинским горсоветом утверждена в качестве гимна города.

АЛЮМИНИЕВАЯ СВАДЬБА

Ох, как осень зачастила,
Вновь сентябрь наступил.
Вспоминаем с моей милой,
Как руки я попросил.

Без сватов и без рекламы,
Без калыма, без гроша
Разрешили папы, мамы,
И сошлись два голыша.

Лишь сегодня нам понятна
Та родительская боль.
Чувства не вернуть обратно,
Если их ударит моль.

Как каракули в тетради
Начинался брачный марш.
Постепенно пядь за пядью
Разрастался наш шалаш.

Срок медовый растянулся
На десятки сладких лет.
Видно пчелам приглянулся
Наш загадочный дуэт.

Эта свадебная дата
Каждый год в цене растёт,
Ситцевой была когда-то,
К золотой теперь идёт.

К золотой во всех оценках.
Брачных уз со знаком плюс,
Но, прижатый правдой к стенке,
С опозданием признаюсь.

Увлеченный натиранием
Звезд рубиновой черты,*
Пропустил одно название
Нашей свадебной мечты.

Восемнадцатое марта,
В знатный день для парижан,**
Не поздравил тебя с датой,
Как ты стала Мирзоян.

В тридцать семь лет с половиной
Тоже был наш юбилей.
Превратился в алюминий
То, что сделал Гименей.

Гибкий, мягкий и изящный
С электрической волной,
Легкий, прочный, настоящий
С серебристой сединой.

* 40 лет — рубиновая свадьба;

** День Парижской Коммуны

Он, проверенный веками,
Никогда не подводил,
Соблазняемый крючками,
На рыбалки не ходил.

Ни на что не претендует
В ювелирной череде,
Но взрывпром рекомендует
Не курить в его среде.

Алюминий, алюминий,
Ты так прочно в жизнь вошел.
Я привык к тебе и мимо
Самого себя прошел.

Чтобы помнить этот праздник,
Знаменательный, большой,
Я дарю на память тазик
С алюминиевой душой.

БОЛЬШАЯ ЯЛТА

Опираясь на предгорье
Южной солнечной гряды,
Город-радуга у моря
Вырос словно из воды.

Семь цветов семи поселков
Слились в яркую дугу,
Как алмазные осколки
На лазурном берегу.

От Гурзуфа до Фороса —
В каждой бухте свой прибой,
Свои скалы и утесы,
Свой восторг и свой покой.

Свой особый, теплый климат,
Свой восход и свой закат,
И свои легенды Крыма
Нам о прошлом говорят.

Между Быстрой, Водопадной,
Свой поток — живой, людской,
Воздух чистый и прохладный,
Круглосуточно морской.

Сотни здравниц, дач, коттеджей,
Вместе - кровная родня,
Ждут гостей с большой надеждой,
Теплоту души храня.

Вместе Ялта и Алупка
Опекают семицвет.
Озаряют незабудки
Этот красочный букет.

Оторвите друг от друга:
Гаспру или Кореиз,
Их Ливадию-подругу,
От Алупки — Симеиз.

Не получится без боли,
Без недуга и беды:
Радуга — не чья-то воля,
Смесь из солнца и воды.

Радуга — венец гармоний,
Мир загадочных тонов,
Перелив цветных симфоний
И поэзия без слов.

Солнце, небо, лес и горы
Невозможно не любить.
Город-радугу на взморье
По частям не разделить.

Нам единым серпантином
Старых улиц и дорог
Южный Берег воедино
Навсегда связал сам Бог.

Город счастья, город света,
Город — сказка, рай земной.
Самый милый и красивый,
Самый ласковый, родной.

Город с сердцем необъятным,
Город с доброю душой.
Вот поэтому ты, Ялта,
Называешься Большой.

Что оставил мне отец в наследство?
Все и ничего, можно сказать.
Ничего, коль речь идет о средствах,
Если нет их — нечего считать.

Что оставил мне отец в наследство?
То, что мог оставить фронтовик:
Ненависть к войне питаю с детства
И немецкий не люблю язык.

Все оставил мне отец в наследство,
То, что своей жизнью накопил.
Я-то точно знаю это место,
Где свои богатства он хранил.

Он из сердца подарил мне маму —
Драгоценней в мире не сыскать.
По-кавказски твердо и упрямо
Научил ееоберегать.

Научил в руках держать лопату,
Строить дом совсем из ничего;
Как прожить на честную зарплату,
Не прося займы ни у кого.

Научил терпению деревьев,
Выбирать траву для горских блюд,
Различать людей, как птиц по перьям,
Знать где правда, где вранье, где блуд.

Научил смекалке карабахской,
Не скулить, не ныть и не пищать
И своей манерой залихватской
Скуку, будни в праздник превращать.

Братьев мне оставил под опеку,
От себя просил не отпускать;
Я для жен их главным человеком
Стал, коль заменил отца и мать.

Он себя оставил мне в наследство
Перестуком связанных сердец.
Пусть, как прежде, шепчут по соседству:
Посмотрите — вылитый отец.

Рушан ПИЛОСЯН

(г. Симферополь)

*Родился в 1953 г. в Эчмиадзине (Армения).**В 1994 г. был приглашён в Крым для работы по программе возвращения и обустройства депортированных граждан.**Председатель Союза крымских армянских писателей с 2010 г.**В 2010 г. вышел в свет первый сборник стихов и переводов «И моё сердце в горах».*

* * *

Щекой прильну к наплыву звёзд,
 Огнём спалю свое дыханье.
 Хочу услышать колокольный звон,
 А в каждом звуке — состраданье.
 Как быть? Мой голос слаб и тих,
 А кто его поймёт, запомнит?
 Томит мне душу звёздный стих,
 Рубец на сердце тихо стонет.
 Пусть лучик света осветит,
 А душу мне теплом согреет,
 Хоральным гулом прозвучит,
 Весенним отзвукам повеет.
 Ещё хочу понять себя —
 Рубцы чтоб все зарубцевались.
 Дарю всем цветы, любя,
 Я снова песнь спою, но я,
 Но я хочу, чтоб сны остались.

Перевод Георгия Меликова

* * *

Осеннее настроение —
 Жёлто — красные леса.
 Осеннее наступление —
 Мутный дождь и роса.

Осеннее настроение —
 Обмелевший ручей.
 Осеннее наступление —
 Хмурый, пасмурный день.

Осеннее настроение —
 Солнца гаснут лучи.
 Осеннее отступление —
 Улетают грачи.

Осеннее настроение —
 Холодящий денек.
 Осеннее преступление —
 Вас понять я не смог!

*Перевод Георгия Меликова***АЙРЕН**

Ты для меня — весны цветок,
 Я пьян от аромата.
 Я ж для тебя — сухой листок,
 Дрожу всегда от взгляда.

Ты для меня — лазурь небес,
 В ней утонуть легко мне
 Я ж для тебя — мрачней, чем лес,
 Плачу от грома, молний.

Ты для меня — как солнца свет,
 В лучах твоих я таю.
 Я ж для тебя — лишь лунный след,
 Один в ночи блуждаю.

Ты для меня — морской простор,
 В волнах твоих тону я.
 Я ж для тебя — речушка с гор,
 Твоей воды хочу я.

Перевод Вл. Варданяна

Дилявер ОСМАНОВ
(г. Симферополь)

АЛТЫНЫМ

Алтыным меним, алтыным,
Апансыздан мен сени таптым.
Дживаным меним, дживаным,
Ят ильде, ёлларда пек талдым.

Алтыным меним, алтыным,
Сёкюльди хаяллар дерьясы.
Йырларым меним, йырларым,
Далгъынлы сазымнынъ садасы.

Алтыным меним, алтыным,
Дюнъянынъ энъ дюльбер инджиси.
Мерджаным меним, мерджаным,
Эфкярлы денъизнинъ нефеси.

Алтыным меним, алтыным,
Къальбимнинъ, нейлейим, ярысы.
Ойларым меним, ойларым,
Джанымнынъ ачылгъан ярасы.

Алтыным меним, алтыным,
Болюнди геджелер юкъусы.
Язмышым меним, язмышым,
Тельбели къавенинъ аджджысы.

Алтыным меним, алтыным,
Афатлы ёлларгъа огърадынъ,
Айдыным меним, айдыным,
Не ичюн эллерге ярадынъ?

Родился 17. 07. 1959 г. в г. Бекабад Ташкентской обл.

Закончил Казанскую консерваторию. Публиковался в Москве, Казани, Турции, Румынии, Украине, Крыму. Автор переводов пьес для крымскотатарского театра. Главный редактор крымскотатарского литературно-художественного журнала «Йылдыз». («Звезда»).

Член Национального Союза писателей Украины.

АЛТЫНЫМ*

Алтыным моя, алтыным,
Повстречал я тебя неожиданно,
Красоты, что не снилась иным!
Как устал я от долгих скитаний...

Алтыным моя, алтыным,
Все мечты всколыхнулись разом.
Лились песни — эхо струны
Погруженного в думы саза.

Алтыным моя, алтыным,
И коралл ты, и жемчуг прекрасный.
Ты — дыханье морской волны,
И луны свет волшебный и ясный.

Алтыным моя, алтыным
Ты — души моей половина.
Мои думы тобою полны,
Сердце ранено, сердце стынет.

Алтыным моя, алтыным,
По ночам не спится все чаще.
Ты — судьбы моей тонкая нить,
Горечь гущи кофейной в чаше.

Алтыным моя, алтыным,
Что с тобой, моя светлая, случилось?
Знак беды на пути без вины...
Почему ты чужим досталась?

Перевод. Р Кожевниковой

**Алтыным — бесценная моя (букв. — золотая)*

Къырымнынъ дюльбер кошесинде,
Зумрут, кок дагълар этегинде,
Шеэрим бу ерде къурулгъан,
Бу ерде эзанлар окъулгъан.
Адына дувалар

Сувундан кимлер тек ичмеген,
Керванлар токътамай кечмеген.
Шейхлар эм айдынлар межаны,
Баарде ем-ешилъ эр яны.

Ант эткенлер бу ерде ханлар
Олгъан ки ойле девир, заман,
Халкъ къайдын чеккенлер мырзалар
Бунъа шаат къадимий Ташхан.

Эй, тувгъан, айтувлы шеэрим!
Къарасувбазарым, Къарасув!
Сен меним джаным эм юрегим,
Пак къальбиме бересинъ къарув!

Айдамакъ Алим мында юрьген,
Къоркъу берип ят зыпкъынларгъа!
Чынълашып яшлар мында севген,
Сукъланып тылсымлы танъларгъа.

Халкънынъ Бекир Чобан задеси
Бу ерден ёл алды илимге.
Олсун деп эбедий хатреси
Абиде тикленди алимге.

Таласа да нидже душманлар,
Татарнынъ оджагъы сёнмеген.
Янъыдан окъула эзанлар
Шеэр ич зулумгъа конъмеген.

Эй, тувгъан, айтувлы шеэрим!
Шаирлер межаны Къарасув!
Къырымнынъ джаны эм юреги,
Къарасувбазарым, Къарасув!

У крымских гор в долине лучезарной
Давным-давно был город сотворен.
Освящено молитвой благодарной
Его сладчайшее из всех имен.

Кого ты только не поил водою,
Кому ты только не давал приют!
Лавины бед не сладили с тобою,
Давнишней славы годы не сотрут.

Здесь караваны шли не уставая
Молился каждый богу своему.
У стен Таш-Хана, устали не зная,
Играли музыканты хайтарму.

Здесь встретившись порой
с самим Алимом*
Злодей слабел, в коленях чуя дрожь.
В частушках чувства открывала милым
Здесь на заре волшебной молодежь.

Алим прославился,
здесь стал легендой Крыма.
Защитник бедных он — гроза господ.
Летел стрелой на скакуне любимом
Навечно в памяти хранит его народ.

Джигиты гарцевали в строе конном,
Оберегали город от невзгод...
Здесь жизнь кипела вольно и свободно
Поэты прославляли свой народ.

Пришла беда...
И вырвали все с корнем,
Чтоб здесь татарского — ни духу, ничего.
Но вновь эзан** звучит здесь,
вновь просторно
Плывут мелодии народа моего.

На древний город мне не наглядеться,
Еще не сбросивший своих оков —
Родного Крыма ты — душа и сердце,
Я слышу музыку твою
сквозь пыль веков!..

* Алим — крымский Робин Гуд.

** Эзан — призыв мусульман к молитве.

ГОСТЬЯ ЖУРНАЛА

Рита БАЛЬМИНА
(Нью-Йорк)

Родилась в 1958 г. в Одессе. Русская поэтесса.

Училась в Одесском художественном училище им. М. Б. Грекова и Харьковском художественно-промышленном институте. В конце 1980-х гг. активно участвовала в неофициальной литературной жизни Одессы. Участница антологии «Вольный город», изданной в Одессе в 1991 году. С 1990 г. в Тель-Авиве, держала литературный салон. Член Союза писателей Израиля и Международного ПЕН-

клуба. С 2000 года обитает в Нью-Йорке.

В Израиле изданы три книги стихов: «Закрытие Америки» (1993), «Флорентин, или Послесловие к оргазму» (1996), «Стань раком» (1998). Лауреат литературной премии имени Довида Кнута (1995).

Сны дождя

1.

Верна, как старая жена
Былым грехам — своим изменам —
Я откровенней, чем она:
Урок окончен — перемена...
Я не сумела обратить
В свою языческую веру
Остроязычных кавалеров,
Которых суждено забыть
В снобистском дружеском кругу,
Где оставаться не могу,
Раз выгляжу провинциальной Лушей,
Утрачивая споров нить,
Позволив разлагаться, гнить
Судьбе — недужно-неуклюжей.

КРЫМ 1.2013

2.

Судьбе недужно-неуклюжей
У знахарей лечиться поздно:
Она привыкла бить баклуши,
Ориентируясь по звездам,
Занемогла неизлечимо
Любовью к рифмованью строк, —
Но звездная болезнь — острог
Пророчествам просторечивым...
В срок нестихающая боль
Стихов и строк. Скажи доколь
Хранить какого-то рожна
Под тяжестью семи печатей
Для непорочного зачатья
Ее я бережно должна?

3.

Ее я бережно должна
Выслушивать по телефону:
Моя подруга влюблена.
Под пыткой трубки раскаленной
От вековых заковык-
Интриг — друзей не выбирают:
Их Бог дает — и забирает,
Подчас здоровых и живых.
Смогу ли тайну сохранить,
Перипетий утратив нить, —
И назло домыслам досужим
Перевести на тот язык,
Который к трепу на привык, —
Перевести по вязким лужам?

4.

Перевести по вязким лужам
Воз одиночества туда,
Где хватит мужества на «хуже»,
Где стужей — старости гряда.
Ковчег семейный на плаву,
Когда по паре каждой твари:
К тем, кто уху на кухне варит,
На тощей жердочке плову.
Но разрушительней цунами,
Над ними реющее знамя
Семейного белья, обносков...
Среди солений и борщей
Завидуй жердочке моей
И тонким, тонущим подмосткам.

5.

И тонким — тонущим подмосткам
 Покажется твой черным юмор.
 Ты перлам, бриллиантам, блесткам
 Словесным — царь... Но юмор — умер,
 Когда в запале перепалки
 Блеснули искрами на миг
 Достойные астральных книг
 Остроты — для словесной свалки.
 Куда ты гонишь острословье,
 Хлестая слово — и с любовью
 Играя словом, как хлыстом?
 Туда, где в шалаше — без рая,
 Где со смеху не умирают, —
 Туда, где под одним зонтом...

6.

Туда, где под одним зонтом -
 Одни, а под другим — другие...
 Соседи ссорятся, потом
 Страдают, как от ностальгии,
 Заборы возводить не рады,
 Местечко местью метит двор
 И в ссоры мусорный забор
 Бросает каменные взгляды.
 В местечке тесно, мало места,
 Местечко мстит своим невестам
 За шуры-муры под кустом...
 Пустое! Вспомни о погроме:
 Как пусто станет в старом доме.
 Одни останемся — в пустом.

7.

Одни останемся в пустом
 Усталом русском ресторане.
 О, дни-пустыни ... Пьяный стон —
 Да стол, заказанный заранее.
 Горчит чужбиной суп харчо —
 С горчинкой грустный юбилей:
 По-русски водочки налей
 Чужбине, хнычущей в плечо.
 Привычный мат и пьяный бред
 Пять лет... А в дыме сигарет
 Пощечин хлестких отголоски
 Куда слышнее. Записать
 На счет пощечину опять
 В слепопотопном мире хлестком?

8.

В послепопотошном мире хлестком
Считай шпицрутены утрат,
По черным верстовым полоскам —
До каторги, кавалергард.
Когда успешный путь наверх
Окончился жильем на крыше,
Карьера не на ладан дышит,
А в лад с отдышкой... На четверг
Сны не сбываются — не верь,
Когда, изгнаннику, теперь,
Тебе парад в столице снится.
Разжалован и генерал...
И крышу превратить в подвал
Самоубийца-дождь стремится.

9.

Самоубийца? Дождь стремится
Скрывать улики преступлений:
Криминалистам потрудиться
Придется, отряхнув колени.
За фотовспышкой — молний блиц.
Сержант передает по рации —
Кого потоки эмиграции
По кладбищу самоубийц
Несут в холодный водный ад
Без вводных Дантовых бравад —
От водки с подгоревшей пицей.
И даже не положен гроб...
В гроб не положен — прожил чтоб,
В потоках грязи утопиться!

10.

В потоках грязи утопиться
Под прессом пресной полосы
Газетной. Желтая страница
Да желтой прессы словесы.
Статья о Гоге и Магоге —
Утритесь русскою газетой.
Чья бабушка с газетой этой
Медяшку просит в синагоге?
Когда известный журналист
Подписывает урнам лист
Библейским именем и отчеством, —
Статья об интеллекте пчел,
Которую ты вслух прочел,
С небес бросается пророчеством.

11.

С небес бросается пророчеством
Вначале сказанное Слово.
И, занимаясь словотворчеством,
Его преемли за основу.
Поэта разбивает лира
Параличом. Ему конец
Приходит — нищий, как творец,
Еще до сотворенья мира.
К тому, кто с голоду подох,
Владея словом, словно Бог,
Не поворачивают лица, —
Но льется матерный поток
За грани гранок грязнык строк —
И злится, продолжая литься.

12.

Излиться, продолжая литься
В уменьшенные жизнью формы,
Менять профессии и лица,
И имена, пуская корни...
Чтоб нас не обзывали «секта»,
Мы очередь займем в смущеньи
На обрезанье, усечение,
Уничтожение интеллекта.
Между сегодня и вчера
Зияет черная дыра —
Но от столицы до станицы,
Свои потребности умерив,
Получим — каждому по вере —
До бесконечности плюс единица.

13.

До бесконечности плюс единица,
До расстоянья между нами —
Срок нашего романа длится
Строкой, сплетающей орнамент,
Сплетающей венок сонетов
Из грусти, сплетен, маеты,
Без героизма. Где же ты,
Герой? — Нигде героя нету!
Мне страшно: попаду впросак
И снова сделаю не так
Строку, оттачивая дочиста.
И этот первобытный страх
На трех китах, на трех слонах
Возводит степень одиночества.

14.

Возводит степень одиночества
Себя в чернеющий квадрат,
Возводит в степень одиночество,
Возводит крепость из утрат.
За крепостным глубоким рвом
Живет бирюк — барон вассалов.
В подвалах у него немало
Баулов, полных серебром.
При нем судьба его скупая,
Что за бесценок жизнь скупая,
В злых зеркалах отражена.
Скопцу скупому строит глазки,
Целует руки, дарит ласки —
Верна, как старая жена.

15.

Верна, как старая жена
Судьбе недужно-неуклюжей —
Ее я бережно должна
Перевести по вязким лужам
И тонким тонущим подмосткам
Туда, где под одним зонтом
Одни останемся в пустом,
В слепопотопном мире хлестком.
Самоубийца-дождь стремится
В потоках грязи утопиться,
С небес бросается пророчеством.
И злится, продолжая литься —
До бесконечности плюс единица
Возводит степень одиночества...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. КОВТУН,

научный сотрудник музея А. Грина
(г. Феодосия)

«Образ твой, близкий и милый...»

Абрамова, Гриневская, Калицкая — эти фамилии принадлежали одному человеку — Вере Павловне, первой жене Александра Грина (Гриневского). Под первой фамилией она родилась (9 апреля 1882 г.), а с третьей ушла из жизни (14 мая 1951 г.). Неординарная личность, интересная судьба, водоворот событий, счастливые и горькие минуты... Вроде всё, как у всех, с той лишь разницей, что на всю жизнь она оказалась связанной с именем великого писателя. Она была его добрым другом, надежным и «единственным», как считал сам Грин. Их романтически начавшаяся семейная жизнь не сложилась, а по-настоящему товарищеские отношения остались навсегда. Вера Павловна отличалась необыкновенной сердечностью и порядочностью, деликатностью и некоторой долей наивности. «Она не солидна — почти как я», «...по-прежнему впечатлительна, как девочка», — так скажет о ней, сорокалетней, Корней Чуковский. Особенно проявилась ее способность к сочувствию и состраданию. В юности она добровольно вызвалась помогать политзаключенным, в пожилом возрасте — поделилась своей жилплощадью с чужой женщиной. С первого момента встречи с Александром Степановичем и до его последних дней оказывала ему всяческую поддержку, а потом, также по-матерински, опекала вдову Грина — Нину Николаевну; заботилась о сыне своей умершей подруги; ухаживала за больным писателем Федором Сологубом.

Вера Павловна получила прекрасное образование: с золотой медалью окончила гимназию, затем физико-математическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов по разделу химии, два года проучилась в Женском медицинском институте. Всю жизнь трудилась: преподавала физику и математику в гимназии, была переводчицей, химиком в лаборатории Геологического комитета; вместе с мужем, профессором Казимиром Петровичем Калицким, участвовала в геологических экспедициях. А еще она писала статьи, рассказы для детей, составляла биографии выдающихся людей. Она оставила свои воспоминания о Грине — ценный документ, раскрывающий и дополняющий биографию писателя. В сокращенном варианте они были опубликованы в 1972 году. В настоящее время научные сотрудники музея А. С. Грина готовят к печати полный текст воспоминаний В. П. Калицкой, которые составят

книгу «Моя жизнь с Александром Грином». В ней также будут помещены стихи Грина, посвященные Вере Павловне, её переписка, глава из воспоминаний о Калицком, к сожалению, до сих пор целиком не найденных.

Предлагаем вашему вниманию ранее неизвестный читателям отрывок из воспоминаний о Грине.

Вера КАЛИЦКАЯ

Два лика Александра Степановича

Трагедия Александра Степановича заключалась в том, что он был нацело расколотый человек: «Я, в котором всегда два». Поразительно то, как он сам это понимал и как от этого понимания страдал. Эти «два», жившие в нем, были удивительно различны. Я бы совершенно не могла понять, как эти два лица уживаются друг с другом, если бы, помимо той нежности, о которой я говорила выше, не было бы в Александре Степановиче еще одной характерной и благородной черты: чувством ли, умом ли, не знаю, но он безошибочно знал, где добро и где зло. Совершенно невозможно допустить, чтобы Грин не понимал, как по совести надо поступить в том или ином случае. Об этом я могу судить по тому, как строго судил он других. Малейшая фальшь, злоба, какая-либо подлая черта были ему не только видны, но и отвратительны. Вот эта-то черта: любовь к чистоте, к правде, мужеству, великодушию и делали Александра Степановича тем Грином, который так мил читателям.

И в область своего творчества творец Грин не допускал своего двойника, Гриневского, не допускал никакого загромождения. Область творчества всегда оставалась нетронута чистой и осталась бы такой, сколько бы лет еще ни прожил Грин, сколько бы вещей он ни написал.

<...> Люди же, хорошо знавшие Грина в быту, с едва прикрытой усмешкой спрашивали: «Неужели это правда, что вы были женой Грина?» Получив утвердительный ответ, изумлялись: «Да как вы могли с ним жить?». И в таких случаях следовали разные, но одинаково жестокие характеристики Александра Степановича.

Я не берусь разобраться в чрезвычайно сложном характере Грина. Прибавлю только, что люди, знавшие его только по книгам, и принимавшие за одного из его благородных героев, за Грэя, Галиена Марка и т.д., так же, как и те, кто сталкивался с Александром Степановичем в жизни и отзывался о нем так отрицательно и зло, что приходилось смущаться, были одинаково неправы, так как знали только один из его ликов. А между тем Грин и Гриневский жили в нем нераздельно и неслиянно.

Если каждого из нас можно изобразить в виде ткани, в которой белая и красная нити замысловато, но довольно равномерно переплетены, то Александра Степановича следовало бы изобразить в виде двух полотнищ? красного и белого, только изредка перекрывающихся или вклинивающих друг друга.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Евгений НИКИФОРОВ
(г. Евпатория)

ДО СВИДАНИЯ, БОРИС БАЛТЕР!

Кому приходилось в юности, открыв номер журнала и начав читать новую повесть, вдруг сразу, с первых строк, понять, что повествование ведется о твоём незначительном провинциальном городе, а ты сам поэтому становишься чуть ли не одним из героев?..

Трудно сформулировать точно это ощущение, но я до сих пор помню, как сорок лет тому назад, открыв «Юность» (№№ 8-9, 1962), я начал читать повесть никому до того времени неизвестного Бориса Балтера «До свидания, мальчики!»:

«В конце мая в нашем городе начинался курортный сезон. К этому времени просыхали после зимних штормов пляжи, и жёлтый песок золотом отливал на солнце. Пляжи наши так и назывались «золотыми». Было принято считать, что наш занимает второе место в мире. Говорили, что первое принадлежит какому-то пляжу в Италии, на побережье Адриатического моря. Где и когда проходил конкурс, на котором распределялись места, никто не знал, но в том, что жюри конкурса смоничало, я не сомневался: по-моему, наш пляж был первым в мире».

«Так это же о нашей Евпатории! — не поверил я сам себе. — Это же у нас пляжи «золотые»!

Следующие страницы — хоть

город и не был назван — сомнения развеивали полностью — точно, Евпатория:

«В мае цвела акация. Она цвела долго, осыпая город белыми лепестками. Цветение акаций совпадало с началом курортного сезона. Как важные события передавались из уст в уста сообщения: «Открылись «Майнаки», открылся «Дюльбер», открылась «Клара Цеткин»... Эти санатории всегда открывались первыми. На Приморском бульваре появились первые отдыхающие. Улицы города с каждым днём становилось многолюдней. Приезжим сдавались лучшие комнаты. Они становились полновластными хозяевами города. Город менял своё лицо, делался шумным, нарядным, весёлым. Открывались магазины, павильоны, рестораны. В курзале выступали столичные знаменитости».

С тех пор каждый год, в мае я думаю о наступлении весны этими строками. Но откуда нам, тогдашним, было знать, какие пляжи за рубежами нашего великого отечества, если даже Прибалтика тогда считалась почти за границей. Поэтому ещё в начале 80-х гг. из уст многих старожилов можно было в который раз услышать этот наивный патристический миф.

Сегодня, уже в начале нового века (да что века, тысячелетия!), такому «патриоту» уже никто бы не поверил. Во-первых, потому, что уже многие наши граждане топтали собственными ногами песок на пляжах Анатолии, Майами и Канар. Во-вторых, потому, что от главной городской достопримечательности Евпатории практически ничего не осталось: море повсеместно поглотило знаменитые «золотые» пляжи. И уже в 1991 году московский художник, иллюстрировавший переиздание повести, с лёгкой душой нарисует совсем не евпаторийский, а какой-то экзотический южнобережный пейзаж — с крутыми горами и высокими кипарисами.

В 1965 году, через год после выхода повести отдельным изданием, наш город как будто преобразился, и все его жители стали невольными участниками «второй реальности»: М. Калик приехал с киностудией делать фильм по книге Балтера. Вся натура снималась на улицах города, который практически не нужно было «гримировать», он мало изменился с тех предвоенных лет.

Все лето город жил этим событием, и я не выходил из состояния, которое тогда ещё не называли «дежа вю»: всё, что происходило перед глазами, было известно из повести, и до самой осени не покидало удивительное ощущение сопричастности и почти полной погружённости в ставший уже любимым текст повести. Молодые актёры, Е. Стеблов, Н. Богунова, В. Фёдорова, М. Кононов, Н. Досталь, были почти нашими ровесниками и играли наших одноклассников. А горожане всех возрастов с воодушевлением участвовали в массовках, и большого труда это не со-

ставляло, т.к. всем приходилось изображать практически самих себя — евпаторийцев предвоенной поры.

На набережной неожиданно возродился ресторанчик на сваях — «Поплавок», на улице Володарского десятилетиями пустовавшая тумба волшебным образом покрылась довоенными афишами, и на самой большой из них, не веря собственным глазам, можно было прочесть о скором выступлении в курзале «короля гавайской гитары Джо Данкера».

Экранизации редко бывают удачными. Настоящая литература с трудом поддаётся «переводу» на другой образный язык, поэтому удачу можно пересчитать по пальцам. Фильм «До свиданья, мальчики!» и был такой несомненной удачей. Режиссёру М. Калику, совместно с оператором Л. Пааташвили и композитором М. Таривердиевым, удалось передать «скромное обаяние» предвоенной провинциальной Евпатории. И фильм, снятый не на американской цветной плёнке, а на обыкновенной чёрно-белой «Шостке», сумел очень скромными средствами передать и ностальгию по уходящему детству, и, одновременно, — предчувствие будущих потрясений и потерь.

И сегодня, стоит только приоткрыть глаза, в памяти тут же возникает грустный речитатив Таривердиева и встаёт печальная картина покрытого дымкой моря, а далеко на горизонте, как материализовавшаяся, но всё равно не достижимая мечта, — зыбкие очертания теплохода «Грузия».

Фильм долго шёл первым экраном, но потом как-то неожиданно исчез. Имя режиссёра не попало даже в «Кинословарь», хотя сам фильм и занятые в нём актёры упоминались. И только всё знающие

люди глухо говорили о том, что режиссёр эмигрировал, и поэтому фильм «положила на полку».

После публикации повести, как принято говорить в подобных случаях, Балтер «наутро проснулся знаменитым». Во время съёмок писатель побывал в родном городе, встречался с однокашниками и теми, кто стал прототипами его героев. Казалось, будущее теперь обеспечено на долгие годы. Но вслед за повестью он успел написать всего три или четыре рассказа, не пошедшую ни в одном театре пьесу «А у нас во дворе...» и начал автобиографическую повесть «Самарканд», которую можно рассматривать как продолжение повести «До свидания, мальчики!». Опубликовать из написанного удалось совсем немного.

Очень скоро и его имя исчезло со страниц литературных журналов. Больше никогда не появился он и в своём родном городе. Как бы предчувствуя судьбу автора, герой его повести говорил:

«Я любил наш город. По ночам он задыхался от душного дыхания цветов, а днём зной улиц продувало сквозными ветрами. И днём и ночью он отдавал себя, свои пляжи и парки, свои дома и стёртые плиты тротуаров, своё солнце и тёплую прохладу моря тысячам людей, которые искали в нём короткое и лёгкое пристанище. Я любил его и знал его душу, потому что сам был частью этой души.

В юности всё воспринимается острее и ярче. (...) Наверное, поэтому все эти годы я ни разу не побывал в нашем городе: я боюсь увидеть его другим. Он живёт в моём сердце и памяти таким, как казался в юности, и остался таким, как бы теперь ни изменился его облик. Всему хорошему, что сохранилось

во мне, я обязан ему, городу моей юности, самому лучшему из городов. Ему я обязан тем, что навсегда понял: нельзя быть человеком и оставаться равнодушным к судьбе страны, в которой родился и живёшь, так же, как нельзя безразлично относиться к любимой женщине и к тем, что пулю, предназначенную тебе, перехватил своим сердцем».

Это был мужественный и замечательно скромный человек! Он успел сделать немного, всё, написанное им, легко вмещается в небольшой томик. Также немного написано и о нём самом. Причина неожиданного, искусственного забвения была весьма прозаической и никакого отношения к творчеству не имела. В своё время лучше всего об этом сказал Е.Сидоров, хорошо знавший писателя:

«Борис Исаакович Балтер вступил в партию в феврале 1942 года под Новоржевом, когда 357-я стрелковая дивизия попала в окружение. В этой обстановке самой большой опасности подвергались коммунисты, войсковые разведчики и евреи. Балтер был начальником разведки дивизии и евреем. Тяжело раненный, он стал коммунистом в возрасте двадцати двух лет. Дивизия с боями вышла из окружения. (...) В июне 1968 года писатель Борис Исаакович Балтер был исключён из партии как подписавший коллективное письмо в адрес Л. И. Брежнева с протестом против политического процесса над литераторами Гинзбургом и Галансковым. Надо было покаяться, признать свою ошибку. Некоторые так и поступили. Балтер не покался. При разборе дела он вспомнил эпизод своей юности, когда на комсомольском собрании от него потребовали отречения от матери- врага народа. И

тогда, и теперь он остался твёрд и не сдался».

Он ещё успел захватить «незначительную» финскую войну, а во время Великой Отечественной ему в двадцать три года пришлось командовать полком. В двадцать семь, после ранений и контузий, ему, как и многим другим фронтовикам, пришлось начинать жизнь заново. И он поступает в Литературный институт.

Одна из самых больших удач его жизни — встреча с К. Г. Паустовским, который в первых, по-ученически робких, пробах пера безошибочно умел разглядеть будущий талант.

Сегодня, вспоминая те годы нельзя не удивляться той прозорливости, какую проявил знаменитый писатель, подбирая участников для своего семинара. Среди его учеников были те, кого позже назовут «шестидесятниками», а их военную прозу критики окрестят «литературой лейтенантов». Это были Г. Бакланов, Б. Балтер, Ю. Бондарев, М. Бременер, И. Гофф, И. Дик, Ю. Казаков, Л. Кривенко, В. Тендряков, Ю. Трифонов.

Позже В. Шкловский, говоря о педагогическом таланте их наставника, очень точно скажет: «Паустовский был лоцманом жизни». И «ученики», у многих из которых за плечами были годы войны, ранения и госпиталя, всегда с благодарностью вспоминали своего наставника.

Ю. Трифонов писал: «Семинары Паустовского дали нам много. Дело не в каких-то конкретных разборах, словах, примерах, — вернее, не только в них! — но и в том воздухе, который мы впитывали. Если не бояться высокопарных слов, то можно сказать: это был воздух силы и чистоты. То, о чём несколько тор-

жественно заботился Константин Георгиевич, было ему присуще совершенно естественно и для него самого неприметно. Но теперь мы старались понять не то, как строить фразу, делать концовку, а — как строить жизнь, делать судьбу».

Несмотря на необыкновенную читательскую популярность, Паустовский не был «литературным генералом» и всегда сторонился так называемой «активной общественной деятельности». Но об одном его, как принято сегодня говорить, «проекте», нельзя не вспомнить с благодарностью.

В 1961 году в калужском издательстве выйдет составленный им литературно-художественный сборник «Тарусские страницы», который будет одним из самых заметных явлений периода «оттепели» и станет в один ряд с такими знаковыми явлениями культуры, как повести «Коллеги» и «Звёздный билет» В. Аксёнова, «Бригантина поднимает паруса» А. Гладилина, стихи Е. Евтушенко, А. Вознесенского, как фильмы «Иваново детство» А. Тарковского, «Звонят, откройте дверь!» А. Митты, «Мне двадцать лет» («Застава Ильича») М. Хуциева.

Неслучайно, что практически все они удостоились высочайшего гнева: Н. Хрущёв публично грозил Вознесенскому, разнёс в пух и прах фильм Хуциева и назвал «пидарасами» художников-авангардистов.

Не могло избежать подобной участи и детище Паустовского. Достаточно только заглянуть в оглавление, чтобы увидеть имена, без которых нельзя представить себе литературу 60-80-х гг.: Ф. Вигдорова, Е. Винокуров, Ю. Казаков, Н. Коржавин, В. Корнилов, В. Максимов, Б. Окуджава, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, Ю. Трифонов.

Паустовский не побоялся одним из первых вернуть из небытия стихи Н. Заболоцкого и М. Цветаевой. Здесь же он поместит материалы о замечательном русском художнике В. Э. Борисове-Мусатове, который был одним из самых ярких и самобытных представителей объединения «Мир искусства». Безусловно, самыми заметными публикациями этого издания станут повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр!» и первая часть будущей повести Балтера под названием «Трое из одного города». Несмотря на массовый тираж альманаха мгновенно разойдётся и сразу станет библиографической редкостью.

К сожалению, время для альманаха оказалось не очень удачным. Хрущёв последних лет своего правления был уже не тем, который с трибуны XX съезда КПСС читал свой секретный доклад. Импульсивный и малокультурный, он легко управлялся своей придворной камарильей. В этом отношении им легко было манипулировать и направлять на всё, что хоть чуть-чуть выделялось талантом из общего рутинного строя и подозрительно не соответствовало канонам «социалистического реализма».

Почти сразу альманах вызовет зубовный скрежет властей и литературного начальства. Повесть Окуджавы удостоится быть подвергнутой неистовому разносу, который ей учинит сам Никита Хрущёв. А о героях Балтера один литературный чиновник заявит, что на войне такие «мальчики» уходили в дивизии генерала Власова!.. С другой стороны, — и в это сегодня трудно поверить, — один итальянский «левый» интеллигент, прочитав повесть, утверждал, что автор — «убеждённый сталинист»!

Естественно, что составитель

сборника очень сильно подпортил себе репутацию и укоротил свои дни. Как это ни горько звучит, но приходится сказать, что Паустовский умер вовремя.

В 1968 году, после непродолжительной и не очень активной «оттепели», начались другие времена, в фаворе входили совсем иные «таланты», а методы «критики» стали подозрительно напоминать практику 30-х годов. Великий, но заласканный властями Шолохов с высокой трибуны патетически сокрушался, что прошли времена беспощадных 20-х годов, и теперь нельзя, руководствуясь исключительно «классовым чутьём», расстрелять «предателей» вроде Даниэля и Синявского.

Впрочем, жизнь оплатит ему по заслугам. Когда после смерти Паустовского его тело везли в Тарусу, жители всех придорожных деревень выходили на обочину, чтобы проститься с писателем. Многие крестьяне вовсе не читали его книг, но все знали, что Паустовский был хорошим человеком. После его смерти коллеги-писатели не раз скажут: «жить было легче, когда жил Паустовский».

Когда же в кремлёвской больнице лежал смертельно больной Шолохов, кроме родственников, его не проведала ни одна живая душа!

Наступят «застойные годы», будут вынуждены эмигрировать Н. Коржавин и В. Максимов, очень непросто будет складываться писательская судьба и многих других участников «Тарусских страниц». По распоряжению Главлита, альманах тайно изымут из всех библиотек, и чудом сохранившиеся экземпляры у сегодняшних библиофилов числятся по разряду «недоставаемых».

Борис Балтер был одним из са-

мых любимых учеников Паустовского и свою книгу, вышедшую отдельным изданием в 1965 году, он с благодарностью посвятил своему учителю и наставнику.

Придёт время, и, может быть, какой-то аспирант-филолог напишет работу, посвящённую сравнительному анализу творческой манеры двух писателей. Сегодняшние исследователи, к примеру, давно обратили внимание на чрезвычайное обилие в текстах Паустовского тропов, передающих обонятельные (одоративные) ощущения. В этом отношении каждая его книга представляется как энциклопедия или сложнейшая партитура, в которой задействованы, кажется, все возможные запахи и ароматы, которые только может уловить чуткий и внимательный человек. Таким же внимательным и памятливым к запахам окружающей природы в русской литературе был, пожалуй, один только Бунин, которого Паустовский чрезвычайно ценил.

Читая книгу Б. Балтера, можно убедиться в том, что он был внимательным и успешным учеником Паустовского:

«Странно, а я раньше не замечал запахов нашего города. Наверное, потому, что давно привык к ним. А между тем город был просто пропитан запахами: весной пахло акацией и сиренью, летом — левкоями и табаком, и всегда — морем. Теперь я уверен, что из тысячи городов узнал бы наш город по запаху».

Интересно, что бы написал о запахах современной летней Евпатории Б. Балтер, если бы ему довелось оказаться вновь в родном городе? Узнал бы он её сквозь запахи подозрительно дешёвых пашлыков, удушающего благоухания самой экзотической косметики и раз-

ливанного моря пива? Поэтому снова печально приходится сознавать: он вовремя ушёл из жизни.

Он знал, что дни его сочтены, и в своей повести, задолго до смерти, очень точно и мужественно предсказал её:

«Сейчас мне за сорок. У меня седые волосы и больное сердце. С моей болезнью люди не живут больше десяти лет. От меня это скрывают, но я всё знаю. По ночам я слышу, как спотыкается сердце. Когда-нибудь, споткнувшись, оно остановится навсегда».

Перечитывая его книгу, я всегда вспоминаю гениальное стихотворение А. Тарковского «Вещи»:

Всё меньше тех вещей,
среди которых
Я в детстве жил, на свете остаётся.
Где лампы-«молнии»?

Где чёрный порох?
Где чёрная вод со дна колодца?
Где «Остров мёртвых»

в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?
Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы?
Где Надсона чахоточный трехдольник,
Визитки на красавцах адвокатов,
Пахучие калоши «Треугольник»
И страусова нега плеч покатых?
Где кудри символистов полупьяных?
Где рослых футуристов затрапезы?
Где лозунги на липах и каштанах,
Бандитов сумасшедшие обрезы?
Где твёрдый знак и буква «ять»

с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось.
И что не отделялось запятою,
То запятой и смертью отделилось...

До недавнего времени, вся наша жизнь скреплённая одной общей идеологией, культурой и историей, могла восприниматься как единый связный текст. И мы, «вписывая» свои страницы в этот текст, одинаково успешно читали то, что было

написано нашими предшественниками. Как ни традиционна проблема «отцов и детей», мы всё-таки мало чем отличались от своих недавних пращуров.

С падением империи закончился и её «текст». «Порвалась дней связующая нить», — сетовал когда-то датский принц, понимая, что началась другая эпоха, и он в неё категорически не вписывается.

Мы сегодня всё ещё никак не поймём, что и для всех нас недавнее прошлое бесповоротно «запятой и смерть отделилось», и нам, хотим мы того или нет, придётся читать совсем иные «тексты».

Надо отдавать себе отчёт в том, что, читая книги, подобные повести Балтера, сегодняшние подростки вынуждены будут продираться сквозь совершенно экзотическую лексику, которая совсем недавно обозначала обыденные и привычные для всех нас предметы и понятия: керосинка, бриллиантин, примус, лудильщик, щёлок, патефон, авоська, полубокс.

В этом отношении даже классическая русская литература менее закрыта для современного читателя, чем литература советской эпохи. Сегодняшний читатель, как иностранец, должен заглядывать в сноски и примечания, чтобы понять смысл таких слов, как промкооперация, бюро горкома комсомола, артель «Медсантруд», крайком, Осоавиахим, Промакадемия, подшефный колхоз, ВЦСПС, «Рот Фронт». А слово рабфак, опираясь только на вторую половину аббревиатуры, юный читатель, может истолковать совершенно неожиданным образом.

При переизданиях книг советской эпохи очень скоро придётся к каждой из них прилагать словарь, потому что без посторонней помощи читатель вряд ли поймёт, что

означает, к примеру, лишенец, отрыжка нэпа, типичная контра, упорный и убеждённый троцкист, писатель чуждой нам идеологии.

Что, в свою очередь, означают понятия: политграмота, политическая ошибка, дают, благородный почин, отсталая психология, подвиг Павлика Морозова, идейно порочный, экспорт революции? Как и для чего нужно было «публично отказать от отца»?..

В истории литературы 60-х гг. повесть Балтера стоит как бы особняком, и его можно считать первооткрывателем темы. Между тем, если иметь в виду, так сказать только евпаторийский хронотоп, у него был предшественник, о котором ни он сам, ни его критики никогда не вспоминали.

В 1932 году в «Московском товариществе писателей» 5-тысячным тиражом вышел роман М. Ройзмана «Эти господа». И если повесть Балтера рассказывает о Евпатории предвоенной, то роман Ройзмана повествует о конце 20-х годов. И даже беглое чтение этого сочинения сразу же наталкивает на мысль о том, что роман М. Ройзмана Балтеру был хорошо известен. В маленькой провинциальной Евпатории, конечно, не могла бы пройти незаметной книжка, вышедшая достаточно большим по тем временам тиражом. Слишком много повторяющихся мотивов и аллюзий встретится в повести начинающего писателя:

«— ...Евпатория имеет первый пляж в мире!

— Первый пляж в Ницце, второй в Биаррице, а третий в Евпатории, — перебила его женщина. — Это в заграничном путеводителе сказано!

— Эх, сударыня! — с упрёком воскликнул Перешивкин. — Да

станет за граница расхваливать русские пляжи! Вот вы покупаетесь у нас, посмотрите, какой песок! Мелкий! Бархатный! На полверсты море по щиколотку!»

Роман Ройзмана, как и повесть Балтера, насквозь пропитан местными, легко узнаваемыми реалиями. Также легко за некоторыми героями Балтера узнаются прототипы, впервые встретившиеся в книге М. Ройзмана.

Герои повести, чистые и искренние комсомольцы, всеми фибрами души ненавидят Жестянщика, который в тогдашней Евпатории был, пожалуй, последним могикианином мелкого частного «бизнеса». Своей до поры скрываемой светскостью он очень похож на арендатора «Палерояля», генеральского сына Бондарева-младшего. Весь год Жестянщик чинил примусы, лудил прохудившиеся кастрюли, но...

«Когда начинался курортный сезон, Жестянщик отмывал руки в щёлоке, запирал мастерскую и снимал самый дорогой номер в гостинице «Дюльбер» — лучшей гостинице города. В белом фланелевом костюме, в заграничных туфлях, сплетённых из тонкой кожи, Жестянщик преображался. В мастерской он не появлялся до осени и все дни проводил на пляже. По вечерам его можно было встретить в курзале, а после концерта — на веранде «Поплавка» или в ресторане «Дюльбер» в обществе красивых женщин и развязных мужчин. Знакомясь, он рекомендовал себя капитаном дальнего плавания, временно оставшимся на берегу».

У Жестянщика на глазах всего города разгорится бурный роман с приехавшей на отдых знаменитой балериной. Но интересно, что и в романе Ройзмана красавица Ирма также выдаёт себя за балерину!

Для жителей Евпатории роман был интересен не искусственной детективной интригой, не смыслом афёры неудачливых предшественников Остапа Бендера, а, в первую очередь, массой тех деталей, которые узнаются даже сегодня, на пороге нового тысячелетия. Но в повести Балтера от ликвидированного НЭПа осталась только единственная «отрыжка» — пресловутый Жестянщик.

Почему же роман М. Ройзмана неизвестен сегодняшним краеведам и историкам, хотя и был издан достаточно большим тиражом? Кстати говоря, книги этой нет ни в одной из самых крупных библиотек Крыма! Кто такой сам Матвей Ройзман?..

Между тем имя М. Ройзмана (1896-1973) должно быть хорошо известно прежде всего тем, кто интересуется историей советской поэзии. Он был одним из первых имажинистов и в соавторстве с В.Шершеневичем выпустил в 1922 году две небольшие книжечки: «Красный алкоголь» и «Чем мы каемся». В 1923 году вышла его собственная книжка «Хевронское вино». В оглавлениях многочисленных поэтических альманахов 20-х гг. его имя можно встретить среди имён А. Белого, В. Брюсова, Р. Ивнева, А. Луначарского, О. Мандельштама, А. Мариенгофа, Ю. Олеши, М. Цветаевой и И. Эренбурга.

В довоенной Литературной энциклопедии ему отведён целый столбец (Т. 9, стлб. 743-744), а, заглянув в 6-й том КЛЭ (стлб. 338-339), можно узнать, что он «...позднее перешёл к прозе. Романы «Минус шесть» (1928), «Эти господа» (1932) рассказывают о жизни бурж. интеллигенции в новых послереволюц. условиях. (...) К детективно-

приключен. жанру относятся про-изв. Р. о работе сов. милиции и уг-ловного розыска».

Оказывается, и сценарий когда-то знаменитого фильма «Дело № 306» принадлежит перу именно этого «имажиниста». Он был дру-жен с Есениным и вместе с ним стоял у истоков создания «Ассоци-ации вольнодумцев в Москве». Мрачным символическим парадок-сом того времени может послужить тот факт, что под учредительным документом «Ассоциации вольно-думцев» будет стоять и подпись... гегеушника Я. Блюмкина!

Но если вспомнить, что тайны-ми агентами ГПУ был друг Есени-на В. Эрлих, друг и соратник Мая-ковского по ЛЕФу О. Брик, секре-тарь М. Горького П. Крючков, что в литературных, как принято се-годня говорить, «тусовках» постоян-но мелькали лица работников ГПУ, вроде Агранова и Блюмки-на, то ничего необычного в этом нет. Придёт время, и все эти «искусст-воведы в штатском» бесследно ис-чезнут в собственных застенках.

Но почему всё-таки роман «Эти господа» исчез с библиотечных полок?

В старой Литературной энциклопедии ему посвящена почти по-лови́на персональной статьи:

«Слабее следующий роман Р. «Эти господа» (1932), направлен-ный против антисемитизма. Анти-семитизм взят Р. лишь в самых открытых и грубых проявлениях, малохарактерных для современно-сти. Антисемит, представленные в романе, — прожжённые мерзавцы и уголовные преступники. Напро-тив, еврейская группа персонажей в значительной мере идеализирова-на, вне зависимости от социально-го типа каждого из них, что гово-рит о пережитках национализма в мировоззрении Ройзмана» и т. д.

Роман действительно написан слабой рукой ещё неискущённого прозаика. Чтобы расцветить детек-тивную интригу, автор то и дело опускается до банальных, порой двусмысленных красотостей:

«...луна, похожая на толстый, просоленный до рыжей прозрачно-сти огурец, чудесным образом ле-жала на опрокинутом блюде обла-ка», «южная ночь — негритянка, катящее за море золотой обруч», «жёны рыбаков стояли на набереж-ной, их глаза, просоленные слеза-ми, следили за рыбацкими фона-рями, и ветер трепал их кумачо-вые юбки, как советский флаг».

Конечно, всё это недостаточный повод для того, чтобы удалять кни-гу с библиотечных полок. Впро-чем, ларчик, как всегда, открыва-ется довольно просто. Дело в том, что предисловие к этому роману принадлежит Ю. Ларину, высоко-му чиновнику ВСХН и Госплана, что тоже, на первый взгляд, ниче-го не объясняет.

Предисловие, написанное чи-новной рукой, рассказывает об ус-пехах политики переселения еврей-ской бедноты в Крым, об МТС, о посевных компаниях, силосных башнях и поливных огородах... Здесь же мы узнаем, что еврейс-кий сельскохозяйственный техни-кум в г. Саки (недалеко от Евпато-рии) носил имя Ю. Ларина! И тог-да становится ясна причина такого пристального внимания партийно-го функционера к проблемам со-временной литературы.

Всё становится на свои места, когда вспомнишь, что Ю. Ларин был отцом последней жены Н. Бу-харина! Ларину «посчастливилось» умереть в своей постели и потому не пришлось читать страшные эпи-ческие строки из «Истории ВКП(б)»:

«Советский суд приговорил бухаринско-троцкистских извергов к расстрелу. НКВД привёл приговор в исполнение Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешёл к очередным делам».

Теперь становится совершенно понятно, почему книга, к которой приложил руку опальный функционер, исчезла с полок.

Роман Ройзмана неожиданно заканчивается выдержками из газеты «Советский Крым» за 8 августа 1928 года:

«НОВАЯ ВЫЛАЗКА КЛАССОВОГО ВРАГА

Зарвавшиеся хулиганы истязали старика-портного. Рабочие требуют для погромщиков высшей меры наказания».

Из газетной заметки выясняется, что имена некоторых реальных «хулиганов» позже возникнут на страницах романа, и таким образом, художественное повествование Ройзмана приобретает документальный характер и является по сути дела беллетризованным судебным очерком, где имена главных фигурантов даже не изменены.

В другом газетном сообщении сказано, что «В связи с преступление контрреволюционеров-антисемитов в Евпаторию выехали следственные власти».

Одним из представителей «следственных властей» и был бывший имажинист, друг Есенина и «московский вольнодумец» М. Ройзман! Когда он успел переквалифицироваться, могут сказать только закрытые на семь замков специальные архивы.

В газетных заметках впечатляет то тяжёлое дыхание времени, которое было характерно для нашей теперь уже давней истории: рабочие без суда (и до суда!) требуют

расстрела для шайки «контрреволюционеров», контрреволюционность которых только в том и состоит, что они успели родиться и пожить при царском режиме.

Вряд ли можно предполагать, что книга Ройзмана когда-либо будет переиздана и станет известна современному читателю. Но знакомство с ней заставляет сделать необходимые выводы.

Повесть Б. Балтера, ставшая яркой приметой «оттепели» 60-х годов, неожиданным образом оказывается включённой в и контекст советской литературы 30-х годов, и это обстоятельство нелишнее было бы помнить современным исследователям.

Нынешние украинские школьники в своих сочинениях сегодня пишут, что «Во время Второй мировой войны погибло 38 миллионов человек, из них — 30 миллионов украинцев». И это отнюдь не описка невнимательного семиклассника. Эти дикие цифры они узнали от учительницы на уроках украинского языка! И, конечно же, они потом с лёгким сердцем будут смеяться над анекдотом, в котором говорится: «Если бы мы проиграли войну, то пили бы сегодня не «Жигулёвское» пиво, а «Баварское»!

Современное телевидение и компьютерные игры тотально приучат целое поколение к равнодушному восприятию чужой смерти, во всех её видах и формах. Поэтому смогут ли впечатлить сегодняшнего подростка страшные строки автора, который в войне участвовал, а не вычитывал о ней их плохих учебников:

«В январе 1942 года под Сычёвкой, когда под ногами визжал и скрипел морозный снег, я в упор стрелял из пистолета в немецкого ефрейтора. Он почему-то не падал,

только шатался и всё хотел вскинуть свой автомат и смотрел мне в глаза нечеловеческими глазами. После каждого выстрела из его спины вместе с клочками ваты вылетали струйки пара. Он упал лицом вниз, и струйки пара иссякли у меня на глазах.

Я не знаю, в чём моя вина. Очевидно, в том, что я человек и поэтому отвечаю перед своей совестью за все подлости и преступления, совершаемые на земле?»

Не превратятся ли для нынешнего поколения в докучные анахронизмы те убеждения, за которые поколение Б. Балтера, не задумываясь, жертвовало жизнь? И что станет со страной, в которой народ как-то незаметно и безропотно дал превратить себя в «электорат», а понятия «патриотизм», «совесть»,

«самопожертвование» впору помещать в словарных статьях с уточнением: «устар.»?

Конечно, лучшим способом отдать дань памяти писателю было бы переиздание его книги. Но в наши дни надеяться на это не приходится.

В 2000 году стараниями нескольких энтузиастов Евпатории повесть Балтера была переиздана небольшим тиражом, и выпускники гимназии им. И. Сельвинского (той самой школы, в которой учился и Б. Балтер) получили в подарок небольшой томик со знакомыми словами на обложке: «До свидания, мальчики!». И это даёт основание надеяться, что связь времён все-таки не прервётся и тоненькая ниточка, связывающая наши поколения, ещё долго будет цела.

Антонина ГАЗИМОВА
(с. Азовское)

КРИТИКА

Учится в 11 классе Азовского учебно-воспитательного комплекса «Общеобразовательная школа 1-3 ступеней-гимназия» в посёлке Азовское Джанкойского района АР Крым.

Действительный член Малой Академии наук Крыма «Искатель» в секции «Русская литература»

Действительный член Малой Академии наук Крыма «Искатель» в секции «Мировая литература»

Стипендиат Совета министров АР Крым в 2012/2013 учебном году.

Жанровое своеобразие и построение сюжета произведения Вячеслава Килесы «Юлька в стране Витасофии» (Опыт критического анализа)

Роман современного крымского писателя Вячеслава Килесы «Юлька в стране Витасофии» был издан в 2011 году. Как вспоминает писатель, работу над этим произведением он начал в 1973 году, неосторожно пообещав своей приятельнице десятикласснице Юльке написать для нее сказку. Было потрачено много сил и энергии, написано несколько вариантов, пока в результате не получилось оригинальное и самобытное произведение, которое автор называет то повестью, то учебником по философии, то детективно-приключенческим романом, то сказкой, то сборником притч. И, как ни странно, все эти жанровые формы в произведении присутствуют.

Жанр (от фр. genre род, вид) — это категория или тип художественных произведений, имеющих особую форму, технику или содержание. Клас-

сическая жанровая теория носит регулятивный и предписывающий характер и основывается на определенных фиксированных предположениях психологической и социальной дифференциации. Современная жанровая теория все более становится описательной и избегает любых открытых утверждений о жанровой иерархии.

Начнем с волшебной сказки. Сказка — это эпический жанр, ориентированный на вымысел произведения. Действие сказки происходит в несуществующей стране и имеет своей отправной точкой получение героем какого-либо задания, для выполнения которого необходимо совершить далекое, опасное путешествие, преодолеть множество трудностей. В сюжете волшебной сказки преодоление потери или недостачи происходит при помощи чудесных средств или волшебных

помощников. Развитие сюжета — это поиск потерянного или недостающего, в котором помогают друзья (серый волк, кот в сапогах, ...); мешают враги (Кощей Бессмертный, баба Яга, Змей Горыныч). Кульминация волшебной сказки состоит в том, что главный герой или героиня сражаются с противоборствующей силой и всегда побеждают её, разгадывая трудные задачи, и решая, казалось бы, неразрешимые проблемы. Развязка — это преодоление потери или недостачи. Обычно герой (героиня) в конце приобретают более высокий социальный статус, чем у них был ранее.

В основе волшебных сказок лежит чудесный мир: предметный, фантастический, неограниченный. Благодаря безграничной фантазии и организации материала по принципу «езда в неизвестное» в сказках с чудесным миром возможны «превращения», поражающие своей скоростью (дети растут не по дням, а по часам, становясь с каждым днем все сильнее или краше). Причем ирреальна не только скорость процесса, но и сам его характер.

В произведении «Юлька в стране Витасофии» можно выделить элементы волшебной сказки, которая имеет в своей основе сложную композицию, экспозицию, развитие сюжета, кульминацию и развязку, а также конфликт. Как и в волшебной сказке, действие анализируемого произведения происходит в вымышленной потусторонней реальности — в стране Витасофии. Не по своей воле попав в Витасофию, Юлька, чтобы вернуться домой, должна доставить волшебный предмет — Медальон Времени — в Комнату Перекрестков. Это — испытание, которое она должна выдержать, — на чем строится сюжет произведения. Представители злых сил — Мефистофель, Мюнхаузен, маркиз де Сад и другие — пытаются помешать Юль-

ке, но сторонники Добра — Фауст, Мастер и Маргарита, Абельяр — защищают Юльку, разворачивая тем самым композицию и конфликт произведения. Усложняя композицию, автор заставляет Юльку, свернув с указанного Фаустом пути, отправиться на поиски книги Затерянных столетий. По дороге к Великановым горам Юлька теряет Медальон Времени и лишь пройдя через множество приключений, темницу Дракулы и угрозу казни, возвращает его.

В волшебных сказках обычно присутствует помощник, проводник: Серый волк, Сивка-бурка, фея, Кот в сапогах. Такими помощниками в анализируемом произведении стали Юлькины подружки Сова и Мышка, наставник Славик, шут Джокер и маг Агасфер. Роль их неоднозначна, а иногда двусмысленна, что придает произведению шарм и загадочность.

Важным компонентом произведения является Белая дорога: явная аллюзия на волшебную сказку Ю. Волкова «Волшебник Изумрудного города», где Элли идет по дороге, вымощенной желтым кирпичом. Но в отличие от Ю. Волкова автор сделал Белую дорогу в «Юльке в стране Витасофии» функционально значимым объектом: во-первых, она сложена из принявших форму кирпичей умерших человеческих менталитетов, во-вторых, Белая дорога охраняет своих путников, в-третьих, она стала связующей нитью между Юлькой и Славиком. И еще одно отличие от «Волшебника Изумрудного города»: если вместе с Элли к Изумрудному городу шли верные друзья, то среди спутников Юльки оказался предатель.

Преодолевая преграды, Юлька добирается до Комнаты Перекрестков. Она победит госпожу Неизвестность, а справиться с Властительницами Времени и Вечности ей поможет загадочный клоун, который окажется Вла-

дыкой Пространства, помогавшим ей на протяжении последнего отрезка пути. Это обязательный в волшебной сказке счастливый финал: героиня побеждает своих врагов, благополучно возвращается домой, обогащенная новыми знаниями и опытом и с изменившимся мировоззрением.

Сказка удовлетворяет потребность человека в чудесном. Без веры в чудеса всё становится серым, безвкусным. Пока волшебники, маги, и прочие обитатели сказок существуют, пока в этом чудесном мире идет постоянная борьба добра и зла и добро побеждает, мы, читая сказки, будем мудрей и лучше.

Несмотря на все выделенные сказочные элементы, нельзя утверждать, что это произведение во всем своем своеобразии относится к жанру сказки и соответствует всем предъявленным к этому жанру требованиям, так как объем произведения больше, чем у сказки, герои присутствуют не только вымышленные, но и реально существовавшие. Также в произведении четко прослеживается философская концепция, чего нет в сказках.

Автор называет свое произведение сборником истин-притч, и для реализации этой идеи В. Килеса выбирает своеобразную композицию. Парабола — основной компонент структуры традиционной притчи. Выглядит это так: действие происходит в конкретном времени и конкретной ситуации. Сюжет развивается следующим образом: происходит движение по кривой, которое достигнув высшей точки накала, вновь возвращается к исходной точке. Особенность такого сюжета в том, что, вернувшись к исходной точке, сюжет обретает новый философско-этический смысл. Так и произведение «Юлька в стране Витасофии» начинается с банального разговора в постороннем мире и заканчивается разговором, но только уже более обо-

гащенным истинами жизни. Ведь Юлька встретила с жестокой реальностью в выдуманном мире. Ей пришлось бороться с хитростью и коварством, а главное: преодолеть себя, побороть собственные искушения. Помимо этого Юлька встретила на своем пути множество героев, изрекавших истины жизни, следуя которым Юлька смогла спастись.

Стилевые особенности притчи, позволяющие отвлечься от описательности художественной прозы, от изображения «характеров», «обстановочности» и сюжетной динамики и сосредоточиться на интересующей, чаще всего морально-этической проблеме, привлекли внимание многих писателей. Попытки подчинить прозу законам притчи наблюдаются в творчестве Л. Толстого. За рубежом притчу использовали для выражения своих морально-философских взглядов Кафка, Сартр, Марсель, Камю, придав ей своеобразный вид путем использования принципа параболы. Композиционные особенности притчи, вероятно, будут и впредь привлекать к себе писателей, стремящихся к рельефному показу этических основ и нравственных норм человеческого существования.

Итак, с притчей это произведение роднит параболическая структура, наличие философской доктрины. Однако, рассматривая жанровую природу произведения, нельзя не отметить, что в остальном произведение В. Килеса не соответствует жанру притчи, так как его объем намного больше, нежели у притчи. Композиция книги также отличается от композиции притчи. Произведение имеет приключенческую линию, чего нет в притчах, и самое главное — в финале не наличествует моральный урок, вывод. Поэтому это произведение не является притчей.

В определенном аспекте «Юльку в стране Витасофии» можно назвать

учебником по философии для начинающих её изучать. Для учебника по философии характерны такие особенности, как широко распространяемый взгляд о познаваемости внешнего мира, острое чувство реальности и не свойственное стремление рассматривать содержание как нечто психическое или субъективное, вера во всё многообразие опыта, как чувственного, так и духовного.

Произведение В. Килесы с учебником по философии роднит использование философских теорий и аллюзий на них; действующие лица — реально существовавшие люди (философы Сократ, Гегель, Кант); также философский пласт в произведении изложен достаточно доступным языком. Автор в краткой форме раскрывает суть упомянутых философских теорий, доказывая, что философия — это вершина человеческой культуры и на нее интересно взбираться. Философская линия демонстрирует преимущество добра над злом. Зло ограничено по сути, поскольку все усилия направляет на поддержку самого себя, своего статуса. А добро бесконечно, поскольку идет от человека к другим людям.

В произведении можно проследить линию, которая приближает его к учебнику по философии. Однако при более подробном рассмотрении можно утверждать, что в целом произведение не соответствует жанру учебника по философии, так как учебник философии преследует другие задачи и цели. Для него обязательна полнота раскрытия рассматриваемых тем, научный стиль изложения, отсутствие лирических отступлений. Цель учебника — обучение и разъяснение.

Ещё один жанр, указываемый автором, — это детективно-приключенческий роман. Автор однозначно определяет жанр своего произведения как роман.

Роман — это эпос нового времени; в отличие от народного эпоса, где индивид и народная душа не разделены, в романе жизнь личности и общественная жизнь предстают как относительно самостоятельные, но «частная» внутренняя жизнь индивида раскрывается в нем «эпопейно», то есть с выявлением её общезначимого и общественного смысла.

Признаки романа: достаточно большой объём, действие происходит на протяжении длительного времени и сконцентрировано на одном герое и событиях, происходящих в его жизни. Наличие в произведении нескольких взаимодействующих переплетённых смысловых пластов (инфернального, детективного, философского и так далее).

Таким образом, принимая точку зрения автора, я теперь и далее буду именовать произведение романом.

Для детективно-приключенческого романа характерно: процесс исследования загадочного происшествия во время пути героя. Детективно-приключенческий роман — преимущественно литературный и кинематографический жанр, произведения которого описывают процесс исследования загадочного происшествия во время путешествия, с целью выяснения его обстоятельств и раскрытия загадки. Обычно в качестве такого происшествия выступает преступление, и детективно-приключенческий роман описывает его расследование и определение виновных. В таком случае конфликт строится на столкновении справедливости с беззаконием, завершающимся победой справедливости, при этом действие происходит во время путешествия, плавно переходя из одного места в другое (внутри населённого пункта, дома, корабля...), и оставляя одну из тайн не раскрытой до самого финала, создавая таким образом главную интригу произведе-

ния. Обычно такой тайной становится личность преступника.

Существенной особенностью детективно-приключенческого романа является то, что действительные обстоятельства происхождения не сообщаются читателю, — во всяком случае, во всей полноте, — до завершения приключения. Вместо этого читатель проводится автором через процесс расследования, через путь приключения, получая возможность на каждом его этапе строить собственные версии и оценивать известные факты.

Важное свойство классического детективно-приключенческого романа — полнота фактов. Разгадка тайны не может строиться на сведениях, которые не были предоставлены читателю в ходе описания приключения. К моменту, когда приключение завершается, читатель должен иметь достаточно информации для того, чтобы на её основании самостоятельно найти решение. Могут скрываться лишь отдельные незначительные подробности, не влияющие на возможность раскрытия тайны. По завершении приключения все загадки должны быть разгаданы, на все вопросы — найдены ответы.

Попав в Витасофию, Юлька не понимает, что с ней случилось, где она и как ей спастись. В Витасофии случаются такие загадочные происшествия, как таинственное перенесение Юльки в Витасофию, миссия хранителя Медальона Времени, непонятно откуда появившийся помощник Юльки, канувшая в неизвестность Книга Затерянных столетий. Странная ситуация складывается с внезапно появляющейся и исчезающей, подобно Чеширскому коту, половой тряпкой. Для того, чтобы все выяснить, Юлька начинает свое путешествие и, встретив множество преград на своем пути (заточение в замке де Сада, встреча с Аль Капоне), достигает цели. Интри-

гами романа, которые держат в напряжении всех читателей до конца пути и раскрываются только в финале, является поиск Книги Затерянных столетий, вопрос о том, кто такие Старец, незнакомец с золотой серьгой и Джокер, разоблачение предателя. И неясно, каким образом Юлька сможет победить своих явно более сильных противников: госпожу Неизвестность и Властительниц Времени и Вечности.

Но всё же трудно назвать роман детективно-приключенческим, так как в детективно-приключенческом романе нет волшебных героев, философской линии, а в «Юльке в стране Витасофии» все это присутствует.

При внимательном прочтении в романе «Юлька в стране Витасофии» обнаруживаются черты не только литературной волшебной сказки, притчи, детективно-приключенческого романа, но и фэнтези. Фэнтези (от англ. *fantasy* — «фантазия») — вид фантастической литературы, основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов. Основа сюжета — поиски волшебного предмета, места, человека или знания. В книге предпринята попытка создания некой условной, «волшебной» «вторичной реальности», что характерно для «фэнтези».

Жанр фэнтези, в свою очередь, удовлетворяет желание человека раскрыть мир по-новому, как неведомый, совершенный и свободный. Подсознательно мы пытаемся раскрыть тайны нашего реального мира и хотим понять силы, которые в нем действуют. И противостояние субстанций движения и пространственно-временного континуума (как неподвижности или вакуума), имевшего — и продолжающего иметь — место в истории заставляет нас задуматься над одной из существеннейших загадок мироздания.

Необходимо отметить, что исторические факты играют существенную роль в построении сюжета «Юльки в стране Витасофии». Стонущее под гнетом самодура и тирана Влада Цепеша государство Валахия, управляемый гангстерами и коррумпированным правительством город Брайтон, замок Бецков графини-садистки Елизаветы Батори поочередно становятся территорией, на которой разворачивается действие романа. А если учесть, что произведение наполнено реально существовавшими или литературно узаконенными личностями, то вполне закономерна заключительная фраза, которой автор обращаясь к читателю, характеризует книгу: «Если это была сказка».

Интересен способ построения сюжета произведения. Во-первых, он многовекторен. Интерлюдии создают ситуацию «книга в книге», когда наряду с Юлькиным путешествием развивается борьба за медальон между Пространством, Временем, Движением и Неизвестностью. Параллельно ведут свою игру Мефистофель и Агасфер. Во-вторых, сюжет строится от простого к сложному. Обыкновенное сказочное путешествие с тривиальной задачей — вернуться домой — постепенно перерастает в опасный поход (как тут не вспомнить «Властелина колец»?!), от результата которого зависит судьба цивилизации.

Жанровое ассорти произведения позволяет автору ставить особые задачи перед Юлькиными спутниками: это не только помощники, выручающие главную героиню своей мудростью (Сова) или туристическим опытом (Мышка), — что характерно для сказки, но и зеркало, которое отражает и проверяет целесообразность Юлькиных поступков: обязательное условие классического детектива (доктор Ватсон для Шерлока Холмса, капитан Гатингс для Эркюля Пуаро и т. д.). А

двойственная роль Совы и особенно Джокера — именно он оказался лицом, соединившим все сюжетные линии романа и поставившим последнюю точку в детективной интриге, — еще более усложняет композицию романа. Своеобразна роль Славика: являясь автором произведения, он одновременно оказывается его действующим лицом.

Заканчивая опыт критического анализа, можно сделать вывод, что в произведении «Юлька в стране Витасофии» происходит синтез нескольких жанровых форм: сказки, фэнтези, притчи, детективно-приключенческого романа и учебника по философии, что позволяет предложить новое жанровое определение: роман-контаминант.

Роман-контаминант — это произведение, которое более всего по жанровой характеристике сходно с романом, но помимо этого объединяет в себе признаки ещё нескольких жанров.

Контаминация — в переводе с латинского «смешение». В языковедении — возникновение нового выражения или формы путем объединения элементов двух выражений или форм, чем-нибудь сходных, в результате которого возникает принципиально новая форма.

Как было сказано выше, в романе В. Килесы объединено несколько смысловых пластов (приключенческий, философский, инфернальный и так далее), которые, переплетаясь, взаимодействуя и дополняя друг друга, образуют новую форму — роман-контаминант.

При анализе произведения использовались труды С. С. Аверинцева, И. В. Кукулина, М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Н. Д. Гамарченко, Д. В. Затонского, В. В. Кожина, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского, Б. В. Томашевского, В. Я. Проппа и других литературоведов.

Юрий КОВАЛЬСКИЙ,
г. Киев

Проза Крыма. Взгляд со стороны

Увы, недолгог нынче век многих литературных произведений. И речь не только о посредственных и откровенно графоманских текстах. Среди губительных обстоятельств: и малые тиражи, и хилая система распространения, и практически полное отсутствие профессиональной литературной критики, честной рекламы, упорное игнорирование литературной продукции телевидением...

А ведь есть (слава Богу, есть, несмотря на все неблагоприятия нынешней писательской жизни) романы, повести, рассказы, которые хочется поддержать, сохранить, унести в день завтрашний. И сделать это как для себя, так и для других.

Уже много лет являясь редактором (то есть, так сказать, профессиональным читателем), внимательно слежу за тем, что появляется интересного, значительного в современной прозе Украины на русском языке. И пользуясь предоставленной возможностью, охотно поделюсь впечатлениями о том, что особо запомнилось из работ писателей Крыма.

Выбранный для обзора период — последние двадцать лет — неслучаен. Ведь именно в это время русская литература Украины, как представляется мне, превратилась в некий остров между Россией и Украиной, куда как-то не очень спешат путники из обеих стран. Одни считают то, что произрастает там, не совсем своим (не украинским), другие — слишком периферийным. Короче, в обоих случаях — не заслуживающим внимания. А зря! Обязательно разыщите произведения, о которых буду говорить. Прочитайте. Право, они того стоят!

Однако прежде чем перейду непосредственно к названиям, еще одно существенное примечание. Разумеется, буду советовать из того, что сам прочитал, и хотя чтение, повторяюсь, в определенной мере моя профессия, прекрасно понимаю, что мог что-то не заметить, пропустить (опять же по причине небольших тиражей, определенной изоляции в последнее время писателей в регионах). Поэтому прошу рассматривать этот материал как начало обстоятельного разговора о достижениях литераторов Крыма, о тех произведениях, которые нельзя потерять.

В феврале этого года не стало прозаика из Ялты Станислава Славича. Прочитал несколько некрологов в крымской печати. Оценивали его творчество высоко, и это, разумеется, заслуженно, но с удивлением обнаружил, что перечислялись произведения, написанные Славичем относительно или даже просто очень давно. А ведь именно в последние лет пятнадцать, считаю, он создал свои наиболее значительные романы и повести.

Романы «Мальчик Дима и его женщины», «Из жизни Павла Ковалева, по прозвищу Колобок» — это подлинная художественная летопись перемен в отечественной глубинке, вызванных распадом СССР. Перемен, как в обществе, так и в поступках, характере отдельно взятого конкретного человека.

Анализ (опять же на самом высоком художественном уровне!) того, что нас

может ждать в будущем после всех этих перемен — роман «Время как среда обитания». Все очень серьезно, обстоятельно, взвешенно, и вместе с тем какая образность, литературное мастерство! Автор поочередно оценивает нашу жизнь и ее перспективы глазами самых разных поколений — стариков, их детей, внуков и правнуков. При этом крутые повороты сюжета, обилие коллизий, живые диалоги.

Не оставила равнодушным и повесть Станислава Славича о ветеранах войны «Пыль из-под веника». Уже само название подразумевает нетривиальность подхода к теме и ее изложению. Увидеть то, что не замечают другие, и донести читателю, причем так, чтобы это тронуло разум и душу, — особый литературный талант. Крым по праву может гордиться своим подлинно большим писателем — Станиславом Славичем.

Понимаю, что далее сказанное выходит за рамки темы данной статьи, и все же не удержусь: в Ялте, где почти 60 лет творил Станислав Славич, следует увековечить его имя в названии улицы или, как минимум, библиотеки. Впрочем, одно другому тоже не мешает.

Есть якобы в литературе трафареты, приемы, используя которые можно добиться особой читабельности произведения. Например, уместен любовный треугольник, желательно побольше диалогов, поменьше описательности, пригодится вкрапление полузабытых афоризмов... Абсолютно вопреки подобным правилам написал свои исторические романы «Покорение Крыма», «Конец Крымского ханства», «Бич Кавказа» Леонид Ефанов. Однако тексты завораживают. Изобилующий документами, самый что ни на есть кропотливый научный труд каким-то непостижимым образом превращается в высокохудожественные произведения, при этом не утрачивая своих исторических подлинности и объективности.

Повесть «Лимон» Светланы Ягуповой — о жизни, судьбах инвалидов. Заранее зная об этом, настраиваешься на грустный лад. И тем не менее, она в числе самых светлых произведений, которые когда-либо читал. Повесть эта — как своеобразная прививка от горестей и бед, которые могут встретиться на собственном жизненном пути. Прививка от депрессии и пессимизма.

Внушительным числом литературных премий в свое время — и вполне объективно! — была отмечена повесть Владимира Бушняка «Стамбульский зазывала». Она о том недалеком прошлом, когда многие из нас, изменив вдруг в одночасье свои, как оказалось, нехлебные профессии, ринулись в торговый бизнес, в том числе и за пределами собственной страны. Написано зримо, с выразительными достоверными деталями. Этакая фотография на память, может даже реальный документ нашего бытия. А еще попытка разобраться, как выжить в этом мире, даже преуспеть и в то же время сохранить человеческое лицо, сохранить свою душу.

Немало добрых слов заслуживает писательница из Севастополя Валентина Фролова — неутомимый собиратель героических фактов, событий, ярких судеб, характеров в истории Крымского полуострова. Особенно дороги мне ее повести «Ветры Босфора», «Анна и Николай». Мастерски переплелись здесь скрупулезная достоверность и талант художника слова. Смело можно включать произведения Валентины Фроловой в университетские программы и по истории, и по литературе. И не только Крыма.

Жизнь писателя, как справедливо говорят, продолжается до тех пор, пока знают, читают его книги. Благодаря романам «Гора и мышь», «Фарфоровые

чашки», верится, еще долго будет среди нас Александр Загорулько, и это вопреки 2011 году с преждевременной и нелепой черной рамкой.

Краски большой любви, лихолетий XX века (Гражданская война в России, репрессии 30-х годов, Варшавское гетто, Освенцим) и нынешних жизненных перемен высвечивают на страницах романа «Фарфоровые чашки» поразительные картины. А еще — волнующий, полный динамизма сюжет. Даже удивительно, что никто еще не попытался снять телесериал. Впрочем, книга все равно будет лучше.

На трагических событиях террора в Крыму в 1920 году основан роман «Гора и мышь». Тема ныне уже не новая, скорее — модная. Но вопрос, как написать, что взять во главу угла. И в этом роман Александра Загорулько — очень неожиданный, нетипичный. О сложнейших взаимоотношениях между художником и властью... Хотя не буду пересказывать — читайте сами. Если вы серьезный, думающий читатель — не пожалеете.

В силу нашей теперешней постоянной занятости, стремления все испробовать и успеть такие литературные формы как роман, повесть многим представляются своеобразными горными вершинами, куда ни сил, ни времени взобраться. Тогда, быть может, хотя бы не обходите встречающиеся на пути холмы и пригорки. С них тоже подчас открываются живописные виды и манящие горизонты. Да, речь о рассказах, коротких повестях.

Советую поискать и почитать рассказы симферопольца Владимира Сорокина (не путать с московским однофамильцем и тезкой!): «Пахарь», «Невеста». Автор повествует о драматических событиях, сложных перипетиях в жизни своих героев, которые ему совсем не чужие — он их понимает, они ему симпатичны. И может, поэтому не только читать интересно, но как-то светлее становится на душе.

То же самое испытываешь, читая рассказы Людмилы Пивень (например, «Лошади Инки Гольд»). Она нашла свою тему, в которой отлично разбирается, ощущает ее и разумом, и сердцем — о взаимоотношениях людей и животных.

Вроде бы очень непритязательную форму для своих рассказов избрал Борис Финкельштейн — истории из собственной жизни. Но на первом месте не он сам, а люди, которые его окружают, их характеры, судьбы, обилие деталей, примечательных подробностей из нашей вчерашней и сегодняшней жизни. Так рождается художественный документ времени, и в этом несомненная ценность, например, рассказов: «Смотр», «Толик, наливай», «Десять лет спустя», «Первый ангел вострубил».

Запоминаются, волнуют рассказы Виктора Лановенко («Проездом», «Соучастник»), Вячеслава Килесы («Попутчица», «Невиновные»). Здесь есть то, что так часто теряется в реальной жизни — нравственность, мораль, умение и время непредвзято посмотреть на себя со стороны.

Должен отметить, что, например, Лановенко — автор и более крупных произведений, но пока мне не довелось с ними познакомиться. То есть еще раз подчеркну — данный материал рассматривайте как предложение другим читателям, критикам продолжить разговор о достижениях крымской литературы.

Советую прочитать... Написал это в очередной раз и подумал: ведь сначала надо найти. Вроде бы недавно все написано и увидело свет, но какие были тиражи и т. д. Короче, на поиски надо тоже время, и результат не известен... А может, все это надежнее и правильнее взять и переиздать? Переиздать, учитывая, что оно лучшее. Как говорится — дай Бог! А пока все-таки поищите.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Председателя Совета министров Автономной Республики Крым <i>Анатолия Могилева</i> для «Литературно-художественного журнала Крым»	3
Приветственное слово Председателя Верховного Совета Автономной Республики Крым <i>Владимира Константинова</i> для «Литературно-художественного журнала Крым»	4
Приветственное слово Постоянного Представителя Президента Украины в Автономной Республике Крым <i>Виктора Плакиды</i> для «Литературно-художественного журнала Крым»	5
<i>Б. Г. Финкельштейн. Толерантность бытия</i>	6
 ПРОЗА	
<i>Нузэт Умеров</i> Бейбарс — султан Египта. Роман	9
<i>Борис Финкельштейн</i> Сны. Рассказ	65
<i>Елена Криштоф</i> Лиловый цветок. Рассказ	73
<i>Вячеслав Килеса</i> В августе 1984 года. Рассказ	86
<i>Людмила Пивень.</i> Место, где объезжают лошадей. Рассказ	93
 ПОЭЗИЯ	
<i>Лидия Огурцова</i> Флаг	7
«Шоссе из солнечных лучей...»	7
Конституция страны	7
Крымская осень	7
Я — крымчанин	8
Гурзуф и Пушкин	8

Лариса Афанасьева

Апрельский снег	61
Крещенский сонет	61
«Прощай, последнее тепло!..»	62
«Вновь обкрадывает город...»	62
Зарисовки	62

Виталий Аносов

Ночь. Карасубазар 186... года	63
Бомж	63
Бабушка Мокруша	64
«Душа пуста, как зимний сад...»	64
Дольмен	64
«Я знаю, ты страдаешь люто...»	64

Сергей Овчаренко

Сто шагов	76
Газировка	76
Арбузы	77
«Долго я себе готовил встречу...»	78
Письмо сыну	78
Старые дворы	79
Журавлиное счастье войны	80
Юности кино	81
«Летним утром в воскресенье...»	81
«Мой тихий сквер, я вновь пришел к тебе...»	82

Ольга Голубева

«Красота твоя, чуточку странная...»	83
«Симферопольский блюз...»	83
«Ты помнишь, был один денек...»	84
«Я люблю эту землю до слез...»	84

Анатолий Масалов

«Он изучил движения созвездий...»	85
«Все тот же дом. Окраина. Предместье...»	85

Ольга Золотокрыльцева

Киммерийские мотивы	99
«Когда лечу судьбе наперекор...»	100
«Безмерна скорбь великого Творца...»	100

Виктор Ингеро

Дорога домой	101
«Все больше в общем, меньше о деталях...»	102
«Бездумно время коротаем...»	102

<i>Нина Бурмистрова</i>	
Март в Крыму	103
«Отрадно быть пленницей ночи...»	103
Веселый экспресс	104
Медитация	104
<i>Лариса Фисейская</i>	
Белогорск	105
В Земляничном (Орталане)	105
В Гурзуфе	106
<i>Леонтий Фатеев</i>	
Родная земля	107
Зуи серебряные воды	107
Крымские степи	107
<i>Анна Зенченко</i>	
Бескрылый ангел любви	108
«Мне грустно: я немного опоздала...»	108
Поздняя встреча	109
Проводы дня	109
Зима	109
<i>Андрей Агарков</i>	
«Оттенки кадмия и охры...»	110
«Наверное, строка, достигшая небес...»	110
«Актриса парка городского...»	111
«День короче. Ночь длиннее...»	111
«В декабре стынет осень тоскливо...»	111
<i>Анатолий Мирзоян</i>	
Алюминиевая свадьба	112
Большая Ялта	113
«Что оставил мне отец в наследство?...»	114
<i>Рушан Пилосян</i>	
«Щекой прильну к наплыву звёзд...»	115
«Осеннее настроение...»	115
Айрен	115
«Как робкие шаги твои слова...»	116
Дороги	116
<i>Дилявер Османов</i>	
Алтыным	117
Карасубазар	118
ГОСТЬЯ ЖУРНАЛА	
<i>Рита Бальмина</i>	
Сны дождя	119

150	ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
	<i>Л. Ковтун</i>	
	«Образ твой, близкий и милый...»	125
	<i>Вера Калицкая</i>	
	Два лика Александра Степановича	126
	ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ	
	<i>Евгений Никифоров</i>	
	До свидания, Борис Балтер!	127
	КРИТИКА	
	<i>Антонина Газимова</i>	
	Жанровое своеобразие и построение сюжета произведения	
	Вячеслава Килесы «Юлька в стране Витософии»	
	(Опыт критического анализа)	128
	<i>Юрий Ковальский</i>	
	Проза Крыма. Взгляд со стороны	144

КРЫМ • КЪЫРЫМ

КРИМ

1_[32] 2013

Літературно-художній журнал

Сімферополь

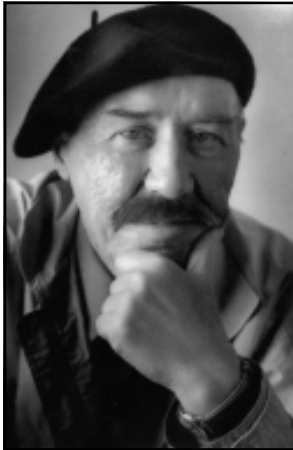

КРИМ 1.2013

Валерій ТАРАСОВ
(м. Феодосія)

СКАЗАТИ ПРАВДУ

(Переднє слово)

Рік 1989-й. Феодосія. Редакція феодосійської міської газети «Победа». Лунає телефонний дзвінок. Беру слухавку і чую радісно-збуджений голос одного з позаштатних авторів «Победи»:

— Ви читали останній номер тижневика «Аргументы и факты»?

— Ні, — кажу, — не читав. А що там цікавого надруковано?

— Вітаю вас! — радісно продовжує позаштатник. — Наша «Победа» названа у числі найтиражніших регіональних газет країни! В інформації «АиФ» згадуються ще газети з Підмосков'я, Уралу, Литви, але «Победа» — найперша. Вітаю!

— Дякую, відповідаю авторові. А сам думаю: отож помічені творчі зусилля журналістів феодосійської міської газети, яких мені вдалося націлити на якісно нову працю.

На той час я вже п'ятий рік був редактором «Победи». Намагався зробити газету популярною серед читачів. Як засвідчила інформація «АиФ», це мені вдалося. Судіть самі: на 114 тисяч населення Феодосії виходило 29 тисяч примірників «Победи». Такого високого показника не мало жодне регіональне видання країни. Принагідно скажу: у феодосійській міській газеті бажали друкуватися автори з багатьох регіонів Криму.

Впевнений, читабельність «Побе-

ды» була забезпечена і досить високою кваліфікацією тодішніх працівників нашої редакції, і (це в першу чергу) висвітленням нових тем, які до того газетою не піднімалися, враховуючи цензурні «рогатки» й заборони. Ось приклади.

Феодосійська газета однією з перших почала писати правду про війну в Афганістані. Це засвідчив голова Української Співки ветеранів Афганістану Сергій Червонописький, який, перебуваючи у Криму, спеціально приїхав до Феодосії, аби висловити подяку «Победи» за публікацію правдивих матеріалів про афганську війну.

Феодосійська газета першою і єдиною (!) серед російськомовних газет України опублікувала правдивий матеріал про щойно створений Народний Рух України. Влітку 1989 року тодішній голова НРУ відомий поет Іван Драч відпочивав у Будинку творчості письменників «Коктебель», і «Победа», скориставшись цим, взяла у нього розлоге інтерв'ю про патріотичну громадську організацію, яку мазали брудом майже в усіх засобах масової інформації тодішньої УРСР.

Феодосійська газета першою (принаймні у Криму) почала друкувати матеріали про червоний терор після захоплення Криму більшовиками. Великого резонансу (аж до відділу пропаганди ЦК КПУ) набула публікація в «Победи» розвороту під заголовком «Март был красным-красным» про розстріл більшовиками у Феодосії майже п'яти тисяч полонених офіцерів Білої армії, переважну більшість із яких складали недавні гімназисти й студенти.

За ці та інші публікації аналогічного спрямування мені не раз діставалося на горіхи від компартійних

керівників Феодосії та Криму (а за «білогвардійський» матеріал — і від великого парткерівника України). Діставалося і від цензури.

Але найвідчутніше і найдовше мене били усі вищезгадані функціонери за публікацію на сторінках «Победи» матеріалів про кримських татар. Звичайно ж, матеріалів на підтримку цього багатостраждального народу. Почалося з того, що у середині 1980-х років я працював над документальною повістю «Глибока розвідка» — про розвідувальну групу капітана Ніколаєва, закинуту наприкінці 1943 року в Крим на парашутах. Десантування розвідників відбулося поблизу міста Старий Крим. Розвідгрупа капітана Ніколаєва діяла на території між точками: Старий Крим–Феодосія–станція Владиславівка. Але навесні 1944 року німцям вдалося заарештувати кількох розвідників. Перед своїм відступом із цих місць фашисти розстріляли заарештованих у Старому Криму.

Так от, збираючи матеріали до своєї документальної повісті, я користувався і архівами, і спогадами ще живих тоді учасників, описаних мною подій. І найбільше відкриття, яке мене очікувало, було те, що повністю була розвінчана багаторічна радянська легенда про нібито пряму участь кримських татар у розстрілах мирного населення Старого Криму на початку квітня 1944 року. Зібрані мною матеріали свідчили: масове винищення старокримців справді було. Але розстріли здійснювали не кримські татари, а німці перед своїм відступом з міста. Серед загиблих тоді мешканців Старого Криму було чимало і кримських татар.

Отож маючи такий матеріал, я в газеті «Победа» надрукував статтю «Вредные легенды», що викликало гнів партфункціонерів Феодосії і Криму, і одночасну підтримку мого матеріалу кримськими татарами. Трохи згодом фрагменти моєї статті опуб-

лікував у кримськотатарському журналі «Ватан» його редактор і видавець, професор Рефік Музафаров.

Друкував я в «Победі» матеріали про труднощі облаштування депортованих після їхнього повернення на історичну батьківщину, публікував нариси про окремих представників цього народу.

Мушу ще раз сказати: кожна публікація на кримськотатарську тему викликала не тільки невдоволення, а й гнів компартійного начальства й проросійськи орієнтованих шовіністичних сил, погляди яких у цьому питанні повністю співпадали: мовляв, кримським татарам не місце у Криму, нехай повертаються у краї своєї депортації. Мені погрожували фізичною розправою, вривалися до мого редакторського кабінету з вимогою про відставку з посади редактора газети «Победа». Витримати усе це мені допомагали ті ж таки кримські татари, серед яких я уже мав широку підтримку.

Я міцно здружився з багатьма представниками цього народу. Серед моїх друзів — будівельник Мустафа Меджитов, водій Яя Аджиягья, приватний підприємець Шевкет Асанов і багато інших. Дуже дорожу дружбою з заступником голови Меджлісу кримськотатарського народу Рефатом Чубаровим, з яким ми познайомилися в Києві ще 1989 року на з'їзді Народного Руху України, де я був делегатом, а Р. Чубаров — гостем з'їзду. Ми зустрічаємося з ним не досить часто, але наша взаємоповага від того не слабшає.

Дружба з кримськими татарами дала мені можливість пересвідчитися, наскільки це організований, щирий і чуйний народ. Приклади? Будь ласка.

У 1995 році завдяки виборам до міської ради у Феодосії до влади прийшли комуністи. І з перших же днів свого владарювання вони почали робити усе можливе і неможливе, аби зняти мене з посади редактора «Победи», оскільки я твердо обстою-

вав у газеті інтереси Незалежної України. (Принагідно зазначу в дужках: мої політичні опоненти різних мастей протягом 1990—1995 років ставили питання про моє звільнення з редакторства 22 рази! Про цей «рекорд» писала навіть парламентська газета «Голос України»). Комуністи атакували мене різнофлангово й жорстоко. Що-що, а стирати людину у порох вони навчилися за 75 років свого панування успішно.

На мій захист стало чимало людей не тільки у Феодосії, а й у Криму і Україні. Неправедна боротьба комуністів з редактором Феодосійської газети знайшла відображення у засобах масової інформації. Про це писали «Голос України», «Літературна Україна», розповідало Українське радіо.

У Криму на мою підтримку виступила «Кримська світлиця». Українська газета захистила українського письменника і журналіста, за що я щиро вдячний «Світличці». А от решта кримських газет, хоч і знали чудово про катаvasію у Феодосії, промовчали. І тільки кримськотатарська газета «Авдет» активно виступила на мій захист, подавши кілька публікацій з цієї теми.

Комуністи «жували» мене аж два роки і врешті-решт таки «з'їли», звільнивши улітку 1997 року не тільки з посади редактора міської газети «Победа», а й взагалі з роботи в редакції. Не дали можливості навіть рядовим кореспондентом працювати. Ну що з них узяти, з цих «борців за щастя народне»?!

Епопея щодо мого звільнення досить чітко визначила: хто мої справжні друзі, а хто — ні. Я дуже радий, що у тяжку пору мого життя справжніх друзів виявилось чимало. І що схвилювало до глибини душі, так це те, що мене, українського письменника і журналіста, активно захищали представники корінного народу Криму — кримські татари. Отоді я справді відчув, як раніше сказане мною у газеті «Победа» правдиве слово про кримськотатарський народ, про його трагедію, відлунило згодом теплом сердець кримських татар. Це тепло гріє й донині.

З плином часу я зрозумів: попередні газетні публікації на кримськотатарську тематику не розкривають повністю усього того, що я узнав про цей народ, про його душу, про його не таку вже й давню трагедію депортації і про нинішні устремління. Власне, щодня спілкуючись з кримськими татарами, я все більше переконувався у тому, що моїм завданням українського письменника, котрий вже багато років мешкає у Криму, є необхідність написання літературних творів про корінний народ. Радий, що цей мій письменницький задум вдалося реалізувати. Я написав цикл оповідань про кримських татар у різні періоди їхнього життя. Сподіваюся, що це була не марна робота, що вона послужить зміцненню і без того щирої дружби між українцями й кримськими татарами, які спільно розбудовують молоду незалежну Україну.

P.S. Цю свою сповідь про те, як нелегко було писати про історичну правду письменнику і журналісту Валерію Тарасову за часів комуністичного тоталітаризму (та хіба лише йому!), він повідав своїм читачам вже будучи тяжко хворим. Цього свого матеріалу він, на жаль, не встиг побачити на сторінках «Криму». Валерій Дмитрович Тарасов помер 1 березня 2013 року. Але пам'ять про нього, письменника-патріота, залишиться в його талановитих книгах, газетній публіцистиці. Валерій Тарасов був справжнім письменником-інтернаціоналістом про що свідчить його оповідання «Брати», опубліковане в цьому числі журналу «Крим» про дружбу українського та кримськотатарського народів.

Рожевий окрась сонця визирнув над дальнім горизонтом смарагдового моря, зафарбовуючи вершечки хвиль у рожевий же колір. Сонце мовби придивлялося до всього навкруги, вирішуючи, а чи прямо зараз зринуть у блакитну височінь неба, чи ще трохи поплескатися у прохолодно-свіжій воді? Вирішило: підійматися! І легко, мов золотаво-рожевий м'ячик, відскочило від води і попливло догори, щедро виливаючи на Феодосію тепло свого проміння.

Найперше сонячні промені вилилися у вікна лікарні, що височіла над морським узбережжям на крутому пагорбі. Було зовсім рано і пацієнти лікарні ще спали. Час від часу тихесенько пересувалися коридорами лиш лікарі та медсестри.

У хірурга Миколи Павловича Гребенюка був хороший настрій. Нічне чергування його бригади добігало кінця. Нічого особливого за час чергування не сталося. Все було, як він любив казати, у параметрах нічного хірурга: прийшов один чоловік з розбитим обличчям (признався - сам затіяв бійку, за що і отримав одкоша), ще одного молодика із травмованою ногою привели друзі (кажуть: танцювали на нічній дискотеці, та так старалися, що один з них аж ногу вивихнув).

От і все, що сталося за час нічного чергування хірурга Гребенюка. Бешкетникові Микола Павлович мовчки обробив обличчя потрібними розчинами, у двох місцях невеликі ранки закрив пластирами. Наостанок порадив:

— Більше не бийтеся.

— Та не буду... Уже ж, ніби, й не молодий, а бачте як вийшло... — скрушно мовив чоловік.

Танцюриста весело запитав:

— І як це, хлопче, треба танцю-

вати, щоби так ногу вивернути?

— О-о, докторе, я можу ще й не так утнути, — весело ж відповів молодик. — Танцювати я мастак.

— Бачу, який ти мастак, — жваво продовжував Гребенюк. А розмову цю веселу хірург затіяв не просто так, аби лиш потеревенити з нічним пацієнтом. Розмовляючи з хлопцем, Микола Павлович одночасно м'яко так м'яко повертав ступню то в один бік, то в другий, а коли віднайшов травмоване місце, миттєво смикнув ногу, щось неголосно хрюснуло, і ступня вмостилася, куди слід. — Усе, хлопче, іди танцюй далі. Але вже не скачи так, пожалій ногу.

— Уже все, лікарю? — не повірив танцюрист. — Я нічого й не відчув.

Хлопець спочатку обережно ступив на ногу, а потім, переконавшись, що вона не болять, підскачів на місці разів зо три, й сказав:

— Спасибі, лікарю, у вас золоті руки!

От і все, що сталося за час нічного чергування бригади хірурга Гребенюка. Микола Павлович вже почав укладати до робочої теки термоса з недопитою кавою, приготовленою його дружиною Оленою Сергіївною за її власним рецептом. Поклав туди ж шматок яблучного пирога — теж власний виріб дружини. Подумав: це якраз і добре, що лишилися пиріг з кавою. Поснідаю. Адже прямо з чергування Гребенюк мав іти у розташовані неподалік лікарні катерні гаражі, де вже на нього мали чекати приятель з дружиною, а також його, Гребенюкова, дружина Олена Сергіївна. Усі вони напередодні домовилися, що Микола Павлович одразу після чергування прийде в гараж, і на катері приятеля вони підуть на кефаль, яка добре ловилася біля Карадагу. А поки катер діста-

неться Карадагу, Гребенюк трохи передрімає дорогою. Він ще у розповні сил, і якоїсь години на сон йому вистачить.

Отож у хірурга Гребенюка був хороший настрій. Чергування добігає кінця. Сонце ясніє у синьому небі. Море лагідне — видно через вікна лікарні. Близькі люди вже чекають на нього в недалеких звідси катерних гаражах, готуючи моторного човна у перехід до Карадагу. Все прекрасно.

Аж раптом Гребенюк побачив, як крізь ворота лікарні влетіла карета «швидкої медичної допомоги» і помчала прямо до хірургічного корпусу. Микола Павлович швидкою ходою подався до приймального відділення. Кого там привезла «Швидка»?

Увійшов у приймальню саме тоді, коли лікарка «Швидкої», а також хірургічні медсестри установлювали ноші з закритим чоловіком на спеціальну хірургічну коляску.

Уздрівши Гребенюка, лікарка «Швидкої» сказала:

— Миколо Павловичу, хто цей чоловік, звідки він — невідомо. Ми його забрали з Сімферопольської траси за викликом автоінспекторів. Там сталася серйозна аварія: вантажівка в'їхала у його легковика. Машину розплющило на млинця. Слава Богу, більше нікого у легковушці не було. У постраждалого велика втрата крові, серйозні тілесні ушкодження.

— Бачу, — відповів Гребенюк. І розпорядився хірургічному медперсоналу: — Хворого на стіл. Готувати негайну операцію. Зробіть терміновий аналіз крові. — І до лікарки «Швидкої»: — Що сказали даішники? Коли обіцяли встановити особу постраждалого?

— Сказали, що постараються це зробити за півтори-дві години.

— Довго, — стурбовано мовив Гребенюк, — і кивнув лікарці «Швид-

кої»: — До побачення... Я до операційної.

Хвилин п'ятнадцять знадобилося анестезіологу, операційній медсестрі, палатним медсестрам на підготовку до операції. Якраз за цей час зробили аналіз крові постраждалого. І виявилося, що у нього рідкісна група крові — четверта. Людей з четвертою групою (а отже — і донорів) дуже мало.

— Миколо Павловичу, зараз у нас в резерві всього чотириста мілілітрів такої крові. Це мало, — сказала операційна медсестра.

— Це катастрофічно мало, — погодився Гребенюк. — А нам же зараз найголовніше поповнити організм постраждалого кров'ю.

— Що будемо робити? — розгублено спитала медсестра.

— Будемо переливати кров, — відповів Гребенюк.

— Так мало ж, Миколо Павловичу!

— Я дам свою, — сказав Гребенюк. І в раптовій тиші операційної палати пояснив: — У мене якраз четверта група. Зробимо пряме переливання. Готуйте необхідне обладнання, а я сам себе підготую до цієї процедури.

Пряме переливання крові від Гребенюка до постраждалого проходило вже під контролем хірургів, що прийшли на денне чергування. Вони ж і оперували постраждалого, дослухаючись до порад Миколи Павловича, який залишився в операційній до самого кінця складної і тривалої операції.

На той час від працівників державної автоінспекції вже стало відомо, що постраждалим є мешканець Коктебеля Шакір Османов. Йому недовзі мало виповнитися п'ятдесят. Людина він непитуща, серйозна. Їхав на феодосійський залізничний вокзал зустріти сина з ранішнього поїзда. Їхав не поспіхом. Коли вже виї-

хав з коктебельської дороги й повернув на Феодосію, проїхав по трасі всього якихось кілька сот метрів. Шакірові «Жигулі» наздогнала багатотонна фура й розстрожила легковушку у цент. Це сталося тому, що водій вантажівки гнав машину цілу ніч, гнав без зупинок, стараючись якомога швидше дістатися Феодосії, аби встигнути за день не тільки розвантажитися, а й завантажитися на зворотній рейс. Оцей поспіх і призвів до того, що втомлений водій фури на якусь мить заснув за кермом, наздогнав «Жигулі» Шакіра Османова й розстрожив їх, тяжко травмувавши водія. Про трагедію на дорозі працівники феодосійської міліції вже повідомили сім'ю постраждалого.

Гребенюк дочекався, поки прооперованого Османова влаштували в реанімаційній палаті, підійшов до нього, уважно оглянув. Найперше, що цікавило Миколу Павловича, — колір обличчя Шакіра. Якщо воно не бліде, не зеленувато-синє, а помірно рожеве, значить з наповненням кров'ю організму хворого все гаразд. Обличчя Шакіра і було таким — помірно рожевим.

«Все нормально, — вдоволено подумав Гребенюк. — Житиме Шакір, вишкрябається...»

...На третій день перебування у реанімаційній палаті Шакір Османов опритомнів. Усі, хто був причетний до його лікування, раділи, мов початкуючі медики. Найбільше ж радів хірург Гребенюк.

А коли через тиждень Шакір, який лежав під крапельницями, попросив їсти, радості лікарів не було меж. І знову найбільше радів Гребенюк. Він частенько заглядав до палати Шакіра Османова, подовгу розмовляв з ним. Як досвідчений хірург знав: аби витягти людину з важкого стану, треба якомога більше з цією людиною розмовляти. Причому на теми, далекі від

медицини. Щоби людина забувала про свої болі й фізичні недуги. Важливо, щоби сам хворий хотів побільше розмовляти.

Шакір Османов був хорошим співбесідником. Він, простий будівельник, знав чимало і в політиці, і в спорті, і в мистецтві. Видно було, що Шакір багато читав. Отож Гребенюкові було цікаво розмовляти з Османовим.

Одного разу під час такої «оздоровлювальної» бесіди Шакір раптом примовк. Сторожко позираючи на Гребенюка, а потім сказав:

— Миколо Павловичу, ось вже тривалий час, відтоді, як я прийшов у себе і почав розмірковувати над сенсом і плінністю життя, мені не дає спокою одне питання. От засіло воно цвяхом у голові й сидить.

— І що ж то за питання?

— Воно стосується вас, Миколо Павловичу, — тихо мовив Шакір.

— Мене?! — здивувався Гребенюк.

— Так. Можна, я вас спитаю?.. Але дуже прошу, Миколо Павловичу, не ображатися на мене, якщо ви сприймете моє питання образливим.

— Ой, Шакіре, — щиро усміхнувся Гребенюк, — мене про таке хворі питали, що вам і в голову не прийде. Ми, лікарі, звикли до будь-яких запитань, і ніколи не ображаємось.

— Це добре, — полегшено зітхнув Османов. — А спитати я ось що хочу: Миколо Павловичу, коли мене привезла «Швидка» з траси до лікарні, ви ж не знали, хто я такий?

— Не знав.

— Не знали, що я кримський татарин.

— Не знав.

— От! Не знали, що я татарин і дали мені свою кров!

— Дав. А що тут дивного? — знижав плечима Гребенюк.

— Миколо Павловичу, я радий, що доля звела мене з такою людиною, як

ви. Бо, на жаль, ще є люди, котрі, дізнавшись, що перед ним кримський татарин, стараються не те, щоб йому допомогти, а навпаки, зашкодити тому, що просить від них татарин.. Мені таке знайоме.

— Ой, Шакіре, не зважайте на це. Ви правильно сказали: на жаль... Так, на жаль, є ще люди недобрі, злі, нещирі. Є вони серед людей усіх національностей. Є вони серед нас, українців, є і серед вас, кримських татар. Хіба не так, Шакіре?

— На жаль, так, — погодився Османов.

— А тому, мій шановний пацієнте, беріть у голову хороше, позитивне. Швидше одужуйте, сім'я на вас чекає.

— Вони там вас не замучили своїми проханнями?

— Ні, Шакіре, — усміхнувся Гребенюк. — У вас чудова дружина, хороші сини. Усі вони дуже вас ждуть, — хірург підвівся зі стільця, що стояв поруч з ліжком Османова, і пішов з палати.

Шакір теплим поглядом дивився услід лікареві.

А в день виписки з хірургії додому Шакір Османов підніс Гребенюкові букет троянд, попередньо дізнавшись від медсестричок, що його лікар дуже любить білі троянди, і мовив вибачливим тоном:

— Миколо Павловичу, у мене до вас велике прохання... За два тижні мені виповнюється п'ятдесят — кругла дата. Я дуже прошу вас і вашу дружину у Коктебель, на мій день народження. Мій син забере вас з дружиною своїм автомобілем. Із Феодосії привезе і до Феодосії потім відвезе. Так що ніяких незручностей з дорогою не буде... Дуже прошу, Миколо Павловичу, не відмовити у моєму проханні.

— Гаразд, Шакіре, ми з Оленою Сергіївною будемо на вашому ювілеї,

— відповів Гребенюк. — А поки що доліковуйтеся, обов'язково виконуйте усі мої поради.

— Ваше слово для мене — закон...

Як Шакір і обіцяв, за подружжям Гребенюків приїхав його син. Вже за годину Микола Павлович і Олена Сергіївна були у просторому будинку Османових. Прямо тут, у дворі, під широким тентом стояли столи з різноманітними стравами і напоями.

Тільки-но приїхали Гребенюки, Шакір запросив усіх гостей до святкового столу. А коли гості усілися, Шакір підвівся, і, хвилюючись, сказав:

— За звичаями кримськотатарського народу, усі гості рівні, нікого з них не можна вирізняти. Але, поважаючи наші вікові традиції, я все ж хочу сказати кілька слів про цю дорогу для мене людину, — показав на Гребенюка. — Поруч зі мною сидить хірург із золотим серцем Микола Павлович Гребенюк. Якби не він, то сьогоднішнього дня народження у мене просто не було б, це точно. Тому я усім, шановні гості, кажу: Микола Павлович Гребенюк мій кровний брат! Хай вам буде відомо: він, українець, дав мені кримському татарину, свою кров, коли від цього залежало моє життя. Я і моя сім'я будемо довіку вдячні вам, шановний Миколо Павловичу.

Гості зааплодували Гребенюкові. А той, знітившись, тихо мовив ювілярові:

— Спасибі, Шакіре, за добрі слова, але вже досить про мене.

— А я все сказав, — щасливо засміявся Шакір Османов. — Лишень одне прохання. Миколо Павловичу і Олена Сергіївно, пообіцяйте, що ви будете моїми гостями і на моє шістдесятиліття.

— Обіцяємо! — посміхаючись, дружно відповіли Гребенюки.

І на обличчях усіх гостей теж засвітилися посмішки.

Аблязіз Велієв — відомий кримськотатарський поет, прозаїк, публіцист, перекладач. Народився 25 жовтня 1939 року в селі Коз Су-дацького району в Криму. Закінчив факультет журналістики Ташкентського державного університету. Працював журналістом, відповідальним секретарем газет “Голос текстильника” та заступником головного редактора республіканської газети “Ленін байраги” (“Ленінський прапор”), журналу “Йилдиз” (“Зірка”). Нині — головний редактор сатиричного журналу “Ха-ха-ха”, старший викладач кафедри кримськотатарської і турецької літератур Кримського інженерно-педагогічного університету. Член Національної спілки письменників України, заслужений діяч мистецтв Автономної Республіки Крим, лауреат літературної премії ім. Б. Чобан-заде. Автор понад 40 книг.

Аблязіз Велієв разом зі своїм народом пережив жорстокі часи депортації. Ось як він згадував про своє нелегке сирітське дитинство в одному з інтерв’ю для “Кримської світлиці”:

— Коли мені було два роки — загинув на війні мій батько. Я залишився з матір’ю та молодшим братом. Після того, як нас у травні 1944 року виселили з Криму, ми жили в глухому узбецькому селі. На першому році нашого примусового переселення померли дідусь та бабуся. Настали скрутні часи. Голодували, і щоб вижити, ми продали все, що мали. Оскільки я був старшим у сім’ї, то змушений був допомагати мамі і забути про свої дитячі забави. Я працював у місцевому колгоспі — в полі, в саду. У свої тринадцять років я сам вже

їхав на ослику до млина і назад, і навіть не думав, що можу не виконати доручення старших. Моє дитинство закінчилося дуже рано, бо я займався дорослими справами. Там, в Узбекистані, тоді я був змушений думати тільки про хліб насушний. Ніякої політики чи історії. Нам, вигнанцям, забороняли промовляти слова “Крим”, “кримські татари”, “кримськотатарська мова”.

Лише через кілька років по смерті Сталіна було дозволено видавати газети кримськотатарською мовою. Саме з газет ми дізналися, який у нас алфавіт, яка у нас мова, бо до того часу знали мову лише на побутовому рівні. У школі і в університеті навчання велося узбецькою мовою. Тому я самотужки з допомогою газет вивчив рідну мову і став кримськотатарським журналістом, незважаючи на те, що я не відвідував жодного уроку з рідної мови.

Живучи на чужині, я тільки й мріяв, як би повернутися до Криму, на свою батьківщину, з якої нас було насильно депортовано. Будь-яка інформація про події в Криму була для мене безцінною. У мене й досі є “Кобзар” Тараса Шевченка, який я купив понад 50 років тому. Я читав вірші Т. Шевченка, бо вони дуже близькі моєму серцю...

Тут зробимо коротенький відступ і додамо, що, можливо, саме за Шевченковим “Кобзарем” Аблязіз Велієв навчився й української мови: і знає її, і вміє розмовляти нею, а ще ж і перекладати з української на кримськотатарську.

Коли в 1998 році професор і письменник О. І. Губар зініціював видання творів Т. Шевченка кримськотатарською і українською мовами, кілька поезій Великого

Кобзаря переклав і Аблязіз Велієв. Це, зокрема, вірші “Думка” (“Тече вода в синє море”), “Породила мене мати у високих палатах”, “Не женися на багатій”...

“Поезія Т. Шевченка для мене, — каже Аблязіз Велієв, — це надзвичайна музика, підказана сповідальністю великого серця, зболеного любов’ю до своєї України. При перекладі я прагнув не тільки до точності передачі змісту творів, а й до збереження їхньої надзвичайно самобутньої ритмомелодики”. Книга “Далекий і близький Шевченко” побачила світ 1999 року, а вже у 2001 році вийшов двотомник поезій і поем Лесі Українки паралельно українською і кримськотатарською мовами, де цикл “Кримські спогади” було видруковано в перекладах Аблязіза Велієва.

А тепер завершимо інтерв’ю А. Велієва, яке він у серпні 2004 р. дав для “Кримської світлиці”:

— Перебуваючи у вигнанні в Узбекистані, я, як і весь мій народ, мріяв повернутися до Криму, на свою батьківщину. І мрія моя здійснилася лише на початку 90-х років минулого століття: я — вдома, в Україні, в рідному Криму!

Повернувшись до своєї рідної землі, кримськотатарські письменники, в тому числі й Аблязіз Велієв, подали заяви про свій вступ до Спілки письменників України і відразу ж влилися в ряди її Кримської організації, яку я на той час очолював.

Аблязіз Велієв працював у газеті “Янъы дюнъя” (“Новий світ”) і разом з іншими письменниками брав найактивнішу участь у літературному житті Криму: у проведенні спільних українсько-кримськотатарських літературних вечорів, присвячених Т. Шевченку, Агатангелу Кримському, Лесі Українці, Ісмаїлу Гаспринському, Шем’їзаде, П. Тичині... Писав і видавав свої книги, котрих у нього налічується більше сорока, а також переклади. А ще ж і будував собі житло...

У видавництві “Таврія” (м. Сімферополь) вийшла книга віршів А. Велієва “Трай, мій сазе” двома мовами — кримськотатарською і українською. Частина віршів з цієї книги переклав українською і я. Пропоную деякі з них увазі читачів.

Данило КОНОНЕНКО

Аблязіз ВЕЛІЄВ
(м. Сімферополь)

“ДОБРИЙ ДЕНЬ, ДОРОГИЙ МІЙ НАРОДЕ!”

МОЄМУ НАРОДУ

Ти в вогні не згорів,
Не загинув у вирі-пучині,
Як на тебе Той рік
Кинув стільки і лиха, й незгод!
І, здавалося, доля твоя
Догорає, неначе лучина,
Але вистояв мужньо
Мій кримськотатарський народ!
Травень сорок четвертого.

Радість визволення розквітла.
Але чом вартові
Не відходять від наших дверей?!
Чом із рідних осель,
Де було стільки щастя і світла,
Автоматники гонять
Жінок, стариків і дітей?!
І неспішно на схід,
Ніби гусінь, повзли ешелони,

А з вагонів — прокляття
 Катам, і вождам, і вікам...
 А в вагонах “телячих”
 І крики, і плачі, і стогін...
 Не ховали померлих —
 На поталу лишали вовкам.
 Дикі хащі лісів
 Крижаного Уралу
 І гінка далечінь
 Азіатських гарячих степів...
 Новим захистком тут,
 Батьківщиною другою стали
 Для таких непокірних і гордих
 І дочок твоїх і синів.
 Як над нами знущались,
 Глумились і люто ганьбили
 Коменданти і їхні прислужники
 Ситі, пихаті і злі.
 Слово “кримський татарин”
 Навіть згадують заборонили,
 Начеб кримських татар
 Не було і нема на землі!
 Але вистояв ти,
 мій народе,
 На зло всім намовам.
 І легкого шляху
 Не шукав у своєму житті.
 Не зламали борців
 Ні тюремні іржаві закови,
 Ні Сибір, ні ГУЛАГи,
 Ні етапи жорстокі й круті.

Скільки їх,
 Тих, хто мужньо боровсь
 За свободу,
 Полягло у борні
 За священне за право своє!
 Щоб вернуть на віки
 Чесне ім'я мого народу
 І сказати усім:
 Ми — живі,
 Ми не вмерли, ми — є!
 День сьогодні сумний.
 День сьогодні трагічний і чорний.
 В день травневий колись
 Нас погнали назустріч вітрам.
 Ми вертаємось в Крим.
 Він, як мати,
 Зігріє й пригорне,
 Тільки ж хто відповість
 За все зло, заподіяне нам?!
 Будьте ж прокляті ті,
 Хто прирік нас на горе і муки,
 Хто засіяв між нас
 Дике поле із розбрату й чвар.
 — Ми відродимось! —
 Клятву урочу
 Дають наші діти і внуки,
 Ми розкажемо правду
 Про трагедію
 Кримських татар!

травень 1994 р.

РІДНЕ ГНІЗДО

Перед домом моїм
 сокорина шумить.
 На вершечку — чалмою
 Велике гніздо примостилося...
 Лиш весна — журавлі знов
 вертають сюди
 І кружляють над ним
 і щасливо клекочуть.
 Лиш світанок —
 й чаклюють вони над гніздом,
 Бо ж за зиму, мабуть,
 продірявилось трохи.
 Певно ж, люблять вони,
 цю домівку свою,
 Де колись народились

і в небо знялися.
 Знов надворі весна.
 Знов птахів я цих жду.
 Довго в небо дивлюсь:
 щось нема білокрилих...
 Чом же, чом їх нема?
 Чи не збилися з путі?
 Вірю: знайдуть дорогу
 до рідного дому!
 Та всім бідам на зло —
 в небі знов журавлі!
 Я вітаю вас, рідні!
 Спочиньте з дороги!
 І зринає у пам'яті
 батьківський дім

КРИМ 1.2013

Біля моря, в Криму,
черепицею вкритий.
Чи вцілів? Чи не змило
у море його?
Чи зберігся наш двір?
Черепиця ще ціла?
Я від тебе, мій доме,
поїхав давно,
Вже й вертатися б час,
дах підправить,

Помазати глиною стіни.
Вам спасибі, птахи,
за любов до гнізда,
І за пам'ять мою про
дитинство, спасибі!
Сокорина і я, і велике гніздо,
Так чекали весну
і повернення вашого ждали!

квітень 1981 р.

МАМІ

Коли б міг я вітром стати,
а чи птахом полетіть
В край далекий, де в вигнанні
довелося мені жити.
Я землі узяв би жменю,
де матусина могила,
І приніс на батьківщину,
в Крим, де мама народилась.
І розрадою лишиться
жменька та землі для мене,
Теплим спогадом про тебе,
моя рідна, добра нене.
Не змогла ти із вигнання
повернутися додому
І носить твій біль пекучий
буду в серці я у своєму.
У хвилини смутку й болю
серце тужить за тобою,
До могилки до твоєї
думи линуть повсякчас.

Ми — вигнанці, що тут вдіять
нам із долею такою,
Береги землі своєї
стали Меккою для нас.
Та тобі цей хадж додому
вже здійснить було несила
І душа моя, мов рана,
незагоєна щемить.
Я і сам уже зістаривсь,
голова геть посивіла, —
Коли б міг я хоч на хвилику
тебе, рідна, оживить.
Ти — завжди перед очима,
де б не випало бувати,
Ти — мій янгол-охоронець,
буду вік тебе любить.
Підкажи, яку молитву
мені Богу прочитати,
Щоб тебе мені вернути
хоч на хвилику, хоч на мить.

1996 р.

ПТАХИ, НЕ ПОЛИШАЙТЕ РІДНИЙ КРАЙ!

Птахи, не полишайте рідний край
У пошуках чужих земель багатих
І пташенят не кваптесь відпускати —
Нехай мужніє вдома дітвора!

Сльозами осені вас проводжа наш край,
Розлука ця й йому вартує болю!
І тому квітами він вас стріча весною,
Земної радості весь сповнений украй!
Скількох себе ми в жертву принесли,
Виборюючи право бути з нею

Із нашою із рідною землею...
 О, скільки сліз гірких ми пролили!
 Свій край сьогодні вам лишати час
 Й по добрій волі гнізда спозарана...
 З сльозами на очах, птахи, благаю вас,
 О, не ятріть мою пекучу рану!

травень 1998 р.

СЕЛО МОЄ ОТУЗ

Ти — сіль життя мого —	Отуз, Отуз —
село моє Отуз,	Як пісня солов'я,
Ти — кусень хліба мій —	Отуз, Отуз —
село моє Отуз,	Вітчизнонька моя.
Оселі батьківської ти поріг —	Море цілує твоє убрання,
Отуз,	Вітер гірський милує обличчя.
Ти — колискової журний мотив —	Тут юнаки набираються
Отуз.	сил і знання,
Отуз, Отуз —	Наша любов до тебе,
Про маму вічна пам'ять,	село моє, вічна.
Отуз, Отуз —	Отуз, Отуз —
Без тебе сирота я.	Село моє найкраще,
На виду у Карадагу,	Отуз, Отуз —
На Папаз-тепе горі	Ти — славні люди наші.
Наливаються красою	
Наші юнки на зорі.	

травень 1998 р.

* * *

Вже мені про кохання
 соловей не співа,
 І життя мого квітка
 зів'яла жива.
 Світ для мене увесь
 потьмянів, посірів,
 Бо згоріла любов,
 як торішня трава.
 Нащо, Господи, долю
 таку мені дав,
 Щоб я палко кохав і так
 тяжко страждав?

Я до раю не буду проситись,
 бо знаю
 Я негідний в нім бути,
 якщо ти не позвав.
 Хай вогнем ця незбутня
 любов догора,
 Нам у муках, мабуть,
 розлучатись пора.
 Може, іншим вогонь наш
 запалить любов,
 І розквітне вона для життя і добра.

вересень 1995 р.

НЕСПОДІВАНИЙ ВІРШ

Мені до рук перо вручила доля,
 Що з ним робити — серце підказало.
 Я не збиравсь писать слова любові —
 Перо саме признання те писало.
 Що маю ще сказати — не знаю й сам,
 Свою стежину вперто я шукаю.
 Початок де і де кінець словам? —
 Біжать рядки і на папір лягають.
 Це, мабуть, пробудилася весна,
 Що всі слова до мене враз прийшли,
 За вікнами — мороз, в снігу дерева,
 Та хтось мені нашіптує: — Пиши!
 Я знаю, де мене знахідка жде,
 І хоч писати я і не збирався,
 Голубка-ручка слів рядок клює —
 То, певно, мій натхнення міх прорвався.

березень 2006 р.

КАЖУТЬ, СВІТ ВІЧНИЙ

Світ оцей не кане в небуття —
 Хто достойний —
 в ньому гостем буде...
 Дуже швидко проліта життя,
 Тільки, жаль, що ми не вічні, люди.
 Кажуть, вічний тільки білий світ.
 Я у цю не вірю аксіому. —
 Вічна в світі лиш одна любов,
 Що життя дарує світу цьому.

1999 р.

ДОЛЯ

<p>Добрий день, дорогий мій народі! У добру годину Ми вертаємось в Крим, на свою батьківщину. Скільки горя зазнав ти, про те знаєш тільки ти сам, Комендантський батіг залишив не один тобі шрам. Шлях надовго тобі був закритий до рідного дому, Бо режим виніс вирок:</p>	<p>зрадник цілий народ — та й по всьому. Ти не визнав вердикт, ти сказав, що той вирок — обмова, Час настане й брехня розлетиться, неначе за вітром полова. Шлях додому тернистий і довгий — триває і роки, і дні... Наш народ не забуде</p>
---	--

КРИМ 1.2013

ні людського добра, ні брехні.
Хай ніколи не вернуться
дні ті страшні. Хай вони
Будуть в пам'яті нашої,
як далекі страхітливі сні.
Тож давай, мій народе,
разом клятву сьогодні дамо:

За Вітчизну, як буде потрібно,
то й життя ми своє віддамо.
І ділами своїми ми прикрасим
її в дні погідні,
І повернемо славу колишню
землі нашої рідній.

1989 р.

НЕХАЙ НІЧ СТАНЕ ДНЕМ

Ти посміхнулась заклично
і зникла, немов уві сні.
Щось погукала до мене,
однак не розчув я ні-ні.
Дні я лічу і чекаю на зустріч
з тобою,
Голос твій ніжний
і усміх сяйливий живуть у мені.
Не полишай мене,
в душу вселивши краплину
любові,
Нехай ніч стане днем,
а день — як весна, веселковий...
Зустріч наша нехай
стане святом закоханих
двох сердець,
Адже в світі оцім
ніщо не повториться знову.
Збережімо-но час,
подарований нам для кохання,

Бо життя ж пролетить,
ніби день, ніби мить,
мов зітхання.
І якщо для нас доля
посилає удачу й любов, —
Не прогав їх, адже ця весна
не повториться знов.
Я до тебе іду — і з дороги мене
не зіб'ють буревії,
Я не кину обачно на вітер
білу хустку своєї надії.
Хай хвилина надії моєї
на зустріч з тобою, кохана,
Буде довга, як рік,
але в серці вона не зів'яне.
Кожен з нас може з шляху
звернуть
і найти там своє сподівання,
Та чи зможе для нас
Повторитися наше кохання?

1996 р.

*Переклав з кримськотатарської
Данило КОНОНЕНКО*

Василь ЛАТАНСЬКИЙ,
учитель школи с. Пруди
Советського району в Криму

ДЗВІНКИ КРІЗЬ СЕРЦЕ

Спочатку було Слово...

(З КНИЖКИ, ДОСІ НЕ ВИДАНОЇ)

* * *

Як хочете, а я вам не повірю,
Що з егоїста може бути вчитель.
Не тільки — путній,
вчитель взагалі...
Хіба такий дитину зрозуміє?

Хіба помітить трепетне кипіння
В очах дитячих вчитель-егоїст?
А чи навчить любити Україну,
Якщо в самого лиш любов до себе?
Як хочете, а я вам не повірю...

* * *

1998 р.

Ви сльози зблизька бачили хоч раз?
В дитячі очі — чуєте? — вдивіться:
В них — і печаль, і болі без прикрас,
Й, буває, радість сяє — промениться.
А сміх дитини слухали, скажіть?
Дзвінкий і чистий, як вода з криниці.
Нехай той сміх і ллється, і дзвенить,
Ну, а сльоза лиш з радощів іскриться!

1998 р.

* * *

Нехай ніхто не заздрить нашій долі:
Важкий то хліб, зароблений у школі,
В її вогні я сам себе спалив,
Як віл у полі серед рідних нив.
Усе спізнав, і щедрий дар любові
В серцях дітей, у їх нехитрім слові.
Коли підуть чутки помежи люди,
Що вже мене нема й ніколи вже не буде,
Не вір, не вір, я буду, поки світ,
Допоки по стежині од воріт
Спішитиме дитя до вчителя з любові
Сказать «спасибі» у нехитрім слові!

1999 р.

Мені так гарно, любо в класі...
Хоча й чужі, та все ж мої
Маринки, Тані, Толі й Васі —
Ці невгамовні солов'ї!
Не заздять тут і не лукавлять,
Як між дорослими бува.
А розіб'ють печалі камінь,

Що часом серце розрива!
Тут тиша-тишенька тремтлива,
Світ чарівної доброти...
Тут України зріє нива,
Яку плекати мусиш ти!

2000 р.

ПРОВИНА

Я сьогодні образив дитину —
Слово зле спересердя жбурнув,
Ніби в душу камінчиком кинув,
Ніби воду линув крижану.
Посмутніли ясні оченята,
Сліз росинками вміть зайнялись...
Ну, кому про біду розказати,
Де подітись тих сліз боячись?

День — не день...
Ятрить серце провина...
Нащо скоїв, явив ту біду?...
Я сьогодні образив дитину.
Я до неї з повинною йду!

2000 р.

ПРИТЧА ПРО СМІХ

Його вигнали з класу
Ще тоді, як біля школи
Клени розгубили червінці.
Діти принесли їх на урок,
І так звабно сміялись,
Що й вчительці захотілось.

Аж рипнули двері — директор:
— Смієтесь?!
І сміху не стало.
І побрів він туди,
Де його виглядали.
А сюди вже ніколи
Й не потикався.

2002 р.

* * *

Цю дівчину я вчу з п'ятого.
Зараз вона в дев'ятому.
Вчора так глянула
На однокласника,
Стала дівчиною...

Аж розцвіло на уроці,
Хоча за вікном
Мороз-морозище.

* * *

Кажуть мені сусіди,
Просить дружина:
— Ну коли вже покинеш
Ту школу?
Є пенсія. Є хліб і до хліба.
Читай непрочитане,
Бався з онуками,
Віршуй на здоров'я!
Ну коли вже?!
А я кожного разу:
— Ось довчу такий-то клас

До останнього дзвіночка,
І крапка — бувай, школо!
Не йме віри дружина,
Бо знає тільки вона:
Шкільні дзвінки
Пройшли крізь моє серце
І бринітимуть доти,
Поки не покличе
Прощальний дзвінок.
Туди, де не сіють, не жнуть...

2012 р.

КРИМ 1.2013

Скільки топчу ряст,
 Мені щось обіцяють.
 Пам'ятаю,
 Тато обіцяв велосипед,
 Та не купив:
 Не вистачило карбованця.
 І я катався на соняшнику.
 І зараз мені обіцяють:
 Президент — підвищити зарплату,
 Вчені — «побороти» жука-колорада,
 Видавці — пустити у світ книжку,

Якщо... допоможуть меценати.
 Скуштувавши гіркого досвіду,
 Я сам нічого не обіцяю:
 Ні президенту,
 Ні видавцям, ні вченим, —
 Боюсь брехуном стати.
 Коли мені щось обіцяють,
 Я згадую слова матері:
 — Синку, не грайся
 В обіцянки-цяцянки!
 Вчися нелегкої науки:
 Говорити правду!

СЛОВО

Так довго не писалося мені!
 Слова не йшли,
 хтозна куди тікали —
 Чи то за море, чи за перевали,
 А чи зникали десь удалині.
 «Не муч себе дарма вже
 стільки діб! —
 Казав собі. — Не пишеться —
 й не треба!
 Невже в наш час, дивак,
 така потреба

Писати вірші? Йди вирощуй хліб!»

І я пішов орати переліг,
 Зерном добірним ниву засівати.
 Й воно — зійшло!

Жадане, ніби свято!
 Явилось ждане зі світів-доріг.

І засвітилось рідне, зацвіло —
 Словечко, слово — ну хіба не чудо?
 Оте, що в пісні маминій почуте,
 Оте, в якому татове тепло.

СХІД СОНЦЯ

ЗАМІСТЬ ПЕРЕДМОВИ

«Схід — справа тонка...» Ця фраза — перше, що спливає на думку чи не кожній людині, котра торкається такої делікатної теми, як культура, звичаї та традиції народів Сходу. Достовірно писати про Схід може фахівець-сходознавець або людина, яка тривалий час мешкала в тих краях, досконало знає історію східних країн. Я не відношусь до названих категорій.

В кінці 80-х років минулого століття за примхами долі разом із сім'єю приїхала на невизначений термін до однієї із закавказьких республік — Азербайджану до нового місця служби чоловіка. Нічним авіарейсом з аеропорту Луганська, де після закінчення чоловіком військової академії проводили чергову відпустку, через дві години опинилась в зовсім іншій природній зоні, іншому часовому поясі в оточенні гамірливого натовпу бакинських таксистів.

Перше, що відчула, ступивши на трап літака, це — інше повітря. Густе, не по-нічному тепле з солодкуватим запахом суміші нафти і моря. Вздовж автомобільної траси Баку–Астара в непроглядній темряві пустельної ночі тьманим освітленням виділялися лише нафтові вежі.

На ранок із вікна нової оселі у військовому гарнізоні Пірсагат побачила «місячний» пейзаж: руда земля, пологі контури гір, утворених за мільйони років викидами грязьових вулканів, а вдалині ледь помітну крізь ранкове марево гостроверху гряди Великого Кавказу. І — красені верблюди! Звична до частих переїздів в північних областях Росії, місцевостях в основному лісистих, ці різючі зміни викликали захоплення. Все оточення — від незвичного пейзажу до зовнішнього вигляду місцевих жителів здавалося суцільною екзотикою. Ті перші враження, які з часом набули більш широких масштабів, залишилися на все життя.

Через багато років, відновивши втрачені зв'язки з добрими приятелями — азербайджанською родиною з сусіднього з військовим містечком села Хидирли і почувши згодом в телефонній слухавці голос з азербайджанським акцентом, я вдруге пережила знайомі емоції. Так з'явився перший вірш «Дзвінок із Баку», який відкрив новий цикл «Закавказзя в спогадах українки». Сюжети моїх поетичних розповідей — це погляд зацікавленої української жінки на нове оточення, відносини з друзями, які належать до національності, етнічно далекої від української, але мають, як виявляється, багато спільного в ставленні до життя, до людини і до світу загалом.

Із циклу «ЗАКАВКАЗЗЯ В СПОГАДАХ УКРАЇНКИ»

ДЗВІНОК ІЗ БАКУ

Спливли роки із пам'яті безодні
(Дарунок долі на моїм віку),
Коли почула в трубці телефонній
Знайомий голос друга із Баку.

Перетинали всяк мої дороги
Той загадковий Схід із краю в край.
Здавалось часом — світ, забутий Богом,
Та раптом зовсім поруч — справжній рай!

Було: пустельний вітер шарпав душу,
Волав під сонцем кам'янистий кряж,
Швиргали хвилі Каспію на сушу
Сльозини нафти на піщаний пляж.

А в той же час у тихій Ленкорані
Пухким вінцем акації цвіли,
Гойдались райські птахи на ліані,
Густі плющі дерева заплели.

Ділились тінню вікові чинари,
Стікали медом дині й кавуни,
Рясніли щедро фруктами базари
Та кликав пряний запах чайхани.

Не знаю я, коли ще доведеться
Мені відвідать той гостинний край,
Дізнатись, як вам в тім раю живеться,
Мої близькі Самая й Агадай.

НОВОСПЕЧЕНА БАДЖІ*

Кочового не маю коріння
Та домівку міняла не раз.
То ж в самісінькій фазі цвітіння
Занесло мене аж за Кавказ.

До литок опустила спідницю,
Під рукав заховала плече,
Зажила, як на Сході годиться
І сумління мене не пече.

Я на думці себе упіймала:
Пізнаю, хто — вірмен, хто — грузин,
Відтепер мені звичними стали
Павичі, фейхоа, розмарин.

З апетитом вживаю мацоні,
Лавашем називаю коржі,
Перемазала хною долоні,
Оглядаюсь на оклик: — Баджі!

Поважають дорослі і діти,
Наче все, як годиться роблю...
Але погляд гарячий джигіта
З задоволенням завжди ловлю.

* Баджі (азербайджанське) — сестра.

Коли сонцем баштан переповниться,
А з овечок закапає жир,
У садах дозріває смоковниця,
Вона ж — фіга, вона ще й — інжир.

Генетично — мені рідне сало
І нудьгую за вишнями я.
Але все ж від життя не відстала —
Пахне фігами хата й моя.

Поважали смоковницю стоїки,
Простолюдини і королі.
Вже готові до розливу слоїки
Й на моєму кухоннім столі.

А про вишні — тут тільки розмови.
Гарний фіги дають урожай!
З екзотичним варенням фі...рмовим
Подаватиму милому чай.

СХІД СОНЦЯ

Зі стрімкого мінарету
Прочитав мулла намаз.
Запитав у сонця злету —
Вдарив ранок в срібний таз.

Сонно мружиться на дечках
Помаранчевий урюк,
Відізвилися овечки,
Забажав вівса віслиук.

В синім тлі голівка сиру
Зникла з зоряним ковшем,
Покотилось із тандиру
Сонце теплим лавашем.

Заскрипіли вікна, двері:
Стуки, грюки, дзень-дзелень!
В буркітливій атмосфері
Розпочався новий день.

КАРАВАН НА МАГІСТРАЛІ

Крізь марево не видно в чому річ.
На магістралі скупчились машини,
Круті авто тулились до узбіч,
Лишали слід від гальмування шини.

Живий пейзаж чи міражів обман?
Із вікон повисовувались люди.
Перетинав дорогу караван,
Тримали гордо голови верблюди.

З прадавніх літ — в вік сотових мереж,
В шалений рок — від звуків менестрелів

На фоні нафтових ребристих веж
Пливли асфальтом кораблі пустелі.

Верблюдів чемно пропускав експрес —
Заворожила стриманість і грація.
І гальмував у захваті прогрес,
Котилася в кювет цивілізація.

СУСІДИ

Сусіда мій — стрункий, немов бамбук.
І в мене не зіпсована осанка.
Йому пасує білий архалук,
Мені яскрава личить вишиванка.

Глухих між нами не існує брам —
Розділені садиби перелазом.
Мою родину кличуть на Байрам,
Стрічаємо Великдень з ними разом.

Щодня частує вістками зі ЗМІ,
Я пригощаю у спекоту квасом.
Радіє він, що знаю Нізамі,
Мені вгодив, цитуючи Тараса.

Зі слів сусіда я — його баджі,
Я, відповідно, зву сусіда братом.
Коли із ним зустрінусь на межі,
Завжди цікаве є що розказати.

Летять із вікон репліки меткі
З обох боків у наші рівні спини.
То із своїх насиджених кутків
Жартують ревно наші половини.

ПЕЧЕ ЛАВАШ ЗЕЙНАБ-ХАНУМ

Струнка постава у Зейнаб-ханум,
Високі груди, чорні змії-брівки,
І хоч люстерко навіває сум,
Та спритність має молодой дівки.

Сховалась в тінь під лози-павуки.
З вікна мотиви линуть безкінечні.
Було б іще у поміч дві руки, —
Вони сьогодні — ой, які доречні.

Та в тім нема великої біди,
Тож не тривожить серце від розпуки.
Позичила в сусідки Фаріди
Годин на дві її майстерні руки.

Перепічки мигтять, мов палаші,
Лягають в тацю після перепалки.
Зейнаб знімає з дека лаваші
Та крутить тісто Фаріда на скалку.

Чаклюють вдвох біля вогню вони,
З вікна у двір господар поглядає:
Що не кажи, а кращої жони
З чоловіків ніхто в селі немає.

У БАКИНСЬКОМУ МЕТРО

Поїзд хутко залишає шумних станцій караван:
«Нефтчіляр», «Кара Караєв», «Наріманов Наріман».

Наростає шумовиння, але звучно чую я,
Як в душі моїй співає син Бюльбюля (Солов'я).

Не дримає красень жодний, сон затримав турнікет.
Скрізь панує всім відомий закавказький етикет.

Варто в дверях появитись молодичці чи ханум —
Є підстава відхилитись від читання і задум.

А якщо іще й біленька та красива із лица,
Пропонуються в вагоні із усіх боків місця.

Підключається активно у підземний колоброд
І вусатий і безвусий темпераментний народ.

...Ходить думка, що в підземці енергетика не та,
Домінує мов над світлом негативна темнота.

Мабуть інше в хлібосольнім мегаполісі нутро,
Бо емоцій позитивних я набралася в метро.

Чинить лемент ішак голосний,
Звучно линуць овечі хорали.
На майдані півколом тісним
Приземлились мужі-аксакали.

Пухне стрімголов натовпу гам
Із доречним ослиним вокалом.
Відпускають: — Алейкум салам!
Перехожим старі аксакали.

Зважив чітко всі проти і за,
Записав розрахунок у книжку,
Ціни визначив крамар Мірза,
Врахувавши різницю на знижку.

Пахнуть кави та спецій ряди,
Виростають пучечки з кінзою,
Серед фруктів тісної гряди
Вже не видно старійшин
з Мірзою.

(Гарний перський у нього товар, —
З ним не сором на люд показатись,
Та на те ж і існує базар,
Щоб на ньому могли торгуватись).

Чим скінчиться торгівля оця?
Знаю певно: без горя і смутку.
Буде гарний товар в покупця,
Буде й крамар з чималим
прибутком.

Шовк атласний, парча, оксамит,
У сережках — агат з бірюзою,
У намисті — гранат, лазурит, —
Доставлялись з Ірану Мірзою.

РОЗДУМИ ОСЛИКА У НОВОМУ ДВОРІ

«... Ой, не завидна доля у осла.
І чим кому тварина завинила?
Усе життя в'юки кудись несла
І опору фактично не чинила.

Ну, попручається коли бува —
То це ж так звіку-прАвіку годиться.
Чому ж вороже ставиться сова
Й не поміча хазяйська верблудиця?»

Узятий не за безцінь на торжку,
На їх нечемність дивиться похмуро.
Сіпнув трави пучечок у стіжку,
Повісив вуха й голову понурив.

«... А хай їй грець, тій пташці угорі.
Вже вибачу її натуру горду.
Та й верблудиця — змалечку в дворі —
Спасибі, що не плюнула у морду.

Ось незабаром вийде в двір баба*,
Візьме свого маленького онука

* Баба — дідусь (азербайджанське).

І стежкою, де не пройде гарба,
У гори втрюх підіймемось на луки.

А там — роздолля, квіти і трава,
З джерел фонтаном б'є смачна водиця.
Про те не знає птаха степова
Й не снилось норовистій верблюдиці».

Вернулись із чималеньким тюком
З гірською соковитою травою.
І чебрецем запахло молоко
Верблюже із ранкового удою.

НІЧНИМ АВІАРЕЙСОМ ДО БАКУ

Ступлю на трап із борту літака
В палкі обійми оксамиту ночі.
І закружля феєрія п'янка
У хвилях снів і спогадів дівочих.

Вдихну знайомий теплий аромат
Морської нафти із солоним бризом
І, певно, кине пам'ять компромат
Якимсь новим вигадливим
сюрпризом.

Із поцілунком ночі на щоці
Від двигунів пронизливого свисту

Щаслива із валізою в руці
Пройду неспішно коридор таксистів.

І у кареті, поданій мені,
Де шлях освітить місяць
круглолиций,
Я до твоїх привабливих вогнів
Помчу на зустріч, зоряна столице.

Нехай слова поцупили роки,
Пробіл лишили в мовнім арсеналі,
Тебе я знову зватиму Баки —
Так, як звучить ім'я в оригіналі.

Валерій БАСИРОВ
(м. Сімферополь)

Народився 11 вересня 1947 року (с-ще Сама Івдельського р-ну Свердловської обл., Росія) — поет, прозаїк, перекладач. Автор тридцяти окремих видань.

Лауреат багатьох літературних премій України та Росії.

ТОДІ, В П'ЯТДЕСЯТИХ...

АВТОБІОГРАФІЧНА ПОВІСТЬ

1. РОЗСТРІЛ

Сніг.

Він пом'якшив в обмороженому просторі різкі обриси бараків, колючого дроту, дерев. Його вже стільки, що неможливо визначити напрямок падіння сніжинок: чи то небо неспішно затягує в химерні сіті день, чи то примарне світло саме розставляє їх.

Вітер знесилів і спіткнувся об широкі лапи ялин, підім'ятих тяжким тягарем негоди.

Поруч з невеликим будинком, чортихаючись, солдати відгрібають сніг від колючого дроту.

Дротом обплутано табір для ув'язнених.

В будинку, де жив обслуговуючий персонал табору, загроюкали двері, почулися голоси. Для його мешканців починався трудовий день. Від стуку прокинувся і Віталік.

Мама стояла біля вікна, мерзлякувато цулячись. На її худеньких плечах була накинута тонка шаль, подарована Віталіковою бабусею.

— Мамо, — тихо покликав він.

— Проснувся, мій маленький, — вона опустила на коліна перед ліжком і притислась до його щоки.

— Зараз умиєшся і будеш снідати.

— На дволі вітел? — гаркаво запитав хлопчик, розбризкуючи з тазка теплу воду.

— Ні, уже затих. Ох і снігу намело! — захоплено вигукнула мати.

— Мерщій сідай за стіл, мені вже час.

— Ма, можна я потім поїм?

— Тільки дивись мені, — вона з удаваною суворістю погрозила йому, — гуляй біля дому.

Несподівано гримнув один постріл, другий, третій... Здалеку долинув глухий тупіт копит, іржання коней.

Хлопчик зісковзнув з табуретки і кинувся до вікна.

— Мамо, мамо... Поглянь, — у відчаї закричав він, — їх убивають...

— Кого?

— Он там... — Він тицяв пальчиком у шибку, дихав на неї, колупав нігтями паморозь. — Бачиш?

Тепер вона бачила. На відгородженому майданчику розстрілювали коней. Солдати стояли на вишках і пострілами ганяли коней по колу.

Вона згадала наказ начальника табору капітана Шергаєва, який було віддано напередодні командирів взводу лейтенанту Агонову: “Всіх активованих коней розстріляти. Туші вивезти в ліс і закопати...”

— Мамо, момо, для чого їх так?

— Це хворі коні, синку. Розумієш, хворі.

— Ну й що? Адже вони теж хочуть жити... — заливався слізьми Віталік, здригаючись усім тілом при кожному пострілі.

Коней, що мчали по колу, ставало все менше і менше. Чистий сніг перемішався з кров'ю.

А солдати все стріляли й стріляли по закривавлених крупах. Коні хрипіли, кидалися із боку в бік, натикаючись на колючий дріт, і падали навзніч.

Із бараків висипали в'язні, нахмурившись, спостерігали за розстрілом.

Залишився один кінь. Він уже не міг бігти, а тільки повільно ступав серед трупів. Малинова слина стікала по худій довгій шиї і капала під копита. Кулі легко впивалися у його тіло. Після кожного пострілу кінь махав головою, похитувався, але йшов далі. Потім у нього підломилися передні ноги і кінь вткнувся вищиреною мордою в сніг.

Постріли стихли.

І тиша, яка відразу запанувала довкруг, раптом здалася настільки безглуздою, що дерева зашуміли, скидаючи з себе цілі гори снігу.

Мати зітхнула і схилилася до сина:

— Не треба плакати, мій маленький, не треба... Мені теж їх шкода, та що вдієш...

Вона хотіла погладити його по голові і вже простягнула руку, але хлопчик відсахнувся назад, а в очах, наповнених сльозами, тремтів такий біль, що мати не наважилась доторкнутися до сина.

— Що вдієш... Що вдієш... — захлинався він. — Дорослі завжди так... Злоблять щось недобре, а потім кажуть, що так тлалося. Коли я вилосту, я не буду таким...

— Тобі тільки шість років...

— Нічого, я вилосту дуже швидко.

Він шморгнув носом і поплівся в куток, де на підлозі лежали книжки.

Мати застєбнула бушлат, трохи постояла, а потім спитала:

— Ну я піду?

— Йди, — байдуже відповів хлопчик.

Як тільки мати завернула за ріг будинку, Віталік зірвав з вішалки шапку, шубку і, одягаючись на ходу, вибіг надвір.

Відразу ж за порогом починалась тайга. Сніг ще знехотя сіявся, але сонце, затиснуте з усіх боків хмарами, вже висвічувало верхів'я дерев.

Від будинку до самого табору бігла стежина, тонучи в глибоких заметах. По ній котилася маленька постать хлопчика.

— Ти куди? — чи то запитуючи, чи то лаючи, погукав солдат біля прохідної.

Він, певне, змерз. Обличчя фіолетового кольору було закутане в широкий комір кожуха. Навіть очі його від холоду стали фіолетові.

Віталік знав усіх, але цей солдат був йому незнайомий. Він в нерішучості зупинився.

— Я кого запитую? — почулося знову звідкись з кожуха.

— До мами, — пролепетав хлопчик, закусивши нижню губу.

— Я тобі дам “до мами”. А ну марш додому.

— Що трапилось? — біля солдата зупинився Аносов.

Солдат виструнчився:

— Товаришу лейтенант, він на територію...

— Пропустіть. Це Валин син...

— А я хіба що... Я нічого... Хай собі йде, — низавши плечима, продовжував бурчати, — Валин син. А хто вона така?

— Рядовий Ігнат'єв, припинити розмови, — обізвав його лейтенант, а потім додав: — Не поспішайте. Ще визнаєте. А його, — він кивнув в бік хлопчика, — не смійте кривдити. Йди, йди, — легенько підштовхнув Віталіка в спину.

За прохідною КП Віталік озирнувся. Андрій Іванович Аносов завернув до штабу, а солдат знову сховав глянцево посиніле обличчя в комір кожуха, і, притопуючи на місці, здавалось, пританцював.

2. В БАРАКУ

В кожному бараку у Віталіка були свої знайомі і навіть друзі, які робили хлоп'яті цікаві іграшки, розповідали захоплюючі історії, казки. І він любив ці іграшки і казки. Іграшки завжди були красиві й веселі, а казки чомусь сумні, зате зі щасливим кінцем.

І от зараз він зупинився в нерішучості: в який барак іти? Найближче був десятий. До нього й повернув Віталік.

— Марфо, твій вихованець прийшов, — погукав хтось хриплим голосом, як тільки-но хлопчик зачинив за собою двері.

Він підвів голову. На другому ярусі нар сиділа молода жінка, звисивши худі ноги в незграбних черевиках.

— Чого витріщився? — захрипіла вона і заразливо позіхнула, по-

казуючи два ряди рівних красивих зубів. — Там твоя Марфа. — Вона невиразно і в'яло махнула рукою кудись углиб барака.

— Я тут, Віталіку, — до нього, важко дихаючи, квапливо йшла товста жінка. — Захворіла я трохи, — додала вибачаючись. — А ти чого, безсоромна, хлопця лякаєш, — кинула вона з докором жінці в черевиках.

— Та йди ти зі своїм пацаном... — злобно лайнулась та. І видавила: — Чистоплюйка.

— Ходімо звідси, ходім... — Марфа взяла хлопчика за руку. А вслід летіла лайка і злобні вигуки:

— Доброю стала, лярва... Бачили ми таких. Все одно здохнеш разом з нами. А на тому світі всі однакові.

— Бог з тобою, Бог з тобою, — набожно хрестилась її сусідка.

— Замокни, суко христосівська.

— Я мовчу, мовчу, мовчу... — все так же хрестячись, злякано лепетала та.

— Я потім плибіжу, можна? — запитав Віталік, задкуючи до дверей.

Марфа лагідно погладила його по голові:

— Не звертай уваги. Наталка часто такою буває. А взагалі вона непогана. Новенька. Її з іншого табору до нас перевели. — Вона підсунула табуретку. — Та ти сідай, сідай.

— А чому в тьоті Наталі такі великі черевики?

— Вона навмисне їх взула.

— Для чого?

— А щоб не працювати, малолітній дурнику, — обізвалась тьоття Наталя, — і добре жерти.

— Вона в черевики насипала камінців. Взула туди ноги і міцно зашнурувала. А якщо посидіти на нарах кілька годин, ноги набряка-

ють і людину направляють до санчастини, — пояснила Марфа.

— Нехай лиш тільки твій виронок продасть, — тьотя Наталя знов вилаялась, — згадаеш тоді мене, Марфо.

Двері гучно грюкнули. Хтось поруч зашикав: “Тихіше, хазяйка прийшла”. І кілька людей відразу загукали:

— Привіт начальниці...

— Мерщій ховайся під нари, — зашепотіла Марфа Віталику. — А то влетить мені за тебе.

Хлопчик заліз в куток під нарами і завмер. Спочатку він ледь розрізнув тихий грудний голос матері серед галасливого хору в'язнів: “Знов було тухле м'ясо... Сама пий чай без заварки... Задавили сухою картоплею... Конину давай...” Потім зовсім близько він помітив мамині валянки.

— Марфо, — спитала мама, — ти Віталіка не бачила?

Марфа, мабуть, як зазвичай, низала плечима, тому що мама розгублено здивувалась:

— І куди він міг дітись? Мені сказали, що він зайшов до цього бараку.

Двері зачинились. Марфа заглянула під нари:

— Вилазь, вона вже пішла. Посидиш трохи і додому, — вона нагнулась до хлопчика. — Я зробила для тебе попільничку з морської черепашки. Не віриш? — спитала вона, помітивши недовірливий погляд хлопчика. — Ось подивись. — Марфа обережно дістала з-під подушки попільничку. Погладила її для чогось, а потім подала Віталику: — Тримай, — і тихо додала: — На згадку про мене...

3. СУТИЧКА

Довгий незатишний барак, колись давно пристосований під штаб, стояв осторонь від інших будівель на невеличкому п'ятачку табору, відокремленого від нього двома рядами колючого дроту з вузьким проходом, який завжди охоронявся вартовими, а вночі — ще й собаками, хоча в цьому не було ніякої потреби. Втекти практично було неможливо. Офіцери, які служили тут не один рік, розповідали, що за весь час лиш кілька чоловік намагалися це зробити. Але марно. Деяких знаходили в тайзі замерзлими, а інші поверталися самі у порваному одязі, з пошкрябаним і обмороженим обличчям.

На сотні кілометрів довкруг панували тайга і болота. Вузькою стрічкою зміїлась дорога, або як її тут називали, лежньовка. По ній привозили продукти, а інколи й пошту. По цій дорозі-лежньовці надходило нове поповнення в табір з числа злодіїв, шахраїв, хабарників, розтратників та інших нездорових елементів, як їх ще інколи називають. Початок цієї дороги служив благословенням для в'язнів, які відбули свій термін покарання і поверталися нею до людського життя. Та було чимало таких, які цією дорогою прийшли в табір, але більше ніколи на неї так і не ступили...

Віталік також приїхав сюди цією дорогою. Але коли, ніяк не міг пригадати. Інколи йому здавалося, що він і народився тут, в таборі, за колючим дротом. Однак ця дорога також манила його і кликала за собою. Він вже давно відвик від живих дитячих голосів. Діти йому тільки снились. Одного разу, сидячи у маминому кабінеті, він почув, як за дощаною стіною Сергій

Шалвович Шергаєв з кимсь розмовляв по телефону. “Що ж накажете мені робити, — басив Сергій Шалвович, — звільнити її? Рапорт за рапортом подає. Синові в школу пора...” Потім він замовк і тільки зрідка коротко погоджувався: “Так, так, так...” А в кінці розмови сумно зітхнув: “Ну що ж, доведеться переводити.”

“Це про нас, — зрадів Віталік. — Ми поїдемо звідси. Еге ж, мамо?” — спитав він.

“Стане менше робити, поїдемо”, — сказала вона.

Але минали дні, місяці... Вони не їхали і роботи не зменшувалось. Мати приходила додому пізно увечері стомлена, знервована. А вночі плакала. Вранці йшла в табір з “мішками” під очима. Коли таке траплялося, Сергій Шалвович викликав її до кабінету. “Так, так, — починав він сердито, походжаючи з кутка в куток, — гм... Так, так... Ну що мені з тобою робити? Значить так: зараз йди до дому, заспокойся. А потім прийдеш. Завтра ми щось придумаємо”.

І мати йшла. А завтра повторювалося усе спочатку. Офіцери поміж собою з цього приводу зубоскалили: “Щось тут нечисто”. Поступово чутки просочилися до в’язнів і тривалий час були темою їхніх розмов: “Невже це правда?” — дивувалися одні. “Не може бути”, — заперечували інші. А деяких брали сумніви: “Валя зовсім ще молода... Та й для чого їй плішивий бахур? Пес після гонореї та й то гарніший”. Але всі вони зійшлись на одному: якби там не було, а Валю відпускати не можна. Нехай собі живе з “плішивим”. Школи нема — теж не біда. Можна відкрити. За вчителами затримки не буде (серед в’язнів була кандидат історичних наук). Її й обрали директором “школи”.

Дізнавшись про цю затію, Сергій Шалвович спочатку нахмурився, а потім посміхнувся і махнув рукою: “А що? Годиться”. — вилицювате обличчя засвітилося радістю. — Відведемо якусь частину барака і нехай собі вчиться на здоров’я”.

Але коли він своєю радістю поділився з оперуповноваженим Павлом Гнатовичем Агоновим, той міркував інакше: “По-перше, товаришу капітан, цього робити не можна. Настав найвідповідальніший період. Після смерті Сталіна ми повинні мобілізуватися, ніяких потурань. А по-друге... Міркуйте самі. Чого може ця шуваль навчити дитину? Але я хвилююсь зараз навіть не про це. Припустимо, він буде тут вчитися, жити... А чи не станеться так, що ми виростимо злочинця?” Сергій Шалвович розгнівався: “Цього разу, любий Павле Гнатовичу, ви перегнули палицю”.

Коли він гнівався, його обличчя жовтіло, а лисий череп покривався крапельками поту й поступово червонів. Волосаті м’ясисті пальці судорожно починали вибивати уривчастий дріб. У таких випадках присутні, знаючи крутий норов начальника, намагалися негайно залишити кабінет. Але Павло Гнатович і не думав виходити. Він неквапом дістав з кишені пачку “Біломора”, розім’яв цигарку і затягнувся. “Я давно хотів з вами поговорити, — сказав він, — як комуніст з комуністом. Усілякі розмови ходять по табору. Гаразд, коли б уже тільки поміж нами, а то ж в’язні сміються”. “Я вас не розумію, — різко відповів Сергій Шалвович. — Врешті-решт це моя особиста справа...”

“Ваша? Помиляєтесь. Начальник табору злигався зі своєю підлеглою, наглядачкою...” “Припиніть!” — закричав не своїм голосом Сергій

Шаллович, бризкаючи слиною. “Зараз же припиніть”, — вигукнув він ще раз і боком опустився на стілець. “А для чого ж нервувати, — спокійно заперечив Агонов. — Свічарська молода, одиначка. Непогана на вроду. Можна навіть сказати гарна. Але ж не можна втоптувати жінку в багно. Чи ви гадаєте, що вам все дозволено? І до того ж ви їй у батьки годитеся”.

Капітан Шергаєв дістав зі столу кілька таблеток, проковтнув і втомлено заплющив очі. Його важка фігура зсутилася від чого він став схожим на мішок з борошном. Павло Гнатович щось ще казав, але дивна річ, Шергаєв не чув його слів. Він тільки відзначив про себе, що в лейтенанта красиві губи. Для мужчини, певно, дуже красиві. Вони якось нехотя і химерно вигинались, коли їх власник випльовував нову порцію безпідставних звинувачень, котрих він, стара людина, боявся. І боявся зовсім не тому, що вони ображали його самолюбство, ні. Просто він тривожився за долю жінки, яку (так він гадав), не будь його поруч, образить ні за що кожен. І в першу чергу цей сльоттяй, який не знає нічого про життя, крім інструкцій і розпоряджень з управління. “І доган в нього буде менше, ніж у мене, — подумалось ще Шергаєву, — коли займе моє місце”. Він пригадав, як уперше побачив Валентину.

Шергаєва викликали в управління. Після наради полковник Харкін його залишив: “Невеликий сюрприз, Сергію Шалловичу, — пояснив він. — Табір у вас жіночий. А жінці з жінкою легше воювати, як ви гадаєте?”

Капітан Шергаєв розгублено розвів руками: “Не знаю, товаришу полковнику”. “А я знаю, — розсміявся він. — Так от, кілька жінок

наглядачок у вас вже є. Посилаємо до вас старшою наглядачкою ще одну. Зараз познайомлю”.

За кілька хвилин до кабінету постукали і на порозі з’явилась дівчина: “Ви мене викликали?” — звернувшись вона до полковника. “Так, проходите, — відповів він. — Ось, познайомтесь, Сергію Шалловичу, — Валентина Антонівна Свічарська”. Шергаєв машинально подав руку і відчув тепло маленької долоні.

Шергаєв посадив Валентину Антонівну з сином до кабіни “півторатонки”, а сам влаштувався у кузові на двох великих чемоданах нової підлеглої. Всю дорогу і вже потім, у таборі, коли він поселив Свічарську до однієї з порожніх кімнат будинку, Сергій Шаллович намагався уявити собі цю ще зовсім молоду жінку серед горлатих в’язнів. І не міг. Йому здавалось, що вона не витримає день у день перебувати в мерзенному і нищому оточенні. Попередивши всіх в’язнів про появу нової людини в таборі, Шергаєв вжив усіх запобіжних заходів. Дивно, але люди, які не корилися окрикам солдатів і офіцерів, слухалися Валентину, хоч вона ніколи не підвищувала голос. І все-таки Шергаєв боявся за неї.

І чи не ця, можливо, зайва опіка з його боку й породила за його спиною плітки. Він визнавав свою провину тільки в тім, що не хотів відпускати Валентину. Та на це були свої причини. Він боявся, що з її від’їздом в’язні знову перестануть слухатись. А ще ця жінка дуже нагадувала йому Валю. Його Валю, яка померла у сорок першому в нього на руках...

Агонов підвівся, осмикнув гімнастерку і сухо повторив: “Я телефонуватиму в управління”. Сергій Шаллович не ворухнувся, тільки в’яло махнув рукою.

4. МУШЛЯ

— Де ти був? — кинулася мати до сина, коли він зайшов до неї в штаб. — Я вже усе скрізь обходила...

Віталику опустил голову. Носком валянка совав по підлозі і мовчав. Мати похитала головою:

— Знову в бараку, — сумно мовила вона, помітивши в руках попільничку. — Ох і влетить мені колись за тебе...

Вона підсунула табуретку до пічки...

— Лишенько ти моє, роздягайся і сідай сюди, погрійся. Не руки, а крига, — сказала вона, допомагаючи Віталику роздягнутися.

Розглядаючи попільничку, вона дивувалась:

— Яка тонка робота. Це ж справжня мушля! Як вона потрапила до табору? Хто тобі її дав?

— Малфа.

— Марфа? Невже з Одеси привезла? Як же вона уберегла мушлю під час обшуку? Посидь тут, — вона швидко вийшла з попільничкою з кабінету.

Капітана Шергаєва у себе не було і вона зайшла до оперуповноваженого. Лейтенант Агонов сидів за столом і переглядав особові справи ув'язнених, готуючись до амністії.

— Свічарська? — Агонов підвівся із-за столу. — Проходьте, сідайте. — Він підсунув їй стілець. — Я вас слухаю.

— Товаришу лейтенант, розумієте, мені здалося дивним... — хвилюючись почала розмову Валя.

— Що саме? — перебив її Агонов, впритул розглядаючи жінку і визначаючи про себе, що вона справді приваблива і що його начальник не дурень. Він упіймав себе на тому, що навіть заздрить йому. Більше того: не відмовився б побути на його

місці. А яка вона гарна, коли хвилюється! Ледь помітна блідість рівно проступає на обличчі. А очі поступово темніють, темніють...

— Так, так, я вас слухаю, — спохватився він, помітивши розгублений погляд жінки.

— Ось, — вона поставила Агонову на стіл попільничку.

— Красива. Звідки вона у вас? — поцікавився Павло Гнатович.

— Син приніс... Марфа йому подарувала... — почала плутано пояснювати Валя. — Я боюсь, аби вона з собою нічого не скоїла.

— Чому?

— Адже Марфа з Одеси. Її там судили, розумієте? І цю мушлю вона, напевне, привезла з собою. Чотири роки переховувала в бараку, а тепер раптом віддала...

— Ну й що?

— Людина ніколи добровільно не розлучиться з річчю, котра їй хоча б чимось нагадує рідні місця, близьких...

— Заспокойтеся, — усміхнувся Агонов. — Ваша Марфа не така сентиментальна, як ви. Їй наплювати... — він махнув рукою. — А попільничку віддайте синові, хай грається. Забавна дрібничка, — сказав він, повертаючи мушлю.

— Дозвольте йти?

Агонов кивнув головою і відразу спохватився:

— А втім зачекайте... Я ось про що давно хотів у вас запитати. Ви справді збираєтесь звільнитися?

— Так, — тихо відповіла Валя.

— А чому? Адже у вас є робота, хороший оклад, пайок...

— У мене ж син росте. Йому вчитися треба... Товариш капітан не хоче відпускати...

— А ви їдете разом з ним, — підказав Агонов.

— Як це "разом з ним"? — не зрозуміла Валя.

— Незабаром Сергію Шалвовичу на пенсію. Вашому сину потрібен батько, а вам чоловік...

— Та ви що? — обурилася жінка. Щоким її почервоніли, навіть вуха стали рожевими.

— Ну пробачте, Свічарська, — посміхнувся Агонов, — якщо я вас образив. Це я так, пожартував.

Він дивився, як вона квапливо пішла. Її тоненька фігурка легко висковзнула із кабінету. “Гарна” — не без захоплення ще раз відзначив про себе Павло Гнатович.

5. ВОВКИ

Їх було багато. Вони й раніше зрідка з’являлися біля дому і дроту, дражнячи сторожових собак, які шалено розлючувались: довга і густа шерсть на їхніх загривках дибилась і видавала нервову дрож. Вони кидалися на дрот і захлиналися лютим, аж до хрипоті, гавканням. Вовки їх не боялися, не звертали на собак уваги: вони були заклопотані пошуками поживи. Вони лише побоювались сторожових вишок, звідки солдати відкривали безладну стрілянину, інколи вдалу. Так було й цього разу.

Зграя ланцюжком ішла за своїм вожаком по кров’яних плямах, залишених після розстрілу коней. Біля будинку вони розділилися на дві групи. Більша притислася до стіни, а друга, з вожаком припала до снігу і повільно рушила далі.

Проміння прожекторів виїло шматок ночі біля зовнішнього ряду дроту. Темнотою, котра була поза табором, користувалися вовки, але завжди безрезультатно. Зайвої їжі в таборі не було. Цього разу увагу звірів привернули до себе великі бочки. Їх давно збиралися вивезти з табору. Чекали на транспорт. Ко-

лись ці бочки були наповнені оселедцями, нині ж вони були порожні і зберігали тільки запах.

Собаки пронюхали вовків, але не гавкали, тільки злобно, час від часу, гарчали. Вожак рвучко відштовхнувся від злежалого снігу. Його худе тіло, відірвавшись від землі, майже відразу завершило політ і зникло в бочці. Ще кілька тіней метнулось до бочок. І тої ж миті пролунали постріли, перекриваючи шалений гавкіт собак.

Віталік не спав. Він, закутавшись в ковдру до самісінького підборіддя, дивився у вікно. Постріли лунали з усіх боків, але нічого не було видно, принаймні, навпроти вікна.

Несподівано до шибки притислось чиесь обличчя. Віталік придивився і здригнувся: великий вовк заглядав до кімнати. Потім він якось дивно помахав перед собою лапою і раптом з усього розмаху ударив по шибці. Дрібні скалки скла посипалися на сніг. Вовк зник...

Хлопчик обережно, щоб не розбудити маму, зліз на підлогу. Біля пічки намацав кочергу і підійшов до вікна. Постріли ущухли і собаки замовкли, знову запанувала тиша.

Вранці Віталік ніяк не міг проснутись. Він виразно чув кроки мами, запах вареної картоплі, знав, що вже не спить, але розплющити очі ніяк не міг. Тут він згадав про нічного гостя і відразу підхопився.

Мати розсміялась і дала йому дзеркало:

— Глянь, на кого ти схожий...

Тільки зараз Віталік помітив, що й досі стискує в руках кочергу, яку обнімав всю ніч. Руки, обличчя, ноги були в сажі. Чорні смуги лишилися і на постелі.

— Я сьогодні міцно спала, —

сказала мама, — нічого не чула. А ти навіть воював...

Вона підійшла до сина і забрала в нього кочергу.

— Багато було вовків?

— Я бачив тільки одного, великого-великого.

— Який нам вікно розбив?

— Егеж.

Хлопчик уже хлюпотів водою в тазу, розмазуючи руками сажу.

...Убити вдалося чотирьох вовків. Трьох витягли з бочок, а останнього найшли ще живого далеко від табору. Коли солдати попрямували до нього, намагався підвестись. Але лапи вже не слухались, підгинались. І все ж він встав, зробив навіть кілька кроків у напрямку людей, а потім упав.

— Готовий, — сказав один із солдатів, ударивши кілька разів чоботом по ребрах звіра і мовив: — Ну й худющий.

Вовків повкидали в яму і загорнули снігом. А за чверть години про нічну пригоду вже і не згадували: з бараків виходили в'язні і шикувалися біля прохідної. Конвой, розбивши їх на бригади, відводив працювати на лісоповал.

— Усі? — запитав капітан Шергаєв в наглядочки Софії Кротової, коли остання бригада залишила табір.

— Так, товаришу капітан. Усі, крім Гурієвої з десятого.

— А що з нею?

— Знов щось з ногами. Відправили до санчастини.

— Перевіримо бараки і зможете відпочити, — сказав Сергій Шалвович.

Нари в десятому баракі було дбайливо застелено. Пізній ранок, скупий на світло, здавалося, не хотів а чи боявся зазирнути у вузькі вікна. Напівтемрява ховалася по кутках і не збиралася залишати

приміщення. Затхле і кисле повітря спирало подих.

— Скільки разів я вимагав провітрювати барак, — невдоволено мовив Сергій Шалвович, — тут задихнутися можна...

— Ой! — несподівано скрикнула Соня. — Товаришу капітан, — злякано покликала вона, — гляньте...

Обличчям донизу на нарах лежала жінка, напівприкрита ковдрою. Руки по лікті були притиснуті животом, одна нога звисала з нар.

Шергаєв відкинув набік ковдру і завмер: на простирадлі засохли патьоки крові...

— Допоможіть, — пошепки попросив він Соню.

Вони удвох обережно перевернули жінку на спину. Капітан схопив холодну руку ув'язненої, але пульс не прослухувався, серце вже не билось.

— Негайно в санчастину, — наказав Кротовій. — Хоча не треба. Пізно, — передумав Шергаєв.

Він нагнувся і підняв з підлоги кусочки тонкого скла із запеченою кров'ю: "Звідки воно?" Задер голову. Під стелею розбита лампочка.

Кротова, не розуміючи куди дивиться начальник, теж подивилася вгору.

— Вона розбила лампочку і склом порізала вени, — пояснив Сергій Шалвович. Він поморщився і попрямував до виходу. — Накажіть, щоб її забрали звідси.

Сергій Шалвович не на жарт стривожився. В його таборі самогубств ще не було, за що зрідка ставили за взірець начальникам інших таборів. Помирати — помирили, але самогубств ще не було. Щоправда, траплялось інколи, що ув'язнені намагалися порізатися або завдати собі ще які-небудь калі-

цтва, та це робилося з інших причин: покалічений отримував кілька днів відпочинку..

Переглядаючи особову справу Марфи Олексіївни Ніколаєвої, колишнього головного бухгалтера будівельного тресту, капітан майже не звертав уваги на скупі анкетні дані. Вони його не цікавили. Про життя цієї жінки він знав набагато більше з інших джерел.

Не так давно, років три тому, в таборі з'явилася мати ув'язненої, зовсім старенька жінка. Вона не плакала, як це робили приїжджі родичі, і ні про що не просила. Просто поклала на стіл цілу купу грамот, характеристик, якихось довідок. Коли він запитав, для чого йому ці папери, вона, соромлячись своєї скромності, сказала: “А ти, синку, не гнівайся... В цих паперах усе життя моєї Марфуші. Щороку давали... І на тобі — злодій...” Він і не гнівався. Навіть дозволив побачення з дочкою і допоміг старенькій дістатися до найближчої станції. А грамоти справді вручали Ніколаєвій часто. Але й був суд за розтрату...

Коли він зацікавився справою Ніколаєвої, його несподівано попередили: “Начальник табору — не адвокат. Займайтеся своєю роботою”. Згодом Шергаєв дізнався, що в розтраті винен керуючий трестом і що його теж засудили.

Сергій Шалвович відклав справу вбік, підійшов до вікна. Важко зітхнув: “Старію. Нерви щось здають. Невже своє відпрацював?”

До кабінету увійшла Софія Кротова:

— Товаришу капітан, Ніколаєву забрали.

— А постіль?

— Вже змінили.

Він кивнув головою.

— Гаразд. Покличте Агонова.

Софія вийшла. І зразу ж з'явився лейтенант Агонов. “Усі зібрались” — задоволено зауважив Шергаєв.

— Андрію Івановичу, займіться похороном. Ніколаєва в холодній.

Агонов чекав наказів, але їх не було. Шергаєв відвернувся до вікна і глухо мовив:

— Поховайте як слід...

Агонов вийшов. Його вже чекали лейтенант Аносов і старшина Якунін:

— Ну як він?

— Як, як?... Зрозуміло, переживає...

Двері тихо відчинились. На порозі стояв Сергій Шалвович:

— Заходьте.

6. РОЗБІРКИ

Свічарська черкала червоним олівцем по аркушику паперу і мовчала. Кротова стояла, низько понуривши голову. Ще четверо наглядочок сиділи трохи осторонь.

— Товаришу сержант, — виправдовувалася Соня, надувши і без того повні губи, — я кілька разів перевіряла бараки... Скрізь було тихо... Я ніколи б не подумала на Ніколаєву...

— Вона так хотіла вернутися на волю, — сумно вставила мовчазна Оксана Питалева або, як її називали поміж собою в'язні, “тіточка Оксана”.

— Еге ж, хотіла... — похитала головою Свічарська. — Догану, Кротова, ви вже собі заробили. Слово тепер за начальником.

— Може звільнити? — злякалася Соня.

— На жаль, може.

Настійливо задзвонив телефон. Свічарська взяла трубку.

— Так, так, я. Так, так... Єсть,

— почулися гудки. — Ну ось. До себе викликає, — вона розвела руками. — Так, можете бути вільними. Всі, крім Кротової.

— І мене викликає? — здригнулася Соня.

— Так.

Шергаєв стояв біля шафи і намагався поставити книгу на верхню полицю, але ніяк не міг до неї дотягнутись. Він сопів. Навіть ставав навшпиньки, але йому заважало черево. Свічарська і Кротова в нерішучості зупинилися. Валентина Антонівна голосно кашлянула. Шергаєв розгубився, несподівано почервонів і випустив книгу з рук. Потім нагнувся, підняв і поклав на стіл.

— Заходьте, заходьте... Чому я вас викликав, сподіваюсь знаєте, — рокотів Сергій Шалвович, всідаючи якомога зручніше. — Справа не стільки у самогубстві, скільки у вашій недбалості. Я вас запитував, — звернувся він до Кротової, — чи всі бригади пішли на роботи? Що ви мені відповіли?

Кротова перебирала пальчиками зборки гімнастерки і мовчала.

— Ви навіть не помітили зникнення Ніколаєвої. А в підсумку прогледіли людину. А хто буде боротися за людину, як не ми з вами?

— Товаришу капітан, я...

— Що я? — закричав Шергаєв. — Нема "чепе", можна нічого не робити... Не дозволю. Не можете працювати — давайте рапорт. Я давно вам це пропонував.

Його голос затремтів на високий ноті і зірвався. Шергаєв схопився за груди і затрясся від кашлю. Свічарська налила у склянку води і подала Сергію Шалвовичу.

— Дякую, — прохрипів він.

Соня плакала. Тихо, майже беззвучно; звільнення лякало її. У свої тридцять років Кротова була тією

дорослою дитиною, якій постійно був потрібен захист і яку охоплював панічний страх перед невідомістю. Цей страх народився давно, ще в дитинстві, коли фашисти знищили півсела... Виплакавшись над розтерзаними тілами батька і матері, Соня назавжди залишила рідні місця. Страх гнав її вглиб країни. Виріши у дитячому будинку на Уралі, вона залишилася в ньому вихователькою. Можливо так би й працювала вихователькою, якби не Микола. Тиха і скромна дівчина запала в око колійному обхіднику. А вона, на знак вдячності за увагу, за співчуття до юнака, пораненого на фронті, погодилася стати його дружиною. Та щастя виявилось не тривалим. Рівно через рік, рятуючи з-під коліс поїзда дитину, Микола загинув сам... Після похорону чоловіка Соня не могла більше залишатися в цьому уральському місті. Нестача наглядачок у таборах ув'язнених для жінок і вирішила подальшу долю Кротової. Так вона опинилася на Півночі.

Соня плакала, голосно, ридма. І зовсім по-дитячому. Сергій Шалвович усе ще важко дихав, притиснувшись до спинки стільця. Свічарська пильно розглядала муху, котра бог зна звідки з'явилася тут посеред зими і сонно повзла по підлозі.

Шергаєв дістав з кишені носову хустинку і промокнув на лобі великі краплі поту. Він підвівся із-за столу. Гидливо попросив:

— Та перестаньте рюмсати...

А для себе пробурмотів: "Чорт зна що. Дитячий садочок зібрався". Бачачи, що Кротова очікує якихось певних слів, він оголосив їй догану і пригрозив:

— Помічу щонайменше порушення — вижену.

Очманіла від радості, Соня на

знак згоди кивала головою і задкувала до дверей. Шергаєв дивився їй услід. І як тільки Кротова зникла, здивувався:

— Як все-таки мало людині потрібно для щастя? Усього кілька заспокійливих слів. А скільки ще буде гірких хвилин в житті Кротової!... І може зламатись. Люди такого складу раді кожному слову. Прикро тільки, що ці слова ми соромимося голосно вимовляти... Намагаємось обійтись без них.

Валентина Антонівна ніколи ще не бачила свого начальника таким збуреним. Збудження молодило його, робило привабливішим. Сергій Шалвович відкрився їй з іншого боку.

— Товаришу капітан, я можу бути вільною? — обережно запитала Свічарська, коли Шергаєв замовк.

Він її не чув.

— Не так ми працюємо, Валю, — Сергій Шалвович зітхнув. — Не так. Ти знаєш, що мені годину тому заявив Аносов? “Може пам’ятник Ніколаєвій поставити?” Навіть страшно, що такі люди розпоряджаються чужими долями.

— Вам треба відпочити, товаришу капітан.

— Так, мабуть, вже час. Як твій малий?

— Нічого. Дякую.

— Нині важко звідси вибратись. До весни почекаєш?

— А в мене й відпустка весною...

— Облиш у спокої свою відпустку. Я маю на увазі — зовсім.

— Як зовсім?

— А ось так. Чиї це рапорти? — Шергаєв поклав на стіл кілька аркушків паперу. — Не мої ж... — Мовчи, мовчи, — посміхнувся капітан, розуміючи, що схвилювана жінка хоче щось сказати. — Куди поїдеш, якщо не секрет?

— Додому, до мамі.

— Значить в Україну, — уточнив Шергаєв і мрійливо додав: — Сади...

7. ВІД’ІЗД

Настала весна. Сніг засмоктало болото. У кінці літа воно зазвичай ставало пристановищем комарів і неприємно пахнуло. Весна поступово розчинялася у щоденних клопотах і тривогах. Життя в таборі минало своєю чергою: то розмірене й тихе, то насичене усілякими вибірками в’язнів. Відсидівши кілька діб у карцері, стеля якого навіть влітку була вкрита памороззю, бешкетники заспокоювалися. Але не надовго. Про Ніколаєву майже не згадували. Та в цьому й не було ніякої необхідності. З одного боку її боязка, затаєна натура дивувала тільки за життя і навіть інтригувала оточуючих її людей, а з другого її забули через кілька тижнів після похорону ще кількох самогубців, котрі стомилися ждати амністії. Тільки зрідка хто-небудь з конвою, везучи на кладовище черговий труп, зло жартував: “Вдалою виявилась Марфа на почин”. Ще згадувала Ніколаєву Валентина Антонівна. Але вона мало думала про саму жінку, більше про її смерть, тому що передбачаючи такий кінець, вона нічого не зробила, аби запобігти йому. І винила у цьому себе. Частіше від матері, певно, згадував Марфу Віталік. Спочатку довго плакав. А потім заспокоївся, годинами сидів мовчки і дивився на мушлю. Він навіть перестав ходити в зону. Свічарська помітила, що син змінився. Став похмурим і замкнутим. І віднесла це на рахунок виявлення особливих рис характеру дитини.

Одного сонячного дня до табору, по лежньовці, прибула машина з управління. Водій виніс із кабінки на руках стару жінку і поставив її на сухе місце. Заглушивши мотор, він пішов до штабу, а жінка присіла на ганочку.

Капітан Шергаєв збирався йти на пенсію і тому перебував у госпіталі на обстеженні. Його заміщував Агонов. Упевнений, що начальник більше не з'явиться у своїй колишній посаді, Павло Гнатович розташувався в його кабінеті і переставив меблі на свій смак.

Коли постукали в двері, він, почувачуючись ще незатишно в новому кабінеті, хотів гукнути: "Увійдіть!", але передумав. Крізь вікно він побачив машину. Заквапився назустріч.

Увійшов водій.

— Ну й дорога до вас, — відразу почав скаржитись, вітаючись на ходу.

Агонов з готовністю потис руку водія. "Може, цей неповороткий сержант привіз рапорт про призначення", — тішив себе надією Павло Гнатович.

— На восьмому кілометрі колоди прогнили. Завтра їх мінятимуть. А так, по моєму, лежньовка в порядку, — виправдовувався Агонов, підсовуючи стілець сержантові.

— Телефонували до вас, телефонували. А все без толку.

— Повінь... Кілька стовпів в драговину провалилось. Завтра нові поставимо.

— Послали наказ вам вручити, — сержант дістав з нагрудної кишені учетверо складеного папірця і віддав Агонову. — А на словах просили передати, щоб Свічарська не затримувалась. Завтра вранці відправляється поїзд. А в управлінні їй потрібно ще забрати документи.

"До чого тут Свічарська", — нерозумів Агонов.

Але коли Павло Гнатович прочитав наказ, він зрозумів усе. Звільняли Свічарську, а про нього й не згадували. Він зазирнув навіть на зворотній бік наказу. Папір був чистий.

— Скільки знадобиться часу Свічарській, щоб передати справи? Я мушу забрати її.

"Про що він говорить? — Агонов не розуміючи глянув на сержанта. — Товстогубий баран... Свічарська... Свічарська..." Він ледь не зарепетував від злості, але стримався.

— Чорт її знає, — грубо відповів Агонов. — Вона в кабінеті. Домовляйтеся самі.

— Я тут стареньку одну привіз, — сказав сержант, збираючись йти. — Дочка в неї тут ув'язнена... Хоче побачитися з нею.

— Хто тут начальник? — вибухнув гнівом Агонов. — Я чи хто? Побачення заборонено. Забирайте її звідси, і щоб духу не було...

Валентина Антонівна передала справи Кротовій. Пригостивши водія і стареньку українським борщем, почала збирати речі. Бабуся, подякувавши Свічарській за гостинність поскаржилась:

— Юра каже, що ваш головний не дозволяє з дочкою побачитись... А мені обіцяли...

— А до кого ви приїхали, бабуся? — поцікавилася Валентина.

— До дочки своєї...

— А як її звуть?

— Марфушою звуть її, Марфушою... Ніколаєвою...

Валя здригнулась і випустила з рук вазу. Вона вдарилась об край стола, розкололася на дві частини і, зісковзнувши на підлогу, розсипалася на дрібні скалки.

— Що ж ти так необережно, покартала стареньку Валю. — Таку дорогу річ розбила.

Валя проковтнула застряглий у горлі клубок:

— Немає її тут, бабусю.
— Невже перевели кудись?
— Авжеж, перевели.
— А далеко?
— Далеко...
— От які різні бувають люди на світі, — вона повернулася до водія.
— Минулого разу сам начальник зі мною розмовляв. І до поїзда підвіз. А чому так? — розмірковувала старенька. — Уся справа від розуму. Розум з роками приходить. А цей? Господи. Зелений зовсім, а вже зазнався... Я в шибку дивилась як він бундючиться... Як горобчик жовторотий.

Коли повантажили на машину речі, старенька почала слізно просити Свічарську:

— Вмиратиму скоро. То ти мені, дочко, скажи, де знайти Марфушу?

Валя мовчала. Вона не знала, що

відповісти цій старій жінці. Тільки міцніше притискала до себе сина, очі якого потьмяніли, і не мигаючи дивилися вдалину. Вона ледь стримувала сльози.

— Ви не хвилюйтесь, бабусю. Їдьте додому. Незабаром дочку звільнять... Будете разом...

— Ой, чує моє серце, не побачу її більше, — переживала уже в кабіні старенька.

Свічарська з сином влаштувалися у кузові, і, обнявши одне одного, теж плакали.

— До побачення, Північ! — крізь сльози прошепотіла Валя, коли машина обережно рушила з місця, ніби обмацуючи пагорбок, на якому щойно стояла, боючись з'їхати з нього мимо лежньовки, в болото.

1971 р.

*Переклад з російської
Данила КОНОНЕНКА.*

Іван МИХАЙЛОВСЬКИЙ
(м. Хмельницький)

Народився 30 березня 1938 року в с. Вихрівка Дунаєвецького району Хмельницької області.

Поет, прозаїк.

Автор п'яти книг.

Журавка Ася

Надвечір, коли літня тиша і сутінь заповнюють садок і входять у невеличку чепурну і побілену хатину на краю села, на веранді чується тремтливий голос згорбленої роками і тяжкою працею на колгоспній ниві низенької кароокої бабусі Марти. Осідлавши носа окулярами з товстезними скельцями, вона, зазвичай, відкриває настіж хворобливо-скрипучі двері веранди і чимчикує, зігнувшись, до воріт. А там, спершись ліктями на широкі дубові дошки, кожного вечора прощається з сонцем, що прудко човгає і ховається на луку за копиці свіжоскошеного сіна. Їй добре видно, як вузенькою срібною стрічкою розрізає луку безіменна річечка, що ген-ген годує водою глибокий сільський став, біля якого ходять в сизому тумані, мов у казці, кілька стриножених гнідих коней. Навкруг бабиної хати ростуть кущі бузку, в садку ж — густі вишні, сливи, низькорослі крилаті яблуні, а уздовж дороги виструнчилися три тонколистих високих ясени і надламаний буревієм ста-

резний в'яз, на оголеному стовбурі якого в лелечім гнізді ще донедавна жило собі під дощем і спекою вірне і любляче подружжя — лелечиха Ася із лелекою Антоном (так їх колись охрестила бабуса). Вісім весен промайнуло з того часу, як середнього зросту, широкоплечий, із сірими очима дід Денис висадив на вершечок сухого і товстого в'яза заїжджене непотрібне колесо від воза, що і стало основою для лелечого гнізда. І молода на той час пара журавлів, наче на замовлення, взялася мостити на ньому свою, мабуть, першу в житті домівку. Радіючи, дідусь говорив бабуні:

— Лелеки з давніх-давен вважаються символом щастя і обдаровують ним господарів, у яких селяться, не кажучи вже про приписуване їм в народі уміння приносити в дім дітей. Тому й обласкують так люди цих чорно-білих ширококрилих птахів-красенів.

З тих пір, як дід Денис два роки тому відійшов у вічність, бабка Марта залишилась наодинці зі своїми журавлями.

— Сумно мені в хаті, неначе в ямі. Коли настає тихе надвечір'я і червоним багрянцем відсвічують на шибках останні спалахи призахідного сонця, мене обіймає острах і я скоріш з домівки драла, — не раз скаржилася бабуня своїй сусідці Лізі — подрузі давніх літ, також самотній жінці. — Одна відрада у мене — пара лелек, що майже щоліта вигодовує по четверо лелеченят.

Раніше, бувало, кожної весни, десь у квітні, у стареньких Марти і Дениса радісно-трепетно билися серця, коли високо, під блакитним небом з'являвся журавлиний ключ і срібленим дзвіночком звучало «кру-кру-кру...» То поверталися з теплих країв їхні улюбленці Ася і Антон. Частіше удвох, а бувало, що з місць зимівлі першим прилітав самець, займав своє гніздо і в чеканні самки стійко захищав його від зазіхань чужаків, інколи витримуючи навіть кровопролитні сутички. Старе гніздо пара щороку підновляла, добудовувала. Велике задоволення відчували старенькі, коли дивилися, як, стоячи в гнізді, лелеки вітали одне одного, голосно постукуючи дзьобами. Одночасно вони піднімали і розпускали хвости та широко розгортали крила. Гарно гараздували бузьки на своєму осідлисту та безупинно трудилися. Літали то на луки і заплави, то у поля, де добували собі жаб, мишей і сарану. Коли ж в їхньому гнізді появлялися лелеченята — годували їх черв'яками, оберігаючи крихітні плуночки своєї малечі. А з настанням осені у небо знову злітало «кру... кру... кру...». Ася і Антон брали курс на зимівлю у вирій — аж в Південну Африку. Сумно було стареньким Марті і Денису розлучатися зі своїми обранцями. Але ж тоді вони плекали

надію на їх обов'язкове повернення в рідне гніздечко, що біля їхньої хати. А цього річ...

Надходила осінь — сумна і невесела пора року. Бабунечка Марта одна-однісінька в оселі. Одна як перст. І пусте з весни біля дому лелече гніздо. Пари журавлів — Асі і Антона, — що завше веселила стару, вже немає. Нема і ніколи не буде. І виною тому стали люди, їх підлість.

А трапилося то на початку минулого літа. Сусідські хлопчики десятилітні Петрик і Роман помітили, що лелеки перестали одночасно покидати гніздо, а сидять в ньому поодиноці, один другого змінюючи.

— У журавлів почалося несіння яєць і батько-мати їх насиджують, — розмірковував вголос Петрик. — А ти знаєш, Ромо, якого кольору яйця бузьків?

— Ні. Не знаю.

— А розміру?

— Поняття не маю.

— А давай до гнізда бузьків підкинемо одне гусяче яйце. Подивимось, що потім буде робити гусеня. Воно ж не полетить, як лелеченя?

— Звичайно, що ні, — погодився Рома. — У тебе, Петрику, є гуси. Біжи швидко за яйцем. Підкладемо.

І Петрусь хутко-шпарко помчав додому. Повернувся з великим гусиним яйцем в руці. Передав його Роману.

— На. І лізь, Ромо, до бузьків.

Ромка роззувся, поклав до кишені яйце і спроквола почав здиратися на високий стовбур в'яза. Лелечиха Ася, що нерухомо сиділа в гнізді, побачивши протягнуту до неї дитячу руку, раптово піднялася на ноги і, не подаючи голосу, злетіла в небо та закружляла над

головою нахабного порушника її супокою. А той безцеремонно заліз рукою в гніздо, взяв лелече яйце, подивився на нього і поклав назад. Потім дістав з кишені гусяче яйце і також помістив його в осідлищі. Після чого поспіхом зліз по стовбуру на землю. А лелечиха Ася в ту ж мить опустилася в гніздо.

— Вітаю. Молодець! — похвалив товариша Петрик. — Тепер будемо чекати результату. А які, Ромо, журавлині яйця?

— Білі і великі. Їх там аж чотири.

Хлопчаки повільно, перевальцем пішли вулицею, не підозріваючи, яке лихо вони скоїли. Якби ж то вони знали, до чого приведе їх звичайна, як вони вважали, дитяча гра.

Невдовзі до гнізда прилетів самець, щоб змінити на насиджуванні самку. І коли та піднялася в лазурову височінь, він виявив каверзу — яйце чужої птиці, хоч воно і було білого кольору. І тут з лелечою парою почало діятись щось неймовірне: самець настирливо витискував самку із гнізда, а та впиралася, не хотіла його покидати. Антон знову і знов гнав Асю геть. Виявивши в осідлищі яйце від «чужака», самець запідозрив самку в подружній зраді. Дуже скоро розлучений лелек і засмучена лелечиха відказались від денного насиджування яєць. Вони летіли поодиноці десь у поля, на сіножаті, або ж на луки і болота. А повертались тільки ввечері. Довго стояли вдвох на гнізді, шипіли і загрозливо тріскотіли дзьобами. Точився, на мові журавлів, сімейний скандал. Сигнали привітань і любові, що так рясніли раніше, — зчезли, ніби канули у воду. Закохана колись пара журавлів вже не стояла ввечері на гнізді нерухожими тінями і не дивилися туди, де ховається сонце. Лелеки Ася і Антон явно

перебували у довготривалій сварці. Вони час від часу рухалися і не знаходили собі місця.

— Я ні в чому невинна. Не винна я, — вистукувала, мабуть, журавка у відповідь на самцеве звинувачення і тупала, тупала з пересердя в осідлищі своїми червоними і довгими ногами. Але журавель не бажав її слухати. Він все ще продовжував не вірити їй. Усе ще гримав і клацав дзьобом.

В те літо Ася і Антон так і не стали щасливими батьками. А воєни, вгледівши полчище журавлів, що кружляли поблизу у зворушливому прощанні над лугом, збиваючись в зграю, приєдналися до них і вирушили гуртом у далеку дорогу — через моря і океани, в теплі але в чужі краї. Щоправда, лелечиха Ася до журавлиного клину чомусь приєдналася не зразу. Але потім все-таки його замкнула. Та, як виявилось, ненадовго. Її, як винуватицю подружньої зради, інші журавлі вигнали в три шиї зі своєї зграї, спроводили у безвість. Нещасна Ася безсоромно і незаслужено була спалюжена. Її зробили без вини винною. Розгубленою і спантеличеною вона повернула назад, полетіла до своєї північної домівки. Її зворотний шлях виявився у часі надто довгим і важким, постійно дошкуляли холод і голод (жаби у ту пору попірнали у ріки до весни). Коли, нарешті, вона, вкрай стомлена, в сутінках плюхнулася у своє рідне гніздечко, сили її майже покинули. Від вечірнього ущипливого морозу вона «плакала», клекочучи дзьобом. І якраз у ту пору бабця Марта, спираючись однією рукою на якусь чудернацьку кувіньку, несла від криниці піввідра води. Вона-то і почула відверте цокання в лелечім гнізді. А піднявши голову, жажнулася. Та так, що випустила з рук відро.

— Бідолашечко моя! Як же тебе

всенька рідня твоя гірко скривдила! Відцуралися від тебе геть усі! І як же мені тепер тебе заманити, щоб забрати до тепла, до хати? — бідкалася бабця Марта, адже Ася до її рук все ще не йшла.

А через кілька днів, коли морози стали кріпшати і перший сніг покрив землю, галуззя дерев і лелече гніздечко, Ася, вгледівши, як старенька годує курей, як вони біжать притьмом до бабчиних рук, несподівано злетіла з гнізда і повільно приземлилася біля господині. Перелякані кури розбіглися хто куди, а виснажена голодом журавка почала дзьобати приготувану для них їжу. Бабусенька від неабиякого здивування тільки руками розвела. Згодом журавка стала цілком свійською. Харчувалася разом з курми. А сердобольні сусіди приносили для Асі м'ясо, з якого хазяйка готувала їй котлети. Жалісливі Петрусь і Роман, відчуючи свою надзвичайну провину у скоєному ними нещасті, ловили у скутому льодом ставку для Асі рибу. Цілу зиму журавка проживала в обігрітій грубою хаті разом з бабцею Мартою. Ася повністю перестала її боятися. Бабуся гладила лелечиху, давала їй з рук щось смачненьке. Вдячна Ася плескала крилами, клекотала дзьобом. Дивувало бабунечку тільки одне: журавка чомусь полюбляла стояти на жерстяному листі, прибитому під пічкою на підлозі, і дивитися на яскраве полум'я, що миготіло у печі, або ж розглядати жаринки, що випадали з неї і тліли.

В буденній суеті життя старенька і не вгледіла, як спливали холодні, з тріскучими морозами зимові дні і наступила довгоочікувана весна із днями зеленими і золотими, світлими і радісними. Весна пробивалася з землі і линула з неба.

Вдосвіта в селі дружньо курились димарі хат, ревла худоба на дворах, мемеркали вівці, кудкудакали кури і голосно тявкали собаки. Бабуся Марта затопила піч, взяла в сухі жилаві руки дійницю і почимчикувала до хліва доїти корову. Коли поверталася до хати, на подвір'ї зненацька кинула очима на бірюзові небеса і уздріла на гнізді одинокого журавля, що стояв на одній нозі і не трубив, а тільки свистів. Старенька, захекавшись, вбігла в оселю, притьмом взяла під пахву журавку Асю, що повагом ступала по підлозі, винесла її на обійстя і поставила на ноги. Вказуючи рукою на Антона, що повернувся з вирію, бабусечка промовила:

— Дивись, дивись! Он твій коханий прилетів. Тепер ви помиритесь. Він простить тебе, тому що то не твій гріх. То був гріх людський.

Журавка Ася, почувши, мабуть, клекіт свого судженого, спочатку запрокинула голову, потім поклатла її на спину і знову винесла вперед, дивлячись на Антона та безупинно клацаючи дзьобом. Вона, очевидно, повторяла йому одне і теж:

— Я не винна! Повір. Я вірна тільки одному тобі.

Але Антон дивився кудись у бік і мовчав. Стара бабця, розгублено переминаючись з ноги на ногу, як могла підбадьорювала і наставляла Асю:

— Йди! Йди до нього! Сам Бог бачить, що ти не зрадила своєму другові. Він простив тебе. Він вернувся до тебе і чекає тебе в гніздечку. Лети ж до нього скоріш!

Клацнувши кілька разів дзьобом, Антон, можливо, щось видав Асі у відповідь, не дивлячись, як і раніше, у її бік.

І тут Ася, раптово піднявши і розпустивши хвіст, широко розкрила крила і кулею помчала у за-

лишені відчиненими вхідні двері домівки. Щезла. Спантиличена старенька пошкандибала за журавкою в світлицю. Але там її ніде не було видно. Прикро вражена бабця тихо присіла на низеньку дерев'яну постіль і — серце її завмерло. Від побаченого вона сплеснула в долоні. Здавалося, світ згас в її очах, обвалилось небо, почорніло сонце. В печі, де скажено палахкотіло вогнище, виднілися довгі ноги журавки. Бабуся миттю обхопила їх і витягла Асю із яскравого полум'я, яке щойно лизало і жерло її голову та шию. Окремі пір'їнки злетіли вгору і тихо плавали в повітрі, осідаючи на згорблену спину занімілої бабуні. Обгоріле тіло журавки було бездиханним. Бабусечка Марта залилась гіркими сльозами.

— Ой Боже ж мій! Що ти натворила?! — тільки і сказала старень-

ка, все ще не випускаючи Асю зі своїх зашкарублених, порепаних рук.

Почувши про страшну трагедію, що сталася з журавкою, до бабусиної хати швидко поприходили сусідки і поприбігали діти, що часто годували Асю. Загорнули лелечиху в чисте бабине простирадло і поховали у картонній коробці в тихому затишку саду, під розлогим кущем калини, де кожної весни радісно щебече птаство.

— А вона поступила точнісінько, як людина, — відізналася під час поховання про Асю сусідка Ліза, виправдовуючи вчинок журавки.

Наприкінці того ж таки дня, на смерку, коли де-не-де в бездонному потемнілому небі займалися зорі, журавель Антон злетів вгору попід хмари і до свого гнізда більше не повернувся.

4 лютого 2001 року пішов із життя відомий український поет Іван Іов, член Спілки письменників України, лауреат Хмельницької обласної премії імені Володимира Булаєнка, автор поетичних книжок «Стяг золотої гілки», «Світло рідної хати», «Книга перша», «Рукопис», «Чернетка», «Каліграфія», «Періодична система слів», «Великдень долі», «Невибране», «Словопис», «Мене Вам дав Господь», «Вічністю живемо», «Любіть мене врожаєм і землею». Про цю людину пізніше говоритимуть багато. Я ж пропоную на суд читачів статтю, яку я написав в переддень річниці з дня смерті І. П. Іова і видрукував на шпальтах часопису «Кримська світлиця» (№ 5–6 за 2002 р.). Тільки зараз, коли пройшов певний відрізок часу, ми збагнули —

люди втратили Поета, який не тільки майстерно володів пером, але й був пророком свого часу...

ІВАН ІОВ. ЯКИМ Я ЗНАВ ЙОГО

До вікна припали сутінки і заглядають у вічі. Моторошно. Але я не відвожу погляд і не запалюю світла.

Такі хвилини на очікування чогось незвіданого, або призабутого.

Бачу: біле-біле поле. Вітру нема де зачепитись: він то здіймається догори, то сковзається на льоду. Його намагається схопити мій пес, Самір. Марно. Він не тільки занадто важкий для таких вправ, а ще й дуже помітний — чорний різеншнауцер.

— Ну що, наздогнав, — сміюсь.

Самір дивиться на мене, опускає голову, притрушену снігом, із замерзшими вусами та бородою, і тулиться до ноги.

— Пішли додому. Час сідати до комп'ютера.

Пес слухняно йде за мною.

Заходимо до під'їзду, піднімаємось сходишками на четвертий поверх. 182-а квартира. Тут, по вул. Залізняка, 14 готувалися до друку

газети, журнали та книги. Ця адреса була знайома багатьом хмельничанам на початку 90-х років. Саме тут побачили книги добре знаних поетів і письменників в Україні та за її межами Микити Годованця, Володимира Булаєнка, Анатолія Ненцінського, Романа Болюха, Миколи Федунця, Віктора Нечитайла, Павла Гірника, Миколи Коломійця, Василя Кравчука, Кузьми Гриба, Миколи Мачківського, Неоніли Яницької, Володимира Касаковича... І, звичайно, ж Івана Іова.

З останнім нас зв'язували стосунки більш ніж, скажімо замовника з видавцем. Ми були майже однолітками. Писали вірші. Приїжджали із районів до одного літоб'єднання, навіть горілку полюбили одну ж ту саму — "Пшеничну". А згодом перебралися до Хмельницького і оселилися в одному мікрорайоні. Тому чимало годин проводили разом. От і сьогодні я чекав на Івана: до друку готувала-

ся чергова книга — “Періодична система слів”. Робота була складна і просуvalася поволі. “Ти розумієш, — пояснював він, — це має бути надзвичайна книга”.

В день я підбирав шрифти до трьох-чотирьох віршів, робив декілька малюнків з літер на свій розсуд, намагаючись врахувати Іванові побажання, а ввечері, вже разом, ми зводили в одне ціле його поетичний задум і комп’ютерне відтворення текстів.

Дзвоник у двері.

Самір зривається з місця, але гарчить незлобливо, швидше для годиться. Мабуть, хтось свій. Відчиняю.

— У, собацюра, до Саміра. — Чого набивався? Це дядько Іван. Не пізнаєш?

Самір на знак примирення, дозволяє потріпати себе за загривок і йде в іншу кімнату.

— Я таки колись напишу вірша, з присвятою твоєї собаці. Він того вартий...

— Добре, Іване, добре, — погоджуюсь я і запитую: — До роботи?

— Авжеж, — відказує він. І відразу вносить корективи. — Не подобається мені вірш “У сутінках”. Не виписаний. А може ми його пошматуємо, ні, краще — розірвемо. А потім стулимо і відскануємо...

— Як з кошика, — здогадуюсь.

— Так, як з кошика. І дамо підзаголовок: “Вірш із кошика пошуків”.

За кілька хвилин була готова 54-а сторінка книги. Наступний вірш “Казимир Малевич. У Церкві. 1912 р.” Вірш, як вірш. Але чогось бракує. Дивимося один на одного. Чорного квадрата!

— Який розмір квадрата? — запитую.

Іван підхоплюється:

— Це ж буде геніально. Давай енциклопедію.

Шукаємо. Виявляється розміри полотна Малевича становлять 79.5x79.5. Малюю квадрат. Один до десяти і розміщую чорну пляму по центру вірша. Текст роблю вивороткою. Вірш наповнився подвійним змістом.

Від пошуків до втілення твору у готову форму Іван працював поволі і, я би сказав, вдумливо. Хіба можна було поспіхом написати, наприклад, такі рядки: “І пустеля волає в голосі”, “В намаз вгинались тіні мінаретів”, “Доброму каменю вода не страшна”?

Іван дуже любив людей. Ось він пише: “Повсюди щирі молитви в поглядах” і відразу ж запитує: “Хто цього не помічав?” Більшість з нас на цій землі короткозорі. Лише Поет може підглянути, що “...В слідах вода — дощем іде Христос”.

Він любив людей. Та не завжди ця любов була взаємною і тоді він, втомлений від несправедливих образ, тікав у подумках від них. Тікав до себе. В одному із останніх віршів “Самотність” (а може й останньому?) він признається:

“Хочеш сховати лице
між обличчями,
Й будеш самотнім
ще кілька хвилин”.

Бачу: Іван зосереджено дивиться на аркуш паперу. Підсовує його ближче. Бере ручку. Пише.

“12 серпня 1999 р.

м. Хмельницький.

Дорогий друже, Валерію!

Кваплюся відіслати вірші до збірки “Віск іксів” і дві збірки Мих. Стрельбицького¹. Візуалом “Отче наш” я хочу відкрити збірку — замість крапок постав у графіку зірки і вмонтуй десь скраю шматок

чок із назвою зірок, що написані від руки. Формат збірки має бути таким, як “Поема колорадського жука” М. Стрельбицького. Журнал “Доля” із статтею² надсилай негайно. Добре, що зателефонував Тобі, зазнайомився із Юнусом³. Передавай вітання од нас з Валею⁴, Віті⁵.

Міцно тисну в обіймах, щиро Твій.

Іван Іов”.

Він поспішав з виданням книги “Віск іксів” і підштовхував мене. То листом, то телефонним дзвінком. У листах надсилав все нові і нові вірші. Книжка розросталася. Визначений раніше формат видання вже не підходив. Під час розмов бідкався: “Ходжу з рахунками по спонсорах. Та все марно. От біда з цими грошиками...”

У серпні 99-го у листі до мене він радився: “Хочу написати до неї (до книги “Віск іксів” — В.Б.) маленьку передмову “Відхиляю двері у робітню”. Давай поміркуємо про її розмір, тираж і вартість. Вірш “Птах у житах” зроби візуальним. У вірші “Підштовхують”⁶ згадав Тебе. Що нового? Як гостювалося Миколі і Ларисі⁷. Вітання Юнусові. До речі, давай зробимо йому присвяту⁸...”

Не побачив Іван своєї книги. Вийшла вона вже потім... Коли він втомився чекати на благодійність можновладців.

І все ж, гадаю, Іван був би книгою задоволений: як і планував, ввійшли всі вірші; враховані всі його побажання стосовно змісту, формату, оформлення... І все ж... Не побачив.

Під час роботи III з“їзду письменників України я зустрівся з М. Г. Жулинським⁹.

— Миколо Григоровичу, вас дуже поважав Іван Іов. Прислухався до вашої думки. Зараз виходить

його книга і, мабуть, доцільно було б дати ваше переднє слово...

— Добре, — погодився він. І з сумом додав. — Скільки б Іван ще зміг подарувати світові талановитих речей...

Так з“явилася в книзі, в силу обставин, першою передмова М. Г. Жулинського «Слово про Іова», а вже другою — передмова його, Івана.

Тоді ж, у Києві, ми з Миколою Мірошніченком закінчили редагування вже зверстаної книги «Віск іксів» і невдовзі вона пішла до читача.

Гадав, що наступні твори І. Іова доведеться друкувати нескоро. Але несподівано отримав повідомлення від нашого з Іваном спільного знайомого поета-хмельничанина Володимира Касаковича:

— Ти знаєш, — чую із слухавки схвилюваний його голос, — щойно мені передали вінок сонетів Івана Іова, написаний ще у 85-му... Терміново передаю тобі.

Зв“язуюсь з Валею, дружиною Івана:

— Так, — підтверджує вона. — Є такі вірші. Я надішлю варіант, який знаходиться в архіві Івана.

Співставив два варіанта. Дещо підправив і за фінансової підтримки (нарешті!) громадського об’єднання «Фенікс» з’явився ще один поетичний твір¹⁰ — «Любіть мене врожаєм і землею».

Я знав Івана різним: сумним і життєрадісним, знервованим і розсудливим, обуреним і поблажливим... Та ніяк не можу не тільки згадати, а й уявити безтурботно-веселим. На це йому бракувало часу. Він завжди поспішав і вимагав цього від інших. Осудливо ставився до лицемірства, і в той же час поспішав об’єднати, перезнайти однодумців.

3 лютого 2000 року зі Львова я отримав такого листа:

«Шановний пане Валерію.

Поет Іван Іов буквально засипав мене своїми поетичними збірками, не лише цікавими, але й дуже гарно виданими. Мене вже чорна заздрість огортала: звідки в нього гроші на це? — коли хтось мені сказав: «Чого ти дивиєшся? Це ж йому Валерій Басиров видає». Тоді я позаздрила, що в мене нема такого друга.

Галина Гордасевич¹¹».

Шановна пані Галина схитрувала: цим «хтось» був сам І. Іов, який возвеличив і перебільшив мою роль у виданні своїх книг. Кожну нову видану книгу ми гортали разом з Іваном і чули, насамперед, шелестіння сторінок з віршами, а не шурхотіння грошових знаків.

Невдовзі надійшов лист з Одеси:

«Шановний пане Валерію!

...Надсилаю додаток — український — до газети «Вечерняя Одеса», де видрукований матеріал про двомовного Кобзаря. Даруйте, що з запізненням, вашу адресу дав Іов...

Анатолій Глушак¹²».

А ось ще одне повідомлення. На цей раз з Тернополя:

«Шановний п. Валерію!

Гостюючи у Тернополі Іван Іов залишив чотири номери «Долі»¹³ і порадив послати Вам свої книги — для знайомства...

Петро Сорока¹⁴».

А як він зрадів знайомству з кримськотатарським поетом Юнусом Кандимовим?

— Ти знаєш, — поділився він, даючи характеристику Юнусу, — справжній казарлюга... І поет

І Юнус захоплено розповідав про Івана:

— Таким я його уявляв. Чолов'яга кремезної статури. Тільки-но я

ступив з поїзда на перон, бачу: біжить назустріч Іван Іов. Я зрозумів, що це він по його голосному вигуку: «Ю-юнус!» Люди оглядаються, а він біжить і біжить... І стих людський гамір, і тільки чути: «Ю-юнус!» Здається, пів Хмельницького тоді завмерло, дивуючись такій зустрічі.

Ще довго ходив Юнус під враженням їхнього знайомства. Він навіть Івановий вірш «Дух старої України»¹⁵ переписав по-своєму.

У І. Іова:

ДУХ СТАРОЇ УКРАЇНИ

*Сашкові Климчуку*¹⁶

Сало є — немає хліба.

Хліб є — немає сала.

Хліб є, сало є — немає цибулі.

Цибуля є — немає хліба і сала.

Сало є — немає цибулі.

Сало є — немає хліба.

Хліб є, сало є, цибуля є —

немає солі.

Сіль є — немає сала,

хліба і цибулі.

Є хліб, є сало, є цибуля, є сіль —

немає чарки.

Є хліб-сало-цибуля-сіль-чарка —

немає бараболі!

Є хліб-сало-цибуля-сіль-чарка-бара-

боля — тільки нас немає.

... Витає добрий дух старої України.

1996,
грудень

У Ю. Кандимова:

ДЕ Ж?¹⁷

Іванові Іову замість привіту

Степи наші є! — де ж гори наші?

Гори наші є! — де ж степи наші?

за велику ціну видрукуй!²⁰; “Ігор Трач — поет і редактор з Німеччини надіслав книжечки, які він видає у бібліотеці альманаху, а там у переліку книг, які він готує до друку, і таке: Іван Іов “Ми ще живемо. З поезій останніх, передостанніх, а, може, й вічних... Вічністю живемо!” Я так збагнув, що “Вічністю живемо!” — це назва збірки моєї”; “...Господи, пошвидше б додому, до письмового столу, бо творчих боргів по вінця. У змісті “Віск іксів під № 18 і 20 повторюється вірш “Подзвіння”, то замість 20 номера постав вірш-візуал “Останнє яблуко на маківці”; “Я — тьху-тьху-тьху! — потрохи оклигую. Намагаюся надолужити згає, але ще почуваюся не насилі”; “Надсилаю рецензію “Зоря Шевченка. Сходження над світом”²¹. Даруй, що із запізненням, але не буду “корчити” із себе героя — писанина вимотує шалено. Це, певно, тому, що лишаюся, як писав Михайло Стрельбицький, поетом 24 години на добу! За давньою традицією, тільки-но почав ставати на ноги, шалена праця. Якись есеї, вірші, проза, листи... Одним словом, “дорвався”; “Валера! Окинь своїм пильним оком тексти. Може чогось не вистачає? Обов’язково уважно їх перечитай. Вірю у непомильність Твого смаку. Словом, озивайся, не барися”...

Листи, листи... Вони не замінюють живого спілкування. Проте пробуджують спогади і навіюють сум. 18 жовтня 1999 р. І. Іов пише: «Ось вже й вірш написав «Собаці Басирова», вже й зміст «метелика»,²² уклав, а від Тебе, брате, ні гу-гу! Та думаю, що Ти ще набираєш «Віск іксів». Отож, додаю решту. Будь ласка, коли добереш, то зроби три відбитки — для Миколи Мірошніченка, для художника і

для мене. Вірш «Собаці Басирова» не втримався і прочитав по телефону Миколі Федунцю²³. Йому вірш сподобався».

Ось цей твір:

СОБАЦІ БАСИРОВА

Самір — не самарянин —
 грізнолютий,
 Караєшся в оселі на голках.
 Господар може похапцем лайнути,
 Хоч маєш очі, наче в Гірника²⁴.
 І гордо сподіваєшся на напад,
 Яка ж хода нечутна у предтеч,
 Не скажеш:
 «Дай, Самір, на щастя лапу...»
 В гостей готовність
 до панічних втеч.
 Страшний неупокорений огривок,
 Бріх потрясає поверхи-верхи.
 ... Стікає з морди місячний огризок,
 Де воля, очерети й реп'яхи.
 Вертаєш винувато до господи,
 І кров'ю-молоком киплять сліди.
 Та зорі золоті збере господар,
 Тепер зализуй рани і сиди!
 Милуйся на комп'ютерні портрети,
 Як вік на вікна в ікла наплива.
 І виглядай заблуканих поетів,
 Розтринькали усе, та не слова!
 Великий мандрівник
 в столиці Криму,
 Що світ побачив всенький із авто.
 ...Колись повстану мовчки
 за дверима,
 Й ти щиро гавкнеш,
 упізнавши хто!

1999,
жовтень, 17

І. Іов прагнув живого спілкування. Все обіцяв: «Трохи вичуняю і майну до тебе, в Крим... І Микола²⁵ збирається. Може якось разом...»

Не судилося Іванові «повстати мовчки за дверима». Не зміг... Не встиг...

Далеко за північ. Гортаю «Віскісів». Читаю примітку І. Іова до першого вірша збірки «Отче наш»: «Якщо в хрестоподібну систему координат (де з одного боку парні, а з другого — непарні числа) відкласти номери рядків святої молитви, а по осі координат кількість складів у відповідних рядках, то одержимо астральність або, зрозуміліше — сузір'я Великої Ведмедиці. Може, ключ до розуміння Всесвіту».

...Таке високе небо. Але зірки занадто великі і здаються зовсім поруч. Їх миготіння видається запрошенням до розмови. Вони щось хочуть оповісти — не розумію. (Може ще не дано зрозуміти?) Ось вона, Велика Ведмедиця, до якої, на порозі Вічності, звернув свій погляд Іван Іов, і — розчинився у

битися і його, Самірове серце.

Що це? Збіг обставин? А може, він Там більш потрібніший Іванові...

Колись я дізнаюсь і про це...

Всесвіті. Мабуть, десь там зараз твоя зболена і чиста душа.

Вдивляюсь в небо: крім зірок — нічого. У подумках гукаю: «Де ти, мій друже? Де ти, Іване?..»

Р. С. Написав число “21 січня...” і замислився — як все у цьому світі утаємничено. Ще раз перечитав Іванове:

...Колись повстану мовчки
за дверима,
Й ти щиро гавкнеш,
упізнавши хто!

Не прийде Іван і не гавкне
Самір: саме в цей день перестало

*Валерій БАСИРОВ,
21. 01. 2002 р.,
м. Сімферополь*

ПРИМІТКИ:

¹ Стрельбицький Михайло Петрович, поет, критик, літературознавець. Кандидат філологічних наук. Лауреат премії ім. О. Білецького та премії ім. М. Коцюбинського. І. Іов надіслав дві книжки М. Стрельбицького: “Ода колорадського жука” і “Йоцемидаесія” з дарчим написом автора.

² Стаття Івана Іова “Зоря Шевченка. Сходження над світом”. Видрукована у журналі “Доля” (№ 2(9) 99). Відгук на книгу “Узакъ ве якъын Шевченко” (“Далекий і близький Шевченко”), видану двома мовами — українською та кримськотатарською мовами у видавництві “ДОЛЯ” 1999 року.

³ Кандимов Юнус Уразович, поет, перекладач, публіцист. Писав кримськотатарською мовою. Заслужений діяч мистецтв України. Особисто познайомився з І. Іовим під час проведення Шевченківських свят на Хмельниччині у травні 2000 року. Помер передчасно, на сорок шостому році життя — 20 березня 2005 року.

⁴ Валентина Юліанівна Іова — дружина поета.

⁵ Вікторія Север'янівна Басирова — дружина автора публікації.

⁶ Вірш “Підштовхують, бо їм потрібний опір...” увійшов до збірки “Віскісів” У ньому є такі рядки:

Чекаєш од Басирова — Корану,
Щоб осягнути глибше світ і Схід.

У видавництві “ДОЛЯ” вийшов “Коран” кримськотатарською мовою. І. Іов про це дізнався від мене.

⁷ Влітку 1999 р. З Києва до Криму приїздили на відпочинок поет і перекладач Мірошніченко Микола Миколайович з дружиною Ларисою. І. Іов часто гостював у подружжя. З М. Мірошніченком він здійснив не одну творчу подорож. Останню — на Міжнародний конгрес візуальної поезії Eye Rhyme, який відбувся в Едмонтоні (Канада).

⁸ Я виконав побажання І. Іова: з присвятою Ю. Кандимову вийшов твір “Перша вірша” (“Віск іксів” — Сімферополь: “ДОЛЯ”, 2001. — 68 с. (с. 7).

⁹ Жулинський Микола Григорович, критик, літературознавець. Дійсний член НАНУ. Лауреат Державної премії імені Т. Г. Шевченка та премії імені О. Білецького.

¹⁰ У видавництві “ДОЛЯ” побачили світ такі книги І. Іова “Чернетка” (1996), “Каліграфія” (1997), “Періодична система слів” (1997), “Великдень долі” (1998), “Віск іксів” (2001), “Любіть мене врожаєм і землею” (2002, 2003).

¹¹ Гордасевич Галина Леонідівна, поетеса, прозаїк, критик. Автор багатьох книг. Народилася 31. 03. 1935 р. Життєвий шлях її скінчився 11.03. 2001 р. Її син, Богдан, створив видавничо-благодійний фонд імені Галини Гордасевич для фінансового забезпечення видавничих проєктів з творів матері.

¹² Глуцзак Анатолій Степанович, поет, перекладач. У листі йдеться про книгу вибраних творів Кобзаря “Узакъ ве якъын Шевченко” (“Далекий і близький Шевченко”). Матеріал “Кобзар повертається в Крим” був надрукований у літературно-публіцистичному додатку “192 сходинки”, № 16, 2000 р.

¹³ “Доля” — приватний історико-краєзнавчий та літературно-мистецький журнал. Автор публіцистично-критичного нариса “Іван ІОВ. Яким я знав його” заснував часопис у 1991 р.

¹⁴ Сорока Петро Іванович, поет, літературознавець. Кандидат філологічних наук. Близьче ми з ним познайомилися 16 березня 2001 року у Хмельницькому, куди обидва приїхали — він з Тернополя, я — з Криму — на сороковий день по смерті І. Іова. Іван продовжував і продовжує зводити мене з людьми, спостерігаючи вже за нами з потойбіччя.

¹⁵ І. Іов. “Періодична система слів”. — Хмельницький: ДОЛЯ, 1997, с. 78.

¹⁶ Климчук Олександр Олександрович, прозаїк, публіцист, критик. Уродженець Хмельницької обл. (с. Глядки, Волочиський р-н). Випускник Кам’янець-Подільського педінституту. У цьому ж навчальному закладі вчився й І. Іов.

¹⁷ “Де ж?” — переклад з кримськотатарської М. Мірошніченка.

¹⁸ Березінський Віталій Костянтинович, поет. Працював відповідальним секретарем Одеської організації СПУ.

¹⁹ Коломієць Микола Іванович, поет. Неординарна особистість. У Гімалаях шукав “Снігову людину”, очолював експедицію від “Комсомольської правди”. Юнаком писав вірші. Закинув. Ми познайомились, коли йому було вже за п’ятдесят. З січня по травень 1997 р. у “ДОЛІ” вийшло п’ять збірок М. Коломійця: “Зойки блискавиці”, “Перестигла тиша”, “Відлуння думок”, “Абетка для дорослих”, “Роздоріжжя”. Ще одна збірка “Голі сни” побачила світ 2001 року. У інших видавництвах випустив ще дві книги поезій: “Нектар вітрів” (1990), “Прости, Афганістан” (2000).

²⁰ Оповідання “Вороняче око” надруковане у 2 (13) числі “Долі” за 2000 р., (стор. 12-18).

²¹ Рецензія “Зоря Шевченка. Сходження над світом” надрукована у 2 (9) числі “Долі” за 1999 р. (стор. 3-4). На моє прохання цей же матеріал, але вже російською мовою, “Звезда Шевченко. Восхождение над миром” видрукувала “Крымская газета”, № 11, 21. 01. 2000 р., а Ю. Кандимов переклав кримськотатарською для газети “Янъы дюнья” (“Новий світ”) — “Шевченко-нынъ йылдызы алем узьре парылдай”, № 3, 22. 01. 2000 р.

²² Мається на увазі збірка віршів «Віск іксів», яка потроху розросталася. І з «метелика» перетворилася згодом у повноцінне видання.

²³ Федунець Микола Федорович, поет. Голова Хмельницької обласної організації НСПУ.

²⁴ Гірник Павло Миколайович, поет. Лауреат премій імені А. Малишка та імені П. Усенка.

²⁵ Мається на увазі Микола Коломієць. Він гостював у мене влітку 2000 р. Свої враження описав у матеріалі «Поїздка до Валерія Басирова» — («Проскурів», №№ 93-94 від 8. 12. 2000 р.)

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

З творчої спадщини Олександра Губаря

КОБЗАР У КРАЇНІ ГАРІБАЛЬДІ

КРІЗЬ ПРИЗМУ СЛОВА

Олександр Іванович Губар, який дев'ять років тому відійшов за межу Вічності, був не лише професором Таврійського національного університету, а й професійним письменником-літературознавцем. Він не тільки знав прекрасно літературу — і свою, українську, і світову, — а й був творцем та відкривачем маловідомих її сторінок, написав десятки досліджень, котрі збагатили її, відкрили щось нове, досі невідоме нам. Чимало його праць гідно поповнили нашу вітчизняну Шевченкіану, в яких порушуються питання перекладу творів Т. Шевченка іншими мовами. Це і українсько-італійські літературні зв'язки, і кримськотатарські, й українсько-вірменські...

Сьогодні ми хочемо ознайомити наших читачів зі статтею Олександра Губаря “Кобзар у країні Гарібальді”, присвячену поширенню творчості Т. Шевченка на італійській землі.

КОБЗАР У КРАЇНІ
ГАРІБАЛЬДІ

Зупинитись на тому, якими шляхами прийшов Шевченко в Італію, схилив мене ряд обставин. Розпочну розмову з випадку.

1960 року мені, тоді доцентowi кафедри української літератури

Чернівецького університету, доручили проведення музейної практики з групою студентів у Київському музеї Тараса Шевченка. Вранці 16 листопада ми були вже на місці. Не встиг переговорити з прикріпленим до моїх підопічних працівником музею про деталі практичного заняття, як підбігли студенти зі звісткою, що в музеї зараз Микола Бажан.

— Заспокойтесь. Людина прийшла попрацювати, — відповідаю.

— Бажан не працює, — заперечили студенти. — Він розповідає двом чоловікам про Шевченка-художника. Лишень двом чоловікам! Попросіть його, щоб він дозволив і нам послухати...

— У поета своє діло. У нас — своє. Як можна перешкодити людині?

— А ви попросіть! Ви ж член Співки письменників і викладач університету...

Відступати мої вихованці не збирались, і я підійшов до Миколи Платоновича. Вибачившись, пояснив усе.

— Так це ж чудово! Мені приємно зустрітись зі студентами-буковинцями, земляками Федьковича, Кобилянської! — проказав поет. Потім відрекомендував нам свого співрозмовника:

— Знайомтесь: це професор Римського університету, видатний славіст Італії, дослідник російської

і української літератури, в тім числі нашого Шевченка, Етторе Ло Гатто.

Високий, сивоволосий, у чорному костюмі чоловік зі засмаглим обличчям, виразними чорними бровами, що виступали над оправою окулярів, чомно вклонившись, подав мені руку і тихо промовив:

— Ло Гатто...

В Україну він приїхав тоді на запрошення Миколи Бажана. Будучи віце-президентом Європейської співдружності письменників, головою українського товариства “СРСР — Італія”, М. Бажан протягом 1960–1972 рр. кілька разів відвідав Італію, дбаючи, зокрема, про розширення і поглиблення зв'язків української та італійської культур. Поет налагодив творчі контакти з письменниками Анджелетті, П'євено, Буттитто, художниками Леві, Гуттузо. Одним із перших знайомств Бажана було знайомство з Етторе Ло Гатто. Учений, незважаючи на солідний вік (в 1960 році йому виповнилося 70), з радістю прийняв запрошення.

Звичайно, після зустрічі з ученим з-за кордону (а в ті часи це було випадком винятковим!) мені захотілося конкретніше дізнатися про нього, його наукові праці, пошуки. І цього разу я дістав підмогу від Миколи Платоновича. 1962 року у видавництві “Радянський письменник” побачила світ його книга “Люди. Книги. Дати”, де була стаття “Зустрічі на вікових шляхах”. В ній у гранично стислій формі окреслено питання приходу Т. Шевченка в Італію. Ми дізнаємося, що першими італійцями, котрі доклали зусиль, щоб їхня громадськість ознайомила з українською літературою і Тарасом Шевченком, були Анджело де Губернатіс і Доменіко Чамполі. Анджело де Губернатіс — відомий славіст, знавець санскриту, професор Флорентійського і Римського університетів, драматург. Він підтри-

мував зв'язок з М. Драгомановим, просив у нього матеріали про українську літературу і передусім про Т. Шевченка.

1873 рік можна вважати початком приходу Кобзаря в Італію. Якраз тоді в журналі “*Revista Europea*”, головним редактором якого був А. де Губернатіс, з'явилася стаття М. Драгоманова “Український літературний рух в Росії і в Галичині”, де говориться про Шевченка не лише як народного поета, а як про видатне явище світової культури. Тепер відомо, що стаття М. Драгоманова була повністю перекладена італійською мовою і видана окремою брошурою, ставши для італійських літераторів посібником з історії української літератури.

Треба додати ще один цінний факт. Виявилося, що певний час помічником А. де Губернатіса у збиранні матеріалів про українську літературу і про Шевченка був поет Кесар Білиловський, який довго жив у Криму і помер у Сімферополі 1938 року.

Варто нагадати, що свою частку в прихід Т. Шевченка в Італію внесли вірмени, вихідці з Криму. В 1879 році у зв'язку з 65-літтям від дня народження Тараса Шевченка у вірменському журналі “Базмавец”, що видавався у Венеції, була опублікована ґрунтовна стаття “Тарас Шевченко — національний поет Малої Росії”. Її автор — відомий вірменський культурний і громадський діяч, історик, перекладач Керовпе Кушнерян, який досконало володів російською і українською мовами. Він народився у Карасубазарі 1841 року. Деякий час жив у Феодосії. Мав свою школу. Праця Кушнеряна стала нам відомою завдяки перекладу її російською мовою Седою Григорівною Амірян — талановитим ученим-філологом. Вона присвятила своє життя дослідженню проблеми вірменсько-українських зв'язків.

Але повернемося до статті Миколи Бажана. Він, крім Анджело де Губернатиса, високо ставить заслуги ще одного відомого в Італії славіста — письменника, професора Доменіко Чамполі. Зокрема, звертає увагу на його ґрунтовний огляд української літератури, опублікований 1889 року в журналі “Літературна слава”.

Серед сучасних учених-славістів Італії виділяється професор Етторе Ло Гатто, якого М. Бажан назвав одним з найвидатніших. Він зарекомендував себе і як блискучий перекладач грибоедовської комедії “Горе з розуму”, пушкінського “Свєгенія Онегіна”, поем Некрасова. До творчості Шевченка Ло Гатто звернувся ще в 30-х роках, коли виступив у “Італійській енциклопедії” зі статтею про українського поета, де, як зазначає М. Бажан, “підкреслював народний, соціальний, протестуючий характер Шевченкової поезії”.

У 80-х роках минулого століття з’явилися і перші переклади Шевченка в Італії. У Венеції вийшли “Вірші, перекладені з угорської, новогрецької та української мов” Пасоло Еміліо Піоліні (1889 р.). У передмові цієї невеликої книжки перекладач писав: “Поезія Шевченка чинить опір перекладові. Природні і могутні степові квіти, пересажені в наші сади, гублять фарби і аромат. Насолоджуватися поезією Шевченка можна тільки в оригіналі”.

1926 року Млада Липовецька та Чезаре Меано підготували було збірку віршів та поем Шевченка — “Тарасова ніч”, “Перебендя”, “Кавказ”. Однак вона не з’явилася друком.

За активної участі Миколи Бажана просування Шевченка в Італію прискорилося і збагатилося. Так, до століття від дня смерті нашого по-

ета в журналі “Реальта Совієтіка” з’явилися публікації Теа Тодіні і Джован Баттіста Ялонго про життя і творчість Кобзаря. Перекладачі через три десятиліття звернулися до інтерпретації його поезії. В перекладі італійською мовою появились вірші “Думи мої, думи мої” і “Заповіт”. А до ювілейної дати — 150-річчя від дня народження Шевченка (1964 р.) на запрошення М. Бажана прибула італійська делегація в складі літературознавця Джанкарло Вігореллі та письменника Гвідо Пйовене. З виступу Г. Пйовене стало зрозуміло, що, незважаючи на відсутність ґрунтовних досліджень про Шевченка, італійці уже мали певне уявлення про нього, могли розглядати його в контексті з видатними представниками історії своєї культури. Г. Пйовене зіставив Шевченка з італійськими поетами-бунтарями XIX століття — періоду героїчної боротьби італійського народу на чолі з Гарібальді за визволення країни від національного гніту.

1987 року в Італії вперше вийшов у перекладі М. Грассо, відомого літератора і критика, “Кобзар”. Це видатне явище в італійській культурі, духовний міст, перекинутий з берегів Дніпра на прекрасний півострів — Італію, про який не раз мріяв, яку любив, схиляючись перед геніями її культури, Тарас Шевченко.

...Не стало Миколи Бажана. Не стало Етторе Ло Гатто. Але життя не зупиняється. Шевченко знаходить нові дороги до народів світу, в тім числі і до італійського.

Олександр ГУБАР,

професор Сімферопольського університету, член Спілки письменників України 27 травня 1995 р.

Павло ГІРНИК

ОТАМ, ПО СВІЧЦІ І
ГОСТИНІ

Се — я

Народився. Вчився — вивчився.
Писав і пишу.

Живу у світі, який люблю і не
розумію — у тому білому-білому
світі, який не перейти й не обми-
нути.

За плечима і літа, і думи, а душа так і не навчилася триматися землі.
Той поетичний світ часом тихий і щемливий, напоєний добром і лю-
бов'ю, часом годований з ножа... Марно шукати в ньому Вітчизни чи
побратима — він є з тобою.

А ти? Хто еси ти?..

Часточка матері — Тамари Дмитрівни, коло імені якої всі слова моро-
зом обсіпають, батька — Миколи Андрійовича дорогу якого ще й досі
наздоганяєш?

Україною — але додому, до Товар і Кармелюка, Бугу й Бога?

Я ж, озирнуся.

Хмельницька школа № 3, Київський педінститут, Вищі літературні
курси в Москві, членство в письменницькій Спільноті, вихід зі Спільноти,
згодом, на Хмельниччині, голова Руху, голова філії Асоціації українсь-
ких письменників, голова "Просвіти", голова... голова... голова.., якій
усе це зайве. Що з того?. Що — людям, а що — Богові? А чи можна
цього не ділити? Не відаю.

Пишу.

Живу.

Павло Гірник

* * *

Прадавній дзвін повноголосий
Мені привидівся...

Тоді

За ним прийшла похила осінь
Біжучим колом по воді.

І говорилося до Того,
Хто прозирає каламуть,

Про громом хрещену дорогу
На вічну не останню путь.

І не полохалась лукаво
Сама собі нічна душа,
І тихе сонечко ласкаве
На руки сіло, як пташа.

КРИМ 1.2013

Зоріють досвітні вогні
І при біді, і при надії,
І недорослому мені
Таки помалечку світліє, —
Отам, наосліп за столом,
Ледь по обтрушені снігами,
Де байдуже, чи є над ними
Оте усе, що буде сном.

Ох! Мало в цій дорозі подорожніх
Отут, між грозовими небесами,
Та я тебе, мій Боже, не зневірив,
Ти доброту і святість дав мені
Попри мою гординю самопливу —
Собі візьму нічого.
Поділюся
Хіба х останнім зайдою тутешнім.
Бо часом, щиро кажучи,
й від нього
Прийдешніх сил от Бога здобував.

Пересівалося на дощ,
І шнурком затягло простір
В чергову чергу коло площ —
На відстань подиху, на постріл —
Збігається в сердешній люд.
Стара отара очамріла.
Пітьма всеможня і всесила
Сповзається з усіх усюд.

Свячений хліб, Свячений ніж
Не покарай і не заріж.

Слухаю дощ, і так само
з над неба впаду.
Слухаю Слово святе,
прогортаю біду.
Все, що написане всує
сліпим олівцем,
Йде від порогу до плоту
сухим манівцем.
Птаха затихла.
Помалу на сході гримить.
Холодно. Вічно.
Затихла осяяна мить.

3 трагічного уривка

За Робертом Бернсом

Людното, я між вас,
 свиното і сволото,
Освячені і цвіллю й худобою,
Зажерливе і хтиве посіпацтво,
Смердючі хвойди втраченого часу,
Що в безвість повели своїх дітей.

Ту кров нужденну,
що в мені нуртує,
П'єте в свята на батьківських
могилах
І рідним словом клевете уста...
Щасти вам бідолашні гави!
Голосіть —
Доброта доброту звела на тугу,
Тужливі непокаяні блукальці
Заступника ведуть на вірну путь...

Коли неначе до хреста,
Поодверзаються вуста
І не велично повногруде,
Яке розпаслося з облуди,
А вільне слово дасть води,
Коли попросиш: “Одведи”.
Тоді згадаються печалі,
Речитативи незвичалі,
Які у думках є — то там
Немає праведного глуму,
А тільки світлий подих суму
І сплата по усім боргам...

Морози відлягли.
Виходжу босий

На превелебний сніг простоволосий,
Вслухаюся до тихої імли.
І сутеніє іскра зимова,
Летить до неба і не зотліва.

* * *

Колись було, ніби обустріло,
Тобі й писалося отак.
Тепер з півночі на заутреню
Скликаю, як мандрівний дяк.

У жилах крижаніє тиша,
Яка сконала на гаках,
По тих для всіх не наймудріших,
Які і досі в бурсаках,
Що полягли під прапорами,
А не ховались крадькома
І важко добиватись тями
І безнадійно, як нема.

* * *

Старий ослін.
Старезна ложка,
Що переїла хазяїв.
Ще ледь кульгає Теребожка
Попри кульгавий сивий хлів.

Вже ні до церкви,
ні до хліба,
Ні до сусідів не зайти.
Старезна ложка до обіду
І німоти до самоти.

* * *

Вишень нема.
Пожовкло літо,
І під могилами земля
Поворухнулася до жита —
Нізвідтіля, нізвідсіля.

* * *

На дощ заходилося...
На дощ,
Який піде понад громами
І посівальники снігами
Впадуть на ризи Пирогощ.

Вода зречеться берегів,
Крижина скресне стосотлітня,
І грудень у обіймах січня
Благословить весняний гнів.

* * *

Присяг нема.
Були, але навряд
Чи будуть. Тихо, наче плесо,
Поснуло все — і тінь твоя, і сад,
І сад, і ти, і тінь довготелеса.

Заснув і сон у соняшнику.
Вись
Гойдалася послулими зірками.
І джміль чи не востаннє помоливсь
Над сном і садом, тінню й огірками.

Як огірки ті пахли уві сні!
Як їм цвілося жалісно і сонно,
Як джміль вганявся в квіти запашні
І виганявся звідти, як з полону!

Присяг нема. Нема і не було.
Заснула хвіртка і заснула хата.
Криниця тихо дихала в село.
Це їх земля. Кому ще присягати?

* * *

Не озирайся.
Україна
Вдовиний шлях благословля, —
Ота самотня бадилина,
Що посміхається здаля.

Надходить поостання осінь
І по біді, і по олжі,

Стоїть високе безголосся
Як поруків'я на межі.
І молиться свячена мова
Від посвітання і опівніч,
І сам собі, як грім по кволий,
Благословляєшся на Січ.

* * *

Отам, де ніч,
де ніч отамо,
Де тиха мальва
при вікні,
Твоя зоря наопаш
тане
І восени, і навесні.
Холонуть сльози
подорожні,
Перехрещується вода.
Словечко щире,
непобожне
У грудях клекіт
побива.
Отам, по свічці і
гостині
За двадцять день,
за триста літ
У не полатаній свитині,
Яка на захід і на схід.
Удвох з собою
посамую,
І не на щастя чи біду,
А просто пригадаю
всує
Григорія Сковороду.

* * *

Посходилась вода
з криниць,
і непочатими снігами.
Лягає небо долілиць,
І простір куриться над нами.
Хай прощавається земля,
Що вже не сапи, ні лопати,
Ані мовчати, ні прощати,
Ні посміхатися здаля.

Одбулося. І поза як
Колись бувало значно
гірше,
Саме тоді писались вірші
Про те, що вже
не буде так.

* * *

Пересіялася дорога.
Тепле небо перетекло.
Ледь світає. Нема нікого.
Не було.

Тільки подих землі чужої
Просто в очі... Яка орда
Галушками набила зброю?
— Ты куда? Не туди! Сюда!

Се — нарід мій.
Се я, причинний.
Це остання сліпа течія.
Посміхається Батьківщина.
Нічия.

* * *

Нема ні роси, ні води,
Глузує орда над юрбою.
Навпомацки свічку знайди
У сутінках болю.

Карбуй достославні діла
Цього опалимого тіла.
Пиши, як душа полягла,
Як голову зірка прошила.

Як очі видющі твої
Стягали червоні тумани...
Ви помовчіть, солов'ї.
Драстуйте, мамо.

Подякую Вам за свята,
За латку озимого жита.
За те, що ніхто не спита,
Як маю себе пережити,

Як самота переп'є
Друзів, дороги і статки...
Мамо, я вічно твоє
Жайворонятко.

* * *

Співає стежка на город...
Павло Тичина

Перецвітають зорі на морозі.
Співає срібна стежка на межі.
Турецький місяць ляже на порозі —
Освітить хату в білій паранджі.

І вийде звідти чарівниця чорна,
Внесе дрівець, запалить у печі.
І п'яний спів сільського недочорта
Свистітиме арканом уночі.

Самотній огник темряву проколе.
Гудуть вітри на різні голоси.
Закляклі будяки на видноколі
Беруть зів'яле небо на списи.

* * *

Минулися сніги. Повіяло туманом.
Із вирію твого почулись голоси.
І знову сниться світ,
в якому ходить мама —
Дівочої, співочої, високої краси.

Минулися літа, і кожухи, і свити,
Життя перегорнулось,
мов книжечка чужа.
І думаєш вночі, чого ти був на світі,
Чого не боронився від прірви
і ножа?

Сніги стоять в очах,
замулюються жили,
Минулись вороги, і друзі відійшли.
Відлуння мовчазне звойованої сили
Блукає у відлунні німої ковили.

Я, мамо, був і є. Я, мамо, ще побуду.
Стомила душа від слави і ганьби.

На німби золоті сідає порох бруду.
На верби і оливи сідають голуби.

* * *

Там, де стомлені зорі гойдає
трава вікова,
Де висока дорога твоя наодинці
зі степом,
Знову тихо — самими вустами —
шепочеш слова,
Знову довго — самими очима —
прощаєшся з небом.

І так вільно тобі,
і у вирій душа поверта, —
Ні любові, ні кривди, ні туги, —
нікому нічого не винен.
І гортається книга
Буття, і така висота,
Наче серце до серця сьогодні стоїть
Україна.

Хто назвав тебе сином своїм
і пішов назавжди,
Хто прикликав тебе
і до ран прикладав твої рани?
Ти не відав, хто є, та на всіх
залишився один —
І вода, і вогонь, і дорога,
і щит коло брами.

Ти віч-на-віч з пільмою,
яку прозираєш до дна —
Десь там поруч Тараса розпечений
сміх Северинів.
Повставай у собі і полися —
ніщо не мина,
Доки в жилах ятриться
обвуглена кров побратимів.

Ти останній —
мусиш іти на останні громи,
Подолавши і простір, і смерть,
і вагання.
Бо стоїть під грудьми, бо волає
до тебе з пільми
Одчайдушне повстання твоє —
неминуче й останнє.

* * *

Маю папір і печаль,
Маю дорогу і небо.
Більше нічого не треба.
Більше нічого не жаль.

Словом тебе не торкну
І не проситиму Бога —
Коло мого долину
Вже не ростиме нічого.

Навіть сльозу молоду
Я посилаю за димом,
Бо озирнусь — пропаду.
Не озирнуся — загину.

Вічне відлуння ходи
Чують високі могили.
З неба, вогню і води
Тут народилася сила —

Сила здолати себе
І відпустити на волю,
Бо відрізняється степ
Від здичавілого поля.

* * *

Якої ще мені журби,
Якої кручі над очима?
Уже не крилоньки ростуть —
Сама калина за плечима.

Уже скидає самота
Зі слів непранки празниківі,
Уже останні цвіркуни
Весільну тнуть на будякові,

А там і голос попечуть
На передчасному морозі...
Спасибі, доленько моя,
Що пожурилися в дорозі.

Що в тому вічному житті
За далиною голубою
Лишили стежечку в росі,
А не покоси за собою...

* * *

Останній день, остання воля,
Остання тиша на піску,
І поминальна грудка солі
На крижаному рушнику.

І сірий вітер проти ночі,
І тихе слово при кінці.
І Україна очі в очі
Стоїть зі свічкою в руці...

* * *

Спокій і тиша.
Сам на обійсті.
Сам собі знову, та й був собі сам.
Скинуте небо торішнього листя
Не дорікає порожнім лісам.

Просто живи. Підгортай бараболю,
Довго і нудно сапай буряки.
А уночі попитай свою волю —
Хто ти, чого і навіщо такий?

Ні — не надбав,
тільки втратив чимало,
Навіть на людях до себе не звик.
Боже, навіщо душа повставала,
Йшла на безодні, на глум
і на крик?

Спокій і тиша.
Дим і тумани.
Ніби й не збігли роки і віки,
Ніби в дорогу ховаєш від мами
Вогку цигарку і три сірники...

* * *

Ти думав, що вже сам.
Не пустять, не надійся.
Прийдуть і відберуть,
лишивши при столі
І гроші, і вино й позаторішне
листя, —
Аби сидів і думав,
як жити на землі.

Їм легко. Вони тут.
 Вони ще при роботі,
 Допоти, поки є твоя сумна душа.
 Тому і бережуть,
 і наливають — потім
 Без тебе їм немає дороги до Коша.

А ти їх не ведеш —
 провадиш над безодні.
 А ти їм не говориш —
 а зопалу кричиш,
 І їхнє п'єш вино, позичене
 й холодне,
 І знаєш — не вбивають.
 Ти сам собі згориш.

Не вмію, а просив.
 І намагався бути,
 І жити, як усі на людях і вітрах.
 Якої ще війни, якої ще покути,
 Аби останнє жито лягло у половах?!

Пиши собі. Пиши.
 Не можеш, але мусиш.
 Римуй чи не римуй —
 чого тобі до них?
 Ти знаєш, як це є,
 коли стинають душу,
 З якою йдеш додому,
 сліпий серед сліпих.

* * *

От і осінь минула така дощова
 І така незбагненна і вічна,
 Наче посвист — на відчай! —
 сліпого ножа,
 Що повільно летить повз обличчя.
 Це твоє полювання,
 мій друже нічний,
 Це сваволя твоєї гордині.
 Посміхайся до неба, бери,
 володій —
 Тільки нині!

Тільки тугу своєю пільмою запий,
 Поки наша сльоза не минулась.

Я не сам у дорозі.
 І ніж не сліпий.
 І душа схаменулась.

* * *

Миколі Мазуру

За снігами сніги,
 за снігами верба і калина.
 І забута могила,
 і пам'ять заледве жива.
 Хто впізнає тебе серед цього
 одвічного плину
 І поділиться хлібом,
 і скаже останні слова?

Ще стоять просто неба тобою
 мальовані гори,
 Ще стоять просто тебе червоні
 твої небеса.
 І така висота, і така самота
 і покора,
 Наче мають свій голос і глина,
 і хліб, і роса.

За снігами сніги, за снігами півнеба
 і світу.
 Крижаніє душа
 і мороз обсипає чоло.
 Але ти полетиш,
 бо почуєш одвічну молитву,
 І вогонь продиматиме знову
 прозоре крило.

* * *

Заспіваю, мамо, заспіваю,
 То дарма, що голосу нема.
 Чарочки по вінця наливаю —
 Я не сам, і ти вже не сама.

Буде роду, буде переводу,
 Буде хліб всміхатись до ножа.
 Підійму чарчину за господу —
 То нічого, що вона чужа, —

Світ чужий.
 Ми тільки перехожі,

Проспівали — і на тому край.
Засуди і покарай нас, Боже,
Тільки розминутися не дай.

* * *

Вгамуйся, брате.
Є вода,
Яка була тобі живою,
Є хліб, і сіль, і борода,
І вус козацький над губою,
І втішне слово при біді,
І набряки попід очима,
І навіть пір'я в бороді
З тих крил, що носять за плечима.
“Кобзар” і смажене курча,
Горілка й православна віра —
Все є!
Хіба не вистача
Бодай маленького Сибіру.

* * *

Поділений на три п'ятки,
Розіп'ятий самим собою,
Ти залишаєшся з людьми
Відлунням, кров'ю, самотою.

Бо йдеш дорогою, яку
Не маєш права залишати.
І руку стомлену й важку
Не подають тобі, як брату,

Ні сіль, ні вітер, ні трава —
Усе поховано для ока.
Ти знатимеш такі слова,
Скажи — і оживуть пророки.

* * *

Повертайся, сестро.
Споночіло.
Над тобою зорі й кажани.
Хто кого тепер візьме на вила,
Як нема ні кривди, ні вини?

Хто до грудки солі скаже:
“Мамо...”,
Хто озветься до ковтка води?
Живемо, неначе вуркагани,
Підпаливши хату з лободи.

От і лютий. От і споночіло.
Завірюха стогне — от і край.
...Боже милосердний,
Боже милий,
Хоч дітей за нас не покарай!

* * *

Охопись побратиме,
в чужій стороні...
Ще твій слід на дорозі не стерся,
Де ворожать зірниці на власнім
вогні,
Пропікаючи зболене серце.

Ще ти долі сварливій даєш
одкоша,
Щоб за поли тебе не хапала.
Ще у мандри береш, —
бо козацька душа, —
Вишиванку, сопілку, кресало.

Ще полям і могилам
вклоняється мак,
Ще Славути пісок не завіяв.
Ще на кручах рипить,
як порожній вітряк,
У сльотаву погоду пра-Київ.

Озовись, побратиме!
Ще слід не прочах
По тобі у піснях сумовитих.
Я впізнаю тебе між людей по очах,
Якщо є ти на білому світі.

* * *

Є воля. І нема покар.
Душа отямитись не може.
...Яка це втома — Божий дар.
Яка це туга — милість Божа.

* * *

У зимну днину, в лиху годину
Летіли гуси над білим ставом.
А ватаг крикнув, що Україна,
І серце стало.

* * *

Повільно точиться сльота.
Сідає паморозь поволі.
Душа вертається з хреста —
Нема ні голосу, ні волі.

Пощо розпочинати лік —
Пропаді дні, останні дати.
Пощо слова, пощо язик,
Які не вміють не брехати?

Прислухайся — яка сльота!
Перехрестись — яка дорога!
Душа вертається з хреста —
Куди, навіщо і до кого?

* * *

...прийти додому.
Тільки й слова!
Достатньо на своїй землі
Любити хліб, смолити човен,
Латати душу при столі.

І зимувати в холоднечі,
І забувати навесні
Усі гонитви або втечі —
І без коня, і на коні.

Люби свій хліб.
Смоли свій човен.
Не озирайся. Не суди.
Нема нікого — тільки слово,
Що навіть не подасть води.

* * *

Ідуть дощі, немов прочани,
Лягає небо на горби.

Така спокійна і незнана
Ця осінь видалась мені.

Нема ні темряви, ні світла,
І самота — не самота,
Неначе павутинка світу
Над головою проліта.

І ти покірними губами
Повторюєш слова прості,
А вже під вічними горбами
Твої прочани золоті.

І все настільки невагомо,
Що вже тебе не полиша
Та тиха невимовна втома,
Коли вертається душа.

* * *

Чого це я знову?
Стискається час
І далі — ні неба, ні Сина.
Отак, по-живому, —
а в жилах у нас
Саме голосіння.

Якої ще крові, якого плачу,
Якого глухого одчаю,
Коли на усіх поминальну свічу
Потяв —
і ножа не ховаю?

Така ж самота і така ж німота,
А більше нічого й тне буде.
Невже на Голгофі, неначе Христа,
Розіпнемо Юду?..

* * *

Майбутнє, кажете? Душа
Всього зречеться:
грішну глину
Украй натомлене пташа
Розсуне крилами сліпими,

І мертвий грім нізвідкіля
Впаде на крижану руїну,

І стане попелом земля,
І стане вітром Україна...

І летимо, і ще живі,
І ще гонитва,
а не втеча
Туди —
на зорі межові,
А може й далі — в порожнечу.

* * *

Той давній спогад ще не стерся,
Як моя мати молода
Тримала хліб напроти серця —
Вділяла нам і голубам.

Малі були. І в тому сквері,
В яким царя попхав селяк*,
Ми годували сіропере
Негорде птаство просто з рук.

Вони й пили з мого відерця.
Звисали крила, як торби.
...Буває, що і добре серце
Оберне вільних на рабів.

* * *

Такі сніги, що змушують мовчати.
У цій пустелі замерзають звуки,
І тільки тануть крила літайчат,
Що з високості падають на руки.

Така вже розкіш. І така печаль,
Така доцільність безпритульна:
Конверт полів. І ворон, як печать.
Безлюдний світ, і вітер — гульма...

* * *

Посміхнися, брате мій. Світає.
Поміж нас і протягу нема.

* Пам'ятник Тарасові Шевченку в Києві стоїть на місці пам'ятника Ми-
колі ІІ.

Тільки пекло, що здавалось раєм.
Тільки кров, подушена й німа.

Там, де вже немає і не буде,
Там, де мати вже й не вигляда,
Слово ляже грудкою на груди.
Нами стануть небо і вода.

Бог нас не розсудить, а спитає.
Мати й не спитає — пригорне.
Посміхнися, брате мій — світає.
Все минає, брате. Все мине.

* * *

Знову стоять полини
в прибраній хаті.
Білу сорочку вдягни —
ту, що на свято.

Той, хто долає себе
наче дорогу,
Тішиться, що упаде
небу під ноги.

Там, за порогом, світи
позагосподні.
Ти від безодні чи ти
напередодні?

Там, за порогом, гроза
й вигуки вовчі.
Знову ти сам, як сльоза
що поза очі.

Де ти, чого тобі йти,
хто і навіщо?
Гріються дикі світи
на попелищі.

Йди через власну пітьму
бити на сполох.
Ти переміг — і тому
сам собі ворог.

* * *

Отам, де слово слова не рятує.
 Отам, де навмання по найманню,
 Не скаржитись, що Бог тебе не чує
 А просто прихистити вовчєня, —
 Не сіре-чорне.
 Дичина і зваба.
 Три хистки сивини.
 Нічий-нічий.
 Його широка одчайдушна лаба
 Покоїться у мене на руці.

* * *

Сіромашко мій, сіроманцю,
 Світе мій білий!
 Сіропашечко моя
 Сизокрила!
 Ходимо по росі —
 Ноги босі.
 Сіро доленько моя
 Простоволоса...

Ми рідні, ми живі.
 Одної мови.
 Було і далі — стали при межі.
 То та свобода обкипає кров'ю,
 лютуючи на дикому ножі.
 Ми — побратими.
 Сироти скажені.
 По нас нічна сваволя присяглась.
 Неприхатки, не світки, не оженьби,
 Але колись згадають і про нас,
 Як вовкулаки вродяться... \по всьому
 Тобою перекинусь — і мине.
 Хай думають, що я не маю втоми,
 Коли удвох голосим про сумне, —

Оте, забуте, де і слів немає,
 А тільки туга, туга або зойк.
 А ти, вовчисько,
 з серця не втікаєш.
 ...Сіроманчику мій, ой...

* * *

Тихо на серці.
 Відтала осіння вода.
 Поночі небо пішло понад світлі
 безодні.
 Сам я дорогою йду,
 що мені нетверда,
 Тою, де чуються вперше слова
 Прагосподні.

Станеться світ.
 У долонях — долоні землі.
 Порох і туга по них —
 од пільми і погару.
 Ніч повертається в ніч.
 Та мені й по мені
 Сонце погляне у вічі Холодного яру.

* * *

Болить?
 Боли ж,
 Боли, як ніж,
 Що свою кровію напився.
 Боли у грудях, де зігрівся
 Такої матері...
 Мовчиш?
 Там, на хребті тесовий криж
 Порипує у ніч з неволі,
 Як ті вітри неохололі —
 Такі ж свавільні хоч заріж.
 ...І, дивлячись в похмуре небо,
 Сахаючись самого себе,
 Ще посміхаюся — немов —
 Заснув. Зігрівся. Охолов.

* * *

мені байдуже
 просто стомився
 ті думи навч
 краще б перехрестився
 не гунав щоніч
 не швендяв ото
 серед світу
 дорога німа

Оце мої покути і свята,
І тиха сповідь, і остання сила, —
Не вороги зімкнуть мої вуста —
Брати по вірі викинуть з могили.

Голосить дим, а ми помовчимо...
Стоїть остання воля під громами.
Червоно-чорно терпне знамено.
Собаки похлинаються за нами.

А ти — як я,
Відьмацьке вовчєня.
Кого коли ще матиму за друга?
Оце хіба проситиму коня
І поцілую шаблю і попругу.

Голосить дим, а ми помовчимо...
Стоять дими за нами й поза нами.
Червоно-чорно терпне знамено.
Шепочуть кулі давніми словами.

Післяслово

*Шевченківський лауреат
поет Павло Гірник*

Поет Павло Гірник. Лауреат Національної премії імені Тараса Шевченка 2009 року. Провінційний, можна сказати, мешканець: живе у райцентрі Деражня на Хмельниччині. Раніше жив у Хмельницькому. А народився в Києві, в родині поета Миколи Гірника. Отож поет він, можна сказати, спадковий: гени передалися, либонь.

Всі, хто бодай один раз читав його вірші, з першого рядка розуміють: Гірник — поет справжній. А хто хоч трохи знає його життя, той знає й те, що Павло, крім писання віршів, більше нічого не вміє в цьому світі. Тільки — ПОЕТ. З усіх чотирьох великих літер. І невідомо, що це для нього самого: Божий дар чи кара Господня.

Мабуть, не знає цього й сам Павло. Мучиться на цьому світі й інших мучить біля себе. Не здатний жити “як усі”. Воістину — не від світу сього чоловік.

За своє життя не надбав ні майна, ні практичності. Ні навіть божественного середовища, в якому почувався б хоч трохи вільніше (яка там божема в маленькій Деражні)? Добре, хоч сім'я нарешті з'явилася в цього козацюрки, як він сам себе називає. “Хоч у таких уже літах, а нарешті маю родину”, — радіє Павло. Бо ті сім'ї, що були раніше, розпадалися, — всі вважали, що саме через відсутність у годувальника найменшого прагматизму й здатності сім'ю утримувати.

А Гірник знає справжню причину: “Мусив жити самотою. Щось не давало мені мати ні тепла, ні хати. Мусив іти кудись — де самотньо. Де ти сам-один. Де тебе піднімає серед ночі, тверезого і злого, — і пише тобою. А ти після цього як після тяжкої роботи — нічого вже не можеш”.

Він у тому переконаний — що не сам пише. Що прийшов у цей світ, аби хтось дописав ним своє. Читачі його віршів не можуть не помітити в них не те що шевченківських мотивів — а духу Шевченкового, вулканічної пристрасті, яка вириває слова із самого серця, зболені аж до крові, пульсуючі й живі.

Власне, просто читати їх не можна. До них можна ледь доторкнутися очима — і, наче опарившись, відкласти убік: і не повертатися більше, як не хочеться повертатися до чогось болючого, важкого, що вимагає такої ж важкої та болісної праці над собою, аби змінити бодай трохи те в нашому житті, про що так тужно пише Гірник.

Немає щоб утішитись сюсюканнями про найкращий, наймудрі-

ший, безпомильний і т. д. народ. Ні! Слідом за поетом каторжно про-
орюємо поле власної історії, пере-
повнене ще більше, ніж подвига-
ми й славою, розгубленістю та не-
розумінням, куди іти, що діяти, як
витягти себе з неволі й недолі? Аж
сторцює цей розпач:

Так мені стерпло,
що навіть душа не болить.

Це метання, сліпота, стихійні
пробудження. І знову сонне збай-
дужіння до власної долі вимучують
до сліз, до відчаю — і все одно зму-
шують продиратися до світла й
прагнути кращого:

На велелюдному базарі
І продають,
і плачуть до зорі.
Народе мій, сліпий кобзарю,
Куди тебе ведуть поводири?

Павло не вмів “писати” вірші —
в сенсі гратися словом. Він тужить
словом. Любить словом. Словом
живе. Воно в нього таке ж непри-
каяне, як він сам. А що він чужий
у цьому світі — хоч має друзів і
безліч знайомих, — зрозуміло кож-
ному, хто знає Павлове життя...

Йому не вдаються елементарні
практичні оборудки. Якось матери-
ну квартиру в центрі Хмельниць-
кого продав, — і ті гроші розійш-
лися невідомо куди: хтось Павла
обкрутив, хтось обдував, комусь він
позичив на вічне віддання — і ні
грошей, ні хати. А в сільці Берег-
лях Красилівського району, на воді
й картоплі та тяжко зароблених
учителюванням копійках, Павло не
втримався. І нині в селі Садове до-
будував куплену хатину — став у
пригоді грошовий доважок до Шев-
ченківської премії.

Він же розповідає, що його тим-
часове хмельницьке пристанище, де
буває наїздами, окупували миші.

“Поки все гризли, я терпів! Умов-
ляв їх, переконував, що робити так
не можна. Та коли вночі гармидер
на моїх чернетках зчинили такий,
що й заснути несила, — накупив
отрути, мишоловок... Сиджу вве-
чері, дивлюся телевизор. А мише-
ня вибігло по моїй руці, всілося
мені на плече — і дивиться теле-
візор зі мною. Уявляєш — дитя до
мене прислало, щоб перепросити!”

Либонь, це викликає подив або
й сміх у тих, хто жити “вміє”. Їх
більше, ніж таких, як Павло. Нині
— значно більше. Вони почувають-
ся господарями цієї землі. Вони й
справді — земні люди. І тому їм
майже неможливо збагнути таких,
як Гірник, — непристосованих за-
робляти гроші і думати про хліб
насушний. Що тільки й уміють —
каратися любов’ю до свого народу,
до рідної землі, писати мовою, яка
у серці б’ється і кричить. Що вдієш
— кожному своє:

Є хресна путь,
і є шляхів чимало.
Хрести є різні.
Є, що їх нема.

Павло Гірник посланий небом
творити з розсипаних тут і там літер
слова й складати з них Поезію
справжню. Яка не оспівує, не за-
колисує і не розчулює — а пропікає
наскрізь, не дає ні їсти, ні спати
— так болить. Вона така ж мучена,
як наша історія. Така ж розпачли-
ва, як плач немовляти, що явилось
на сей грішний світ у плоті прохо-
дити випробування земним жит-
тям, спокусами, гріхами. Така ж
нестримна, як народний дух. Вона
жива. І вона українська.

Україна для Гірника — не ма-
льовничий пейзаж, не ікона й не
заклинання. Україна — біль, лю-
бов, молитва. Це те, чим живе. Не
тільки у поезії. Свою Україну,
вільну й незалежну, Павло відсто-

ював завжди. Коли за радянських часів писав, що відчував, не підлаштовуючись під компартійні вимоги. Коли в часи горбачовської перебудови вголос говорив те, про що й думати боялися обережніші колеги. Коли вступав до громадської організації “Спадщина”, до Товариства української мови, до Руху — туди, де крок за кроком кувалася й здобувалася українська незалежність. Коли одним із перших на Поділлі розгорнув синьо-жовтий національний стяг. Коли голодував на тоді ще площі Леніна у Хмельницькому — заради якихось елементарних вимог національно-демократичних сил, до яких уже українська наче влада ставилася зневажливо (як чомусь завжди в нашій країні ставляться до тих, хто насправді бореться за Україну). Інші проголосили те голодування — і через два дні з площі пішли. А Павла і ще чотирьох безумців через дев’ятнадцять діб доправили до реанімації...

А сьогодні, здається, що це було просто. Це було складно — продиратися крізь неприйняття, заховане під обережністю боягузтво навіть найближчих товаришів.

Це було небезпечно — тоді. Та саме тоді, коли було небезпечно, — там був Гірник. Це з нього та з таких, як він, нерозважливих і непрагматичних його товаришів виростала в нашому краї українська незалежність.

Та він і сам по собі — наче втілення того одвічно невпокореного вільного духу, що, як вода крізь камінь, пробивався через усю нашу стражденну історію та літературу.

З Павла можна малювати запорожців, Чіпку, Кармалюка — всіх тих, хто не мирився з обставинами, хто боровся за право бути людиною і

для кого воля була понад усе. Він так само жертвує собою і так само нічого не отримує натомість. Громадською діяльністю, громадянською позицією, самозреченням заради України Гірник не здобув ні почестей, ні слави. Ні, тим паче, матеріальних вигод. Він просто інакше не міг жити тоді, коли країні потрібні були його вчинки.

Павло пробув у політиці рівно стільки, скільки було потрібно для такого пробудження нації (до речі, саме так і називалася редагована Гірником на початку 90-х років XX століття рухівська газета — “Пробудження”).

А потім — знову біль за тим, чого не сталося, що не дає стати Україні українською, самодостатньою і справжньою. Знову — вірші, що спливають сльозою і загусають кров’ю:

Чого тобі,
яких ще слів і дум,
Якого крику в урвища совині,
Яких ще попідтинь
твоїй Вкраїні,
Яких по прощі
легкодухих сурм?!

Павлові вірші важко цитуються. Строфи з контексту вириваються майже “з кров’ю”. Таке враження, що вони й написані саме так, під нуртування крові в жилах, під вибухи серця, якому тісно й тоскно в оковах тіла. Через те, коли хочеш їх осягнути, — мусиш струснути з себе легкодухість, байдужість і брехню. Жити мусиш тим, що живе і справжнє: совістю, честю, Вкраїною.

Офіційно Шевченківська премія дісталася йому за збірку поезій “Посвітається” (2008 рік). Це, влас-

не, вибране — на 232 сторінках. До цього вийшли ще з десяток поетичних збірок. Невеликих, скромно виданих. Та в усіх них були вірші, що заслуговують на вивчення і всенародне визнання. І радісно вже від того, що люди, котрі не зовсім сприймають Павла Гірника як особистість, муситимуть рахуватися з ним: як-не-як, тепер “живий класик”. І це підтверджено — документально.

Хоча насправді всеукраїнське визнання прийшло до Павла Гірника тоді, коли в шкільну читанку (він і не знав) увійшли чотири рядочки, написані його вічним боєм:

У зимну днину, в лиху годину
Летіли гуси над білим ставом.
А ватаг крикнув, що Україна,
І серце стало.

*Світлана Кабачинська,
м. Хмельницький*

ЗМІСТ

ПРОЗА

Валерій Тарасов. Сказати правду. Переднє слово 152

Валерій Тарасов. Брати. Повість 155

ПОЕЗІЯ. ПЕРЕКЛАДИ

Данило Кононенко. Завжди разом зі своїм народом.

Творчість А. Велієва 159

Аблязіз Велієв. «Добрий день, дорогий мій народ!» Вірші 161

Василь Латанський. Дзвінки крізь серце. З невиданого 166

Галина Литовченко. Закавказзя в спогадах Українки.

Цикл віршів 169

ПРОЗА. ПЕРЕКЛАДИ

Валерій Басиров. Тоді в п'ятдесятих...

Автобіографічна повість. Переклад Д. Кононенка 176

Іван Михайловський. Журавка Ася. Оповідання 190

Валерій Басиров. Іван Іов. Яким я знав цього 195

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

Олександр Губар. Кобзар в країні Гарібальді 204

ГОСТІ ЖУРНАЛУ

Павло Гірник. Отам, по свічці і гостині 207

Світлана Кабачинська. Післяслово 220

КРЫМ • КРИМ

КЪЫРЫМ

1^[32] 2013

Эдебий-бедий меджмуа

Акъмесджит

Яшайыш уйгъунлыгъы

Урметли окъуйыджылар ве Редколлегия азалары, уйгъунлыкъ (толерантность) сёзю заманымызда эр куньки къонушув сёзлери арасында темелли ер алды. Биз бу ибаренинъ манасыны башкъаларнынъ фикринен сабырнен янашмалы деп анълаймыз.

Бир чокълар исе бу анъламны озъ айын-оюнларында файдаланмагъа ынтылалар. Биз бирдемликте ве чешитликнинъ озъгюнлигинде уйгъунлыкъ эльде этмек керекмиз. Иджаткяр ичюн медениетлернинъ озъара эмеждашлыгъынен бир сырада, озъара эмеждашлыкъ медениети олмасы да зарур. Джемиет инкишафынынъ ахлякый ве демократик севиеси анджакъ бунынънен бельгиле. Мемлекетимизде хусусий бир (уникаль) регион олгъан полиэтник Къырым ичюн бунынъ айрыджа эмиети бар.

Мен, учъ тильде чыкъып башлагъан эдебий-бедий «Къырым» меджмуасы Мухтар Джумхуриетимизнинъ эдебий, ичтимаий ве маневий аятында муим бир вакъиа оладжагъына эминим. Мында, Къырымда, «Къырым» адынен эдебият альманахы нешир этильгенден бери (1948–1962 с.с.) чокъ шейлер денъишти, амма биз мезкур меджмуада шу альманахнынъ эм адыны, эм гъаелерини девам эттиреджекмиз. Арада чокъ шейлер денъишкенине бакъмадан, Къырымда эдебиятнынъ, насыл тильде олмасын, юксек бедий севиеси сакъланмалы ве эдебий эсерлер инсанларнынъ юрегини къозгъалтмалы, оларны тюшюнмеге, эеджанланмагъа меджбур этмели. Меджмуагъа авесли, ургъун окъуйыджылары ве истидатлы муэллифлери олмасыны тилейим.

Бизге, эдебиятчыларгъа исе, акъикый бедий эдебиятнынъ эсас макъсады ве нетиджеси ахлякъ олмакъ кереклигини даима хатырда тутмакъ лязим. Эминим ки, илериде языджылар янъыдан тикленген «Къырым» адлы мезкур эдебий-бедий меджмуада эсерлери басылгъанынен гъурурланаджакътырлар.

*Урметнен, Украина языджылары
Миллий бирлигининъ Къырым
Джумхуриети тешкилятынынъ
реиси*

Б. Г. Финкельштейн.

Сайгъылы окъуйджылар!

Элингиздеки учъ тильде чыкъкъан «Къырым» меджмуасы янъы бир нешир дегильдир. Бойле меджмуа рус тилинде Къырымда дженктен эвель чыкъып тура эди. 1948-1962 сенелери чыкъкъан бу меджмуанынъ 32-нджи саны дюнья юзюни коръди.

Иште, 51 йылдан сонъ, «Къырым» меджмуасы кене чыкъып башлады. О эвельки «Къырым»нынъ девамджысыдыр. Бу тешеббюс Украина Языджылары миллий бирлигининъ Къырым джумхуриет тешкиляты президиумында музакере этильди ве бу теклифке къолтутулды.

Дженктен эвель «Къырым» меджмуасы рус тилинде нешир этильген олса, эндиден сонъ меджмуа учъ тильде: рус, украин, къырымтатар тиллеринде нешир олунмакъта. Къырымтатар азыджылары бирлиги озъ мустакъиллигини сакълап, Къырым джумхуриет тешкилятына айры секция олып къошулды. Айны тешкилятта рус ве украин секциялары да мевджут. Иште, эр бир секциянынъ меджмуада айры болюги мевджут.

«Къырым» меджмуасынынъ Къырымтатар болюги ичюн месуль азыджыларны да Къырымтатар азыджылары бирлиги бельгилей.

Меджмуада несир, назм, публицистик эсерлер, классик эдебиятымыздан нумюнелер, къырымтатар тилинден рус ве украин тиллерине терджимелер де оладжакъ. 288 саифелик «Къырым» меджмуасы учъ айда бир кере нешир олунаджакъ. Онынъ баш муаррири украин секциясынынъ векили азыджы ве неширджи Валерий Басыров сайланды. Бундан гъайры 2013 сенесинден башлап, айда бир кере нешир этильген «Эдебий Къырым» эдебият газетасы да учъ тильде азырланаджакъ.

Умют этемиз ки бу меджмуа ве газета къырымтатар эдебияты ичюн, азыджыларымызгъа озъ иджатларыны шекиллendirмек, кениш кутълеге танытмакъ ичюн даа бир мейдан оладжакътыр. Къырымтатар азыджылары адындан эм «Къырым» меджмуасына эм «Эдебий Къырым» газетасына огъурлы ёллар тилеймиз! Келеджегинъиз парлакъ олсун!

*Дилявер Осман,
Къырымтатар азыджылары бирлигининъ кятиби.*

Медиха Мамбетова Ташкентте догъды. 1989 сенеси Низамий адына Ташкент Девлет педагогика институтынынъ къырымтатар тили ве эдебияты болюгини битирген сонъ, о «Йылдыз» междмуасында эдебий хадим хызметинде булунды. Анда чалышыр экен озю де икячиклер язып башлады. 1991 сенеси «Йылдыз» междмуасында онынъ «Козьлеринъ яшланмасын, къызым», «Куньлернинъ биринде» адлы икяелери дердж олунды.

Ана-Ватанымыз Къырымгъа къайтып кельген сонъ, Акъмесджиттеки «Таврия» адына нешрияттаки къырымтатар эдебият болюгинде уйкен муаррир олып чалышты. Бир сыра китапларгъа муаррирлик япты. 1998-2002 сенелери «Qasaba» газетасыны чыкъарды ве онынъ муаррири олды. 2004 сенесинден бу яна Къырым Мухтар Джумхуриети Ичтимаий сиясет назирлигинде баш мутехассыс вазифесинде чалыша. Иджадий ишнен де огъраша. Якъында о «Ватанда бир эв къурайым...» повестини язып битирди. Окъуйджыларгъа онынъ шу повести теклиф олуна.

ВАТАНДА БИР ЭВ КЪУРАЙЫМ!..

Повесть

*Башкъа ильнинъ султаны олгъандже,
озь ильнинъ чобаны ол.
(Аталар сёзи).*

— Аллаһ къысмет этип Къырымгъа барсам, ойле бир эв къурайым ки, тёпесине бакъкъан адамнынъ къалпагъы ерге тюшсин. Эни ве боюны адымлап чыкъкъандже эсабыны джойсын. Дюльберликте мимарджылыкъ санатынынъ нумюнеси олсун! Къаттан-къаткъа котерильмек ичюн эмен агъачындан ясалгъан басамакълары йылым-йылым йылтырасынлар. Юксек, дюльбер пенджерелер, оймалы къапылар... Экинджи къатта Багъчаса-

райдаки Хансарайны анъдыргъан узун софа. Андан бакъкъанда огюнде Къара денъиз чайкъалып турсын!..

— Мен бир китапта «Эгер эв къурсанъ оны пек балабан туттырма, зарур олгъанда озь фиатына сатып оламазсынъ», деген насиатлы сёзлерни окъугъан эдим. Мен о эвни сатмакъ дегиль, ичинде омюрлик яшамакъ ичюн — бутюн несиля эджадыма эдебий мекаян олакъ къураджагъым. Онынъ теме-

ли меним догъмуш ана-Ватанымнынъ топрагъы узеринде эсасландырыладжакъ! О меним ве неслимнинъки оладжакъ! О мухтешем эвнинъ кениш одалары ичинде меним балаларымнынъ, торунларымнынъ шенъ, къуванчлы сеслери янъгъырайджакълар...

* * *

Нешъели баарънинъ сонъки аф-тасында бирден авалар бозулды. Курорт шеэрчигининъ кокюни къуршун ренкли агъыр булут къаплады. Дерсинъ бааръ укюмини эльден къачырмамакъ ичюн озъ кучюни косьтермеге ниет эткен. Уйледен сонъ къою ве агъыр булут шеэр узерине саркъты. Эвлернинъ къырмызы, ешилъ дамларыны сийрек, ири тамчылар шыбалап башлады. Арадан чокъ кечмеден тамчылар эп сыкълаштылар. Орталыкъ сиярды. Кок гудюрдеди, ёлларда, эвлернинъ тёпелеринде, тереклер узеринде атешли къылычлар ойнады. Кок гудюрдюсинден къоркъкъан копеклер озъ юваларына сокъулдылар. Ягъмур тамчылары бурчакъ дане-чиклерине къатылдылар, эп буюдилер. Фындыкъ, джеviz киби бурчакъ данелери эвлернинъ дамларында, азбарларында, экинлер ичинде секириклеп башладылар. Эвлернинъ оглеринде, мейданчыкъларда тургъан, ёлда-ызда вызнен кетейткъан машиналарнынъ джамларыны шыбаладылар. Дамларыны берчледилер.

Эки къатлы юксек ве дюльбер эвнинъ кениш залынынъ тёрюнде, беяз мешин диван узеринде отургъан алда йылым-йылым парылдагъан басамакъларгъа тюшонджели бакъкъан элли яшларындаки киши тышта олайткъан бу табият къышымыны ич де дуймай. Бель-

ки земане талапларына толусынен джевап берген пенджерелер оны тыш дюньясындан айырып турадырлар, бельки сукюнет ичинде отурып, нелердир акъкъында тюшонмектедир. Нелер акъкъында тюшюне экен, аджеба. Бельки озюнинъ кечкен къайнакъ, бахтлы омюрини, бельки къааръ-къасеветке гъаркъ бугюнини, бельки ишанчнынъ, умютнинъ башы ве сонъу не ерде экенини тюшонедир. Асылында о, тюшонджелерини — фикирини бир ерге топлап оламай. Олар ювасы бозулгъан, къайда кетмеге, къонмагъа бильмей дувулдап юрген балкъуртлар киби дагъыныкъ ве раатсыз. Киши шимди бир шейден пек къоркъа. Козълерини юмды дегендже къаршысында якъын койдеши, досту, къудасы, башындан якъында инфаркт хасталыгъыны кечирген, хастаджан Асан пейда ола. О, Эмирге гъамлы алда бакъа, алчакъ сеснен:

— Эй, достум Эмир, меним келеджек омюрим энди чокътан терезеге чекильген. Олюмден къоркъмайым, лякин бирден-бир къыйметли торуным Османны пек сагъындым. Оны корип оламам деп азапланам. Огълум Шевкет: «Баба, чаресини тапсакъ бельки йылбашта корюширмиз», дей. Лякин бунъа омюр дейлер. Бугунъ барсынъ, ярын ёкъсынъ...

Эм акъикъатен де аят къануны озъ ишини япты. Бир кунъ саба эрте Эмирнинъ джеп телефоны аджджы-аджджы къычырыкълады, саибине къара хабер бильдирди: Асан кечинген.

Эмир деръал машинасына отурып, дос-догъру достуна, къудасына барды. Асаннынъ энди дюньядан алып береджеги ёкъ. Тынч ве раат юкълагъан киби ята. Лякин сагъ козю яры ачыкъ алда, дудакълары сыкъылгъан. Дерсинъ ичин-

де уймеленип яткъан элемлерни бир кимсеге айтмамагъа тырышкъан. Эмирнинъ къулакълары туюбюнде къудасынынъ сонъки корюшювде айткъан сёзлери текрарландылар. «Олюмден къоркъмайым, лякин бирден бир торунымны Османнны пек сагъындым, оны корип оламам деп пек къоркъам...»

Эмирнинъ кокюс къафесинде бир шей узюльген киби олды, юреги чапаланды. Богъазына келип тыкъылгъан топаттан нефес алувы агъырлашты. Бутюн вуджуды салкъын тер ичинде къалды. Козълер и огюнде къаранлыкъ чёкти. Яш кишилер оны явашчыкътан мефта яткъан одадан алып чыкътылар. Эмир озюне келип, козълерини ачкъанда этрафта матем ичинде къалгъан къадынларны коръди. Башы уджунда отургъан ихтияр киши явашчыкътан къыбырданып алды:

— Насылсынъ, къардашым? Бир джорукъ олдынъмы? Яныгъымыз буюк, лякин не япаджакъсынъ?.. Аллаһнынъ эмири. Сабыр этмек керекмиз, — деди къарыкъ сеснен. — Асан рахметли пек яхшы адам эди. Бойле бакъкъанда тёшеклер ичинде чекишмеди, даима аякъ устюнде эди. Лякин олюм хавфы къафасындан чекильмей эди. «Меним энди сайылы кунълерим къалды», дей эди. Озюнинъ алыны биле экен. Не вакъыт корюшсек, торуныны пек сагъынгъаныны айта эди, лякин не япаджакъсынъ, къысмет дегиль экен. Чокъ шейлерде озюмиз къабаатлымыз. Бу дюньяда бирден бир истегимиз ана=Ватанымизгъа къавушмакъ эди. Къавуштыкъ. Лякин коресинъми онынъ къадирина, гъалиба, етмеймиз. Оны быракъып башкъа юртларгъа бол къысмет арап кетемиз.

Эмирни шемшек ургъан киби олды. «Асаннынъ асретлик чекке-

нине, окюнчли кеткенине мен къабаатлым», деп фысылдады. Кокюс къафесини бир шейлер сыкъмакъта... Ихтияр киши джебинден саатини чыкъарып бакъты...

— Тезден къайтып келирлер, — деди.

Эмирнинъ вуджудыны насылдыр далгъа сийпап кечти. Юреги чапаланмакъта. Скемле узеринде башыны гъамлы алда эгильтип отургъан кишиге бир шейлер айтаджакъ олды. Лякин айтмады. Явашчыкътан еринден турып, одадан чыкъты. Оны кимсе абайламады. Яш къадынлар озь ишлеринен мешгъуллер. Асаннынъ гъамкедерлер ичинде янайткъан къарысынынъ, къыз къардашларынынъ янына бармагъа ич де джесарет этип оламады. Азбаргъа чыкъты. Барып ёл четинде янъгъыз тургъан машинасына отурды...

Асаннынъ учюне саба эрте бир балабан, семиз къоюн алып барды. Оны озю сойды, абрады. Лякин дуада отурмагъа козю батмады. Кимсеге дуйдурмай эвине къайтты. Иште о кунъден берли гъамкедерлер ичинде чекишмекте. Омузларындан басып тургъан элем юкю кунъ-кунъден эп агъырлашмакъта. Я не ичюн агъырлашмасын?!.

Бу дюньяда озюнинъ атешли, ташкъын, пак, лекесиз севгисини багъышлагъан севимли, джилъвели къарысы Мавилеге сёзюни кечирип оламады. Оны ябанджы ерлерден озюнинъ догъмуш юртуна, оджагъына къайтарып кетирмеге кучю етмеди. Аксине, Мавиле озь ишине, макъсадына даа да къавий сарылды. Оны эвинде дёрт козънен беклеген къоджасы Эмирнинъ багърына къайтып кельмек дегиль де, аксине арекет этти. Къызы Гульнарны, учь яшындаки торуны Османнны, киеви Шевкетни де чалышып номай пара тапкъан мем-

лекетине Испаниягъа алып кетти. Арадан чокъ кечмеден экинджи огълу Иззетни озъ къорантасынен берабер янына алды. Мына къач йылдан берли Эмир балабан, дюльбер бинанынъ дёрт дивары ичинде янъгъыз яшамакъта. Танъ ата. Саба ола. Бир озю... Уйле, акъшам... Ёкъ, акъшамлары къардашы Фатма илле келе. Агъасына сыйлы-сюплю ашлар пиширип кетирмеге тырыша. Эмир онъа бойле япкъаны ичюн дарыла. Къардашына озю эр шейни япмагъа къадир экенини анълатмагъа арекет эте. Фатма оны динълемей. Агъасына кетирген ашыны ашамагъа меджбур эте. Сонъра эв ишлерине тутуна. Басамакъларнынъ тозуны сюртмеге, оймалы багъаналарны йылтырмагъа айрыджа дикъкъат эте. Дерсинъ бу иши иле агъасына гонъюль раатлыгъы багъышлай. Эм акъикъатен де эвеллери Фатманынъ бу арекетлери Эмирге къуванч багъышлай эди. Козълеринде эминлик, хошнутлыкъ аляметлери пейда эте эди. Шимди бу дуйгъулар Эмирден пек узакъталар. Онынъ козълеринде мемнюнлик, бахт къыгъылчымлары чокътан ёкъ олдылар. Оларнынъ ерини тюшюндже, гъам-кедер алды. О беклемектен, янъгъызлыкътан, элемден, тарсыкъувлардан ёрулды.

Огълунынъ ал-эхвалыны яхшы анълагъан анасы, сонъки вакъытларда пек фарыды. О кучюк огълу Фератнен яшай. Яшайышы гузель. Фератнынъ балабан эвининъ эки одасы анагъа айырылгъан. Одалар кениш, ярыкъ, нешъэли. Раатлыкъ одасынынъ тёрюнде балабан телевизор тура. Къартий истеген вакъытта, истеген эшиттирювлерни бакъа. Онъа кимсе кедер этмей. Эмир анасына мусафирликке эвеллери сыкъ-сыкъ келип тура эди. Сонъки вакъытларда денъишти.

Сийрек кельмекни адет этти. Асылында къардашынынъ эвинде анасынынъ раат яшагъанына къувана. Буны анасындан гизлемей:

— Ана, Ферат дженнетли оладжакъ, — деп ташлай, кулюмси-реген алда.

Анасы онынъ не демек истегенини деръал анълай:

— Аллаһ эпинъизге бахт берсин, — дей.

Огълуна бу сёзлернинъ тюбюнде башкъа манъа олгъан киби келе. Ана огълуна махзун назарлар быракъа. Огълу бу бакъышларда «Балам, бу келиним пара тапмакъ ичюн ябанджы мемлекетлерде чапкъалап юрьмесе де, инсан киби яшамакъ мумкюн экен де» — демек истегенини коре. Эм бу сёзлерни шимди ялынъыз анасы дегиль, яры шеэр халкъы айткъан киби корюне. Чокъ эркеклер онынъле корюшкенде бийсинмеген киби мыйыкъ астындан кулюмси-реп алалар. Къадынлар исе, ах о ийлекяр, мерхаметсиз инсанлар, бир шейден сакъынмайлар, Эмирни корьгенде, «къадынынъны парагъа денъиштирдинъ, сен де акъай олгъансынъ», деген киби бакъалар. Бойле де агърыдан солкъылдап тургъан юрегине биз сокъмагъа тырышалар.

Эмирнинъ ичинде исъян котериле. Кеттикче бу гонъюль раатсызлыгъынынъ мейданы даа да кенишлей. Козълерине бу эки къатлы мутешъем эв, дюльбер, йылтыравукъ басамакълар... чешит гуллер, тереклер, чечеклер иле ярашыкълы кенъиш азбар — эписи-эписи бербат олып корюнелер. «Мен не ичюн бу алгъа къалдым» деп, багъыраджакъ ола. Огюнде «Не ичюн...», «Не ичюн...» деген сёзлер сырагъа тизилип туралар. Бу сёзлерге гуя джевап оларакъ къаршысында къарысы гузель Мавиле

пейда ола. О хошнут алда кулюм-сирей:

— Эмир, эвимизге даа бир де бир шейлер япмакъ керек олса, айт, мен деръал пара ёлларым...

Эмир бойле акъаретлерден, юрек азапларындан къуртулмакъ ичюн ракъыгъа сарылды. Дюнъясыны унутты. Лякин чокъкъа бармай бу тедбир онынъ фаджиалы омюрини ёлуна къоймакъ ичюн ярдым этмейджегини анълады. Руясында Мавилени коръди. О башыны языкъсынган алда саллады. «Юреклеримизде даима янып турган атешли севгимизге салкъын сув септинъми?.. Сен бойле ираде-сиз инсансынъмы?», деди алчакъ къарыкъ сес иле.

Сабасына Эмирнинъ ичиндеки бутюн дуйгъулары уянды. Кучълю севги нефретке чевирилген киби олды. «Ичеджегим, сени де, сенинъ мени якъкъан, чиркиткен севгинъни де, юрегимден, анъымдан, ичимден ракъы иле ювып ташлайджагъым», деди озъ-озюнен латъырды эткен алда.

Къаршысындаки кузъгюге бакъты. Андаки адамны зорнен таныды. Эвеллери бойле вакъытларда кузъгюде онъа кулерюзлю, шенъ бакъышлы, сия сачлы, сия сыкъ мыйыкълы сыма корюне эди. Шимди самайлары бем-безд, гъамлы, тюшюнджели, козьлерининъ тюблери шишкен, морарган, гуя бириси котеклеген... Бакъышлары кийиклешип, титисленип къалган, омузлары юфкъарган, ашагъы саркъкъан киби корюне. Эмир теренден кокус кечирди. Эвеллери бу кузъгю къаршысында тыраш олып, чересине мисс пюскюртер экен, къайдандыр умютсизден къаршысында Мавиле пейдалана, онъа тебессюм иле бакъа ве:

«Гузельсинъ, Эмир, черенъни ашлыкъ нуры аля даа терк этме-

ди. Мен сени шунунъ ичюн де севем», дей ве элининъ терс тарафынен онынъ янагъыны сийпай, узанып опе эди.

Бойле вакъытта Эмир онынъ индже белинден къапкъач этип ала ве эпкин котеререк, турган ерлеринде айландыра эди. «Шимди къаршымда Мавиле пейдаланса бу кийик бакъышлы махлюкъкъа якъын биле кельмез», деп фысылдады. Ёкъ-ёкъ Эмир бунъа ич де разы оламаз. О оледжегине разы, лякин бунъа конъмек мумкюн де-гиль. О бир кереден кескин аретлернен бурулды. Кене шу ярыкъ ашханеге кирди. Пенджеренинъ эки къанатыны артынадже ачты. Анда яры бош ве бир къач толущишелерни алып, ашагъа фырлаты. Ачувнен пенджерени къапаты. Эмирнинъ бу аретлери къаттиъ эди. Демек, оны ичкиджилик батагъындан Мавиленинъ севгиси къуртарды. Затен бу севги оны къа атешлерге ата, якъа, куйдире, къа сувгъа чомдыра, богъа. Эмир ичюн бу джефалы аятнынъ сонъу ёкъ киби корюне. Лякин не япсын?! Бу азаплардан къуртулмакънынъ чаресини тапып оламай. Ах дюнъялар сени. Дюнъяда не къадар бахтлы эди!..

1

Эмир Шаркънынъ юреги эсап этильген буюк, шаматалы шеэрнинъ энъ дюльбер манзаралы еринде ерлешкен институтнынъ энергетика болюгини аля дереджеде битирди. Джебине къырмызы дипломыны къояракъ, бир къач кунъ достларынен берабер онъа якъын олып къалган шеэрнинъ дюльбер сокъакъларында, истирахат багъчаларында кезинди. Озю окъуган мухтешем бинанынъ аудиторияла-

рында беш йыл омюр кечирген институтынен, терен бильгили оджаларынен, шеэрнен сагълыкълашып кетмек баягъы зор олып корюнди. Асылында Эмирге мында къалып чалышмакъ мумкюн эди. Деканлары бу кескин зеинли, бильгили, институтнынъ джемаат ишлеринде тедбикярлыкъ косътерген йигитни озълеринде къалдырмакъ истеди. Лякин Эмир разы олмады. Энди къартайып башлагъан анасы, къардашлары акъкъында тюшюнди. Оларгъа шубесиз Эмирнинъ ярдымы керек. Олар акъкъында тюшюнир экен, озюни бутюн балалыгъы, осьмюрлиги кечкен шеэрчик ичинде зан этти. Эндиден сонъ, институт девринде окъугъан киби, анда аджеле барып къайтмайджакъ, шу мекянда яшайджакъ, чалышаджакъ. Узакътан да олса севимли Айшечигинен корюше биле. Корюшмек дегиль, шимди онынъ акъкъында тюшюнгенде биле, Эмирнинъ юреги чапалана. Биринджи севги, оны унутмакъ олурмы.

Аслында Эмир биринджи севгисини гъайып эткенине эки йыл толды. Шу девир ичинде Эмирнинъ къыйметли Айшечигини хатырламагъан куню олмагъандыр. Эки йылдан берли о къызларнен достлашмакъ дегиль, лакъырды этмек биле истемей. Юрегини насылдыр бир хошнутсызлыкъ дуйгъусы ратсызлай. Лякин бу айырылыкъкъа Айше дегиль де, Эмир къабаатлы. О Айшени къайда алып кетеджегини бильмеген эди.

2

Орта бойлу, сыджакъкъанлы, кулюмсирегенде токъ яначыкълары оюлгъан къызгъа сыныфдашлары, якъын достлары, Айшечик, дей эдилер. Олар та мектепте окъу-

гъанда сыныфларындаки бутюн огъланлар Айшечикнинъ этрафында долана, мектептен эвге къайткъанда онынъ элиндеки чантасыны алмагъа, озгъармагъа, бойле ёлнен киббар къызчыккъа якъынлашмагъа тырыша эдилер. Лякин араларындан бу бахткъа наиль олгъан сойлары тапылмады. Айшечик не ичюндир озюни сыкъмай, гизлиден оларны незарет алтында туткъан киби тургъан Эмирге бир бакъып аларакъ:

— Керекли ташнынъ агъырлыгъы ёкъ, дейлер. Чантамны озюм де котерип олам, — дей де, енъгильден кулюмсирей эди.

Айшечикке Эмир де фаркъсыз бакъмай эди. Лякин дигер огъланлар киби онынъ этрафында айланмакъны озюне ляйыкъ коръмей ве къызгъа фаркъсыз киби корюнмеге тырыша тургъан.

Бир кунъ Айшечик къазагъа огърады. Дерстен сонъ олар эвге къайтаяткъанда Айшечик кимнендир такилешип алды. Басамакълардан чапып тюшеяткъанда бирден абынды. Учъ-дёрт басамакъ тыгъырып кетти. Эсини джойгъан киби серилип къалды. Сыныфдашлары къызлар ве огъланлар онъа шашкъын-шашкъын бакътылар. Бу вакъыт Эмир элиндеки чантасыны ерге быракъты, чапып барып Айшечикни яткъан еринден эллери устюне котерип алды:

— Къоркъма, Айше, шимди эршей еринде олур. Мен сени эвинъизге алып барарым, — деди мерхаметлик иле.

Лякин къызны эвлерине дегиль де, аджеле ярдым машинасы иле хастаханеге ашыкъты. Анда Айшечикнинъ сагъ аягъыны тизинедже гипске къойдылар. Бойлеликнен, Айшечик хастаханеде бир айдан зияде ятты. Эмир анда дерстен сонъ эр кунъ барды. Айшечик де

огъланни даима тебессюмнен, къуванчен къаршылап ала эди. Хастаханеден чыккъан сонъ сыныфдаш огъланлар онынъ этрафында доланмадылар. Чюнки Айшечик деръал козьлеринен Эмирни къыдырып тапа ве енгильден кулюмсиреп ала эди.

Мектепни битирген сонъ, бири-бирини севген бу эки генчининъ омюр ёллары айры-айры тюшти. Эмир окъумакъ ичюн шаматалы шеэрге кетти. Айшечик исе озъ шеэрчиклериндеки медицина окъув юртуна кирди. Араларында узакълыкъ олса да, гонъюллери якъын эди. Эмир шеэрден эвлерине экиучъ афтада бир кере илле келе, о вакъыт Айшечикнен де корюше эди.

Йигит учюнджи курскъа кечкенде Айшечик хастахане янындаки амбулаторияда чалышып башлады. Эмир оны биринджи кере беяз халатнен корьгенде шакъылдап кулип йиберди. Оны эрте баръде ачылгъан акъбардаккъа бенъзетти. Бириси корер деп, сакъынып биле отурмады. Айшечикни къапкъач этип, котерип алды. Тургъан еринде бир тен, бир джан олып фырландылар. Шакъылдап кулюштилер.

Базы вакъытларда Эмир кельгенде Айше хастаханеде невбетчиликте булунгъанына расткеле ве оларнынъ кеч маальгедже лакъырды этип отурмагъа имкянлары ола эди. Бойлеликле, эки генч гъает бахтлы эдилер.

Эмир дёртюнджи курста окъугъанда къышта имтианлар чокъ ве агъыр олгъаны ичюн эвлерине эппейи вакъыт барып оламады. Имтианлар биткен сонъра исе, бир шейге бакъмай эвлерине ашыкъты. Анасы ве къардашларыны къайтакъайта къучакълады. Шенъленди, кулюштилер. Сонъра сабырсыз-

лыкънен акъшам олмасыны, ерге къаранлыкъ чёкмесини бекледи. Къардашы Фатмадан Айшечик бугунъ невбетчиликте олгъаныны бильген эди.

О баргъанда Айшечик маса башында нелердир язмакъта эди. Аякъ даушындан башыны котерди. Къаршысында кулип тургъан Эмирни корьгенинен чересине башта тебессюм, сонъра исе ынджынув алямети орътюльди. Эмирге сёзсиз бакъты. Сонъра деръал озюни эльге алды, кулюмсиреди. Еринден турды:

— Хош кельдинъ, Эмир, — деди йымшакъ сеснен.

— Сагъ ол, Айше! Сен мени, гъалиба, сагъынмагъансынъ... — Эмир узанып онынъ билегинден тутты. — Лякин мен сагъындым. Эм пек сагъындым, — деди къатий сеснен.

Айшенинъ дюльбер, сырлы козьлери яшланды. Эмирнинъ авучлары ичиндеки индже узун пармакълары титремекте эдилер. Эмир онъа тааджипленген алда бакъты:

— Санъа не олды, Айше? — деди.

Айшенинъ богъазына бир шей тыккыылгъан киби, яваштан юткъунды. Элини чекип алды. Къатий бир къараргъа кельген киби Эмирнинъ козьлерине тик-тик бакъты:

— Эмир, севгимиз бербат олмасын десенъ, мени мындан алып кет! — деди. Эм огланнынъ джевабыны беклеп де отурмады, къаршыдаки палатагъа кирип кетти. Анда баягъы вакъыт эгленди. Сонъра бир хастанен берабер чыкъты. Маса башында арекетсиз тургъан Эмирге козь къыясынен бакъып алды. Сонъра кене къайдаларгъадыр гъайып олып кетти. Эмир бу арекетнинъ себебини сонъундан къардашы Фатмадан сорап бильди. Огей бабасы оны озъ огълуна береджек ола экен.

— Я Айше онъа бизим мунасебетимизни бильдирмегенми? — деди Эмир тааджиПЛенген алда.

— Эр шейни айткъан, бильдирген, лякин о инат адамны билесинъ де, севсе бу вакъыткъадже тилини ютып юрьмез, чокътан къуда ёллар эди. Ярын, я да о бир кунъ шеърден бир къызнынъ элинден тутар да келир. Бизлер агъзымызны ачар да къалырмыз. Мен къызымнынъ шапына леке тюшюрмек истемейим. Меним огълум о, дамгъа чыкъса ерде папучы къалмагъан, Эмирден устюн олса устюндир, лякин эксик дегиль. Айшенен Джафер бир сачакъ тюбюнде осьтилер, буюдилер. Бахтларыны да шу сачакъ тюбюнде тапмакъ кереклер. Огълум оны бегене, устуне тоз къондырмаз. Анасынен экимизге эндиден сонъ не керек?! Балларымыз бахтлы олса, биз де частлымыз. Балабан, мансардалы эвимизни, янъы машинамызны оларгъа берирмиз. Олар да раат, биз де раатмыз, — деген.

Огей баба Эмирнинъ менлигине токъунды. Оларнынъ эвлери мансардалы дегиль. Бабадан къалгъан машиналары эски. Оны да къардашы Ферат чаптырып юре. Джафер, эльбет, фена огълан дегиль. Йымшакъ табиятлы, намуслы, ишкир. Онынъле корюшип, лаф этсем...

Эмир теренден кокюс кечирди. Лякин бабасына къаршы бир сёз айтып оламаз. Ондан да башкъа, Айшечикни чокътан севе. Къызнынъ анасы худжур инсан. Муреккеп адиселер акъкъында тюшюнге истеги ёкъ. О такъдир адамы. Такъдир оны анги тарафкъа чевирсе, о тарафкъа кетмек керек, деп тюшюне. Айше, эльбет, бу къорантада осип буюсе де, чокъ алларда оларнен разылашып оламай, къаршы чыкъа эди. Эвеллери ойле япа эди. Бугунъ исе башкъа арекетлер япа, озъ севгисини къорчалап ола-

май. Севгисини къорчаламакъ ичюн, эвден къачып кетмек ёлуны сечкен.

— Мени мындан алып кет, — деди Эмирге. Лякин Эмир оны шимди анда алып кете биле? Институтнынъ ятакъханесинде ятып тургъан бир талебе. Бу тюшюнджелер Эмирге не окъумагъа фырдат бердилер, не де юкъламагъа. Бу муреккеп меселени насыл чезмели. Я къызнынъ гъуруры къайда? Ляйкъат, мустакъиет къайда? Ахыр-сонъу къатий бир къараргъа кельген киби олды. Саба эрте анасыны Айшекчикнинъ эвлерине ёллар. Къыз оны севе. Эр шейни чезерлер, vessелям.

Лякин анасы къудалыкътан пек тюшкюн, даргъын алында къайтып кельди.

— Огълум, оны нишанлагъанлар, эр шей аль олунгъан, энди анда той азырлыгъы кете, — деди. Ана теренден кокюс кечирди, явлугъынынъ уджунен козьлерини сильди. Эмирнинъ ичини атеш якъып кечсе де, буны анасына дуйдырмамагъа тырышты:

— Бунъа Айше де разыдыр даа...

Эмир еринден турды. Анасына джиддий бакъты:

— Ана шимди меним, бизим ичюн энъ зарур шей, окъувым. Кечкен ишке мазы, дерлер. Яныкъламанъыз. Мен беллесем бу иште къызнынъ озю де къабаатлы...

Эмир шу куню шеэрге къайтып кетти. О кетиш, бу келиш, Айшени бир даа корьмеди. Лякин той олып кечкенини яхшы биле.

3

Къуруджылыкъ трестининъ идаресинде Эмирге чокъ беклемек сырасы тюшмеди. Толу мучели, акъ костюмлы, джиддий бакъышлы

киши йигитни ачыкъ черенен кършылап алды. Балабан масанын артындан чыкъты. Йигитнин элини алып селямлашты.

— Келеджегинъизни манъа бабанъызнын достлары айттылар, — деди.

Йигитнинъ весикъаларыны дикъкъатнен козьден кечирди. Къызыл дипломгъа бир даа хошнута алда бакъты:

— Мен бабанъызны, рахметли Азиз агъаны, яхшы биле эдим. Озь ишине намусле янашкъан прораб эди, — деди.

Сонъра кечип ерине отурды, бир аз тюшюнген киби олды. Кимгедир телефон этти. Лякин анълашылгъанына коре къыдыргъан адамыны тапып оламады. Эмирге кулюмсиреген алда бакъты:

— Сизни ишке алырмыз, лякин шимди насыл вазифеге олгъаныны айтып оламам. Ярын саат онларда кельсенъиз анълашырмыз, — деди.

Бойлеликле, Эмир къуруджылыкъ трестинде баш муэндис Абрек Абрамовичнинъ муавини вазифесинде чалышып башлады. Арадан бираз вакъыт кечер-кечмез институттаки окъувнен мындаки ишнинъ арасында баягъы фаркъ олгъаныны анълады. Мында къуруджылыкъ мейданында чешит мертебедеки, яштаки табияттаки инсанлар чалышмакъталар. Эмир мында озь ишини аля дереджеде эда этмеси, инсанларнен ляйыкълы мунасебетте булунмасы керек. Чюнки о даима огде кетмеге алышкъан инсан. Института беш йыл окъувы девамында эр курста староста сайлана эди.

Арадан эппейи вакъыт кечкен исе де, баш муэндиснинъ иш усулыны анълап оламай. Башлыкъ онъа шаталакъ, сёзюнде чокъ турмагъан киби корюне. Пенсия яшына якъынлашкъаны ичюн олса ке-

рек, муавинине шубенен бакъып башлады. Олмайджакъ бир шей ичюн Эмирге къуруджылар янында джекирип башлай. Я да иш кунюнинъ энъ къызгъын, къайнакъ вакъытында Эмирни янгъыыз озь башына къалдырып, къайдаларгъадыр ёкъ олып кете. Даима арада кергинлик асыл этмеге тырыша. Баш муэндиснинъ тарафдарлары олсалар керек, базы къуруджылар, бригада башлары Эмирнинъ келеяткъаныны коръселер биле, озьлерини сыкъмайлар. Иш вакътында бир кенарда карта оюныны девам эте берелер. Муавин оларгъа бир шей айтаджакъ олса, бири-бирине бакъып кулюмсирейлер.

Куньлернинъ биринде, атта бир бригада башы Эмирге эшиттирген алда:

— Агъзындан ана сютю кетмеген, мында келип, бизге акъыл огретмеге тырыша. Джин олгъан да, адам чарпа, — деди мыскъылнен.

Ачувындан Эмирнинъ янакълары кър киби къызарды. Оны яхшы этип тазирлемек истеди. Лякин етиштирип оламады. Олардан азачыкъ авлакъта, насылдыр ишнен мешгъуль олгъан бир къыз картаджыларгъа якъынлашты:

— Сизлер, урьметли агъалар, пек акъыллы олгъан олсанъыз институтларны битирип ве шимди бу йигит дегиль де, бир де биринъиз баш муэндис муавини олур эдинъиз. Корюнгени киби шимди сиз дегиль де, бу йигит башлыкъ олгъан экен, сизлер онынъ айткъанларыны япмакъ, эмирлерини эда этмек борджлусынъыз, vessелям! — деди къатий сеснен.

Агъаларнынъ онъа насыл джевап береджеклерини беклеп отурмады. Эмирге козь къыясынен бакъып алды. Озюнинъ иш ерине къайтып кетти. Агъалар къызнынъ артындан ачувлы-ачувлы бакъты-

лар. Лякин сеслерини чыкъармадылар. Эллериндеки карталарыны яшча бир огълангъа беререк, тез-тез даркъалып кеттилер. Эмир къызнынъ артындан бакъты ве, о мында ким олып чалыша экен, бу къалпазанларны ушкютмеге кучю етти, деп тюшюнди.

Вакъытнынъ кечмесинен мында Эмирге яшлар, башта къызлар, сонъра исе огъланлар якъынлашып башладылар. Демек ишлер баш муэндиснинъ айткъаны киби дегиль де, Эмирнинъ истегени киби гузель оладжакъ. Хусусан, Аметнен олгъан корюшюв Эмирде озъ ишине эминлик догъургъан киби олды. Оларнынъ танышувлары исе умютсизден олды. Эмирнен шорбаджысы, саба эрте директорнынъ кабинетинден чыккъанларынен бири-бирине серт-серт бакътылар. Баш муэндис Эмирге:

— Сен сюрюкю студент, мында чалышмагъа, иш огренмеге дегиль де, форсаланмагъа кельгенсинъ. Лякин янъылгъансынъ. Мен сенинъ кибилерини мында чокъ коръдим. Манъа къаршы тикленеджек олсанъ чокъкъа бармай пыртынъны котерип къачкъанынъны озюнъ биле дуймай къалырсынъ, — деди тишлерини сыккъан алда.

Эмир де къызышты. Юмрукъларыны сыкты. Къаршысындаки бу аюв бичимли адамгъа арслан киби атылмакъ истеди. Лякин о да чокъ чекинеджек киби махлюкъ дегиль эди. Махлюкъ бирден денъишти. Умютсизден бурулып, озъ машинасына догъру кетти. Эмир онынъ артындан тааджиПЛЕНГЕН алда бакъып къалды. Бу вакъыт янында кимнинъдир сесини эшитип озюне кельди. Къаршысында орта бойлу, сыджакъкъанлы Эмир акъранындаки бир йигит турмакъта эди. О элини узатты:

— Таныш олайкъ, меним адым

Амет. Мында яшлар бригадасынынъ башым, — деди кулюмсиреген алда.

Бутюн бедени атеш, ачув ичинде къызгъан, янып кеткен Эмирнинъ устюне бирден салкъын сув пускюртильген киби олды. Деръал озюне кельди. Огълангъа элини узатты:

— Эмир, — деди сакин сеснен.

Амет энди чокътан берли Эмирни бильген адам киби самимийликнен кулюмсиреди.

— Юрь, сени достларымнен таныш этейим...

Элини огге узатты. Эмир о тарафкъа бакъаркен, озълеринден бираз авлакъта он-он беш генч тургъаныны коръди. Эмир бу вакъыт баш муэндиснинъ умютсизден бурулып кеткенининъ себебини анылады. Демек, езит бу яшлардан чекинди, ёкъ къоркъты. Бойле инсанларда чекинув деген шей олмай. Олар озъ макъсатларындан ялынъыз устюн кучъ, зорбалыкъ къоркъусы олгъанда вазгече билелер. Амет Эмирге бакъып кулюмсиреди:

— Эмир, достларым сени гъыябий яхшы билелер, хусусан къызлар.

О энъ огде тургъан къызгъа бакъып, бир шейлер айтаджакъ олды. Лякин къызнынъ чересиндеки тебессюм бирден силинип кеткенини коръгенинен джиддийлешти.

— Фериде. Кранджы Фериде. Институт талебеси.

Эмир оны деръал таныды. Экиучъ кунъ эвельси картаджыларны ушкюткен, бир сёзлю, джиддий бакъышлы, киббар къыз. Эмир къызнынъ озюне узатылгъан элини сыкты, кулюмсиреди:

— Бизлер танышмыз, гъалиба, — деди алчакъ сеснен.

Фериде онынъ сёзлерини тасдикълар киби башыны саллады:

— Танышув ишинде мен тешеб-бюсчи олмакъ истедим, лякин кечиккеним, гъалиба, — деди Амет. — Эр кес бири-бирини таный.

Генчлер бири-бирлерине бакъып кулюмсиредилер. Бирер-бирер Эмирге къол берип таныштылар.

— Энди керчектен де танышмыз, — деди Эмир, сонъки тома-лакъ черели йигитнинъ элини сыкъкъанда.

Амет достларына бакъып алды:

— Эмир, асылыны айткъанда, бизлер ялынъыз къуруджылар дегиль, эм артистлермиз. Яни шеэр-чигимизнинъ медениет сарайында бедий авескярлар төгерегинде иштирак этемиз. Бугунъ акъшам анда сени де корьмек истеймиз...

— Сонъ, Эмир, сизни бу акъшам беклейикми? — деп сорады Фериде ве пек ашыкъкъан адам киби саатине бакъып алды.

— Мен йырламагъа бильмейим, — деди Эмир.

— Демек ойнайджакъсынъ, — деди Фериде ве ийлекярлыкънен кулюмсиреди.

Эмирнинъ череси бирден джиддийлешти. Эльбет, о шеэр медениет сарайынынъ төгерек ишлеринде иштирак эте биле. Бу саада аджеми дегиль. Института окъугъанда бедий авескярлар төгерегинде намлы йырджы ве оюнджы эди. Сия, гурь сачлы, тегиз мыйыкълы Эмирге къырмызы камзол ве къара штан пек яраша эди. Белинде кенъ къырмызы шерт. Аякъларында окчели, йылтыравукъ къара аякъап-лар. Кеманенинъ инълеви алтында санъагъа чыкъкъан Эмирни корьгенде, институтнынъ ялынъыз талелелери дегиль, атта оджалары, алимлери гурьдели эльчырпмалары алтында ерлеринден тургъан алда къаршылап ала эдилер. Эмир оюннынъ энъ къызгъын вакъытында озюнен бераберликте ойнайткъан

къызнынъ къаршысында бирден тизлери устуне чёкерек, гъает ча-бик, енгиль арекетлеринен омузларыны, бутюн кокюсини титреткенде залда сес-шамата къопа, эльчырпмалар гурюльдей эди. Лякин бутюн бу арекетлер энди кечмишке дёнген эдилер. Эки йылгъа якъындыр о бир кере эль котерип ойнамады, йырламакъны акъылына биле кетирмеди. Гузель Айшечигини эльден къачыргъан сонъ, эм бунъа ялынъыз озю себепчи олгъанындан бир тамам рухтан тюшкен эди.

4

Хасталыкъны гизлесенъ сыджагъы ашкяры этер, дегенлери киби, Эмирде олгъан гонъюль ратсызлыгъыны анасы Шевкъие дуймай къалмады. Уйкен огълунда бир заман ойчанлыкъ, солгъун чере, гъамлы бакъышлар корьмеген эди. Лякин эпшейи вакъыттан берли огълунда шу ал укюм сюрмекте. О анасынен лакъырды эткенде озюнде пейда олгъан алны гизлемеге тырыша. Азачыкъ кулюмсирей. Сусмамакъ ичюн бир шейлер айтып башлай. Лякин бутюн бу арекетлер суний олып чыкъалар. Ана, эльбет, огълунда олгъан бу денъишменинъ себебини бильмек, онъа озюндже ярдым этмек истей. Бир-эки кере бир шейлер айткъан олды. Лякин Эмир оны тез тынчландырды:

— Эй, аначыгъым, иш мейданы салкъын аудиторияларда, меракълы лекцияларны динълеп отурмакъ дегиль, мында чапып-чапкъаламакъ керексинъ. Яни эм башынъ чалышаджакъ, эм аякъларынъ. Бу арекетнинъ нетиджеси исе, ёргъунлыкътыр. Оны сиз менден де яхшы билесинъиз, — деди кулюмсиреген алда.

Шевкѣие огълуиен разылашкѣан киби башыны саллады. Лякин юрегини шубе, элем кемирмекте эди. Буны, эльбет, Эмир де анълай. Дигер тарафтан онынъ вазие-ти анасына айтып, дертлешеджек киби фена дегиль. Шорбаджысынынъ кѣылыкѣсызлыгына тарсыкѣа, эльбет. О кѣылыкѣсыз адам сонѣки вакѣытларда Эмирнинъ мында генчликнен якѣын мунасебетте олгѣаныны дуйды ве онѣа эвелькиси киби ачыкѣтан-ачыкѣуджюм этмектен сакѣына. Ортагѣа озѣ достларыны сюрди. Достлар исе фурсат тапты дегендже Эмирге иште аякѣ чалмагѣа тырыштылар. Атта якѣын достларындан бири директоргѣа барып чакѣкѣан. Эмир баш муэндиске чалышмагѣа кедер эте эмиш. Буны Эмирге оларнынъ бири ачув арасында айтып ташлады:

— Сен, бала, бурнунъны чокѣкотерме. Меселенъ директорнынъ кѣулагѣына барып етти. Мен беллесе, санѣа энди башкѣа иш араштырмагѣа керек олур, — деди мыскѣылнен.

Эртеси куню исе сабадан олгѣан кѣыскѣа муддетли топлашувдан сонѣ, директор Эмирге кѣабулханеде токѣтап турмасыны риджа этти. Озю телефонда кимнендир лакѣырды этип кѣалды. Буны эльбет баш муэндис дуймай кѣалмады. Ич бир шейге бакѣмай тез-тез чыкѣып кетти.

Директор бираздан сонѣ огюндеки дѣгмечикни басты, Эмирни чагѣырды. Йигит киргенинен телефоннынъ кѣулакѣлыгыны ери не кѣойды. Ееджанлы Эмирге дикѣкѣатнен бакѣты.

— Сонѣ, Эмир, ишлер насыл? — деди.

О шимди не айта биле?.. Эр алда баш муэндиснинъ достлары оны макѣтамагѣан, аксине ернен-ексан эткендирлер. Эмир шимди озюни

кѣорчалап башласынмы? Насыл этип. «Мен шорбаджымнынъ якѣан ишлерини бегенмейим», дейджекми. Я олар насыл ишлер? Себепсиз кѣычырыкѣлагѣанларымы? Ёкѣса ишнинъ энѣ кѣызгѣын вакѣытында андан кѣачып кетювими? Булар ерсиз шикѣает этюв дегиль экенми?

Эмир тургѣан еринде бир кѣыбырданып алды. Сонѣра директорге джиддий бакѣты:

— Чалышамыз... — деди алчакѣсеснен.

— Ишинѣизде кедер эткен шей ёкѣмы?..

— Шимдилик бельки бардыр. Мен беллесем яваш-яваш ерине кѣоярмыз, — деп Эмир директорге ойчан бакѣты.

Бу вакѣыт одада телефон бирден боджалап башлады. Директор кѣулакѣлыкѣны динѣлер экен субет чокѣча девам этеджегини анълады, Эмирге кете билесинѣ, деген ишарет этерек, башыны саллады. Йигит кабинеттен тез-тез чыкѣып кетти, лякин юрегиндеки агѣырлыкѣ бирден даа да чокѣлашкѣан киби олды. Ишлер ве мунасебетлер тююмленди. Сонѣ Эмир шимди бу алны анасына насыл айтсын, анълатсын.

Шевкѣие иштен ёргѣун кельген огълуны ахрет суалине тутмакѣ истемесе де, сусып оламады. Чюнки уйледе анасыны бакѣып кетмеге кельген кѣызы лаф арасында айткѣан сѣзлери ананынъ кѣафасы ичинде доланмакѣта. «Айткѣанларына коре, агѣам Айшени унутып оламай экен. Бу ал исе онынъ ишине де тесир эте. Баш муэндис ярамай чалышасынѣ деп, агѣамны иштен бошатмакѣ истей экен». Бу вакѣыткѣадже балалары акѣкѣында бир агѣыз сувукѣ лаф эшитмеген ана ичюн бу кедерли бир шей эди. Хусусан, Эмир онынъ

ишанчы, гъуруры, таянчы эди. Эмир та балалыгъындан анасы онынъ акъкъында ялынъыз макътав сёзлери эшите эди. Мектепни алтын медальнен битирди. Института да яхшы окъуды. Оны къырмазы дипломнен битирген Эмирни института къалдырмакъ истедилер, лякин огълу разы олмагъан эди. О эвлерине, анасынынъ багърына, къардашларына къайтып кельди...

Ана субетни неден башлайджагъыны бильмей, юткъунды. Огълуна тюшюнджели алда бакъты:

— Эй, огълум, бабанъыз кечинген сонъ баягъы шашмаладыкъ. Абындыкъ, сюрюндик. Лякин йыкъылмадыкъ. Эпимиз бирлик олып арекет эттик. Шукюр Аллахкъа, кимседен эксик олмадыкъ. Къардашынъ Фатманы къоджагъа бердик. Къудаларым яхшы адамлар. Мен беллесем тезден Ферат да эвленджек. Анълагъаныма коре къыз да энди азыр. Мектепте чалыша экен. Ана-бабасынынъ бир къызы эмиш. Анасы хастаджан олгъаны ичюн шимдилик тоюны токътатып тура. Къардашынъ исе иштен, фурсат тапты дегендже, озъ участкасына чапа, эвини битирмеге тырыша. Шевкъие теренден кокюс кечирди, козь къыясындан сусып отургъан Эмирге бакъып алды:

— Эвленювни, эльбет, къорантанынъ энъ буюги олгъанынъ ичюн сен башламакъ керек эдинъ. — Ана Айшенинъ адыны айтып, эски ярасыны тырнамакътан къачынды. — Институт, окъувынъ, деген киби. Мен беллесем, огълум, невбет энди санъа кельди. Бегенген къызынъ олса айт. Сонъ ишинъ де гузел олур!..

Эмир азачыкъ кулюмсиреди. Узанып анасынынъ билегинден тутты.

— Ана, ишимден ич де раатсызланманъыз. Мен энди яш бала де-

гилим. Сиз мени нафиле он беш йыл окъутмадынъыз. Мен ойле аджиз инсан дегилим. Эвленмек меселеси исе къачмаз... Онынъ да бир вакъты-саати бардыр, — деди Эмир анасына теселлендириджи сеснен.

5

Инсаннынъ яныгъы не къадар терен олса да, вакъытнынъ кечмесинен о савуша, озюнинъ кучюни ёкъ эте. Сонъки вакъытларда Эмирнинъ юрегинде дуйгъулар пейда одылар.

Шорбаджысынынъ къылыкъсызлыгъына чокъ къулакъ асмаймы, ёкса иши оны озюне чекеми. Бунынъ себебини озю де бильмей. Саба олса ишине ашыкъувнен, истекнен кете. Анда иш мейданында яшларны — янъы достларыны корьгенде бала киби къувана. Хусусан, Фериде, Амет, Селим онынъ ичюн энъ якъын инсанлар. Оларнен якъында дегиль де, гуя чокъ йыллардан берли пек якъын достлар. Фериде Эмирни энди шеэрнинъ Медениет сарайына да алып барды. Озюнинъ андаки достларынен, севген йигити Расимнен таныш этти. Расим гъает ачыкъ гонъюлли йигит. Лакъырдысы маналы. Шеэрдеки къыйын ириген ве атешке чыдамлы маденлер заво-дында рессамджылыкъ япа экен. Фериде якъында Эмирни кене кимнендир таныш этмеге истегенини айтты. Бугунъ акъшама Эмир биринджи кере достларынынъ концертине бараджакъ. Анасына бир шей айтмады. Раатлыкъ куню олгъанына бакъмадан эвлеринден чыкъмады. Урбаларыны утюлемеге тутунды. Сабалыкъ софра къоймакъта олгъан Шевкъие онъа тосат-тосат козь къыясынен бакъып алды, ахыры олдыралмады:

— Бир ерге бараджакъсынъмы, ёкъса, отълум? — деп сорады.

Эмир ири бем-бездеш тишлерини сытып кулюмсиреди.

— Бу акъшам Медениет сарайында достларым концерт бере-джеклер. Барып бакъайым. Бегенсем, бир даакисине сизни де алып барырым, — деди.

Эмир медениет сарайына киргенде, энди онынъ залында ур-патласын шенъ чалгъы сеси янъгъырамакъта эди. Анда-мында юрген адамларнынъ янындан тез-тез кечип, шаматалы залгъа кирди. Санада дёрт къыз «Къарасувнынъ дёрт кошеси»ни ойнамакъта эдилер. Эмир къапы тюбюнде бираз турды. Отурмагъа бош ер кыдырды. Бир таз баш адамнынъ янына барып отурды. Бир къач атешли ве шенъ йырлардан сонъ, санагъа бир далфидан бойлу, дюльбер къыз чыкъты. Залда гурьдели эльчырпмалар янъгъырады. Тазбаш адам Эмирге бир шейлер айтты, еринден котерильди, сонъ кене отурды. Эль чыркъан алда:

— Мына концерт энди атешленеджек, — деди Эмирге къуванчлы алда.

Залда Эмирге гъает таныш олгъан музыка янъгъырады, сонъра онъа къызнынъ татлы, инсанны эсир этиджи аджайип сеси къошулды:

Чешме ничюн ёргъун акъа,
Ничюн сеси къальбни якъа?
Келеджектинъ, сен кельмединъ,
Алем манъа кулип бакъа.

Мен яш эдим, сербест эдим,
Аят недир бильмез эдим,
Яз акъшамы корьдим сени,
Яшлыгъымны алып кеттинъ!

Йыр не вакъыт битти, ондан сонъ кимлер йырады, кимлер ой-

нады... Эмир дерсинъ бир шей корьмедиле, бир шей эшитмедиле. Бу къыз, бу йыр оны тылсымладылар. Башкъа бир иляхий дюньягъа алып кеттилер. Эмирнинъ козьлери огюнде институт клубынынъ кениш санасы пейда олды. Бу йырны о пек бегенип иджра эте эди. Севги тарихыны беян эткен йыр. Эмир о заман бу йырны буюк истек ве джошкъунлыкънен йырлагъанда, къаршысында севимлиси Айшечик кулюмсиреп тургъан киби ола эди. Йыр биткенинен исе зал толусынен темашаджылар еринден къалкъа, Эмирни алгъышлайыджы гурь эльчырпмаларынен «Йыр текрарлансын, текрарлансын» деп кыгчыра эдилер. Сонъундан Айшечик башкъасынынъ ильхамджысы олды. Эмир исе бир даа ойле джошкъун йырап оламады.

«Яз акъшамы корьдим сени,
Яшлыгъымны алып кеттинъ...»

Дюньялар сени, санада Айшечик де, Эмир де ёкъ. Йыр эп янъгъырай. Оны Эмир дегиль де, далфидан бойлу, дюльбер, джазибели къыз йырмамакъта. Янларында апансыздан Фериде пейда олды.

— Сен не ичюн мында отура-сынъ? Не ичюн бизим янымызгъа кельмединъ?

Къыз Эмирнинъ элинден туты. Яш бала киби чеккеледи. Сананынъ артына алып кирди.

Йырджыларнынъ, оюнджыларнынъ эписи анда эди. Эр кес озь ишинен мешгъуль. Андакилернинъ эксериети Эмирни танымалар. Таныгъан сойлары онынъле кулюмсиреп, эль тутушып селямлаштылар. Невбет далфидан бойлу йырджыгъа кельгенде Эмирнинъ юреги чапаланып алды. Вуджудындан къалтыравукъ кечкен киби олды. Бирден оларнынъ янында

пейда олгъан Фериде, къызгъа Эмирни такъдим этти.

— Мавиле, таныш ол. Бу бизим достумыз Эмир, — деди.

Къызнынъ яй киби сия къашлары, сют киби без, тегиз манълайына котерильдилер. Зейтунни анъдыргъан сия козьлери ийлекярлыкънен кулюмсиредилер. Янакълары азачыкъ алланды:

— Фериденнинъ айткъаны киби адым Мавиле, — деди алчакъ сеснен. Элини Эмирге узатты. Йигит онынъ индже пармакъларыны авучы ичинде тутаркен, озюнинъми, ёкъса къызнынъми пармакълары къалтырагъан киби олдылар.

— Меним адым исе Фериденнинъ айткъаны киби Эмир, — деди. — Мавиле сиз бугунъ пек яхшы йырладынъыз. Мен беллесем эр кесни озюнгизге эсир эттинъиз, — деп Эмир кызгъа енгиль тебессюм иле бакъты.

— Башкъа кунълерде фена йырлай эдимми?

— Башкъа кунълерде?.. — Эмир юткъунды, кулюмсиреди. — Занымджа даима бойле гузель йырласанъыз керек. Чюнки концертте меним янымда отургъан адам сиз санагъа чыкъкъанда еринден сычрап турды:

— Мына концерт энди атешленеджек, — деди. — Демек, даима гузель йырлайсынъыз, динълейиджилерни эсир этесинъиз...

Мавиле хошнот алда кулюмсиреди:

— Мен эсир этмек дегиль, динълейиджилерге эйи кейф, раатлыкъ багъышламакъ истейим. Ёкъса янъылдыммы? — кыз Эмирнинъ козьлери ичине бакъты.

Къызда олгъан дюльбер чере, наз, ийлекярлыкъ... Булар эписи Эмирни шашмалаттылар. Лякин о тез-тез озюни эльге алмагъа тырышты.

— Сиз зеккийсинъиз, лякин адалетсизсинъиз, — деди джиддий алда.

Мавиленинъ къашлары котерильдилер. Къафасы ичинден йигитке ляйыкълы джевап сёзлерини кыдырды... Лякин умютсизден пейда олгъан Расимнинъ гурь сеси ортадаки кергинликни ёкъ этти.

— Джемаат, концертке етишип кельмеге пек авес эттим, олмады. Меним ичюн эр шей терсине айланып кетти. Андан энди зуваджакъ олып тургъанда бир аджеле иш чыкъып къалды. Ойле-бойле адам дегиль де, кабинетиме директорнынъ озю келип кирди. Сонъ зув бакъайым?!.

Фериде онъа хошнот алда:

— Зарары ёкъ, Расим. Концерт битсе де, гузель акъшамымыз даа девам эте. Оны ляйыкълы кечирмек керекмиз.

Расим ийлекярлыкънен кулип тургъан Мавилеге, тюшонджели Эмирге бакъты.

— Сонъ, Эмир, бизим артистлеримизни бегендинъми?

— Бегенмек дегиль, олар мени эсир этилер...

— Айса пек гузель, джемаат. Мен эпинъизни анавы ерчиктеки ресторангъа, танышув акъшамына давет этем.

— Мени багъышланъыз, Расим агъа. Бу акъшам эвимизге мусафир келеджек эди. Анам иле бабам эртедже къайтмамны риджа эткен эдилер.

Фериде бирден шашмалагъан киби олды. Озю биле дуймадан Эмирге бакъып алды.

— Азачыкъ кеч къалмакъ мумкюн дегильми, Мавиле, — деди ялварыджы сеснен.

Мавиле башыны терсине къакъытты:

— Олар мени беклейлер...

Расим къашларыны котерди.

— Яхшы, Мавиле, биз сени озгъарырмыз, — деди.

Генчлер кениш ёлгъа чыкъарчыкъмаз Мавиленинъ эль котерювинен янларына такси келип токътады. Къыз достларынен тез-тез сагълыкълашаракъ, таксиге сокъулды. Машинанынъ къапысыны тарс этип ортеркен, Эмирге бакъты, ийлекярлыкънен кулюмсиреди. Машина еринден вызнен кочип кетти. Эмир Феридеге тааджипленген алда бакъты. Фериде аст дудагъыны тишледи. Омузларыны къысты:

— О аджайип къыз, — деди алчакъ сеснен.

Расим онынъ не дегенини анъламады. Лякин сёз Мавиле акъкъында кеткенини дуйды.

— Мавиле аджайип инсан олувен берабер, алевленип тургъан атеш. Онъа мукъайт олып бакъмасанъ, туташыр янарынъ, — деп кульди.

Лякин Эмирнинъ чересиндеки тебессюм ёкъ олып кетти. Дерсинъ аслы да олмагъан. Акъылына бирден аджеле бир иш тюшкен киби умютсизден токътады, элини Расимге узатты.

— Манъа да кетмек керек! — деди къатий сеснен.

Къалдырым бойлап кетеркенлер Расим Феридеге «достларымызгъа не олды я» деген манада бакъты. Буны бир сёзсиз анълагъан Фериде «ким бильсин оны» деген киби омузларыны къысты, сонъра кулюмсиреди.

— Догърусыны айткъанда, олар бири-бирини пек бегендилер. Лякин бу севгини танымакъ истемейлер. Хусусан, Мавиле. Насыл олды да, онынъ артындан дели-диване олып чапмагъан, озю киби киббар, магърур йигитни бир корьгенде бегенди. Бунъа озю де инанып оламай. Инансын инанмасын, асылында иш ойле...

Расим хошнут алда:

— Бу макътавгъа ляйыкъ фикир кимнинъ къафасындан чыкъты я, Фериде?

— Меним къабилиетимни танымакъ истемейсинъми, Расим эфенди?...

— Ёкъ, не ичюн танымайым, таныйым. Сен улемасынъ, Фериде ханым. Бунъа ич де шубе этмек олмаз. Эр алда озюнънинъ агъызынъдан эшитмек истедим.

О сагъ элинен Фериденинъ омузларындан къучакълады. Озю не чекти.

— Яваш, яваш ол. Ёл ичинде бу насыл тербиесизлик. Адамлар корьселер не дерлер? — Фериде наз иле башыны Расимнинъ омузына янтайтты.

— Адамлар бу эки севда бири-бирини пек сагъынгъанлар, — дерлер. — Расим кулюмсиреген алда къызнынъ козьлери ичине бакъты.

— Догърусыны айткъанда, Эмирнен Мавиле бири-бирине пек ляйыкълар, — деди Расим джиддий алда. — Акъылнен япылгъан ишнинъ иллеси олмай, — деди хошнутлыкънен.

— Бугунъ экиси де бурунларыны котергенине бакъмадан, иншалла, сонъу хайырдыр.

— Дуйгъаныма коре, Эмир бурнуны котермеди. Мавиленинъ назына тааджипленди, гъалиба. О дюльбер, корюмли, мырза киби бир йигит. О къызларгъа дегиль де, къызларнынъ онъа ялтакълангъанына алышкъан. Лякин бугунъ бурнуна черттилер. Йигит не къадар гузель олса, кене къызгъа ялварыр, — деп нафиле айтмагъанлар. Къызымыз да гъурурлы. Киббар. Я не суфте корьген йигитнинъ, не къадар бегенсе де, къучагъына атылмаз. О озюнинъ къадирина биле. Озюнге коре пай бич. Аля даа менден къачып юресинъ...

— Ифтира! — Фериде Расимге ачувлангъан киби бакъты.

— Не ичюн ифтира? Даа шимдичик адамлардан сакъынгъанынъны маначыкъ этип, кокюсимден уйтединъ. Бу манъа нисбетен къабалыкъ дегильми?..

— Ёкъ, онъа къабалыкъ демейлер. О тербиедир. Ёлда къарт-яш, эркек-къадын — чешит табияттаки инсанлар юрелер. Кимиси озюнинъ яшлыгъыны хатырлай, кулюмсирей, кимиси исе ачувлана, кедерлене. Кимиси исе утана. Сонъ

орта бир ерден халкъны эриштирмек керекми?..

— Фериде ханым, бизим севгимиз эриштирмек дегиль, акъикъий севги. Динъле, джаным, сенинъ рузгярынъ мени къайда учурса, анда булунырым. Чюнки мен даима шу севгининъ эсарети алтындам. Ёкъса янъыламмы?..

Фериде, «ёкъ», деген киби башыны терсине къакъытты. Расимге сыйыкъты.

(Девамы бар).

Гульнара Адиль кызы Усеинова 1968 сенеси март 2-де Самарканд шезринде догъды. Мектепни битирген сонъ, Алишер Навоий адына Самарканд Девлет университетининъ тарих факультетини битирди. Кырымгъа ана-бабасынен 1989 сенеси кочип кельди ве чешит ишлерде чалдышты.

1995 сенесинден башлап бу кунъге-дже Акъмесджитте «Голос Крыма» газетасынынъ махсус мухбири олып чалыша.

2001 сенеси Гульнаранынъ земаневий кырымтатар медений эрбаплары акъкъында язган бир серия макъалелери

«Живые источники духовности» адлы джыйынтыкъта нешир этильди.

2009 сенеси Г. Усеинова Кырымтатар языджылар бирлигине аза къабул этильди. Онынъ икяе ве публицистик материаллары «Йылдыз», «Остров Крым», «Арзы» (Акъмесджит), «Сучасность», «Курьер Кривбассу» (Киев), «Kalgaу», «Kardesh kalemler» (Тюркие) междмуаларында, «Голос Крыма», «Янъы дюнья», «Кырым», «Авдет» газеталарында нешир олунды.

Чыкъарган китаплары: «Пейгъамбер дегмелери». Икяелер. Акъмесджит, «ДОЛЯ», 2008. — 100 с.; «Ягъмур нагъмеси». Повесть. Акъмесджит, «ДОЛЯ». 2009. — 120 с.

ИФАДЕЛИ ДЖЕВАП

Икяе

Асиенинъ элинде богъча, аякъларында — онъайтсыз аякъкъаплар, огюнде — битмез-тюкенмез халкъ сафлары — къалпакълы къартлар, шаллларгъа бурюнген къартыйлер, апайлар, балалар, торбачыкъларынен, сумкаларынен — бир топар халкъ сюрюси. Эр кес кете. Къаерге? Орталыкъ къаранлыкъ, тек къаердендир, тепелерден, насылдыр ярыкъ келе, козьлерни къамаштыра. Халкъ сюрюсини четлерден, арттан ешил

кийимли, къолларында — автоматлар, НКВД аскерлери ешил юк машиналар тарафкъа айдайлар.

Асиенинъ нефеси тутула — богъазына козьашлар келип къадалды, мына-мына агълайджакъ. Ог сыраларда булунгъан эсли-башлы бабасы чокътан козьден джоюлды.

«Бадам къайда экен», деп — Асие о якъ-бу якъ бакъына — этрафында чокътан-чокъ халкъ, къолларында яш балалары олгъан аналар... Эр кес кете... Къаерге

кете... Дешетли хатырлавлар, кедер толуга сөнүк козълар, кимер къртарлар козьяшларыны силе-силе кетелер.

Авлакът — демир ёлда турган вагонлар, къара агъызларыны ачып, адамларны топар-топар ялмап юталар...

«Бадам къайда я? — текрар-текрар эеджанлана Асие. — Озю къртар, зорнен юре, йыкълмасайды халкъ денгизи ичинде...»

— Стоп, снято! — деген кескин даушны эшитип, Асие тап сескенди.

Халкъ озени бирден йибериленген киби олды, токталдылар...

— На исходные позиции! — рупор боюнджа кене шу кескин дауш эшитилди.

«Аман онъайтсыз эски аякъ-къапларны кийдим!» — ачувланды озю-озюне Асие, аякъкъабыны тюзетмек ичюн эгилди, лякин арттан кельген адамлар оны уйтеклеп, йыкълтыра яздылар.

Асие богъчасыны къучакълап, тишлерини сыкъып ёлуны девам этти.

* * *

1944 сенеси майыс 18-де кызырымтатар халкъы Кызырымдан сюрюн олунганы акъкъында кино чыкъараджакъларыны телевизиондан чокъ кере текрарладылар, сюрюнликни тасвирлеген съемкалар гедже кечириледжеги, куню, саати илян этилди, халкъны — кърарты, яшны съемкаларгъа давет эттилер.

Асие бабасынен бир афта эвель азырланмагъа башладылар, о, озюне богъча такълштырды. Тиких машинасы башына отуруп бабасына мор басма парчасындан, омузына асмакъ ичюн торба тикти. Баба-сы сюрюнлик куню он бир яшын-

да баласынен шу торбанен эвден чыкъкъан эди...

— Экинъизнинъ текмиль башкъа ишинъиз ёкъ экен, — дей акъшам диванда назланып, Асиенинъ тикишини сейир эткен он секиз яшында кызы Нияр. Бир элинде балабан йымшакъ аюв, бир элинде — телевизор пульта. — Даа сумкада тикесинъ! Гедженинъ бир вакътында абын-сюрюн къайда кетеджексиз!

— Сюрюнликке, — деди Асие тикишинден башыны котермей.

— Татлы юкъу ерине я? — Нияр йымшакъ аювны къучакълады. — Автобус саат къачта беклейджек?

— Саат эки бучукъта. Сен не о къадар раатсызланасынъ я? Юкъла раат-раат. — Асие ачувланган киби олды. — Биз озюмиз билемиз ёлуны.

— Серверден сорайым, бельки о сизни машинасынен алып кетер съемка олган ерге... А? — шубелене-шубелене деди Нияр. «Я о кетерми экен?...» деп сорады о озю-озюнден.

— Нишанлынъны раатсызлама! — деди Асие. — Биз озюмиз барып этермиз автобускъа. Бар, ят юкъла.

Бабасынен экиси босагъадан атлап, торба-богъчаларынен кърарлыкъ ичинде стнъип кеттилер.

— Алла къолай кетирсин! — деди оларгъа Нияр, къапыны къапатты, ашханеге кечти, пенджереге бакълты, лякин не анасы, не къртарбасы энди корюнмейлер — орталыкъ кърарлыкъ, олар чокъ къратлы эвнинъ биринджи къратында яшайлар, энди подъездден чыкъып кеткенлер.

Нияр чайникни толдырып атешке къойды. Стол башына отуруп саатке бакълты — саат экиге якълаша. Тюшюнджеге далды, телефонны алып, нишанлысы Сервер-

нинъ адыны тапып, кнопкагъа басты, сонъ бираз тюшюнип: «Не керек оны гедженинъ бир вакътында уятмагъа», деп телефоныны сѣндюрди. Сабагъадже юкълап оламады, тек танъгъа якъын, ашханедеки диванда, устуне бир шейлер орютюнип, юкълап къалды.

* * *

Ниярны саба телефон чанъы уянтты. Бу Сервер эди.

— Сен гедже манъа телефон чалдынъмы? — деп сорады Сервер.

— Э-э. Апансыздан... Мен белледим... Сонъ, сен юкълайсынъ, деп тюшюндим. Анамнен къартбабам шу илян этильген киносьемкаларгъа кеттилер. Мен сабагъадже юкълап олмадым. — Нияра тѣшегинден турды, элинде телефоны, сув толу чайникни кене атешке къойды. — Я сен?

— Меним къартанам да шай! Гедже автобусларгъа кеч къалгъан экен. — деди Сервер. — Манъа телефон чалды. Мен барып, машинамнен оны киносьемка олгъан ерге алып кетип ташладым.

— А-а... Ойле исе эпимиз киносьемкада булунгъан киби олдыкъ... — Нияр эснеди, къайнагъан чайниктен джезwege сув къуйып, озюне къаве пиширди. — Кель, къаве ичмеге! — деди о кулюмсиреп. — Бизимкилери даа къайткъанлары ёкъ...

* * *

Асие бабасынен киносьемкалардан тап акъшам устю къайттылар. Болдырдылар, кедерлендилер, козьашларыны сильдилер.

— Адджы хатырлавларнен толып-таштыкъ, — деди къартбаба-

сы Нияранынъ суалине. — Пек чокъ халкъ кельди, къарты-яшы, яш балалы аналар чокъ эди... Эр кес гедже демей, сувукъ демей, кельдилер... Шу къара куннинъ хатырасыны анъып кельдилер. Шашыладжакъ шей...

— Пек эеджанландыкъ... Биз бираз ятып раатланайыкъ. Сен акъшамлыкъ аш бакъ, къызым, — деди Асие Нияргъа. — Бизни уянтма, яхшымы?

Нияр кимсени раатсызламайым деп, ымпыс-тымпыс ашханеге кечти.

Шу арада къапы къакъылды. Къомшу — юксек, къызыл янакълы, чал сакъаллы, тендюрюст, кулер юзлю къарт келип къалгъан. О эр кунъ Ниярнынъ къартбабасына келе тургъан — квартиралары къаршыда. Бу къартны Нияр ничюндир бегенмей. Бу акъта анасынен кимерде тап чеккелешелер.

— Анавы къарт къомшу мени тюкянгъа отъмекке ёллай. Барсын озю, сап-сагълам къарт, ай-ай хаста олса эди! Меним вакътым ёкъ онынъ ичюн отъмекке бармагъа! — ачувлана Нияр.

— Не олур санъа, барып отъмек кетирсенъ? Къартларны урьмет этмек керек! — дей Асие. — Не ачувлана бересинъ шу къарткъа? Пек яхшы инсан! Къартбабанънен яхшы къонушалар да! Къарт адам, миллий арекетте иштирак эткен, о къадар зорлукълар чеккен, кимсеси ёкъ...

— Кимсеси ёкъ дейсинъ. Просто балалары эписи айры яшай. Бегенмейлер бабасыны! — досдогъру патлата Нияр.

— Чокъ лаф этме. Бар, къарткъа отъмек кетир. Весселям! — дей анасы. Къомшу къарт акъкъында ойле тартышмалар къорантада сийрек дегиль.

Нияр кѡапыны ачты, кѡартнен селямлашты.

— Сонъ, не япасынъ? Кѡартбабанъ эвдеми? — бар сеснен сорады кѡарт, ичери кирмек теклифини беклеп.

— Олар юкѡлайлар, — фысылдады Нияр. — Гедже сюргюнлик акѡкѡында киносьемкаларгѡа барып кельдилер.

— А-а... Сонъ, насыл, артистликни бегендилерми? — кѡарт кулюмсиреди.

Нияр шашкѡан киби олды, кѡартбабасынынъ, анасынынъ кедер толу козьлерини хатырлап:

— Сиз не дейсиз шу? Бу киносьемка ич артистлик дегиль.

Билесизми, насыл чокѡ халкѡ кельген анда, гедже демей, сувукѡ демей, баласы-чагѡасы такѡым. Эр кес джан-гонѡюльден бара онда. Сюргюнликнинъ дешетли фаджигасыны хатырлап баралар! — деди Нияр, кѡаны кѡайнап.

— Анда баргѡан эписи халкѡ ялынѡыз озюни кинода косьтермек ичюн баралар! Пиарщики! — деди кесен-кес кѡомшу кѡарт ве кене кулюмсиреди.

Нияр ачувлангѡынындан не айтаджагѡыны бильмеди:

— Кѡартбабамны уянтмагѡа истемейим, о пек болдыргѡан! Афугѡэтинѡиз! — деди Нияр. О, кѡартнынъ козьлерине ифадели бакѡты да, кѡапыны шарт этип кѡапатты.

Бутюн мусульман-тюрк дюнъясынынъ буюк мутефекири Исмаил бей Гаспринскийнинъ догъгъанына 162 йыл толды. Онынъ тарафындан 1883 сене-си Багъчасарайда «Терджиман» газета-сы чыкъарылып башлангъанына апрель 10-да 130 йыл олды.

Дюнъяджа намлы ярыкъландырыджы, янъы окъув усулы «Усул-и джадид»ни кешф этип омюрге кечирген Исмаил бей Гапринский, Русие мусульманлары арасында тюркий тильде биринджи романынъ муэллифи олмакънен бирге, къырым-татар педагогикасы эм де журналистикасына темель къойгъан, озюнинъ газетасы вастасынен бутюн тюрк халкъларыны уйкъудан уянтмагъа чалышкъан ве оларгъа айдын-ачыкъ медений, ичтимаи-сиясий

инкишаф ёлуны косьтерген мешур эрбаптыр. Бктюн тюрк дюнъясы онъа урьмет ве итирам этмекте.

КЪЫРЫМ

Бунъа Ешилъ ада дерлер, юдже маали Чатыр дагъ,
Бунынъ бир тарафы чельдир, бир тарафы — багъча-багъ.

Келир сувлар яйлялардан, не гузельдир бойлары,
Алтын ашлыкъ тарлалары, къозулары, къойлары.

Отер къушлар саба-акъшам, олур язда гулистан,
Эр не тараф гозь идерсенъ — алтын ашлыкъ, багъ-бостан.

Пек гузельдир аб-авасы, яй ве джай, джай ве яй,
Шеэрлеринъ эскилери — Къарасув, Багъчасарай.

Доп-долу эди халкъымызнен Ешилъ ада бир заман,
Аз дегильди юртумызда менла, батыр, къахраман.

Зевал кельди, юрт бозулды, къач ве кочъ, алдав иле,
Гитти халкълар, кельди ятлар башкъа ал ве диль иле.

Унутманъыз, чоджукъларым, Къырым сизинъ Ватандыр,
Саип олунъ бу Ватана чалышып эдеп иле.

Бунъа Ешилъ ада дерлер, юдже маали Чатыр дагъ,
Бунынъ бир тарафы чельдир, бир тарафы — багъча-багъ.

АМАН, ОГЪЛУМ!

Аман, огълум, сатма сакъын, элинъдеки топрагъы,
 Ананъ киби сени беслер берекетли къучагъы.
 Пичен, арпа, аш истемез, верир санъа бунлары,
 Сефиль-резиль олма сакъын, сатып Ана топрагъы.

Едиклеринъ, ичдиклеринъ эп бу топракътан келе,
 Джебинъдеки акъчалары санъа бу топракъ бере.
 Алма, армут, арпа-богъдай, багъ ве бостан — джумлеси
 Топрагъынъ вердиги байлыкъ... Сатма, сакъын топрагъы...

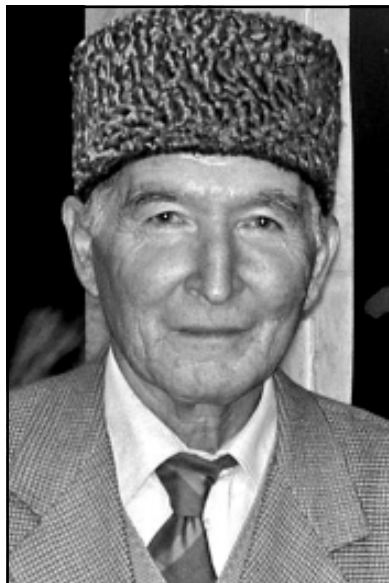
Оны билип, севмелисинъ чайыр иле багъчайы
 Акъча сувдыр, акъар китер, битирирсинъ акъчайы.
 Багъча китти, акъча битти, не олур сенинъ алынъ?
 Аман, огълум, топла акъча, кери къайтар *багъчайы*.

Бакъ, сенинъ бир чайырынъ бар... Не гузельдир чокърагъы,
 Шырыл-шырыл келе сувы, ярып къара топрагъы.
 Лянет идер санъа чокъракъ, сатма, сакъын чайыры,
 Эгер сатсанъ, чевириринъ феная сен хайыры.

Сач тарлая арпа, богъдай, ишле, бекле тарлайы,
 Бир сачарсынъ — он алырсынъ, унутмайып *Худайы*.
 Бир чувал богъдая къаршы, алтын кумюш верирлер,
 Кереклеринъ эр не исе — бунлар иле келирлер.

Аман, огълум, сатма сакъын, элинъдеки топрагъы,
 Ананъ киби сени беслер берекетли къучагъы.
 Пичен, арпа, аш истемез, верир санъа бунлары,
 Сефиль-резиль олма сакъын, сатып Ана топрагъы.

Корюмли къырымтатар шаири Шерьян Али бундан тамам 75 йыл эвель 1937 сени август 18-де Къырымнынъ Акъмет (Черномор) районындаки Джамал коюнде дюньягъа кельди. 1962 сени, о, Низамий адына Ташкент педагогика институтынынъ тарих факультетини битирди. Мектеплерде, газеталарда чалышты. 1974 сенесинден та 1993 сени Къырымгъа кочип кельгенге къадар Джизакъ виляет телевидение ве радиоэшиттирювлер комитетинде баш муаррир олып чалышты. «Омюр далгъалары» адлы биринджи китабы 1974 сени чыккъты. Бундан сонъ онынъ «Чагъала», «Асырдашымсырдашым» адлы шиширий китаплары басылды. О, Украина языджылары Миллий бирлигининъ азасыдыр. Мында онынъ «Мерджан данелери» (2004), «Къалем уджундаки нур» (2004), «Эки дюнья арасында» (2007), «Хатыралар юкю» (2011) адлы китаплары нешир этильди. «Эки дюнья арасында китабы ичюн о Бекир Чобан-заде мукафатынен ве «Хатыралар юкю» китабы ичюн Эшреф Шемми-заде адына эдебият мукафатынен такъдирленди. Къач йылдан берли эдебият авескъяларыны бирлештирген «Ильхам» бирлешмесине етекчилик япмакъта.

ЮРЕК ОЛАЙЫКЪ!

Яш ана тилене, тилене ана...
Хаста баласынынъ ресмини туткъан.
Эр кеске ялвара, череси яна,
Балам яшасын деп, озюн унуткъан!..

Тилей шифа ичюн ярдым акъчасын,
Баласы — АТР косьтерген бала.
Эвляды — ананынъ юрек парчасы,
«Балам!» деп, аналар не алгъа къала!

Балам яшасын деп, озюн унуткъан
Ананынъ къайгысы — несиль къайгысы.
Эр бир бала — фидан Ватанда туткъан,
Артсын, эксильмесин халкъым сайысы!...

Яш ана тилене, тилене ана...
 Къоллары къалтырай, капикке бакъып.
 Ана медетке зар, начар долана,
 Биз льякъайд кечемиз алтынлар такъып!..

Таянч олмалымыз хаста джанларгъа,
 Къол созып турмасын ана сокъакъта.
 Мерхамет синъгендир бизим къанларгъа,
 Умют чечеклери солмасын къакъта!..

Аллахым, шифа бер дертли сабийге,
 Анасы тилене, къапылар къакъа,
 Мунълы козьлеринде козьашлар ие,
 Ана имдат сорай, умютнен бакъа!..

Юртдашлар, «Балам!» деп, озюн унуткъан
 Анагъа къол тутып, керек олайыкъ!
 Балам яшасын деп, озю къан юткъан
 Анагъа къол тутып юрек олайыкъ!..

16.05.2012 с.

БРЕСТ КЪАЛЕСИНДЕ ЯНГЪАН ТОЛАЛАР

Брест къалесинде янгъан толалар
 Къуршунынен язылы нидже бинъ китап.
 Араретке эйкель — аскер балалар
 «Унутманъыз!» дие, эткендай хитап.

Юзюнде къатса да, къанлы теляшлар,
 Сарсылмаз биналар але къалкъандай.
 Къайсыннынъ* шииринде яралы ташлар
 Сёнмез чыракъларгъа дёнип къалгъандай!...

Брест къалесинде янгъан толалар
 Манъа хатырлата Акъярым дертин.
 Къалын диварларда аджиз къалдылар,
 Къорчалап оламай юртумнынъ мердин!..

Бунда яралангъан эр бир таш, тола
 Бизим юреклерни якъа, дагълайлар.
 Несильден несильге сессиз дерс олар,
 Мазыны бугунъге йипсиз багълайлар!..

Брест къалесинде янгъан толалар!..

28.02.2012 с.

*Къайсын Къулиев — буюк балкъар шаири.

Ашыкъ Умер денъизге бакъа,
Далгъалардай джоша сёзлери.
Сазы инълей, юрекни якъа,
Ильхам бере Кезлев — озъ ери!..

Асретликте къалгъан юрташлар,
Сырдашынъыз шаир назынен.
Авдет ашкъын юрекке ашлар,
Янъгыравукъ аят сазынен!..

Дюнъяларны кезсе де, Ашыкъ
Эп бир къайтты озъ Ватанына.
Догъма юрту насыл ярашыкъ,
Эдждат руху синъген къанына.

Ашыкъ Умер денъизге бакъа,
Далгъалардай джоша сёзлери.
Сазы инълей, юрекни якъа,
Ильхам бере Кезлев — озъ ери!..

«Гъурбет ильден юрт болмаз», дее,
Эшреф* къайтты ольсе де, атта...
Юрт севгиси юректен ие,
Юрт севгиси — талмаз къанат да!..

23.08.2012 с.

ЕРДЕ ДЕ ОЗЪ УЛЬКЕРИМ БАР!

Багъчасарай-азиз мекян, озъ шеэрим бар,
Шеэримни шерефлеген сёз-шиирим бар!
Огюмизге шавле сача коктен Улькер,
Не къуванч ки, ерде де озъ Улькерим бар!..

Улькеримиз тебессюмнен бакъып тура,
Эдждатларнынъ чырагъыны якъып тура.
Бакъышлары нурландыра юреклерни,
Танъ йылдызы Улькердайын балкъып тура.

Багъчасарай Улькери бу, севген къызы,
Багъчасарай арарети, ер йылдызы.
Эйиликнен ольчей кечкен омюр ёлун,
Гуль-чечекнен эп яраша баскъан ызы.

Багъчасарай-азиз мекян, озъ шеэрим бар,
Шииримни шерефлеген сёз-шиирим бар!
Огюмизге шавле сача коктен Улькер,
Не къуванч ки, ерде де озъ Улькерим бар!..

3.10.2012 с.

* Эшреф Шемъи-заде.

Эм шириетте, эм несирде семерели кѡалем ишлеткен яызджы Аблязиз Велиев 1939 сенеси октябрь 23-те Судақъ районы, Кѡоз коюнде догъды. Ташкент тоқѡумаджылыкъ комбинатында «Тоқѡумаджалар овозы» газетасында чалышты. 1968 сенеси «Ленин байрагъы» газетасына ишке авушты. Бу девирде о, Ташкент Девлет университетининъ журналистика факультетини гъиябий битирди. Чокъ йыллар «Ленин байрагъы» газетасында чалышты ве сонъра исе «Янъы дюнья» газетасы муаррирининъ муавини вазифесинде булунды. Шимди Къырым муэндислик-педагогика университетинде эдебият дерслери бере. Ташкентте онынъ «Байракъкъа тамгъан козьяшлар», «Бахт йылдызы», «Ираде» адлы китаплары нешир этильди. Украина яызджылары Миллий бирлигининъ азасыдыр. Сонъки девирде «Къырымтатар муаджир тюркюлери», «Фашизм махбюслери», «Къараманлар ольмейлер», «Дженк офицерлери», «Герои бессмертны», «Муаребе аскерлери» киби китаплары нешир этильди. Онъа, Къырымда нам кѡазангъан санат эрбабы намы берильди, о, Бекир Чобан-заде мукафатынынъ лауреатыдыр.

ЛИРИКА ДЕФТЕРИНДЕН

БАЙРАГЪЫМ

(Йыр)

Умютимни мен санъа багъладым,
Ифтихарым, меним байрагъым.
Котеринъ достлар, о ельпиресин,
Онынъ иле багълы аятым.

Багълама:

Тамгъалы байракъ, мукъаддес байракъ
Авеленсин даим Ватанда.
Башымыз узре, саф кокюмизде
Ёл косьтерсин о халкъымызгъа.

Меним байрагъым, азиз байрагъым,
Миллетимнинъ темсили сенсинъ.
Биз санъа садыкъ олурмыз даим,
Къырымтатар сен иле енъсин.

КЪЫРЫМ 1.2013

Багълама.

Биз джесюр миллет. Буны яхшы биль,
 Байракъ иле кетейик огге.
 Енъиш кетирсин, кучъ-къувет берсин,
 Къырымтатар байрагъы бизге.

КЪАРА ДЕНЪИЗ

Къара денъиз, Къара денъиз!
 Биз экимиз санки эгиз.
 Къара денъиз, Къара денъиз!
 Не япарым мен сенсиз?

Къара денъиз, Къара денъиз!
 Догъмушлармыз экимиз.
 Къара денъиз, Къара денъиз!
 Яшап оламам сенсиз.

Къара денъиз, Къара денъиз!
 Елькен ялдармы ельсиз?
 Къара денъиз, Къара денъиз!
 Манъа бахыт ёкъ сенсиз.

Къара денъиз, Къара денъиз!
 Экимиз даим бирмиз.
 Къара денъиз, Къара данъиз,
 Айт, нишлермиз Къырымсыз!

* * *

Райниснинъ фельсефеси анъымда,
 Янис Рицос назмиети къанымда,
 Окуджава тюркюлери мен иле,
 Есениннинъ лирикасы янымда.

Ашыкъ Умер олды манъа бир устаз,
 Джевхерийни нидже окъусам да аз.
 Решит Мурат уянтты менде ильхам,
 Иджат перилерим — сизни унутмам.

БАЛЫКЪЛАВА ЛИМАНЫНДА

Балыкълава лиманында ялдай гемилер,
 Гемилерден элин саллай дюльбер келинлер.
 Ишмар эте, давет эте, мында кель, дейлер,
 Шакъамы я шохлыкъмы бу, бир шей демейлер.

Акъ фырланта башларында авеленелер,
 Юзьлерини опип кече шох, хафиф еллер.
 Къыз назлана, геми саллай сагъгъа ве солгъа,
 Мерамыны анълаялмай далам мен ойгъа.

Къая баштан узакълаша халкъ толу геми,
 Когертеде эп саллана къызларнынъ эли.
 Къара денъиз алып кете оларны узакъ,
 Къызлар къойып кетелер къальбиме тузакъ.

РИДЖА ЭТЕМ

Риджа этем, риджа этем, ялварам санъа,
Олур-олмаз мисаджлары ёллама манъа.
Алай суаллеринъе алдынъ сен джевап,
Энди ихтияр сенде, не истесенъ яп.

Риджа этем, риджа этем, ялварам санъа,
Раат къой джеп телефоным, чанъ къакъма манъа.
Омюриме зеэр къатма, бозма сен къаным,
Атта манъа деме сен севгилим, джаным.

Риджа этем, риджа этем, эп айтам санъа,
Олур-олмаз мисаджлары ёллама манъа.
Арамызда копюр дегиль, ёллар бозулды,
Бу феналыкъ айлар дегиль, пек чокъ созулды.

Эр шей битти: тевбе, риджа, афу не лязим?
Демек, бойле экен меним гъарип баш язым.
Сен де тынчлан, ёл арама мен таба сакъын,
О ёлларда мен корюнмем ве кельмем якъын.

Олды, битти, эр шей тамам, ялварам санъа,
Ялварам, джеп телефондан чанъ къакъма манъа.
Олур-олмаз мисаджлары ёллама манъа,
Риджа этем эндиден сонъ, сен мени анъма.

ТАМЧЫЛАР

Тамчылар, тамчылар, мени эп къамчылар.
Къаранлыкъ геджеде козьаш тёке шем чыракъ.

Бельки де мени аджып агълайдыр,
Меним такъдиримни озюнен багълайдыр.

Тамчылар мени къамчылар, къамчылар,
Бильмейим меним не гуняхым бар?..

Къаранлыкъ гедже, ёл узакъ, эп кетем,
Шыбалап мени ягъмур эп къамчылар.

Узун ёл четинде сепетлеринен
Шем чыракъ нурунда отура балджылар.

Къуршундай булутлар къаплагъан семаны,
Къуюп ягъгъан ягъмур – бу онынъ девамы.

Мен кетем сыланып, не башы, сонъу бар,
Къамчылай мени эп, сонъу ёкъ тамчылар.

Эмине Усеин (Меметова) Сейран кызы 1972 сенеси октябрь 3-те Наманган виляетининъ Чуст шеэринде дюнъягъа кельди. 1991 сенеси Чуст педагогика окув юртуны битирип, севимли Ватаны Къырымгъа кочип кельди. 1993-2008 сенелери Акъмесджит районынынъ Новозбууревка мектебинде башлангъыч сыныф оджасы олып чалышты. 2008 сенесинден Акъмесджитте 7-нджи бала багъчасында тербиеджи олып чалышмакъта. 2007 сенеси В. И. Вернадский адына Таврия Миллий Университетининъ филология факультетине окъумагъа кирди ве оны битирмек арфесинде.

«Йылдыз» меджмуасында 2011 сенеси 2-нджи санындан башлап балалар ичюн ресимли, ренкли «Йылдызчыкъ» саифелерини азырлап кельмекте.

Келеджекке буюк умют догъургъан Эмине Усеиннинъ иджадий ёлу 2006 сенеси башланды. Шиирлери «Къырым» ве «Янъы дюнъя» газеталарында, «Йылдыз» меджмуасында басылмакъта. 2009 сенеси онынъ «Алтын кунеш» адлы биринджи бала шиирлери джыйынтыгъы дюнъя юзю коръди. 2011 сенеси исе балалар ичюн «Айванат алеми» адлы ренкли, ресимли экинджи китабы нешир олунды.

ТИКЕН ВЕ ГУЛЬ

Гульге яр ким экен — тикенми, бульбульми?
Тикен гъондже гульге ашыкъ дегильми?
Тикен гульнен даим бир ола дегильми?
Гульге о сыр ачмаз эм ондан айрылмаз.

Тикен киби кимсе бильмез гуль алыны,
Гульден айры турмаз, сарар гуль далыны,
Тикен батар, сакъын, узатма къолунъны.
Гульнинъ досту — тикен, тикенсиз гуль олмаз.

Гъарип тикен даим гульге бакъып агълай,
Бутюн омюр умюдини гульге багълай,
Тикен озю гульге ашыкъ — оны сакълай,
Тикенден къоркъкъанлар гульни къокълаялмаз.

АШКЪ ВЕ ГУЛЬ

Меджнун Лейлянынъ зульфине гуллер такъар,
Юзюнъни корьдикче козьлерден яш акъар,
Гоньдже янагъында гъамзеси джан якъар,
Гульсиз ашкъ багъына ич кимсе киралмаз.

Йигит кирсе гуль багъына — бир гуль къокълар,
Эр назардан о даима гульни сакълар,
Джефа берген джаиль исе гульни юлкъар,
Гуль устюнден башкъа бир гуль ич къокъланмаз.
Севдигине гуль бермеген яр ич олмаз.

Гузеллернинъ шахы — гуль, ляйыкъ урьметке,
Гонъюллернинъ ахы —гуль, зардыр миннетке.
О, ашкы бенъзетир сахрагъа, дженнетке,
Гузеллернинъ ашкындан асла гуль солмаз.

БУЛЬБУЛЬ ВЕ ГУЛЬ

Къаргъалар асла гуль далына къонармы?
Я да, гуль къаргъанынъ тилинден анълармы?
Гульге асрет олып бульбульдай агълармы?
Къаргъа тюкюн тараса да — бульбуль олмаз.

Бульбуль дер: «Ах, гулюм, сен куль, мен агъларым,
Мени махзун эйле, санъа даим зарым.
Етер ки, ашкъ нагъмесини мен йырларым.
Мени Меджнун анълар, башкъасы анъламаз».

Бульбуль отъмесе, гъондже гуллер ачылмаз,
Гульге асрет кунеш агълар, нур сачалмаз,
Ашыкъларнынъ гонъюль тахтына тадж олмаз,
Бульбуль матем чексе эгер, гуль къучулмаз.

ПЕЙГЪАМБЕР ВЕ ГУЛЬ

Не къадар инанч бар онынъ бакъышында,
Адыны окъуйлар Хакънынъ къаршысында,
Хакъкъа ялваралар сахра чаршысында,
Бир ютум сув кервангъа — Мухаммед Мустафа.

Аягъында гуль тозу, юзюнде баарь,
Тильде саф эджасы, сёзюнде нуры бар,
Къальбинде джумертлик ве мерхаметлик бар,
Бир нур яйды джиангъа Мухаммед Мустафа.

Аллахтан гуль алып, гонъюллерге ашлай,
 Сабырлы эллерге садакъат нагъышлай,
 Гульсиз къалгъанларгъа гуллер багъышлай,
 Бир гуль берген душмангъа — Мухаммед Мустафа.

БАГЪЧЕВАН ВЕ ГУЛЬ

Бир гульге бакъкъаннынъ — «Юзьлери акъ олсун!»,
 Бинъ гульни бакъкъаннынъ — «Эллери сагъ олсун!»,
 Меджнуннынъ дагълары Лейлягъа багъ олсун,
 Багъчеван эр гульге вефадар — федакяр.

Гуль замет чекмесин, деп гульге сув берир,
 Чёллерни, чименни гульзаргъа чевирир,
 Тикенлер устюнде омрюни сюрдирир,
 Багъчеван — гуллерге, тикенге хызметкяр.

Багъында бульбуллер аетлер окъурлар,
 Пейгъамбер рухуна иляхий токъурлар,
 Икметнинъ тек сыры — Аллахтан къоркъудыр,
 Багъчеван Аллахкъкъа сыгъыныр — икметкяр.

Селямы гуль олды, иманы гуль олды,
 Мекияны гуль толды, дерманы гуль олды,
 Асыл гуль — юреги, джананы гуль олды,
 Багъчеван арзугъа иришти — ашыкъкъяр.

ШАИР ВЕ ГУЛЬ

Гедже устюнде гедже дегиль, кунъдир,
 Атеш ичинде атеш дегиль, кульдир,
 Ашкъны анълаткъан сатыр дегиль, гульдир,
 Шай экен, гъарип шаирден не файда?

Гульге бульбульнинъ фигъаны не экен?
 Гъарип Меджнуннынъ джананы ким экен?
 Дана гуль олса, наданы ким экен?
 Гуль джанына бир дегиль, бинъ джан феда.

Шаир, тикендай, гъондже гульсиз олмаз,
 Ах этсе о, келир гульзар иле яз,
 Бакъып гульге эм наз эйлер, эм нияз,
 Шаир гуль ичюн даим эйлер нида.

Бу дюньяда шаирнинъ Лейлясы — гуль,
 Джояр акълыны, гъает джефасы — гуль,
 Сабыр эйлер, элинде дуасы — гуль,
 Шаир гуль ичюн агълар бу дюньяда.

АЛЕМ ВЕ ГУЛЬ

Эй, кѳоджаман алем, олмадынъ манъа яр,
Не ювам бар, не гульзарым, не итибар,
Бу алыма бакъып гъарип бульбуль агълар,
Алем, манъа бакъып, сен олма перишан.

Юрегинъден, мени кѳувып, сюргюн эттинъ,
Элем чеккен бульбулимни Меджнун эттинъ,
Гуль далында тикенимни къанун эттинъ,
Алем, манъа бакъып, сен олма перишан.

Элялынъ ёкъ, гуль багъчалар виран олды,
Иманынъ ёкъ, ишинъ-кучюнъ ялан олды,
Кемалынъ ёкъ, элинъде кяр, надан олдынъ,
Алем, манъа бакъып, сен олма перишан.

Гузеллигинъ мендедир, леблеримде — лал,
Янагъымда эр гъамзем — бир гъондже нихаль,
Юрегимде дева бар, гонълюмде — хаял,
Алем, манъа бакъып, сен олма перишан.

Бульбульге гуль керек, бульбуль гульсиз олмаз,
Ашыкъкъа яр керек, ашыкъ ярсыз олмаз,
Гульзаргъа гуль керек, гульзар гульсиз олмаз,
Алем, манъа бакъып, сен олма перишан.

Зарема Трасинованынъ ресими.

XVII асыр класик шаиримиз Ашыкъ Умернинъ догъгъанына бу сене 392 йыл тола. Кезлеведе догъгъан шаир озъ яратыджылыгъы иле бир чокъ шаркъ мемлекетлерини доланаракъ, Тюркиеде токъталып, омюрининъ эсас къысмыны анда кечире. Анда о экинджи бир мешур шаиримиз Мустафа Джевхерийнен бир вакъытта, бир ерде булунып, къавеханелерде бирге шиирлер айтып халкъны эглендиргенлер ве озъ иджатларынен омюрлик халкънынъ алгъышыны ве урьметини къазангъанлар. 25 бинъ сатырдан зияде шиирий асабалыкъ къалдыргъан Ашыкъ Умер эсерлерининъ баягъы къысмы языджы Риза Фазыл тарафындан азырланып Ташкентте эки джылтлыкъ топлам оларакъ 1989 ве 1990 сенелери нешир этильди. Бунынънен сенелер бою

унутылып кельген буюк шаиримизнинъ аджайип яратыджылыгъы эдебиятымызда темелли ер алды ве халкъымызнынъ, медениетимизнинъ темелли вариетине чеврилди. Шимди онынъ эсерлери чешит дерсликлерге кирсетиле, мектеплерде ве алий окъув юртларында дерс оларакъ огрениле.

ДЕСТАНЛАР

ЕР ИЛЕ КОК

Ер иле кок бир кунъ давалаштылар.

Кок сёйледу: — Сенден аля менимдир.

Ер сёйледу: — Къана чыкъчы къаршыма,

Сенден аля меним, сейран менимдир.

Кок сёйледу: — Неге инатланасынъ?

Динъле, кимсинъ? Дегиль ки сен билирсинъ.

Мен юксеким, сен алчакъта турасынъ,

Бунджа къальбни тахткъа къойгъан менимдир.

Ер сёйледу: — Меним сени дёндирген,

Эр кунъ сени озъ тахтынъа гоньдирген.

Алчакълардан юксеклерге миндирген,

Озюм пельван, шах-и мердан¹ менимдир.

¹ *Шах-и мердан* — мердлер шахы.

Кок деди ки: — Кель, отур эсаплара,
Тийме, меляйкем, кельмез кыйяслара.
Бакъ мендеки Кунеш, Ай, Йылдызлара,
Юдже-юдже эп айлангъан менимдир.

Ер деди ки: — Асла чекмем фирагъы,
Менде янар эввель мевля чырагъы.
Эвлиялар, энбиялар дурагъы,
Еди дерья, еди умман менимдир.

Кок сёйледу: — Менде рузгярлар эсер,
Учъ юз алтмыш алты² дамарын кесер.
Мен олмасам, сени зулумат басар,
Ол гузель къурувлы диван менимдир.

Ер сёйледу: — Топрагъымыз безенир,
Сааръ вакъты алемлерге зевкъ берир.
Эр багъчада юз бинъ чечек ренк берир,
Йыкъымдан къуртарыр гульшен менимдир.

Кок сёйледу: — Булутларым буланыр,
Еди къатта этрафларым доланыр.
Ягъмур ягъар, бутюн еринъ сувланыр,
Коктен ерге сув дагъыткъан менимдир.

Ер сёйледу: — Дагъым нурдыр, ташым — нур,
Кендиси нур, козьлери нур, къашы нур.
Дерьялардан сахраларгъа ташыныр,
Джефакарнынъ неслин бозгъан менимдир..

Кок сёйледу: — Кимден алдынъ хабери?
Менде олыр эп мелеклер сервери.
Аршы-Курсинъ, еринъ-кокинъ ленгери,
Кяинаткъа улу субхан менимдир.

Ер деди ки: — Ялан дединъ бурадан,
Алимлерим окъур акътан, къарадан.
Сени, мени, экимизни яраткъан
Джумленинъ мурады рахман менимдир..

Кок сёйледу: — Шимди къая йыкъарым,
Эмир этсем, йылдырымле чакъарым.
Эй, Ер, сени атешлере якъарым,
Шимди топ менимдир, чокъмар менимдир.

Ер деди ки: — Менден юксек дурысынъ,
Неге буюк сёйлер, магърур олысынъ?
Та эвельден ракъибинъни билирсинъ,
Йылдырымынъ туткъан султан менимдир,

² Йылнынъ 366 куню.

Кок сёйледи: — Эсапланмаз йылдызым,
Сени айдынлатыр ярыкъ куньдюзим.
Гъильман иле урий мелеклер бизим,
О гузель Арш иле Рахман менимдир.

Ер сёйледи: — Ач козинъни, бакъ манъа,
Менде олгъан сенде бармы, айт манъа.
Менде ятар джиан сервери аля,
Ойле девлет меним, ихсан менимдир.

Кок эшитти буны, дава этмеди,
Ер наз иле: — Бизге ренк бердинъ, — деди.
Язды Ашыкъ Умер бу джонкни кенди,
Ер, Кокни макътагъан инсан менимдир.

ДУНЬЯГЪА АЛДАНМА

Яланджы дюньягъа алданма, бейим,
Бу дунья дагъылыр, бир анъ эгленмез.
Эки къапылы виранедир, дейим,
Бунда къонгъан кочер, михман эгленмез.

Бакъма бунынъ къарасына, акъына,
Гонъуль берме бостанына, багъына.
Бенъзер озю бала оюнджагъына,
Бунда акъылы олгъан инсан эгленмез.

Догърусындан кетмеге бакъ ёлларнынъ,
Чекинъ дарбесини юдже йылларнынъ.
Дунья — зинданыдыр му`мин къулларнынъ.
Зинданда олгъан инсанлар эгленмез.

Эй, гъафилъ, не сандынъ сен бу омюрни,
Турармы беллединъ тазе бааръни.
Юкинъни юкле де чыкъ эввелъ баре,
Биль ки, ёлджы кетер, керван эгленмез.

Бар ибадет эйле мевля ёлына,
Бунда не эйлесенъ анда булуна.
Бир кунъ сефер тюшер къоркъу илинъе,
Юрты тепренеджек султан эгленмез.

Омюр тамам олыр, дефтер бурулыр,
Сырат копюринде теразе къурулыр.
Хакъкъынъ узурна къуллар топланыр,
Эмири тутулыр, ферман эгленмез.

Нидже азиз олды бунджа пейгъамбер,
 Къана Умер, Осман, Бекир ве Айдер?
 Къана Халиулла, Сыддыкъ — алийлер?
 Бунда кельген кетер, бир джан эгленмез.

Сувлар киби олып турмайып акъар,
 Дюнъ, бугунъ чагълар, эп мейдангъа акъар.
 Севги дерьясында бир тамчы акъар,
 Далгъалар чалкъаныр, дерья эгленмез.

Керек яз, къыш, керек бааръ иле кузь,
 Керек назик Ай ве керек ки Йылдыз,
 Дёнерлер эп Хакънынъ эмриле тюп-тюз,
 Девирлер ойнарлар, бир анъ эгленмез.

ОКЪУВ ВЕ БИЛЬГИ

Акъикъат огърунда гонгуль бульбули
 Япракълар гъонджесин къолайнен окъур.
 Гузель сёзли агъзында сёйлей тили,
 Кя «Бустан», кя «Гулистан»¹ джонкин окъур.

Танъ ели ачты гъонджелер ортыусин,
 Саф олып косътерди олар озъ тюзин.
 Эр кес фаркъ этерми бильги дестини,
 Бильги мектебинде бильгенлер окъур.

Корюндже сырыны бильген адамлар,
 Сыр эр кеске тез еткенини анълар.
 Ариф бильгенге корюнир язылар,
 Санма эр джаили о яман окъур.

«Джум» арфинен къальбини этмеген саф,
 Яш тёкип нафиле этмесин бош лаф.
 Язылгъан арифлер: «айн», «шин» ве «кяф» —
 Бу бабны бир олып ашыкълар окъур.

Буны сезе билип эшиткен инълер,
 Акъикъат тамчысын аз ичкен инълер,
 Идрак иле анълап джошкъанлар инълер,
 Бильген бу илимни эр заман окъур.

Тилини мис киби анбер эйлемиш,
 Алдыгъы бильгисин къокъулы этмиш.

¹ Иран шаири Саадий Ширазийнинъ мешур эсерлери.

Дервишлик ильмини эзберден бильмиш,
Кямилъ бир шейх оны усулнен окъур.

Бильги саибиле дост олгъан киши
Алийдир эр кезден туткъан эр иши.
Къутубнынъ меркезине ол кунеши
Еткизир, джонкини сабырнен окъур.

Акъикъат иле къонушкъан адамлар
Марифетте кямиллик къазанырлар.
Бильги саиплери файда булурлар,
Санма бу къяф ильмин эр лисан окъур.

Бааръ озъ укмин эткенидай аян,
Бильги укмине бойсуныр бар джиан.
Диванда эр шейни этмекте беян,
Къуш дилидир, оны Сулейман окъур.

Икметли сёзлери шекер кибидир,
Кет-кете яхшы косътерген кузьгюдир..
Къятиб язысы къальбле къудретлидир,
Къальб олыр агъзында, терджиман окъур.

Ичининъ дерди ич сыгъмаз беяне, Я
Ялынъыз кендинъи санма диване.
Къулакъ асар исенъ халкъ-и джиане,
Эр бири бирер парча дестан окъур.

Бу икмет ильмини гъайретли алим
Джесюрлере эйлер сонъки болюмин.
Сулейман бир даа ачар китабын,
Къысса-и Рустемдир къараман окъур.

Гъамсызлар илляки чекер ябане,
Хызмет этмеенлер тапар баане.
Инанмакъ истемез ич бир беяне,
Илимге ишанмай зорлукъман окъур.

Ким де такълид иле бу ёлгъа кирер,
Сёзи ёкъ нафиле кендисин ёрар.
Сыр корер, янълышча хаберлер берир.
Эр къачан бу ильми яландан окъур.

Джаиль атар эльбет, кендин мейдана,
Истемез акъылын асыл ёрмагъа.
Уйдырыр озюне даима мана,
Кенди яман эр вакъыт яман окъур.

Умер, шунынъ ичюн эйлерим фигъан.
Тёкер яш ерине бу козьлерим къан.
Къоркъарым, иджадым, ольдигим заман
Булур бир джаили, анъсызджа окъур.

ПИРЕ ДЕСТАНЫ

Эй, гъазылар, бир сейрана огърадым,
Сейленеджек, динъленеджек ал дегиль.
Докъуз киши бир пирени къувалар,
Ич акъылым етишеджек ал дегиль.

Териджилер топландылар, шаштылар,
Эт аммалларыны корип къачтылар.
Аягъына юз чифт бугъа къоштылар,
Кевдеси чокъ чекиледжек ал дегиль.

Бакъынъ, пире бизге не ал ишледи,
Тюшип озюме ат киби кишнеди.
Оны коръдим, тобугъымны тишледи,
Ич акъылгъа ятаджакъ бир ал дегиль.

Бакъынъ ана шу пиренинъ ишине,
Янъы кирген элли секиз яшына.
Топуз иле гуль эйледим башына,
Кирпиклери къырыладжакъ ал дегиль.

Юкъларкен оны бекледим, уяндым,
Къолларым тиредим, къаршы таяндым.
Оджакъларгъа тюшип кульге бояндым,
Аля козим ачыладжакъ ал дегиль.

Ашыкъ Умер дер ки, буны сёйлерим,
Ашкъ элинден гедже-кунъдюз инълерим.
Турмайып шу пирени шерефлерим,
Акъыл берип инанаджакъ ал дегиль.

*Александр Сергеевич
Пушкиннинъ
догъгъанына майыс 26-да
214 йыл тола.*

ПУШКИН КЪЫРЫМДА

Денъизге саркъкъан эски паркнынъ ешилликлерине комюлерек, кучюк бир эвчик тура. Онынъ къапысы устюне: «1820 сенеси бу эвде озюнинъ дженюп сюргюнлиги вакътында А.С. Пушкин яшады», деп язылгъан.

1820 сенеси август 15-те Пушкин джыллы Тавридагъа кельди. Онынъ козю огюнде, мектюбинде къардашына язгъаны киби, „муим ве джай-ратылгъан“ Къырым корюнип турды.

Пушкин озюнинъ Къырымнен танышлыгъыны Керчътен башлады, ондан сонъ Кефеге кельди. Шаир оюзнинъ ёлуны: *«Кефеден Гурзуфкъа къадар денъизнен кельдим. Бутюн гедже юкъламадым. Ай ёкъ эди, йыл-дызлар йылтырай эдилер; туман къаплы дагълар узанып корюне эдилер... Гедже мен гемиде бир элегия яздым»*, деп тасвир эте.

Шаирни Гурзуфкъа кетирген арбий геми устюнде язылгъан бу элегия Пушкиннинъ яратыджылыгъында Къырым серпентисинде яратылгъан энъ яхшы эсерлердендир:

«Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отделенный,
Земли полуденной волшебные края:
С волненьем и тоской туда стремился я,
Воспоминаям упоенный...».

«Бу арада геми Гурзуф огюнде токъталды. Юкзудан уянганым киби мен аджайип бир манзара кзаршысында кзалдым: чешит туюлю байырлар йылтырап корюне; дам тёпели татар эвлери узактан байырларгга япышкзан балкзурт ювалары киби тура, ве оларнынз арасында ешилъ колонналар киби сельбилер тиклене: онъ якъта буюк Аювдагъ... эр тарафыны темиз мавы кок ве ачыкъ денъиз саргзан, ярашыкъ, авасы исе уйле сыджагъында эди...», деп яза Пушкин.

Шаирнинъ бу биринджи теэсураты о къадар къуветли эди ки, «Евгений Онегин»де кене де бунъа къайтып:

«Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я...», деп язды.

Гурзуф о вакъытлар, эвлери сийрек олгъан кучюк бир татар койчиги эди. Шаир оны:

«Где бедные простых татар семьи
Среди забот и дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной», деп тасвир этти.

Татар эвчиклерининъ фонунда о вакъытлары буюклигинен айырылып тургъан эки къатлы бир эв бар эди. Бу эв 1811 сенеси Новороссийский генерал-губернаторы Ришелье тарафындан япылгъан эди.

1820 сенеси август 18-де онда Раевскийлернинъ къорантасы токътагъан эди. Пушкин, Раевскийнинъ кучюк огълу Николайнен берабер галерея узериндеки кабинетке ерлешкен эди.

Пушкин къардашына язгъан мектюбинде: «Гурзуфта мен учъ афта яшадым. Меним достум, аятымнынъ энъ бахытлы дакъкъаларыны сайгъылы Раевскийнинъ къорантасында кечирдим... Акълынъа кетир де бакъ, мен бахытлы эдимми: бу сайгъылы къорантада сербест ве къаарсиз-къасеветсиз омюр, меним зияде севгеним ве ич бир вакъыт леззетини татмагъаным омюр, — бахытлы сыджакъ маалининъ коки; аджайип мемлекет, табият бутюн тасавурларны къаний эткен табият; дагълар, багъчалар, денъиз...», дей эди.

Гурзуфнынъ аджайип корюниши шаирнинъ шу:

«Волшебный край, очей отрада,
Все живо там — холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса.
И струй и тополей прохлада —
Все чувства путника манит...
...И зеленеющая влага
Пред ними блещет и шумит
Вкруг утесов Аю-Дага...», сатырларында тасвир этильди.

Пушкин Дельвигге язгъан мектюбинде; «Гурзуфта мен тоя-тоя

яшадым, денгизде ювундым, юзюмге бакътым; шимди бу саате уйле маалининъ сыджакъ табиатына алыштым ве ондан бутюн сувукъ къанлылыгъымнен берабер неаполитан лаццарунисининъ леззетини алдым. Мен гедже уянаракъ денгиз шувулдысыны динълемеге севе ве оны саатлернен динълеп отура эдим. Эвнинъ эки адым авлагъында яш бир сельби осе эди; эр саба мен онынъ янына бара эдим. Эм мен онъа достлукъкъа бенъзеген бир дуйгъунен байлы эдим», деп икяе эте.

Гурзуфта экенде шаир «Кавказ эсири» поэмасынынъ планыны тюшюнди ве оны мында язып башлады.

Къырым Пушкиннинъ яратыджылыгъында терен бир ыз къалдырды. Сыкъ-сыкъ оларакъ о, озъ яратыджылыгъында Къырымны хатырлап ала:

«Приду ли вновь, поклонник муз и мира,
Забыв молву и света суеты
На берегу веселого Салгира
Воспоминать души моей мечты?»

Чар тарафындан Михайловск коюне къувулгъан шаир кене бу джыллы мемлекетни акъылына кетире. Михайловск коюнде экенде о «Юзюм», «Багъчасарай Хансарайы чешмесине», «Тюрк йырына бенъзетме» киби шиирлерини язды.

Къырымнынъ ерли халкълары олгъан ве биринджи оларакъ онъа Гурзуфта расткелинген татарлар да онынъ яратыджылыгъындан кенарда къалмадылар. Къырымтатар халкъынынъ адет ве къылыкъларына бакъаракъ, о, оларнынъ фукъарелигини, инатджасына эмексеверлигини коре эди.

1824 сенеси кене де озюнинъ досту Дельвигге: «Меним энъ севген ишанчым кене де сыджакъ ялыларны барып коръмектир... Айтта анълат, не ичюн бу сыджакъ ялылар ве Багъчасарай меним ичюн тасвир этильмез бир ярашыкъ экен, Не ичюн шу коръген ерлеримни бир даа барып коръмек арзусы о къадар къуветли экен..?», деп язды.

Лякин къувулгъан шаир бу «Козъни къямаштыргъан тылсымлы мемлекет»ни бир даа келип коралмады.

Бутюн акъыл адамларыны ве талантларны дешетли чызмалар астында таптагъан рус самодержавиеси улу рус шаирининъ аджайип омрюни алды.

А. Поздняков.

СЕРБЕСТЛИК¹

Мерсие
(1817)

Къач, сакълан сен меним козьлеримден
Цитеранынъ² зайыф хан бикеси!
Къайдасынъ, эй, сёйле о чарларгъа,
Дешет олгъан азат йырджы сеси?
Кель, къопар ат, менден чечек таджым,
Къыр назлангъан индже сазым; неге —
Мен истейим азат йырларымнен,
Тахт арыны енъип, ёкъ этмеге.

Алидженап Галнынъ³ ойле кениш
Ызыны ач, ёлны косътер манъа.
Шанлы бея йылы арасында,
Гурь гимнлер сёйлей эдинъ онъа.
Ельпазели талий огъуулары,
Эй, залымлар! Къоркъып къалтыранъыз!

Эй-ат! Къайда озюм козь ташласам,
Мусибетли, къаба къанун ары.
Эр ерде шу къамчы ве зынджырлар,
Эсирликнинъ кучъсиз козь яшлары.
Эр ерде шу акъсыз акимет,
Фикирлернинъ къою къаранлыгъы.

Амма, тек шу азиз сербестликнен,
Кучъю къанун бирлик олгъан ерде;
Олар истеп, къанун къалкъаныны,
Эр кеске бир акълы керген ерде;
Джинаетни корип юкъарыдан,
Дюрст сильтемнен сильтеп джойгъан ерде;

¹ Бу шиир эль язмасында дагъытылгъан эди. Ильк оларакъ, 1905 сенеси Пушкиннинъ «Эсерлери» деген академик нешринде басылды. Онда «Тиран» Павулнынъ не ерде ольдюрильгенини гизлемек ичюн 9-нджы бейитинде Нева сёзю тюшюрильген эди.

² *Цитеранынъ хан бикеси* — алла Венера. Онынъ намына Цитера ада-сында храм япылгъан. Бу бейитнинъ манасы — шаирнинъ севги йырламакъ-тан вазгечкенини айта.

³ *Алидженап Гал* — франсыз шаири Андре Шеньедир (1762–1794). О, монархиянынъ файдасына суикъаст япувда къабаатланаракъ, революцион трибуналнынъ эмри муджюби олюм джезасына макюм этильди. 1825 сенеси Пушкин онъа багъышлап «Андре Шенье зинданда» шиирини язды. Гал — франсыз демектир.

Не кѳоркѳу, не ачкозѳ саранлыкѳнен,
 Эллер анда сатлыкѳ дегиль экен.
 Анда, падиша башы узеринде,
 Халкѳ азабы ятып, ийильмеген.
 Укюмдарлар! Сизге тадж-тахытны,
 Табиат дегиль, аслы кѳанун кѳура.
 Халкѳлардан устюн турсанѳыз да,
 Кѳанун сизден, эбет, юксек тура.

О ерде ки, кѳанун хаберсиздир,
 О ерде ки, халкѳы я чарларгѳа,
 Кѳанун укми кене ич ерсиздир,
 Языкѳ олсун анда кѳавмларгѳа!
 Эй, шанлы хата кѳурбаны сен!
 Деделерчюн якѳын боранларда,
 Чар башыны феда эткен сени
 Шаат-эльчи киби чагѳырам мен.

Олюм мейданына Людвиг чыкѳа,
 Индемеген несиль козѳ огюне.
 Таджсыз башын эгип, боюнсына
 Джезаларнынѳ кѳанлы кутюгине.
 Суса кѳанун, эм де халкѳы суса.
 Джаний сатыр ала нефесини.
 Ве бу алчакѳ порфира⁴ минген,
 Зынджырлангѳан Галлар джелѳкесине.

Озѳ укюмли джаний, сени ве эм
 Тахтынѳны да корер козѳюм ѳкѳтыр.
 Аджуvsыз бир севинч дуяр эдим
 Несилинѳнинѳ гѳайып олувындан.
 Халкѳ окѳуй сенинѳ манѳлайынѳда
 Шу басылгѳан лянет тамгѳасыны.
 Телюкесинѳ ки, бу алемге ве
 Дюнѳягѳа кир, Алла опкесисинѳ.

Шу туманлы Нева узеринде,
 Гедже йылдыз энип ялтырагѳан,
 Агѳырлашып кене, о кѳайгѳысыз,
 Озѳ башыны сакин юкѳу саргѳан,
 Бир вакѳытта кѳою туманларнынѳ
 Арасына далгѳан йырджы кѳарай.
 Анда залым — тиран ѳйкеллери,
 Унутылгѳан, эски бом-бош сарай⁵ —

⁴ *Алчакѳ порфира* — шаирнинѳ анѳлатувына коре Наполеон укюметидир.

⁵ *Бом-бош сарай* — инженер сарайы. Мында император Павел ольдюрильген эди.

О кѡркѡунч дивар аркѡасындан
 Кѡионынѡ⁶ мудхиш сесин динѡлей.
 Коре: анда артыкѡ Калигула
 Козѡ алдында сонѡки джанле инѡлей.
 Шарап, ачув иле саргѡушланып,
 Желлятлары исе дивар аркѡа.
 Йылдызыны такѡып кече гизли,
 Юзьде джурат, ама юрек кѡркѡа.

Садакѡатсыз хаин сакѡчы сускѡан;
 Асма копюр яваш эндирильген;
 Сия гедже демир кѡапылардан
 Хиянет бир эллер джиберильген.
 Ар олсун бу бизим кунюмизге!
 Вахший киби кирди еничерлер.
 Пис урушлар шимди, бакѡ, энерлер
 Эляк иште таджсыз, шанлы залым.

Огренинѡиз бугунѡ, эй, сиз желлятлар:
 Не мукафат, не де джебр-зулум;
 Не зинданлар, кене не михраблар
 Сизлер ичюн эмин кѡора дегиль.
 Сиз озюнѡиз ильки баш эгинѡиз
 Ишанчлы кѡанун кольгесине.
 Тахтларгѡа даим сакѡчы олур
 Инсанларнынѡ раат-сербестлиги.

МАБЮС

Отурам дым зиндан чабагѡы артында,
 Кѡафесте яш кѡартал пенджере сыртында,
 Бир кѡанат кѡакѡып, эм котерип башыны,
 Чокѡучлай озюнинѡ о кѡанлы ашыны.

Чокѡучлай ве ташлай, сонѡ кѡарай мен бетке
 Санки о менимнен айны иш кѡаст эткен,
 Чагѡыра о мени котерип сесини,
 Мен дуям: «Айды, кель!» — дееджек эсини —

«Биз азат кѡушлармыз; айды, кель учайыкѡ!
 О акѡчилъ кѡырларнынѡ ёлуны ачайыкѡ,
 О ерде, когере кок денѡиз иллери,
 О ерде, тек меним ве аван еллери!..».

⁶ *Клио* — Грек мифологиясында тарих ве эпос иляйеси.

Ятышкѡан бораннынѡ, эй, сонѡки булуты!
Сен янѡгѡыз учасынѡ ачылгѡан коклерде,
Ялынѡыз сен кѡайгѡы кольгеси ташлайсынѡ!
Урь кунѡге гѡам, кедер дердини ашлайсынѡ.

Якѡында сарылгѡан эди эр кок бети,
Бар эди коксюнѡде йылдырым эйбети;
Гизли бир гурюльти кѡопарып джувурдынѡ,
Кѡуругѡан топракѡны ягѡмурнен сувардынѡ.

Етер ки, чекиль сен! Заманынѡ авушты,
Тазелик кетирдинѡ, боранлар савушты.
Тереклер япрагѡын охшагѡан еллер де
Бакѡ, сени кѡувалай, арыныкѡ коклерден.

Языкѡсынмам ич ильки баарь усьтю
Тѡкюльген ве сарарып солгѡан гульге.
Дагѡ тюбюнде бой атып гурь етишкен,
Салкѡымында бозарып татлы пишкен
Юзюм де шай мен ичюн шырыныкѡтыр.
Зийнети эм зевкѡыдыр алтын кузьнинѡ,
Суюмли ве сув киби арыныкѡтыр,
Пармагѡыдай узундыр бир яш кѡызнынѡ.

*Татарджагѡа чевирген: О. Амит.
(«Эдебият ве культура» меджмуасы. 1939 с. № 6).*

И. ГАСПРИНСКИЙНИНЪ БЕДИЙ ФААЛИЕТИ

Исмаил бей Гаспринскийнинъ XIX асырнынъ сонъунда язылгъан «Фрэнкистан мектюплери», «Дар-ур-Рахат мусульманлары», «Судан мектюплери» ве дигер серлевхалар алтында нешир олунгъан парчала-ры асылында «Молла Аббас» адлы айны бир романны тешкиль этметелер. Бу роман «Терджиман» газетасынынъ 1887 сенеси январь 25-те чыккъъан нухасындан башлап, эсасен шу йылнынъ девамында басылгъандыр. «Молла Аббас» XIX асырда Русие империясынынъ сынъырлары ичинде тюркий тильде язылгъан биринджи романдыр.

«Молла Аббас»нынъ эки буюк ве бедий джиэттен кучъю къысымлары («Фрэнкистан мектюплери» ве «Дар-ур-Рахат мусульманлары») айрыджа бир дикъкъаткъа лайыкъ олмасы себебинден, муэллиф оларнынъ эр экисини де, имкяниетине коре, айры китаплар шеклинде чыкъараджакъ эди. Месея, 1888 ве 1889 сенелери «Терджиман»нынъ рус тилиндеки къысмында бойле илянлар басыла: «Гъает чокъ окъуйджыларнынъ истегине бинаэн, Молла Аббаснынъ «Фрэнкистан мектюплери» айры китап шеклинде нешир олунаджакътыр. Китапнынъ фияты газетанынъ абунеджилери ичюн 50, гъайрылар ичюн 75 капиктир!» Амма «Фрэнкистан мектюплери» айры китап оларакъ шу йыллары ве сонъунда да басылмай... 1903 сенесининъ

сонъларында китап чыкъаджагъы хусусында газета янъыдан лаф ача: «1887 сенеси «Терджиман»да Молла Аббаснынъ «Фрэнкистан мектюплери» басылгъан эди. Мезкюрелер бизим бутюн окъуйджыларымызны меракъландыргъанларыннан, бир чокълары аля бу кунъгедже эсарлы, тылсым иле орьтюли, муэллифнинъ такъдири хусусында бизден хабер алмагъа тырышалар. Аслында «Фрэнкистан мектюплери» гъарп аятыны акс этип, муэллифнинъ анда огърагъан алларыны косътердилер. «Мектюплер»нинъ сонъунда араб медениетининъ Испанияда къалгъан эски ядикярлыкълары акъкъында хаберлер олып, тылсым иле орьтюли бир мемлекет ве Молла Аббас бу мемлекетке тесадоуфен тюшкени хусусында сёйлени эди. Иште, бу сонъкилери базы себеплерден долайы тарафымыздан пек къыскъартылгъан эдилер. О девирден 20 йылгъа якъын вакъыт кечти ве окъуйджыларымыз газетагъа баягъы алыштылар. Шунунъ ичюн бугунъки окъуйджылар муэллифнинъ (яни Молла Аббаснынъ) меракълы хаберлерини сувукъкъанлыкъле къабул этип, онынъ макъсадыны енгильдже анъларлар. Шимди исе Молла Аббаснынъ гъарп аяты хусусындаки языларыны быракъаракъ («Мектюплер»нинъ бу къысмы айрыджа нешир олунаджакъ) тылсымлы мемлекет

иле багълы тариф ве анълатмаларыны толусынен нешир этемиз».

«Мектюплер»нинъ бу къысмы, яни «Фрэнкистан мектюплери», айрыджа нешир олунаджакъ — дениле. Ве, акъикъатен, роман айры къысымлар шеклинде бастырылып «Терджиман» абунеджилерине бир хэдие оларакъ кондерице. Бугунъде Багъчасарайдаки Гаспринскийнинъ музейинде мезкюр къысымларнынъ 1891 сенеси басылып 126-нджы саифеде тамамлангъан парчасы булунмакта. Лякин, юкъарыда къайд эткенимиз киби, кенеде насылдыр себеплерден макъсат эдинильмей къала... Яни «Мектюплер» айры китап шеклинде чыкмай.

1906 сенеси Багъчасарайда романнынъ дигер къысмы, яни «Дарур Рахат мусульманлары» парчасы айры китапчыкъ шеклинде матбуат юзюни коре. Иште, бу 95 саифели китапчыкънынъ мукъаддемесинде Гаспринский ашагъыдаки сатырларны яза: «Ташкентли Молла Аббас, ве Франсая сеяхатындан отърю Франсевич» адалмыш эфендининъ, Франсада коръдюклери «Фрэнкистан мектюплери» серлевхасыле «Терджиман»да табъ идильмишлер иди. Бу мектюплерин икинджи къысмы Андалусе сеяхатлы ве шимдие къадар намалюм бир джемиет-и-ислямиенинъ халы ве вуджудындан хабер вирилиюр иди. «Фрэнкистан мектюплери»нинъ бу икинджи къысмы айрыджа бир эхэмиете ляйыкъ олып, бахтияране бир сюрет-и-маишете етишмиш джемиет-и-муслимден бахс иттигине коре, бу дефа мухарририн вердиги мусаадесиле бунъа мукъаддиме сатыр идильмиш ве базы мевадын (мадделерин) илявесиле «Дарур-Рахат мусульманлары» серлевхасыле рисале шеклинде табъ идильди ве газетанынъ джумле муште-

рилерине аджизане хэдие олмакъ узъре кондерицди».

Меракълы шей. И. Гаспринскийнинъ «Дар-ур-Рахат мусульманлары» та 1891 сенеси айрыджа китап суретинде нешир олунгъан экен. Бу хусуста эки салмакълы менбада хабер бериле. Бириси, 1929 сенеси нешир олунгъан Эдебият Энциклопедиясында (И. Гаспринскийнен берабер чалышкъан А.С. Айвазовнынъ макъалеси) ве экинджиси, Д. Валидовнынъ 1923 сенеси язылгъан «Татар эдебияты» очеркинде. Айрыджа къайд этмели ки, бу сонъкиси Гаспринскийнинъ озю берген малюматларгъа эсасланъп язылгъан. Валидовнынъ хаберине коре, китапнынъ 1891 сенесиндеки нешири 126 саифеден ибарет эди денильсе де, аслында «Фрэнкистан мектюплери» козьде тутуладыр. Юкъарыда сёз юрюткенимиз киби, 126 саифе оларакъ «Фрэнкистан мектюплери»нинъ ялынъыз айры-айры къысымлары басылып, «Терджиман» абунеджилерине эдие оларакъ ёлланылгъан эди.

Белли ки, Гаспринский эсерининъ бедий тылсымы, романтизми, экзотикасы ве шаркъ колоритини къоюлаштырмакъ, окъуйджыларнынъ дикъкъат ве мерагъыны зияде джелъп этмек макъсадынен баш къараман адындан икье эткен муэллифни махусус ташкентли япып, адыны да Молла Аббас къоя. «Терджиман»нынъ илк окъуйджылары ве атта газета чыкъармакъ меселесини «деджджаллыкъ» сайып окъумагъан кимселер биле, эр номерде басылгъан роман парчаларындан яваш-яваш меракъланып, озълери де дуймадан газетагъа «сарылгъаныны» коремиз. Месея, 1893 сенеси редакциягъа Къазан шеэринден ёлланылгъан бир мектюпте бойле языла: «Урьметли му-

харрир эфенди. Молла Аббас адлы хадиминъиз нереди булуныр, сагъ-селяметми? Даа язаджакъмы? Онунъ мектюплери газетайы кюфюр сайып окъумаян кишилери биле окъуйджылар чевирмиштир. Молла Аббас онларын уюмыш козьлерини ачмыштыр. Биз де бунъа чокъ севиндик».

Эсернинъ сюжети девамында Молла Аббас бир чокъ мемлекетлерни долаша, чокъ шей коре ве огрене, чешит алларгъа огърай. Лякин эр ерде, эр вакъыт илим ве медениетнинъ юксельмесини, мусульман дини, онынъ тарихи кечмиши ве келеджегини къайгъыра.

Муэллиф биринджи шахс адындан ифадесини чокъ саде ве табиий суретте башлай: «Ай, ай, къардашлар, башымын къара язылары! Баша языланы, козь кореджектир, корьгени де коп (чокъ) эм меним языларым айрыджа язылар имиш! Джаш бир мусульман мал ве сагълыкъ сахиби олдугъы алда, хиджаз ве мемалик мукъаддесее (мукъаддес мемлекетлерге) ёл тутарман исе, залым фелекин хукюминдже козюм ачыкъта озюми Фрэнкистанда корьдюм! Аджайип ве гъарайип (шашыладжакъ шейлер) ве махешет-и-эджебиеде, яни джат арасында, богъулыр аллара кельдим. Нишлемели? Баш язысы, Худая шукюр! Медресе рефикълерим Ташкентин улугъ медресесинден фен текамюль идуп (олгъунлаштырып) ибадет ве тарикъат (маневий ёл иле) ве зиярет иле гонъюллерини рахатландыруп, козьлерини нурландыруп джурьдюкте, мен бичаре мемалик-и-ислямиеден (ислям мемлекетлеринден) узакъ тюшюп Фрэнкистан бельделерини (шеэрлерини) ве улкелерини долашыр идим. Анджакъ эр бея, эр дерде къаршы Худанынъ ихсаны (лютфу, кереми) ве дуасы азыр олдугъы хукмюнден

олуп, Венгрия (Маджаристан) улькесини долаштыкъта, унутылмыш эвлиядан Гюль-Баба зиярети иле мюшерреф олдум (шерефлендим). Фрэнк улькесинде Пуатъе шехри дживарында Къыркъ-Азизлере юзь сюрдюм ки, Андалус аскер-и-ислямиесининъ Франсадан риджатларыны (кери дёнмелерини) сетир идуп (токътатып) шехит олмушлар иди.

Андалусын мукъаддес топракъларыны кечюп, та Акъденъиз джагъасында, Септе (Сеута) богъазы узеринде Джебелитарикъ (Гибралтар) тавларыны зиярет ве маишет иттим ки...».

«Фрэнкистан мектюплери»нинъ сюжети (русча ве къырымтатарджа вариантларында азбучукъ фаркълы оларакъ), къыскъадан бойле илерилей: Ташкенттен чыкъкъанда 22 яшыны толдургъан Молла Аббас адлы яш, аталарындан къалма багъы буюк сермаени ишлетип, бир кунъ дюнья сеферине чыкъа. Одесса шеэрининъ театринде булундыгъы заман, бир къач йыллар Истанбулда яшап тюркчени огренген франсыз къызы Жозефина иле таныша. Къыз вакъты иле Молла Аббаскъа Фрэнкистан акъкъында чокъ шейлер тарифлей. Эки яш яваш-яваш бири бирини бегенип, севип эвлелер. Аббас келинине бир чокъ къыйметли бахшышлар япа ве олар Авропа боюнджа сеяхаткъа чыкъалар. Германияда Молла Аббас Генрих адлы бир немсе йигити иле таныш ола. Генрих о заманнынъ мешхур тюркшнасы Вамберининъ талебеси экен. Немсе генчи кендисининъ тюркшнаслыкъ ве шаркъшнаслыкътаки бильгилери иле Аббасны шашырта. Мусафирханеде Аббас даа бир къач меракълы адамларнен таныша. Сухбетлер арасында олар Молла Аббаснынъ шаркъшнаслыкътаки мерагъыны осьтюрелер. Бундан да гъайры, сефери

девамында Аббас гъарп мемлекетлерининъ турмушынен якъындан таныш ола. Эр алда шаркъчылыкъ ве динге мейиль берип, мерагъы арттыкъча, оларнынъ тарихыны ве асар-и-атикъаларыны, эскидеки ядикярлыкъларыны, огренмеге тутуна. Башта мусульманларнынъ эски азиз ве эвлияларындан Гюль-Бабанынъ дюрбесини арамагъа башлай. Бу меселеде онъа Вамбери иле корюшмеге тевсие этелер... Яшлар Маджаристангъа ёл тутып Вамбери иле корюшелер. Саатлердже девам эткен сухбетлеринде Вамберининъ чокъ меракълы такъдири олгъан бир адам ве буюк бильги саиб олгъаныны анълайлар. Лякин Гюль-Бабанынъ дюрбеси къайда булунгъаныны о да бильмей. Сухбет арасында Вамбери Аббаскъа Парижде окъумасыны тевсие эте. Аслында, Парижде Жозефинанынъ догъмушлары да яшай эдилер. Ве чокъ тюшюнмеден яшлар Парижде ёл алалар. Анда олар дёрт одалыкъ бир эв киралап яшайлар. Бош вакътында Аббас арабларнынъ Къыркъ-Азизлери хусусында малюмат топламакъ ичюн башкъа шеэрге ёл ала. Лякин ёл бою «чокъ незакетли ве эдепли» бир франсыз генчи онынъ саатыны ве джебиндеки акъчасыны хырсызлай... Аббас аджеле суретте Парижде къайтмагъа меджбур ола. Эвине кельсе, не корьсин, Жозефина дёрт генч арасында назик сухбетлерде булуна. Аббаснынъ куньджюлик ачувындан къаны къайнай. Аз бучукъ сонъра Жозефина ве Аббас арасында дава чы-къып, олар айырылышалар. Кенди башына къалгъан сонъ, аз бучукъ франсызджа бильген Аббас, Париждеки биржаларынынъ биринде иш тапып чалышмагъа башлай. Бундан да гъайры, ерли университетнинъ шаркъшнаслыкъ болюгинде дерс ала ве о ерде

чалышкъан бир профессоргъа чагъатай тилинден ильмий тедкъикъатында ярдымларда булуна. Биржада Аббаснен берабер чалышкъан мусью Шалон адлы зенгин бир франсыз адамы куньлерден бир кунь Аббасны эвине, акъшам емегине, давет эте. Емекте Аббас мусью Шалоннынъ къызы Маргарита иле таныш ола. Мусью Шалон Маргаритагъа фарс ве тюрк тиллери огретильмесини Аббаскъа риджа эте. Молла Аббас разы ола ве эр афта белли бир куньлерде мусью Шалоннынъ эвине барып Маргаритагъа тиль дерслерини бере. Ве, иште, бойле дерслер девамында эки яш бири бирини бегенип, араларында вира къуветлешкен севги дуйгъулары пейда ола. Буны чакълагъан мусью Шалон дерслерни сийрек-лештире. Лякин яшлар арасындаки севги даа зияде алевлене ве олар гизли корюшмеге башлайлар. Аббас дерс бергенинден гъайры, озю де Маргарита аркъалы франсызларынъ аят инджеликлерини, оларнынъ сиясий ве икътисадий дурумларыны тафсилятлыджа огрене.

Куньлерден бир кунь танышы иле шеэр дживарына чыкъалар. Анда Аббас тул калгъан эслидже бир франсыз къадыны иле таныша. Сонъра бу къадын иле бир къач дефа даа корюше. Лякин бир куню апансыздан Аббасны полис идаресине чагъырталар. Анда онъа мезкюр танышы, эсли франсыз къадыны, ольдюрильгени ве къатил оларакъ оны (Аббасны) таныгъанларыны айталар. Аббас шашмалап къала... Къадын ольдюрильген куню ве геджеси о Маргарита иле берабер эди. Лякин дживан къызынынъ, озюнинъ джандан севимлисининъ, шаныны ве итибарыны сакъламакъ ниетинен бу акъта агъыз ачмай. Соргъулардан сонъ, къатилликте шубеленип апске алы-

на. Меселе яваш-яваш та махкеме-гедже бара. Маргарита бу ал акъкъында газетлерден хабер ала ве дерхал махкемеге келип, къартый ольдюрильген куню Аббас иле берабер олгъаныны бильдире. Буны башкъа шаатлар да тасдыкъ этелер. Молла Аббас хапстан азат олуна...

Романнынъ «Фрэнкистан мектюплери» парчасы, юкъарыда къайд эткенимиз киби, «Терджиман» газетасында 1887 сенеси девамында нешир этильди. Лякин газетанынъ базы нухалары етишмегени себебинден романдаки вакъиаларнынъ сырасы узюле ве сюжет мантыгъы бозула. 1887 сенеси ноябрь 13-те басылгъан нухада Молла Аббас энди Шейх Джеял адлы къартнен корюшип сухбет эте. Шейх Джеял Молла Аббаскъа гъарп тахилининъ кучлю ве зайыф тарафларыны анълата. Кене айны кысымда Аббас эвине къайтып, маса узеринде Маргарита язгъан тезкерени була. Тезкереди язылгъанына коре, Маргарита Аббасны эртеси куню кендисинде беклейджек.

«Терджиман»нынъ 1888 сенесине аит ялынъыз эки нухасыны була бильдик (декабрь 16 ве 23). «Фрэнкистан мектюплери»нден парчалар бу ерде де басылгъан. Мында Молла Аббас насылдыр Шейх Абдулла адлы адамда булундыгъы ве Шейх-Абдулла Аббаскъа тылсым иле орътюли насылдыр Рахат девлети хусусында тариф эткени, ве ишбу Рахат укюметнинъ баниси, яни кзуруджысы, Сеит Мусазарф (конверт) ичинде насылдыр васиет язып къалдыргъаны, ве бу зарфны ялынъыз 1500 сене-и-хиджриде ачмакъ мумкюн олгъаны акъкъында айтыла.

«Молла Аббас» романынынъ экинджи буюк кысмы «Дар-ур-Рахат мусульманлары», яни Рахат

девлетинде яшагъан мусульманлар, адыны ташый. Бу ерде баш къараман Молла Аббас энди 27 яшында йигит сыфатында булуна. О, Фрэнкистандан демиръёл иле Пиреней дагъларына тараф ёнеп, Испанияда токътала. Фрэнкистаннен хайырлашув левхасыны муэллиф бойле тасвир эте: «Джумле достларыма веда зиярети идуп ве ашна-и-назикьянем (назик достум) мадмуазель Маргаритая веданама язуп ёла азырландым. Иртеси кунь ёла чыкътыкъта, мугъайир (гъайырдан) бир къытъа (парча) веданама язуп, мешхур ве дана реджюл-и-ислям (ислям дининде илери кельгенлерини) етиштирмек иле шухрет булмуш Андалус юрту зияретине Парижден чыкъуп, демирёл иле Пиреней дагъларына догъру ёлландым. Дагъларын шаркъы — Франса, гъарбы — Испания улькелеридир. Тарих-и-ислямиеде (ислям тарихында) бунджа шухретли ве намлы Андалус къытъасы (кысмы) азырда Испания дедигимиздир. Франсанынъ бир четинден бир четине чыкътым. Не аджайип ульке! Зан идерсин ки, бир улугъ багъчадыр. Багъчаларын, багъларын летафети (дюльберлиги) къыр ве бостанларын зийнет ве якъышыгъы джумле эхалининъ гъайретли ве къамиль (там), ве ишкюзар (ишсевер) олдугъына шаат идилир. Къайсы тарафа бакъсанъ — таш ёллар, эр кочеде (сокъакъта) копрюлер, къайыкъ джюрюр пек чокъ. Арыкъ ве каналлар франсызларын унерини косътериюрлар иди. Эписи биналар джедит (янъы), тазе киби, эр тарафта иш ве гъайрет, унер ве марифет (бильги) захир олуп (корюнип), бозукъ ве харабат, бош ве виран бир махалле бирбире корьмедим. Худаи Таала франсызлара не буюк саадет ве ихсан (рагъбет) буюрмуш!...».

Испаниягъа кельген сонъ, Молла Аббас Андалусия виляетини долаша, кезине ве араб Халифаты заманларындан къалгъан ядикярлыкъларнен таныша. Гранада шеэрининъ къадимий сарайларындан энъ мюхтешем ве дюльбери — Эльхамраны бир ай девамында зиярет этип хошлана. Тамам шу арада Шейх Джелялнынъ ярдымынен апансыздан Рахат адлы муджизевий бир улькеге тюше. Дюнъяда ич де белли олмагъан бу ульке медениети, илим ве техникасынен акъылгъа ятмагъан дереджеде илерилеген ве юксельген... Молла Аббас бутюн корьгенлерине шаша...

Колемдже чокъ буюк олмагъан бу укюметте эр тарафлама тертип ве низам. темизлик ве дюльберлик, сакинлерининъ юксек медениет сайби ве эр джиэттен раат олмалары, Аббаснынъ козюне бирден чалына. Къайда адым атмасын — эпянъылыкълар, муджизелер, айретленювлер, хошланувлар. Эм буларнынъ эписи мусульман дини ве шерият иле яшагъан укюметте.

Араб Халифатынынъ тарихинен якъындан таныш олгъан муэллиф, къадимде олып кечкен акъикъий вакъиалардан эсас алып, окъуйджыны акъырын-акъырын бедий хаялат дюнъясына алып кире. Бу усул иле озюнинъ дюнъя бакъышыны олдукъча мантыкълы шекильде кечмиш ве келеджекнен багълап, ичтимайет денъизи насыл ирмачыкълардан бесленип кучъ алгъаныны косътере.

Эсерде, эбет, къырымлы окъуйыджы ичюн айрыджа хатыралар ве джанлы левхалар расткеле. Меселя, Испания къыралы Фердинанд Андалусия мусульманларыны басып аладжакъта, озъ беянында: «Имтиязнаме (концессия) муджиби ислямын джан ве мал, ве дин, ве месджит, ве медресесине бир

тюрлю мани ве зиян олмамакъ иле шерият ве адетлери узьре идаре олунаджакълары... шарт ве сёз олунуп имзаланмыш иди». Лякин... «Андалусы тамам истиля идуп, кучъ ве къуввет алдыкътан сонъ... ахд-и-намелерини (ваад къягъытларыны) йыртып атып, бинъ бир тюрлю джебр ве гъаддаре (зорлама ве зулумгъа) тутунмушлар. Джамилерде намаз ве эзан окъутмайып, мектеплерде тасиль ве тербиеи мани идуп (кери быракъып), вакъуфлары хазинее алуп я озъ руханийсине теслим идуп, ислямын элини, къанадыны кесмее башламышлар. Азачыкъ къабаат ичюн я суизан (шубе) иле эвляд-и-ислямын джумле малыны тутуп алуп, озюни ве баласыны-чагъасыны эсир идерлер иди. Бу алда Андалусын бир башындан бир башына къадар фигъан ве феръят къопмуш иди... Шукюр олунаджакъ бир ал вар исе, о да дияр-и-магърибе (гъарп диярларгъа) хиджрет итмее рухсет иди, шойле ки, юз бинълер иле ислям... урьян-пурьян, чырлакъ-чыплакъ юртларыны ве варлыкъларыны терк идуп... китерлер иди...». Иште, тамам бунъа бенъзер вакъиалар Къырымда да олып кечти. Къырым девлети де Русие тарафындан запт этильген сонъ, 1783 сене си апрель 8-де Екатерина-2 бойле манифест илян эткен эди: «Кендимиз ве бизим еримизге келип ишимизни девам эттиреджеклер адындан мукъаддес ве ич сарсылмаз бир сюретте ваад этемиз ки, Къырым эхалисини кендимизин тебааларымызны киби кечиндирмек, оларнынъ (къырымлыларнынъ) шахсиетлерини, мал-мулькюни, кутькен динлерини ве джамилерини къорчаламакъ ве Русие тебаалары файдалангъан бутюн хакъ ве имтиязларле файдаландырмакъ!». Амма чокъ вакъыт кечмеден къырымлы-

ларны «кѳорчалайджакъ затлар» ярымададаки ерли миллетнинъ малыны-мулькюни ве топракъларыны инсафсызджа талап алып, динини, медениетини ёкъкъа чыкъларып, ахыры-сонъу бутюн бир миллетни Ватанларындан сюрюн этип, яры-ярыгъа гъайыпларгъа ве геноцидге огъраттылар. Бугунъдеки эснасны, Ватанымызгъа авдет меселесини биле алсакъ, романда бунъа да чокъ уйгъун ве озгюн левхалар бар. Месея, Молла Аббас муджи-зели улъкеге тюшкен сонъ, оны чешит маначыкълар иле, ве энъ эсасы мемлекетлерининъ хавфсызлыгъы ичюн, Рахатта кълдырмакъ истейлер. Ве макъсаткъа эдинмек ниетинен чешит усуллар кълланалар. Лякин Молла Аббас кенди Ватаныны гуль-багълалар ичинде бурюнген ве эртафахлама илерилеген ве инкишаф эткен, ве юксек медениет, ве зенгинликлерге саип олгъан дияргъа денъишмей...

Эсерде тасвир олунгъан базы вакъиаларгъа коре, Молла Аббаснынъ сеяхаты 1870-нджи сенелери олып кече. Белли олгъланы киби, Гаспринскийнинъ Авропагъа сеяхатлары да тамам бу девирлерде эди. Ве табийдир ки, «Дар-ур-Рахат мусульманлары»нда автобиографик мизаджыны ташыгъан малюматларгъа расткелине.

«Молла Аббас» романынынъ бу кысмы нешир этильген сонъ, дюньянынъ дёрт кошесине даркълап, гъает популяр бир эсер олып кълала. Русча ве кълырымджа басылгъланындан гъайры, кълыскъа заман ичинде арап ве фарс тиллерине де чевирилип басылды. Бу акъкъында Исмаил Лемановнынъ «Каиреде «Эль Нил» газетасы» («Терджи-ман», 1904 январь 27) ве Б. Валихуджаевнинъ «Айний талкъинида Фит-рат» («Узбекистон адабиёти ва санъати», 1988 ноябрь 4) макълале-

леринде тафсилятлы хабер бериле. Эм «Дар-ур-Рахат мусульманлары»нынъ халкъ арасында танылма ве популярлыгъы муэллифнинъ мусульманлар, инсанзат яраткълан бутюн юксек медениет ве илимге ымтылмалары, эмеллери, сагъламанълары ве усанмаз чалышмалары эсасында инкишаф этеджеклерери бакъымы устюн кельгени сасинде эди. Тамам бу шейге Гаспринский эр заман чокъ буюк ве айрыджа эмиет бере эди. Атта бир вакъытта «Терджи-ман»да ислям дини боюнджа инсан рухунынъ ве ирадесининъ сербестликлерери акъкъында китап язылмасы конкурсыны илян этип, конкурс акъкъында умумий хаберде бойле язгълан эди: «Ислям дини эмекни, мукъайтлыкъланы ве инсан ирадесининъ баягъы сербестликлерини тевсие ве такъдир этмесине бакъмадан, мусульман уммети кендилерининъ хаятында бир чокъ шейлерни кълачырмакълалар. Бу халны козь огюне аларакъ, газетамызынынъ 1899 сенеси 48-нджи номеринде мусульман улемаларына бу меселелерни ачыкъллагълан, яни мусульман дини боюнджа эмекнинъ люзюмиети, тешеббюскярлыкъ ве инсан ирадесининъ сербестлик дереджесини косьтерген чалышма язмаларыны ве язарлардан биринджиликни кълазангълан союна 100 кумюш мукъяфат ваад эткен эдик. Бу чагълырышымызгъа дёрт улемамыз сесленип, кенди эсерлерини бизге кондердилер. Оларнынъ эписине тешеккюр ве шюкранларымызны сунарыз. Мезкюр язылардан энъ эйиси оларакъ Вятка губерниясы Сарапуль уездинден мудеррис Габдулла эфенди Нигматуллиннинъ кондердиги «Тесхих» («Тюзетме») адлы эсери сечильди. Онъа, ваад эттигимиз 100 кумюшни ёллап, эльязмасыны басмахане-

ге бердик. Китапче нешир этильген сонъ, бутюн окъуйыджыларымызгъа кондериледжек. Ве бу китапче умметимизнинъ такъдирге боюн эгме меселесинде фикирлерини тесхих этсе, тюзетсе кендимизни бахтияр саяр эдик. («Терджиман», 1900 декабрь 31). Къуран-ы Керимни бинълердже нусха нешир эткен Гаспринский, эбет, онынъ акъикъий манасыны ве косътеришлерини анъламагъа ве анълатмагъа чалышты. Кендисининъ кучю етмегенде исе, чешит мутехассысларны ярдымгъа чагъырды. Шунынъ ичюн ислям дини иле багълы меселелер «Терджиман»да энъ еткили ве сагълам суретте айдынлатыла эди. Не ки, японлылар биле, дин, ахлякъ ве фельсефелеринде базы исляхлар япаджакъта, ве дюнья медениети, шу джумледе ислям дини, иле файдаланмакъ ичюн мусульман динини терен билиджиелерини арадыкъта, Гаспринскийге мураджаат этелер. Месея, 1906 сенеси Токиода нешир олунгъан «Чечу-бан» газетасы идаресинден Гаспринскийге бойле мектюп келе: «Гъайбане (гъыябий) достум ве мухтерем рефигъим, 24 сенеден берли Багъчасарайда миллий газетаны нешир иттигинъизи франсызджа «Матбуат-ы-заман». меджмуасында коръдум ве бундан истифаде идерек (файдаланаракъ), бу наме-и-аджизанем иле (алчакъгонъюлли ве саде бир языларым иле) сизи таджиз (рахатсыз) идиюрым ки, афунъызы риджа идерим. Себеп мектюп ишбудыр. Эфендим, малюминъиздир ки, бизим япон миллети тераккъият (илерилеме) ве медениет хазырда саир мютераккъи (башкъа тераккъият эткен) миллетлере нисбетен чокъ кериде къалмыштыр, бунунъ ичюн эр джихэт теждит (янъы, тазе) хал ве исляхате чалышыюрыз. Усул-и-

идарее малик, омюр-и-тиджарет ве санайы джихэтлеринде ве интизамы-аскериеде бир азачыкъ илериледигимиз дикъкъат-и-фазланелеринден (зияде дикъкъаттан) гери къалмамыштыр, зан идерим. Ишбу тераккъият-и-маддие иле иктифа идемеюп (разы оламайып) дин ве ахлякъ, хэм де фельсефе джихэтлеринде дахи хакъикъат ве замана мувафыкъ бир хала кельмек – миллетимизин джиддий мурады олдугъындан, бундан ченд (бир къач) сенелер мукъаддем ильмиемизден ве мютефеннун (фен иле багълы) адымларымыздан меркуп (теркип олунгъан) «Тедкъикъат-идиние джемааты» тесис олунмыш иди. Бу джемиет алемин джумле динлерини ве меслек фельсефелерини тедкъикъ идерек, энъ алясыны сюрет ильмиеде миллете такъдим итмее мемурдыр (эмирлидир). Ишбу джемиете рус, католик, протестант, ехуди ве саир дин ве меслек улемасы ве миссионерлери давет олундыгъы киби, дюньянынъ энъ мутебер (итибарлы) динлеринден булунан ислямиет улемасындан джемиетимизде бир къач эхл-и-фазыл (фазилетли, бильгили) ве эхл-и-кемал (еткинлик саиби) булундырмакъ ве бунларын агъызындан хакъайыкъ-и-Къураниейи (Къурандаки акъикъатларны) огренмек буюк муталебемиздир (талапларымыздыр). Алемлерин сахиби, заманларын хакими мюессер буюрсун (къолайлыкъ кетирсин) («Терджиман», 1906 майыс 5).

Гаспринскийнинъ «Молла Аббас» романыны чокъ алимлер ве эдебиятшнаслар чешит-чешит табир этселер де, эр алда эки фикир эсас тутулып, тедкъикъатчыларнынъ эксериси тарафындан тасдыкълана. Биринджиси, романда шаркъ ве гъарп медениетлери къыяс этилип, шаркъ медениети гъарп медение-

тинден ашагъы олмагъаны. Экин-джиси, Къуран-и-Керимнинъ эсас анъламлары гъарп тарафындан менимсенильгени ве къуллаангъаны ичюн олар (гъарплылар) ильмий ве медений юксекликлерге иришкенлер. Шунунъ ичюн Гаспринскийнинъ кенди романында чыкъаргъан нетиджелерине коре, мусульманлыкъ инкишаф этмеси ичюн озунинъ аслий анъламларына базанаракъ, инсанзатнынъ яраткъан бутюн медений ве ильмий юксеклик ве эйиликлерини инкяр этмейип, аксинне олардан олдукъча файдаланаджакъ.

Тыш бакъыштан къырымтатар эдебиятшнаслыгъы тарихинде «Молла Аббас» романы акъкъында языларындан энъ салмакълысы 1920-нджи сс. сонъунда ве 1930-нджи сс. башында эдебиятымызнен фааль огърашкъан Якъуп Мусаннифнинъ макъалесидир. Бу иш 1934 сенеси чыкъкъан «Эдебияттан дерслик ве хрестоматия» китабында басылды. Амма чокъ языкъ ки, бу ерде, муэллифнинъ базы башкъа макъалелеринде киби, башындан сонъунадже бугунде артыкъ вульгар социологизми сыфатында танылгъан «сынфий нокъта-и-назар» эсас тутулуп, «Гаспринский эсас макъсады итибарыле реакцион фикри, усул-методлары итибарыле реакцион рус чаризми ве реакцион рус буржуазиясы химаеси алтында харекет эткен... ап-ачыкъ панислямист» (с. 268) оларакъ къабаатлангъанындан башкъа шей корюнмей.

Базы тедкъикъатчылар, меселя Л.И. Климович («На службе просвещения» // Звезда Востока. — 1987. — № 8. — С. 178), «Молла Аббас»ны талиль этеркен, бу ерде ялынъыз меракълы сюжет, муэллифнинъ сиясий пишкинлигини, эсердеки юксек бедият ве иляхри

корьгенлеринден гъайры, атта Гаспринскийни джесюране арекет эткен бир языкъы сыфатында косътерелер. Яни муэллиф озъ вакътында миллий азатлыкъ огърунда курешни айдынлатмагъа истемеген ве бутюн джаны ве къанынен бойле арекетлерни инкяр эткен империялар ве оларнынъ зынджырда тутулгъан цензураларындан урькмейип, Гаспринский, кереги вакъытта, догърудан-догъру миллий азатлыкъ огърунда курешкен къараманлар хусусында тарифинден башкъа, атта кенди де бойле курешке азыр олгъаныны, ве романнынъ девамында, «Африка мектюплери» къысмында, дженкке биле ёллангъаны, ачыкъ сёйленмекте ве аркетлеринде косътермекте эди.

Умумен алгъанда, сюжет боюнджа романдаки вакъиалар («Судан мектюплери», «Къадынлар улькеси» ве «Делилер виляети» къысымларында) бойле инкишаф этмектелер. (Айрыджа къайд этмели ки, бу къысымлар «Молла Аббас» романынынъ экинджи китабында басыладжакътыр). Рахат адлы укюметтен чыкъкъан сонъ, Молла Аббас, Маргаритадан алгъан мектюпке бинаэн, Парижге къайтып Маргарита иле Африкагъа сеяхаткъа кетмек керек эди. Парижге келгенинен, Молла Аббас Пале-Рояль деген ерге келип Шейх Джелялнен корюшмеге истей. Эввельде Шейх Джелял адети узьре бу ерде алыш-веришнен огъраша эди. Асылында, юкъарыда къайд эткенимиз киби, Молла Аббас Рахат улькесине Шейх Джелялнынъ вастасынен тюшкен эди. Бу кересинде исе, Аббас Шейх Джелялны буламай...

«Терджиман»нынъ 1889 сенеси октябрь 12-де чыкъкъан нухасындан башлап Гаспринскийнинъ ишбу романы артыкъ «Судан мектюплери» серлевхасы алтында не-

ширине девам эттириле. Бу кысымында Молла Аббас Парижде булуныркен, Маргарита иле анълашаракъ, арабларнынъ ингильтерелилерге къаршы курешине къатылмакъ макъсадынен Судангъа кеткен экспедициягъа къошулып, бир чокъ меракълы адиселер иле толу сеяхатыны девам эте.

«Терджиман»нынъ 1890 сенеси август 10-да чыкъкъан нухасындан башлап романнынъ «Къадынлар улькеси» ве сонъра исе «Делилер виляети» киби кысымлары нешир олуна. Бу парчаларда Молла Аббас мусульманджа кийинген франсыз кишиси иле Джезайиргедже (Алжиргедже) ве бу ерден бир зенджи оздурьджысы иле девелер кervанында Африка ичерисине ёлланалар. Лякин сонъундан оздурьджи оларны алдатып, кийиклиги иле айырылып тургъан, къадынлар улькесине эсир тюшюре. Къадынлар улькесининъ падишасы олгъан бир къадын, тутулгъан эсир эркеклерни озъ «харемине» кетиртире. Амма чокъ кечмеден эсирлер юкълатыджы иляджлар вастасынен эсирликтен къачып къуртулалар. Сонъра олар бир араб кervанына къошулып ёлуны девам этелер. Амма азбучукъ вакъыттан Къадынлар улькесининъ амазонкалары оларгъа кене уджюм этелер. Бу кересинде ёлджулар оларгъа къаршы тюфек атеши ачып уджюмлерини савуштыралар. Араблар кervаны иле ёлларыны девам этип бир къач кунълерден Туниске келип чыкъалар. Эм бу ерде хабер алгъанларына коре, Суданда ачлыкъ фелякети башлагъан. Буну эшиткен Молла Аббаснынъ франсыз аркъадашлары аджеке сюретте ватанларына дёнелер. Молла Аббас исе башта Тюркиеге, андан Меккеге ве сонъра кенди ватанына къайтмакъ ниетинен ёлгъа чыкъа...

Иште, бу ерде Гаспринскийнинъ «Молла Аббас» адлы роман-эпопеясы сонъуна ете.

«Молла Аббас» эсерининъ бедий сыфатлары хусусында сёйлеркен, баш къараманнынъ симгеси (образы) баягъы тафсилятлы, меракълы ве индже сюретте ишленгенини къайд этмек керек. Бу образны яраткъанда, Гаспринский тек баш къарамангъа (Молла Аббаскъа) айт бир чокъ табий чизгилер тапып, оны дефаларджа чешит алларгъа огъратып характер нокъталарыны айдынлата. Молла Аббас къайда олса олсун, кендисининъ фикир этме усулы ве арекетлерининъ насылдыр озюне хас мантыгъы иле айырылып тура. Эм биринджи невбетте тек онъа менсюп акъыкъатперестлик, белли бир условтеки утанчакълыкъ, чекинчеклик ве булар иле берабер табиятындаки метанет, сабыр ве эдинген макъсадына усанмадан, ёрулмадан тырышув ве дигерлери. Молла Аббас гъает яш бир йигит олгъанына бакъмадан, эмели ве фикирлери баягъы эсли ве теджрибели бир инсаннынъ фикирлерине, арекетлерине бенъзеп, базыда акситабий корюнсе де, асылында исе, балалыгъындан медресе шараитинде осип, сонъра дюньявий илимлер ве гъарп аяты иле ашлангъаныны козь огюне алсакъ, бельки бу тыш бакъымдан корюнген акситабийлик ве сунийликни де анълатмакъ мумкюн олур. Эм энъ эсасы Молла Аббас иштен къоркъмагъан, фелекнинъ бутюн дарбелерине даянгъан, гъаеси ичюн джан бермеге разы олгъан бир генчтир. Шу себептен о, Судан киби чокъ узакъ бир мусульман улькесини баскъынджылардан азат этмек ичюн савашкъа биле къошулмакъ макъсадынен сеферге чыкъа. Севимлиси Маргаританынъ шаныны сакъламакъ

ичюн идъам (олюм) джезасына разы ола. Муджизевий Рахат укюметинден чыкъмасы мумкюн олмалдыгъы бир алда биле, ватанпервер Аббас кенди Ватанына къайтмакъ ичюн бутюн кучъ-къувветини ве ирадесини топлап ахыры макъсадына ирише. Амма айрыджа къайд этмек керек ки, Молла Аббас тар ватанджылыкъ ве миллетчиликни де къабул этмей. О, мусульман динининъ тарихини огренип, илим ве медениетнинъ инкишафыны ялынъыз дин иле багълай. Чюнки инсаннынъ къальби темиз ве инанчы къавий олса, эр шейде инсанзаткъа файдалы шекильде енъишлерге иришмек мумкюн. Молла Аббаснынъ фикрине коре, мешхур мусульман Гюль-Бабанынъ дюрбеси, арабларнынъ Къыркъ-Азизлери ве мусульманлыкънынъ тарихи иле багълы бутюн дигер шейлер де онынъ кендисининъ вариетидир. Молла Аббаснынъ бутюн фикирлери бу ве бойле анълайышлардан келип чыкъа.

Гаспринский озъ эсерлеринде яраткъан образлары, эбет, башта кендисининъ гъае ве фикирлери иле багълыдыр. Шунунъ ичюн онынъ омюр бою япкъан хызметлери тек къырымлылар иле сынъырланмайып, бутюн тюркий къавмлар ве мусульман уммети иле сыкъы сюретте багълыдыр. Молла Аббас да бутюн мусульманларнынъ япкъанлары ве япаджакълары ичюн кендисини джевапкъар сая.

Романда баш къараман иле иш туткъан ве девамлы сюретте онынъ янында булунгъан бир сыра дигер образлар бар: Жозефина, Маргарита, Шейх Джелял, Фериде бану ве дигерлери. Олар бир тарафтан Молла Аббаснынъ образыны толуджа къосътермек ичюн ярдымджы бир васта олсалар, дигер тарафтан кендилери де баягы толукъанлы ве ва-

сыфлы бир шекильде ишленгендирлер. Фериде бану муэллифининъ тасавурында мусульман къызынынъ идеал бир нумюнесидир. Онынъ отурышы-турушы, лакъырдысы, кендисини тутма усулы, кийиниши, тертиби ве тербиеси — умумен эр шей мусульман къызылары ичюн бирер ибрет ве имсальдир. О, эм диний, эм дюньявий фенлер иле тасиль алып экимлик зенаатынынъ саиби олгъан. Молла Аббас оларнынъ хорантасында чокъ хош вс зевкълы бир мусафирлик кечирген вакъытта: «Фериде бану саз мисалли бир алет-и-мусикъи кетирюп, чалгъынынъ сеси иле озюнинъ татлы ве назик сеси къарышуп, кошк ве багъчайы нагъме-и-назикъане иле шерешлендирдиги алда, нихает дереджеде ферахлануп, месрурленюп (къуванып) къайда олдугъымы анъламаюп, сонъ дередже хайран къалгъан идим» — дей. Ве Молла Аббас бу мусафирлик теэсюратларыны девам этеркен: «Фериде банунинъ сёйледиклери шаркъыларда ве гъазелиятта заман-и-эввельде Андалус арабларынынъ гъаза (дин ичюн саваш) ве мухаребее чыкътыкъта, айттыкълары мюнаджат ве нагъме-ят-и-аскериелери кемал нешъат (къуванч) иле накъиль ве тереннюм иттигине къулакъ берюп турдугъымда, сачларым тим-тик, гонълюм парча-парча олуюр иди, хэм шу халымдан месрур идим. Татлы ве леззетли келиюр иди» — дей.

Айрыджа къайд этмели ки, бу роман ве сонъра язылгъан «Кунъ догъды» (1905) романы иле Гаспринский кендисини буюк бир бедий сёз устасы сыфатында, ве Русие империясы сынъырлары ичинде тюркий тиллердеки романджылыкънынъ эсасчысы оларакъ та-ниткъандыр.

БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ
(1893-1937)

Бир изин беринъиз, Юртума къайтайым...

Дюнъяджа белли тюркшынас алим, шаир Бекир Чобан-заде 1893 сенеси Къарасувбазарда догъды. Мында о рушдие мектебини окъуп битире ве шеэр Хайрие джемиетининъ къолтутувунда тасилини Тюркиеде, сонъра Будапештте девам эте ве 1919с. докторлыкъ диссертациясыны къорчалай. 1920-1937 с.с. о Къырым, Баку университетлеринде чалыша, тюркшынаслыкъ, эдебиятшынаслыкъ, тильшынаслыкъ сааларында ильмий меселелернен огъраша. Къардаш, тюркий халкълар арасында танылгъан, аджайип назм эсерлерининъ муэллифи олгъан Б. Чобан-заде 1937 сенеси Кисловодскта ялан материаллар эсасында якъалана, бастырыкъкъа быракътыла. Бир сыра весикъаларда онынъ эляк олувы 1938, дигерлеринде 1939 сенелери косътериле. 1957 сенеси Бекир Чобан-заде Арбий махкеме коллегиясы къарарынен акъланды.

Халкъымыз сюргюнликтен Къырымгъа къайтып башлагъан сонъ Бекир Чобан-заденинъ ады эбедийлештирилип башлады. 1993 с. Къарасувбазарда онынъ абидеси тикленеджек ерде хатыра тапшы къоюла, Комсомольская сокъагъы Бекир Чобан-заде адынен адландырыла. 2001 с. бу ерде Бекир Чобан-заденинъ абидеси тиклене. Сонъки йылларда Къырымда онынъ терджимейялы, иджадынен багълы бир сыра китаплар нешир этиле, Б. Чобан-заде адына халкъара мукъяфат тэсис этиле. 2013 сенеси, майыснынъ 22-24 де Къарасувбазарда улу шаир ве алимнинъ 120 йыллыгъы къайд этильди. Б. Чобан-заде адына фонды алимнинъ адыны ташыгъан мукъяфатларны такъдим этти. Омюрининъ буюк къысымыны Къырымдан тыш кечирмеге меджбур олгъан Б. Чобан-заде Ватан асретинен яшады. Шаирнинъ саф къальбинден чыкъкъан самимий ширий сатырлар бунынъ исбатыдыр...

Дилявер ОСМАН

КЪЫРЫМ 1.2013

БИР ИЗИН БЕРИНЪИЗ

Бир изин беринъиз, Юртума къайтайым,
Юртума къайткъан сонъ дердимни айтайым.
Батыдан келейим, къанатым ачып,
Сувугъан джурекке атешлер сачып.

Не мырза бар союмда, айтувлы бир бай
Бабам бир чобан, анам Зайдабай!
Бир изин беринъиз, бакъырып кирейим,
Къырымда, Къашгъарда окюрип джурейим.

Бир боран ясайым тынч татар чёлюнде,
Баланынъ, чагъанынъ къайгъувсыз гонълюнде.
Бир изин беринъиз, туйдырмай барайым,
Сарайлар ичине азгъана къарайым.

Бетлери къырмызы, моюны къалын
Байларгъа айтайым не сакълай ярын.
Олюмнинъ тюсидай болур тюслери
Бурюшир, мугъайыр, о майлы юзлери.

Бир изин беринъиз, о козю яшлы,
Юреги сувугъан, бичимсиз башлы,
Койлюге айтайым озюнинъ тилинде.
Къопарып берейим бильгининъ гулюнден!

Нурланыр шимдиги къарувсыз козю,
Бир арслан кесилир, ярлыкътыр сёзю.
Бир изин беринъиз, бакъырып кирейим,
Къырымда, Къашгъарда юртум, деп джурейим.

ЯХШЫ ОЛЮМ

Айгиди, тавлар, чаларгъан тавлар!
Ешерген, сияргъан, сараргъан тавлар!

Бир ирмакъ болсам да сынджырсам кольге,
Я бир гуль болуп да серильсем чельге.

Къарт бир чум болайым гирдаблар устюнде,
Чевирсин кевдемни къарувлы селлер;

Къопарсын тамырдан бир къоркъунч боран,
Далгъадан далгъагъа шыпырсын джеллер.

Я джашын соксин да сияртсын конълюм,
Ай демий сёнийим, тутулсын тилим.

Мен бильмий тувдым, билиб олемен,
Тувгъанда джыладым, ольгенде кулемен.

Эр акъшам, саба будур баш дуам:
«Танърым, бер магъа бир олюм яхшы!»

Дженазем огюнде джыйылсын коюм,
Эгильсин душманнынъ эгильмез башы,
Эгильсин душманнынъ эгильмез башы!..»

КЪАРАНГЪЫ, СУВУКЪ

Къарангъы, сувукъ...
Атеш джокъ, нур джокъ...
Мезарлар джувукъ, мезарлар джувукъ...

Булутлар кете,
Тавларгъа джете,
Бир сессиз кече, бир сессиз кече...

Тыгъыра къорай,
Шувулдай, джырлай,
Хатырым сорай, хатырым сорай...

Къырчыкълар, тавлар
Устюнде буз, къар,
Астында мезар, астында мезар...

Болса бир джылдыз,
Сюйгюли бир къыз,
Фатма, Сундюс; Фатма Сундюс...

Боламан бала,
Къайгъулы ана
Тёшегим сала, тёшегим сала...

Ушиймен, анай
Устюмни джапмай,
Мен оксюз малай, мен оксюз малай...

МУНДЕРИДЖЕ

Яшайыш уйгъунлыгъы (<i>Б. Г. Финкельштейн</i>).....	226
Сайгъылы окъуйджылар (<i>Дилявер Осман</i>)	227

НЕСИР

<i>Медиха</i> . Ватанда бир эв къурайым. Повесть.....	228
<i>Гульнара Усеинова</i> . Ифадели джевап. Икяе	245

НАЗМ

<i>И. Гаспринский</i> . Шиирлер.....	249
<i>Шерьян Али</i> . Шиирлер.....	251
<i>Аблязиз Велиев</i> . Шиирлер	254
<i>Эмине Усеин</i> . Шиирлер	257

КЛАССИК ЭДЕБИЯТЫМЫЗДАН

<i>Ашыкъ Умер</i> . Дестанлар	261
-------------------------------------	-----

ТЕРДЖИМЕЛЕР

<i>А. Поздняков</i> . Пушкин Къырымда. Макъале	267
<i>А. С. Пушкин</i> . Шиирлер. (Терджиме эткен О. Амит).....	270

ЭДЕБИЯТШЫНАСЛЫКЪ

<i>И. А. Керимов, Э. И. Хмельницкая</i> <i>И. Гаспринский</i> нинъ бедий фаалиети	274
--	-----

БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕНИНЪ 120 ЙЫЛЛЫГЪЫНА

<i>Дилявер ОСМАН</i> . Бир изин беринъиз, Юртума къайтайым... ..	285
<i>Бекир Чобан-заде</i> . Шиирлер	286